

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
кафедра истории и теории государства и права**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ: ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

**МАТЕРИАЛЫ V ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ
УЧАСТИЕМ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО
СОСТАВА, АСПИРАНТОВ И СТУДЕНТОВ**

(16 АПРЕЛЯ 2020 г.)

г. Симферополь 2020

«Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство»: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. - Симферополь: «КФУ им. В.И. Вернадского», 2020. – 401 с.

Настоящий сборник составлен по материалам V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов «Актуальные проблемы сравнительного правоведения: правовая система и современное государство», состоявшейся 16 апреля 2020 г. в г. Симферополе. В материалах нашли отражение актуальные вопросы трансформации правовых систем в мире, тенденций и перспектив развития правовых институтов в РФ и зарубежных странах, эффективности существующих в мире различных подходов по регулированию государственно-правовых отношений и др. Были рассмотрены проблемные аспекты российского и зарубежного права, вопросы глобалистики и национальных интересов государства, региональные интеграционные процессы и их влияние на право, проанализированы вопросы юридической практики и правовых технологии в юридической науке в условиях современного государства.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

СЕКЦИЯ 1

Правовые системы мира: эволюция и соотношение

УДК 340

Наумкина В.В.

доктор юридических наук, профессор кафедры
государственного права, директор института истории и права,
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.
Катанова»

ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА

В статье рассматривается использование понятия «правовой плюрализм» относительно правовой системы России. Проводится анализ широкого толкования плюрализма. Автор разграничивает возможность использования социальных регуляторов и наличие нескольких правовых систем на территории государства.

Ключевые слова: Правовая система, обычное право, правовой плюрализм.

Процессы глобализации привели противоречивым тенденциям. С одной стороны происходит «смещение» правовых систем [4, с. 7-10], с другой стороны характерна унификация социальных регуляторов. Независимо от глобализации сохраняется традиционное сознание индивида [10, с.143]. Исторически на территории российского государства действовали различные социальные регуляторы. В течение XIX-XX века государственная политика была направлена на распространение писаного права и вытеснение норм обычного права, религиозных норм и иных общественных регуляторов.

Возрождение социальных регуляторов началось в 90-е годы, в первую очередь были признаны обычаи в сфере хозяйственной сфере [6; 9]. Действие обычаев и религиозных норм исследователи рассматривают как наличие правового плюрализма в государстве [2; 11], не зависимо от степени распространения данных регуляторов и практики их официального признания. При этом очень часто понятие «правового плюрализма» связывают с правом народа на самоопределение, использование традиционных форм ведения хозяйства.

Правовой плюрализм используется для обозначения правовой ситуации, при которой сосуществуют две или более правовые системы в одном и том же социальном поле [1, с. 116], или наличие различных вариантов правоприменения [3]. При этом термин правовая система в научной литературе

используется в отношении государства [12,], субъекта / или части территории государства [5] и отношении отдельных регуляторов [3; 11].

Понятие «правовой плюрализм» рассматривается с позиции антропологического подхода и юридической социологии. В рамках этих подходов отрицается монизм в изучении права. Сторонники антропологического подхода изучают правовые системы как часть этнической культуры определенного общества. В данном случае наличие плюрализма выводится из существования особенностей правового регулирования статуса отдельных народов. Так, Н.И. Кочетыгова полагает, что «разработка теоретических и практических аспектов правового плюрализма особенно актуальна для России, где рост этнического самосознания населяющих ее народов нередко выступает в противоречие с позитивным законодательством» [7, с. 2-3].

Представители юридической социологии рассматривают правовой плюрализм как наличие независимой, и иногда эвентуально соперничающей с государственной правовой системы. В.П. Малахов и В.В. Суханов полагают, что «для современных развитых обществ, в рамках которых сложились правовые государства, принципом, определяющим характер, закономерности и динамику системы правовых пространств, является правовой плюрализм» [8].

Термин «плюрализм» обозначает многообразие. Правовое многообразие в виде одновременного сосуществования нескольких типов права в одном государстве невозможно. В настоящее время можно говорить только о некотором сближении различных типов права, которые могут характеризоваться наличием отдельных элементов (или отдельных регуляторов) из различных правовых систем в отдельно взятом государстве.

Совершенно справедливо отмечает В.Е. Чиркин, что право каждого отдельно взятого государства имеет системный характер. Такая «государственная правовая система» обладает единством социальной сущности и правового содержания, иначе право опровергало бы само себя [12, с.16].

Если говорить о российской правовой системе, то действие обычаев в сфере правового регулирования ограничивается законодательством. Действие обычного права не означает наличие в государстве правовой системы обычного права.

Поэтому правового плюрализма в виде одновременного действия в полном объеме различных правовых систем в Российской Федерации нет. В Российской Федерации можно говорить только об использовании различных источников права, причем их роль и действие распространяется неравномерно по территории РФ и кругу лиц. Правовой плюрализм следует понимать как наличие возможности использования различных регуляторов, но только по ограниченному кругу вопросов.

Список использованных источников:

1. Бабич И.Л. Формирование правового плюрализма в советское и пост советское время на Северо-западном Кавказе // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – М.: ИД «Стратегия», 2000. – С. 116-127.
2. Бирюков С.В. К вопросу о правовом плюрализме // Журнал российского права. 2016. № 2 (230). С. 15-26.
3. Бирюков С.В. Правовой плюрализм и юридическая деятельность // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 4 (33). С. 20-23.
4. Даниелян А.С. Смешанные правовые системы как результат конвергентности правовых традиций // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2015. № 2 (23). С. 7-10.
5. Доо А.М. Правовая система субъекта Российской Федерации - Республики Тыва // Теория и практика общественного развития. 2019. № 1 (131). С. 81-84.
6. Козлова В.Н. Понятие и способы санкционирования обычаев в российском праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-1 (26). С. 122-125.
7. Кочетыгова Н.И. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Инс-т истории и права РАН России. – М., 2007. – 226с.
8. Малахов В.П. Суханов В.В. Правовое пространство: монография. – М.: Моск. Ун-т МВД России, 2004. -172с.
9. Никиташина Н.А. «Обычное право»: проблемы терминологии / В сб.: Общество и право Мат-лы научно-практической конференции. Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Институт истории и права. 2006. С. 68-73.
10. Рахинский Д.В. Феномен глобализации в культурном и цивилизационном контексте // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 1 (46). С. 141-146.
11. Фатхи В.И. Идея правового плюрализма в контексте юридической этнологии // Философия права. 2007. № 1 (20). С. 27-31.
12. Чиркин В.Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм // Журнал российского права. 2015. № 8 (224). С. 14-24.

УДК 340

Гарчева Л.П.

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права,

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского»*

МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Рассмотрена роль и значение модельных актов в процессе унификации и гармонизации законодательства, сближения правовых систем на современном этапе. Проанализирован процесс подготовки и принятия модельных (рекомендательных) актов. Указано, что рост числа таких актов и расширение сфер правового регулирования оказывает положительное влияние как на совершенствование национального законодательства, так и на процесс сближения правовых систем в целом.

Ключевые слова: модельный закон, модельные нормы, модельное право, сближение правовых систем, унификация и гармонизация законодательства.

Сближение правовых систем является одной из важных особенностей современного мира, переживающего эпоху глобализации. Масштабные задачи, стоящие сегодня перед человечеством, порождают необходимость использовать опыт и потенциал различных правовых семей, совместно вырабатывать подходы к решению общечеловеческих проблем. Сближение правовых систем довольно сложный процесс, включающий в себя сближение, гармонизацию, унификации законодательства, принятие модельных законодательных актов. По мнению Ю. А. Тихомирова, модельные акты являются более высокой степенью унификации норм национальных законодательств [8, с.89].

На современном этапе роли модельных законодательных актов уделяется большое внимание. Вопросы, связанные с природой, основными характеристиками и особенностями международных модельных актов, содержащихся в них общепризнанных принципов, а также тенденции их развития и имплементации, довольно глубоко освещены как иностранными, так и российскими учеными. Данные проблемы раскрывают в своих работах и российские ученые Ю. А. Тихомиров, М. И. Пантыкина, Е. В. Шестакова, Ю. А. Королев, А. А. Каширкина, Р. А. Колодкин, Ю. С. Безбородов и др. этим проблемам посвящены также работы иностранных юристов, таких как Х. Кётц, Е. Крамер, Ч. Лоусон, М. А. Поллак, Г. Г. Шаффер.

Следует отметить, что понятие «модельный закон» включает в себя самые разнообразные законодательные акты. Это и регламенты, и директивы, и конвенции, и модельные законы, устанавливающие общие принципы регулирования, и законы, содержащие примерные нормы и вариативные положения, и рекомендательные резолюции, основные начала, общие принципы, главные положения и др. По мнению М.И. Пантыкиной, «в своей совокупности они составляют инструменты модельного законодательства или модельного права» [7].

В «Большом юридическом словаре» констатируется, что «модельный закон – это законодательный акт типового характера, содержащий нормативные рекомендации, а также варианты возможных правовых решений (иногда и пояснения к возможным вариантам, примеры) тех или иных вопросов определенной сферы общественных отношений» [2].

В Положении о разработке и принятии модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности указывается, что «Модельный законодательный акт ОДКБ – законодательный акт рекомендательного характера, принятый Парламентской Ассамблеей в установленном порядке, в целях сближения и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ, приведения его в соответствие с международными договорами, заключенными в рамках ОДКБ, и иными международными договорами, участие в которых государств – членов ОДКБ является желательным для достижения общих целей» [1.1].

В настоящее время появляется все большее количество таких актов в различных сферах правового регулирования, в практике взаимодействия государств модельные акты широко распространены. При этом они не являются

обязательными для национальных законодательных органов, но служат для них образцом, стандартом, ориентиром в законодательной деятельности по совершенствованию, унификации национальных правовых систем. Модельные (рекомендательные) акты, как правило, выступают в роли базы для разработки юридически обязательных международно-правовых норм. Они регламентируют вопросы, нормативно еще не урегулированные ни законодательством международных организаций, ни отдельных государств. В ряде случаев, как отмечает М. И. Пантыкина, модельные нормы используются государствами не только с целью унификации собственного законодательства, но и с целью его совершенствования, «помогают обнаружить деформации действующего локального законодательства, создать средства борьбы с влиянием консервативных и конъюнктурных факторов» [7].

Современной наукой создание модельного законодательства, в целом, оценивается положительно. Так, Е. В. Шестакова считает, что система модельного законодательства обладает свойствами "гибкости", позволяющими признать обязательность указанных норм государствам с различными историческими и правовыми традициями, «модельные нормы открывают значительный простор для регулирования как на локальном, так и на международном уровнях, обладают качеством всеобщности, подстраиваясь под специфику как общего международного права, так и локальных и партикулярных норм» [9]. О. П. Коровина утверждает, что использование модельного законодательства дает возможность выработать нормы качественно новые, более современные, учитывающие специфику современных имущественных отношений, так как государство, принимая их, имеет право частично их видоизменять, адаптировать к особенностям своей правовой системы, отменить в одностороннем порядке, если они окажутся малоэффективными [6]. Не имеющие обязательной силы документы «быстрее принять, легче изменить, они более просты для технических вопросов, которые могут потребовать оперативного или многократного пересмотра» [4]. Положительным моментом является и то, «что процесс модельного законодательства отвечает демократическим тенденциям, так как страны самостоятельно выбирают методы и степень имплементации модельного законодательного акта в национальное законодательство» [10, с.41].

А. А. Каширкина и А. Н. Морозов согласны с выводами зарубежных ученых Г. Г. Шаффера и М. А. Поллака, утверждавших, что международные рекомендательные акты обладают значительными преимуществами перед юридически обязательными международно-правовыми нормами, ибо «в отношении содержания международных рекомендательных актов государствам проще договориться; международные рекомендательные акты содержат более низкие «затраты» для суверенитета государства в чувствительных областях; обеспечивают большую свободу действий для государства; позволяют государствам быть более амбициозными и участвовать в более глубоком сотрудничестве, чем в случае, если бы они были связаны обязательными международно-правовыми актами; лучше учитывают разнообразие и специфику государств...» [5, с.137-138]. В связи с этим следует иметь в виду,

что принятые международными организациями модельные правовые нормы должны быть приемлемыми для большинства государств с учетом их реальных национальных законодательных интересов. При этом нельзя забывать и о таком факторе, влияющем на эффективность модельной рекомендации, как политический авторитет и эффективность международной организации, а также «качество, в том числе юридико-техническое, самих рекомендательных актов» [3, с.111].

Деятельность по разработке и имплементации модельных актов выступает одним из необходимых способов развития законодательства. Модельные (рекомендательные) законодательные акты разрабатываются и принимаются международными и региональными организациями. Это Организация Объединенных Наций, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Европейского Союза, Совета Европы, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), Таможенного союза и Единого экономического пространства. Могут создаваться такие акты и нормотворческими органами федерации (например, США, РФ).

Условия и порядок разработки и принятия модельных законодательных актов осуществляется по определенной процедуре. Модели создания подобных актов похожи на различных уровнях. В силу этого правомерным будет рассмотреть вопрос о создании норм модельного законодательства на примере «Положения о разработке и принятии модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности» [1].

Согласно Положения, разработку и принятие модельных актов международной или региональной организацией инициируют: парламенты (палаты парламентов) государств – членов этой организации; парламентские делегации Парламентской Ассамблеи; Совет Парламентской Ассамблеи; постоянные комиссии Парламентской Ассамблеи; Экспертно-консультативный совет при Совете Парламентской Ассамблеи; уставные органы ОДКБ.

Обращение в Парламентскую Ассамблею о необходимости разработки и принятия модельного акта ОДКБ должно содержать: - обоснование необходимости сближения и гармонизации законодательства по конкретному направлению правового регулирования с предварительной оценкой текущего состояния правового регулирования соответствующей сферы (области) общественных отношений в государствах – членах ОДКБ;- цели, задачи, прогнозируемую эффективность использования модельного акта ОДКБ в законодательстве государств – членов ОДКБ и примерную структуру модельного акта ОДКБ;- предложение о головном разработчике модельного акта ОДКБ или о составе рабочей группы по его разработке;- предложение о сроках разработки и представления проекта модельного акта ОДКБ в профильную постоянную комиссию Парламентской Ассамблеи [1, ст. 2.3].

Прежде, чем данные материалы поступят на рассмотрение в профильную постоянную комиссию Парламентской Ассамблеи, решение по ним должен

дать Экспертно-консультативный совет при Совете Парламентской Ассамблеи. По результатам рассмотрения профильная постоянная комиссия Парламентской Ассамблеи принимает решение о целесообразности разработки проекта модельного акта ОДКБ и включения его в Программу деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ по сближению и гармонизации национального законодательства государств – членов ОДКБ на очередной период (далее – Программа). На заседания профильной постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи приглашаются инициаторы разработки и принятия проекта для доклада своих предложений и их обоснования.

В Положении о разработке и принятии модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов четко определены требования к структуре и содержанию модельных актов ОДКБ. Прежде всего, требованиям Положения должны соответствовать вид, структура и содержание модельного акта. Нормативные установки модельного акта должны излагаться в виде статей, имеющих заголовки и порядковые номера. Структура и текст модельного акта должны обеспечивать логическое развитие предмета правового регулирования, быть логически и стилистически безупречными, рациональными по объему, с легко воспринимаемым смыслом. Они должны соответствовать правилам рабочего языка Парламентской Ассамблеи, не должны содержать устаревших, многозначных слов и выражений, эпитетов, метафор, сокращений и повторений текстов статей и пунктов. В отдельных случаях модельный акт может содержать несколько вариантов регулирования однородных отношений, дабы дать возможность выбора наиболее предпочтительных и целесообразных моделей правового регулирования общественных отношений. Учитывая многообразие национальных особенностей законодательных систем государств это имеет важное значение [1, ст. 4.8, 4.9].

После принятия Парламентской Ассамблеей Программы (внесения в нее изменений и дополнений) профильные постоянные комиссии Парламентской Ассамблеи осуществляют непосредственный контроль за ее реализацией, проводят на своих заседаниях обсуждение результатов деятельности рабочих групп или иных разработчиков, взаимодействуют с парламентами (палатами парламентов) и компетентными органами государств – членов ОДКБ. В случае необходимости профильные постоянные комиссии назначают проведение независимых научных экспертных исследований указанных проектов по социальным, экономическим, юридическим, военным, финансовым, политическим и другим аспектам [1, ст. 5.1; ст. 6.1].

Судьба рассмотренного и уже доработанного с учетом поступивших замечаний и предложений проекта модельного акта может быть различной. Профильная постоянная комиссия Парламентской Ассамблеи может принять решение: об одобрении проекта модельного акта и представлении его на рассмотрение пленарного заседания Парламентской Ассамблеи; о направлении проекта модельного акта ОДКБ на доработку; о признании нецелесообразной дальнейшую разработку проекта модельного акта ОДКБ [1, ст. 5.5].

Таким образом, мы видим, что процессу разработки и принятия модельных (рекомендательных) актов международными организациями уделяется не меньше внимания, чем обязательным законодательным актам.

Принятые и опубликованные модельные акты направляются в парламенты (палаты парламентов) государств – членов международной или региональной организации. Формы, в которых могут быть использованы модельные акты (в целом или отдельные их положения), определяются парламентами государств – членов данной международной или региональной организации. Это может быть: разработка и принятие на их основе новых внутригосударственных нормативных правовых актов; разработка на основе норм модельных актов новых законодательных и иных правовых положений, содержащих нормативные установки и внесение изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты; разработка и заключение международных договоров на основе принятых модельных соглашений; и др.

В современном мире модельное законодательство охватывает все больше сфер общественной жизни, предлагая оптимальные решения различных проблем их правового регулирования. Разработанный образец этих решений помогает законодателям государств устранять противоречия в содержании действующих и принимаемых нормативных актах, вовремя реагировать на изменившиеся глобальные и национальные условия.

Эффективность использования модельных законов на международном уровне во многом определяется политическими факторами, экономической обстановкой, взаимными потребностями и интересами участников правового регулирования, а также целями, определенными при разработке модельного акта [9]. В отличие от обычных законодательных актов, модельные нормы не могут быть применены непосредственно, официальную юридическую силу в границах государства они получают после принятия их национальным парламентом. Но, как утверждает М. И. Пантыкина, «несмотря на то что модельное право достаточно гибко и позволяет любому государству корректировать текст модельного закона в соответствии с особенностями национального права, эффект от его внедрения зависит от возможности адаптации и изменения локального законодательства, а также судебной практики в соответствии с новыми правовыми стандартами» [7], чему не всегда соответствуют правовые системы отдельных государств. Важно иметь в виду, что при использовании модельных актов «эффект от применения должен превышать издержки, необходимые для внедрения международных рекомендаций» [5, с. 140], но не все государства бывают готовы к таким вызовам.

Кроме того, в модельных актах не предусматриваются санкции за их нарушение, не формулируются цели, задачи и конкретные сроки их ратификации национальным правительством, отсутствуют обязательные юридические процедуры разработки, согласования и применения. Это позволяет не выполнять государствами взятых на себя обязательств и зачастую до применения их на практике дело не доходит [7].

Таким образом, роль и значение модельных актов для международного правопорядка является весомой, несмотря на их рекомендательный характер. Они призваны постепенно заполнять пробелы в законодательстве и приводить уже существующие нормы права в соответствие с выдвинутыми международными органами и организациями требованиями стандартами. Вопреки отмеченным недостаткам и трудностям в реализации, модельное законодательство, возникая в принципиально новых условиях в международном и национальном праве, являясь вспомогательным инструментом по сравнению с другими источниками права, выступает одним из необходимых способов развития законодательства, выполняет значительную роль в деле унификации и гармонизации законодательства, сближении правовых систем, консолидации на разных уровнях.

Список использованных источников:

1. Положение о разработке и принятии модельных законодательных актов, рекомендаций и иных правовых актов Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности / Принято на шестом пленарном заседании ПА ОДКБ, 28 ноября 2013 года, постановление № 6-11. С изменениями 24 ноября 2016 года, постановление № 9-6.3 - URL: <http://paodkb.coalla.ru/documents/polozhenie-o-razrabotke-i-prinyatii-modelnyh-zakonodatelnyh>
2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: Инфра, 2008. – URL: http://eknigi.org/gumanitarnye_nauki/148467-bolshoj-yuridicheskij-slovar.html
3. Бризкун К. А. О видах рекомендательных актов международных организаций и формах их влияния на национальное законодательство / Журнал российского права № 8 — 2010. – С. 111-119.
4. Демин А. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования. Монография. – URL: <https://www.libfox.ru/647880-4-aleksandr-demin-myagkoe-pravo-v-epohu-peremen-opyt-komparativnogo-issledovaniya-monografiya.html#book>
5. Каширкина А. А., Морозов А.Н. Международные рекомендательные акты в российской правовой системе: пределы и возможности использования / А. А. Каширкина, А. Н. Морозов // Журнал российского права № 2 — 2015. – С. 135-147.
6. Коровина О. П. Методы унификации в международном частном праве / О. П. Коровина // Автореф. Дис... канд. юрид. наук, М. 1988- 26 с.
7. Пантыкина М. И. Модельное право: проблемы теории и практики применения / М. И. Пантыкина Концепт. – 2014. – № 08 (август). – ART14210. – 0,5 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/14210.htm>
8. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. / Ю. А. Тихомиров // М.: Издательство НОРМА, 1996. – 432 с.
9. Шестакова Е. В. Модельное законодательство (Теоретико-правовые аспекты и практика применения): / Е. В. Шестакова. Дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01 Москва, 2006. - 203 с. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/modelnoe-zakonodatelstvo.html>].
10. Шестакова Е. В. Понятие модельного законодательства / Е. В. Шестакова // Право и государство: теория и практика. – 200. № 10. – С. 41

УДК 340

Демидова И. С.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории, истории государства и права и философии,
*ГБОУ «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»*

МНОГОУРОВНЕВЫЕ ТИПОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРАВОВЕДЕНИИ

В настоящей статье рассматривается проблема типологии национальных правовых систем, вопросы соотношения типологии и классификации в сравнительном правоведеии, определяются их познавательные задачи и принципы. Особое внимание уделяется многоуровневым типологиям, объектом которых являются не только правовые системы, но также правовые традиции, правовые сообщества, правовые культуры. Предпринимается попытка оценить методологические принципы таких типологий и их значение для компаративистики.

Ключевые слова: национальная правовая система, правовая традиция, типология правовых систем, классификация правовых систем, сравнительное правоведеии

Уникальность и своеобразие национальных правовых систем, с одной стороны, и наличие у них ряда общих черт, обусловленных множеством социальных, исторических, религиозных, юридических и иных факторов, процессами взаимодействия и взаимовлияния правовых культур в различных масштабах, а также тенденциями глобализации и унификации права, с другой, – стали причинами становления и развития сравнительного правоведеии, перехода от простого сравнения к целой отрасли научного знания, а также обусловили формирование новых тенденций внутри самой компаративистики как в отечественной науке, так и за рубежом. Среди таких тенденций – обращение к проблемам глобализации, аккультурации, правовых заимствований [4,6,10], изучение смешанных правовых систем, а также дальнейший поиск критериев классификации и построение новых схем типологии правовых сообществ различного уровня.

Классификация правовых систем современности традиционно охватывается предметом сравнительно-правовых исследований и служит задачам формирования своего рода «юридической географии мира» [12,с.36]. Необходимость в типологическом исследовании правовых явлений является результатом накопления определенного объема научных знаний, дальнейшее увеличение которого требует уже их «синтетического обобщения и приведения в определенную концептуальную систему» [14,с.56]. Обработка и систематизация научных знаний об изучаемом объекте предполагает использование различных приемов такого обобщения, среди которых особое место занимают методы классификации и типологизации, которые, основываясь на схожем логическом приеме деления множества объектов, тем

не менее, различаются по критериям, кругу решаемых задач, и, соответственно, степени обобщения и научной значимости результатов.

Типология представляет собой как метод научного познания, так и сам результат его применения и (в своей теоретически развитой форме) стремится отобразить строение исследуемой системы, выявить ее закономерности. В отличие от классификации, которая позволяет множество изучаемых объектов распределить по группам (классам), тем самым определив место каждого элемента во всем многообразии, выявить закономерные связи между ними, сформировать понятия о них, соответствующие каждой классификационной группе, типология позволяет решить больший спектр задач научного познания. Это, прежде всего, выявление системообразующих связей, организующих объекты в целостную органическую систему, определение существенных признаков явлений, образующих определенный тип, а также описание идеальной модели (конструкции) такого типа. Несомненно, типология предполагает и упорядочение объема знаний, и проведение типологической классификации, которая, в отличие от классификации как самостоятельного аналитического метода, уже основывается на последовательно проведенной типологии, когда изучаемое множество явлений распределяется по определенным типам. Соответственно, простые классификации могут предшествовать типологии, а типологические классификации составляют ее конструктивную часть.

Даже самая большая совокупность пересекающихся классификационных схем все же в теоретическом плане не представляет собой концептуальной системы [14,с.62-63]. Именно типология, с ее активным использованием приемов синтеза, абстрагирования и моделирования, позволяет создать синтетическую (системную) картину таких сложных объектов, какими являются правовые общности различного уровня объединения – от глобального (вся «правовая карта мира»), до уровня правовых групп внутри правовых семей.

Логически стройная типология должна строиться на основе определенных принципов, обеспечивающих правильный выбор критериев построения типологической системы. В научной литературе предлагается следующая система принципов [11,с.5]: а) единство основания, используемого в качестве основы выделения типов, б) соразмерность деления, что предполагает полный охват суммой полученных подмножеств всего объема классифицируемых явлений, в) взаимное исключение друг друга объектами, отнесенными к разным типам, г) непрерывность деления, т.е. недопустимость пропуска правовой общности более высокого уровня в системе выделяемых типов.

В классических концепциях классификации национальных правовых систем основным уровнем их обобщения были правовые семьи, которые охватывали группы национальных правовых систем, обладающих общей историей формирования, а также общностью ряда юридических характеристик (особенности юридического мышления, специфика правовых институтов, структура права, источники права и их токование и т.п.). Идеологические факторы (религия, философия, юридическая доктрина) рассматривались с

учетом того влияния, которое они оказали на процесс формирования определенной инфраструктуры права, системы его источников и т.п.

Что касается типологии правовых систем, то она проводилась в более глобальном масштабе – как типология права – и опиралась либо на формационный, либо на цивилизационный подход к описанию закономерностей формирования и развития всей общественной системы. Соответственно, сложилось два основных направления, объясняющих связи такой глобальной типологии и сравнительно-правовой классификации. В первом случае речь шла о внутритиповой классификации, то есть подчеркивалось единство общего, особенного и единичного, выраженного в категориях «исторический тип права» – «правовая семья» – «национальная правовая система» [13,с.52]. Во втором случае можно увидеть явно выраженную дихотомию «Восток-Запад» [2,с.8], которая стала причиной обоснования уникальности правовых систем разных типов и необходимости ограничения их взаимодействия, но при этом имела преимущественно европоцентристское содержание.

Как справедливо отмечается в научной литературе, единственной реально существующей формой общности национальных правовых систем являются их группы [5,с.114]. А их дальнейшее объединение в семьи – это не «биологическая реальность», а скорее дидактическая единица, которая используется для выявления сходства и различия систем действующего права [3,с.20], особенно учитывая персональный, нежели территориальный, характер отдельных правовых систем (мусульманской, дальневосточной и др.). Более того, в ряде работ делается вывод об относительной независимости юридических и неюридических признаков, а также подчеркивается необходимость отказаться от абсолютизации производственных отношений, религии, этноса, языка или географического региона. Соответственно, правовая семья выходит за рамки типа (исторического при формационном подходе, либо культурно-исторического – при цивилизационном) [1,с.23], то есть признается межтиповой общностью.

Усложнение системы изучаемых объектов (в нашем случае – национальных правовых систем и различных их сообществ), выявление новых связей между ними и отмеченные тенденции к сближению правовых систем и взаимопроникновению определенных их элементов обусловили создание новых типологических моделей, представляющих собой попытку комплексного, всеобъемлющего описания правовой картины мира. Многие современные исследования в области сравнительного правоведения предлагают осуществлять типологию национальных правовых систем последовательно на различных уровнях их объединения в правовые сообщества. При этом наряду с категорией «правовая семья» используются и иные понятия для обозначения правовых систем определенного типа (подтипа) – «правовые традиции», «правовые культуры» и др.

Наиболее показательны в этом плане широко известная типология Кр. Осакве, а также отличающиеся достаточно оригинальным подходом типологии В.И. Лафитского и С.А. Марковой-Мурашовой. В частности, Кр. Осакве в

своих трудах подчеркивает необходимость осуществлять типологию правовых систем на трех уровнях [9,с.33]: на первом уровне макроклассификации правовые системы делятся на религиозные и нерелигиозные (по критерию религиозной ориентации), на втором – нерелигиозные правовые системы делятся на западные и незападные (по критерию правопонимания). Далее автор переходит на уровень микроклассификации, используя комплекс правовых критериев, и выделяет в западной правовой традиции романо-германское, англо-американское и скандинавское право. При этом объектом первых двух уровней классификации являются правовые традиции, а объектом микроклассификации – правовые системы (в широком понимании, как правовые семьи). Что характерно, три уровня деления фактически проходят правовые семьи лишь западной правовой традиции. Для религиозных семей – комплексного правового критерия не разработано, автор называет их в соответствии с видами религий, расположив все на одном уровне классификации (мусульманское, еврейской, католическое и индусское право). Особняком также стоят семьи незападного права и квазизападное социалистическое право.

Типология В.И. Лафитского основывается на объединении правовых семей на основе религиозных традиций, т.е. общности духовных (этических) ценностей. Соответственно этому автор выделяет на первом уровне типологии правовые сообщества, объединенные общностью духовных ценностей, и те, которые строятся на их отрицании [7,с.98-109]. На втором уровне типологии, соответственно, выделяются восемь сообществ, основанных на христианской, мусульманской, индуистской, буддийской, иудейской, конфуцианской, синтоистской и языческой традиций права, а также два сообщества бездуховных правовых систем (тоталитарного и технократического сообществ). И наконец, на третьем уровне типологии речь уже идет о правовых семьях и группах правовых систем, которые объединяются общими национальными и историческими корнями, едиными целями, структурно-функциональными и стилевыми особенностями права. В частности, в сообществе христианской традиции права автор выделяет семьи романо-германского, англосаксонского, скандинавского, латиноамериканского и славянского права.

Связь религии и права берется за основу макроклассификации правовых систем и в работах С.А. Марковой-Мурашовой, которая объединяет правовые семьи в религиозные и светские правовые группы [8,с.138-187]. Светская группа на втором уровне классификации включает в себя подгруппы общностей позитивного и традиционного права. А позитивное право (уже на третьем уровне классификации) - охватывает нормативные, прецедентные и смешанные правовые общности. На следующем – четвертом уровне (микроклассификации), объектом исследования являются непосредственно правовые семьи.

Характерной чертой изложенных многоуровневых типологий правовых систем является использование собственно юридических критериев деления лишь на уровне микроклассификаций, а также обращение к иным объектам исследования (правовым традициям, правовым сообществам, правовым

общностям), которые выходят за пределы коллизии темпоральных, географических и персональных характеристик правовых систем, основываясь на духовных (религиозных, идеологических) факторах. При этом многоуровневая типология способна лишь в том случае представить целостное описание сложного юридического мира, если последовательно строится на всех методологических принципах, которые должны выполняться на каждом уровне деления и отражать закономерные связи объектов этого уровня. Учитывая множественность уровней такой типологии, можно также указать на недопустимость межуровневого и одноуровневого пересечения объектов, а также на симметричность деления внутри типов одного уровня.

Очевидно, что подобная типология национальных правовых систем позволяет учитывать на различных уровнях сравнения как социально-культурные, так и детерминируемые ими юридические характеристики правовых систем, что, несомненно, выводит на новый качественный уровень компаративистику в свете современных тенденций развития права в национальном, региональном и глобальном масштабе.

Список использованных источников:

1. Агафонов В.А. Методологические основы типологии и классификации национальных правовых систем // Юридический вестник РГЭУ. 2006. №1.
2. Азнагулова Г.М. Типология современных правовых систем // Право и государство: теория и практика. 2013. №3 (111).
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999.
4. Демидова И.С. Понятие правовой традиции в сравнительном правоведении и вопросы типологии национальных правовых систем // Вестник Российской правовой академии. 2016. №3.
5. Егоров А.В. Правовая компаративистика и сравнительное изучение правовых систем // Вестник Полоцкого государственного университета. 2012. №5.
6. Коданева С.И. Прошлое, настоящее и будущее сравнительного правоведения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2019. №3.
7. Лафитский В.И. Сравнительное правоведение в образах права. Т.1. М., 2010.
8. Маркова-Мурашова С.А. Национальная правовая система России и типология правопонимания. Дисс... д.ю.н. СПб., 2006.
9. Осакве К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части. М., 2002.
10. Правовая политика и ценности права. История и современность. М., Саратов, 2016.
11. Рожкова Л.П. Принципы и методы типологии государства и права. Автореф... дисс. к.ю.н. Л., 1977.
12. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение. М., 2006.
13. Саидов А.Х. Типология и классификация правовых систем современности // Правоведение. 1985. №2.
14. Сильченко Н.В. Роль и место понятия «типология» в понятийном аппарате общей теории государства и права // Право и правотворчество: вопросы теории. М., 1982.

УДК 340

Иващенко Е. С.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МОРСКОМ СТРАХОВАНИИ В КОНЦЕ XIX - начале XX века

В данной работе рассмотрен процесс развития международных и отечественных норм права, посвященных регулированию морского страхования. В работе упомянут различные редакции Йорк-Антверпенских правил, Гамбургские правила, Гаагские правила, Брюссельская конвенция, закон 1906 г. Великобритании, серия декретов Советов Народных Комиссаров, соответствующие инструкции Госстраха.

Ключевые слова: морское страхование, нормативные акты, конвенции, правила, декреты, инструкции

Морское страхование – одно из важнейших частей морского права насчитывающее многовековую историю. Некоторое время, как известно, морское страхование развивалось самостоятельно заинтересованными сторонами, т.е. без вмешательства со стороны государств. Однако необходимость унификации существовавших норм и правил, в связи с бурным ростом морской торговли как отрасли экономики привело к тому, что уже в XIV веке появляются первые попытки закрепить договор морского страхования законодательным путем.

Не удивительно, что в условиях начала глобализации мировой экономики к концу XIX – началу XX в. практически все государства мира не только обратили внимание на развитие этой отрасли права, но и проблеме соотношения национальных и наднациональных правил.

Российская империя, как известно, не стала разрабатывать в данном вопросе свои нормы, а позаимствовала Гамбургские правила 1868 г. Именно поэтому первоначальная форма морского полиса всех русских акционерных обществ имела своей основой Гамбургские правила 1868 г. [1, с. 7]. Следует указать, что эти правила были положены в основу морского страхования не только в России, но и в Германии, Швеции, Дании, Норвегии.

С разработкой и внедрением в 1919 г. Общих Германских правил морского страхования, эти нормы были востребованы и советским Госстрахом, который предусмотрел возможность их применения в некоторых случаях.

Кроме указанных Гамбургских и общегерманских правил особое значение для развития морского страхования послужили Йорк-Антверпенские правила 1890 г. (18 правил); Антверпенское правило 1903 г.; Йорк-Антверпенские Правила 1924 г.

Гаагские правила 1921 г., определяющие объем рисков, принимаемых перевозчиком по коносаментам при морской перевозке [2, с. 62-67]; их сменила несколько доработанная Брюссельская конвенция 1922 г. [2, с. 68-69].

Особо следует упомянуть о законе о морском страховании Великобритании 1906 года. Важность его проистекает от роли этой страны в мировой морской торговле. Следует также указать, что до 1906 г. правовым базисом английского морского страхования был широко известный «полис Ллойда», первая редакция которого относится к 1779 г., однако и последующие от оригинала не слишком отличались. Особенности английского права привели к тому, что в стране появилось слишком много комментариев к полису, что совершенно запутало ситуацию.

Закон 1868 г. – The Policy of Marine Assurance Act не затронул договора страхования в целом. Закон же 1891 г. – Stamp Act посвящен только фискальным вопросам. В результате англичанам создать новый, единый закон так и не удалось, а закон 1906 г. – это результат кодификационной работы, однако, изложенной понятным языком, для его в нем есть приложение. А вот старое доброе обычное право, даже с принятием нового закона в Англии так и не отменили (пар. 91, 2) [3].

В приложениях также разместили требования к форме полиса, естественно по Ллойду, а также правила его составления [3, с. 36-40].

Очевидно, следует также указать, что основу советского морского страхования заложили такие декреты СНК как «О производстве расчетов по общей аварии (диспаш) от 29 октября 1920 г. [4] и «О производстве расчетов по общей и частной аварии (диспаш)» от 17 октября 1921 г. [5].

28 ноября 1918 года, Совнарком издал декрет «Об организации страхового дела в Российской Республике» [6]. Согласно его положениям, все частные страховые общества и компании в Российской Империи ликвидировались, а их имущество и финансы перешли в собственность государства. С этого момента страхование во всех его видах стало монополией государства.

6 октября 1921 г. издан декрет СНК «О государственном имущественном страховании», а в составе Наркомата финансов создано Главное управление государственного страхования – будущий Госстрах СССР [7].

В его развитие 6 июля 1922 г. принят декрет «О государственном страховании». Им государственное страхование следовало производить на основе коммерческого расчета, а Главное Управление Государственного Страхования переименовывалось в Главное Правление Государственного Страхования (Госстрах) (п. 1), с общим руководством со стороны Наркомфина и собственного правления с председателем.

И, что важно для настоящего исследования, главному правлению Госстраха предоставлялось право заключать с особого разрешения Наркомфина договоры по страхованию и перестрахованию своих рисков в иностранных страховых обществах и по принятию от последних их рисков в перестраховании, для чего открывать за-границей отделения и агентуры (п. 12) [8].

Не смотря на полное огосударствление всего страхового дела в СССР, Госстрах в своей деятельности вынужден был, как минимум на начальном этапе, полностью выстраивать свою работу соответственно принятым на себя

международным обязательствам и стандартам. В подтверждение тому приведем такие опубликованные документы как «Инструкция аварийным комиссарам (первод с Инструкции аварийным Комиссарам, изданной Международным Транспортно-Страховым Союзом) [9]; «Инструкция о порядке ликвидации морских убытков и об исполнении функций аварийного комиссара» [10], а сней и «Акт осмотра и экспертизы грузов (Аварийный сертификат)»; «Инструкция о работе аварийных комиссаров Госстраха» [11].

Безусловно, что иначе Госстрах не смог бы работать на внешних рынках, и только четкое следование мировым правилам позволило ему прийти к тесному сотрудничеству с такими компаниями как:

- 1.Black Sea and Baltic General Insurance Co., Ltd., - London.
- 2.Schwazmeer und OstseeTransportversicherungs-AktienGesellschaft – Berlin.
- 3.DeutscheVers. A. G. Berlin (Alsensee).
- 4.Berlin-FrankfurterA.V.A.G.
- 5.AlbingiaV.G. – Hamburg.
- 6.Vers. Ges. «Hamburg»- Hamburg.
- 7.Die Danzig V.A.G. – Danzig.
- 8.SüddeutscheRückvers. A. G. – München.
- 9.Assecuranz Union von 1865.
- 10.Mannheimer V. G. – Mannheim.
- 11.BadicheAssecuranz A. G.
- 12.BayarischeVersicherungsbank A. G.
- 13.ElFenixSüdam. Comp. Nac de Reas. B’ Aires.
- 14.AssicurazioniGenerali – Triest& Roma.
- 15.LaFederaleCompanieAnonymed’ Assurances (Zürich).
16. ConcordatoAssicukatoriTransporti, Genoa.
- 17.ComiteEspagnol de AsergurodoresMartimmos – Barelona.
18. «Providentia» A.V.G. – Berlin.
- 19.Vorisikringsaktienseeskabet«National». – Copengagen.
20. BaslerTransport-V. G. – Basel.
- 21.MutnaAssececuarariceCotoni. – Milano.
- 22.AgripinaKonzern.

Список использованных источников:

- 1.Э.Я. Линденбрaten и С. Н. Долгов. Морское страхование. Часть 1-я. – М.: Издание Главного Правления Государственного Страхования, 1924. – 47 с.
- 2.Морское страхование. Часть 2-я. – М.: Издание Главного Правление государственного Страхования, 1924. – 69 с.
- 3.Английский закон 1906 года о морском страховании. Перевод с английского Х. А. Горкиной. – Петроград: Типогрфия А. Бенке, 1916. – 41 с.
4. Собр. Узак. За 1920 г., №87, ст. 433.
- 5.Сбор. Узак. За 1921 г., №70, ст. 567.
- 6.Декрет СНК 28 ноября 1918 г. «Об организации страхового дела в Российской Республике». URL:
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18550#09602817248983628>

7. Декрет СНК 6 октября 1921 г. «О государственном имущественном страховании».

URL:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=9878#01272561729802304>

8. Декрет СНК 6 июля 1922 г. «О государственном страховании». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1354.htm

9. Инструкция аварийным комиссарам (первод с Инструкции аварийным Комиссарам, изданной Международным Транспортно-Страховым Союзом). – М.: Тип. Госстраха, 1925. – 35 с.

10. Инструкция о порядке ликвидации морских убытков и об исполнении функций аварийного комиссара. – М.: Тип. Госстрах, 1929. – 16 с.

11. Инструкция о работе аварийных комиссаров Госстраха. – М.: Госфиниздат, 1938. – 7 с.

УДК 340

Денисенко Н.В.

УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

СМЕНА ПОЛА ПО ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПРАКТИКЕ СТРАН АНГЛОСАКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА

В статье рассматривается судебная практика стран англосаксонской системы права по вопросам смены пола. На основе анализа выделяются критерии определения гендерной принадлежности. Делается вывод о необходимости разработки единого акта, решающего проблемные вопросы при смене лицом пола.

Ключевые слова: транссексуалы, смена пола, половая принадлежность, судебная практика, брак.

С появлением процедуры смены пола актуальным стал вопрос о том, с какого момента лицо начинает принадлежать противоположному полу и возможно ли вообще изменение пола, данного человеку при рождении.

Судебная практика стран англосаксонской системы права характеризуется наличием достаточно большого количества дел, затрагивающих семейные отношения лиц, сменивших половую принадлежность. С целью уяснения проблем, возникающих при смене пола и их устранения в отечественной судебной практике, необходимо обратиться к анализу судебных прецедентов.

Одной из первых вопросов о принадлежности лица к определенному биологическому полу задалась британская юстиция при вынесении решения по делу *Corbett v. Corbett* (1971 г.) [1]. Фабула данного дела заключалась в том, что барон А.К. Корбетт инициировал признание собственного брака с Э. Эшли незаконным, поскольку, как выяснилось, Э. Эшли была до 1963 г. мужчиной (Дж. Джемисоном), изменив затем пол хирургическим путем. Судья Р. Ормрод при рассмотрении данного дела пришел к выводу, что биологический пол индивидуума является фиксированным с момента рождения и не может быть изменен ни естественным развитием, ни медицинскими средствами. При этом суд выделил три биологических критерия, определяющих

пол человека: хромосомный, гонадный и генитальный. При несовпадении данных критериев, т.е. в случаях, когда хромосомный пол человека не совпадает с гонадным и (или) генитальным или наоборот, судья предложил принимать во внимание в большей степени генитальный критерий.

На наш взгляд, мнение Р. Ормрода не является верным, поскольку хирургическое изменение пола сопровождается также гормональной терапией и изменением документов, а также психологическим состоянием лица, что в совокупности приводит к полному «превращению» человека в лицо противоположного пола.

Таким образом, критериями определения пола, на наш взгляд, являются генитальный, гормональный, психологический и документальный, то есть изменение пола в течение жизни возможно.

Для британской юстиции в признании психических (а также иных, кроме хромосомных) детерминант пола стало исключительно важным решение по делу *Bellinger v. Bellinger* (2003 г.) [2], в котором, несмотря на отказ признать законным брак между мужчиной и женщиной, подвергшейся операции по смене пола (т.е. ранее бывшей мужчиной), судом было высказано недовольство, адресованное парламенту, поскольку последним до того времени не были приняты меры, направленные на законодательное урегулирование проблемы транссексуалов. После принятия судом данного решения, а также ряда дел, инициированных в отношении Соединенного Королевства в Европейском суде по правам человека, в Великобритании в 2004 г. был принят Акт о признании пола (*Gender Recognition Act*). Указанный Акт детально регулирует вопросы, возникающие в связи с определением или изменением пола человека, в таких областях, как регистрация и обработка персональных данных, брак, материнство (отцовство), социальная защита (в том числе пенсии), дискриминация, спорт, смена пола за рубежом, преступления, специфичные для определенного пола, и др. [3, с. 38].

На наш взгляд, указанные сферы, а также исполнение воинской обязанности являются наиболее проблемными с правовой точки зрения в случае смены лицом пола. Поэтому принятие Великобританией акта, разрешающего регулирование данных вопросов, может служить положительным примером для регулирования как белорусского, так и российского законодательства.

Следует отметить, что детальный учет психологических факторов при определении пола человека стал причиной того, что прецедентная практика Новой Зеландии и Австралии, несмотря на свою историческую близость британской, пошла по пути последовательной критики критериев, выработанных в деле *Corbett v. Corbett* (1971 г.). Так, в решении по делу *New Zealand Attorney General v. Family Court at Otahuhu* (1994 г.) [4] Верховный суд Новой Зеландии отметил, что брак представляет собой социальный контракт, для которого большее значение имеет социальная и психологическая идентификация лица, а не его хромосомный набор, играющий роль при репродукции человека. Кроме того, установление запрета на браки между лицами, сменившими пол, и лицами пола, противоположного вновь

приобретенному, значило бы по существу разрешение вступления в брак лицам одного пола, что само по себе лишает смысла смену пола, как таковую. Суд также указал, что с того момента, как транссексуал был подвергнут операции по смене пола, он уже не может действовать как обладатель изначального(перемененного) пола.

Решение Верховного суда отражает высказанное нами ранее мнение о важности не столько хромосомного набора, сколько психологической идентификации лица.

В Австралии суды неоднократно отказывались применять критерии судьи Ормрода в *Corbett v. Corbett* (1971 г.) – (например, решения по делам *Rv. Harris and McGuiness* (1988 г.) [5] и *Secretary, Department of Social Security v. SRA* (1993 г.) [6]). В итоге Семейный суд Австралии в деле *In re Kevin* (2003 г.) [7] единогласно принял решение о необходимости установления пола человека на момент вступления в брак, а не на момент рождения с учетом самоидентификации, гендерного восприятия, имевшихся гормональных и хирургических вмешательств.

Вопрос определения пола человека и, следовательно, его прав, вытекающих из гендерного статуса, привлек внимание международного правосудия в 1986 г., когда Европейским судом по правам человека было рассмотрено дело *Rees v. The United Kingdom* (1986 г.) [8]. Фабула данного дела заключалась в том, что лицо, бывшее женщиной на момент рождения (Брэнда Маргарэт Риз) и страдавшее расстройством половой идентификации, после проведенного лечения по перемене пола, став Брэнданом Риз, обратилось к Генеральному регистратору с тем, чтобы изменить запись о поле с женского на мужской. Однако на основании сложившегося понимания пола в Великобритании, указанному гражданину было отказано в изменении соответствующей записи в регистре. Обращаясь в Европейский суд по правам человека, Б. Риз просил признать, что нарушены его права, закрепленные ст. 8 Европейской конвенции, предусматривающей право каждого на уважение своей частной жизни и невмешательство в нее без достаточной на то необходимости. Суд, отказывая в таком признании, исходил из того, что в отсутствие консенсуса государств – членов Совета Европы по данному вопросу его решение следует отнести к компетенции национальных властей.

Этот случай ещё раз подчёркивает, что отсутствие надлежащего законодательного регулирования реализации права человека на смену пола приводит к необходимости таких лиц прибегать к механизмам защиты прав человека сначала на национальном, а затем и на наднациональном уровне.

Сходные решения затем были приняты Судом по делам *Cossey v. The United Kingdom* (1990 г.) [9], *X, Y and Z v. The United Kingdom* (1997 г.) [10], *Sheffield and Horsham* (1998 г.). В деле *Sheffield and Horsham* (1998 г.) при принятии решения об отсутствии нарушения ст. 8 Конвенции аргументация основывалась на отсутствии общего европейского подхода к определению последствий, которые может повлечь легальное признание перемененного пола в таких областях, как брак, отцовство (материнство), защита персональных данных и т.д.

Однако в 2002 г., когда вопрос признания прав транссексуалов вновь был поставлен перед Европейским судом по правам человека в деле *Cristine Goodwin v The United Kingdom* (2002 г.) [11], последний принял решение пересмотреть имеющуюся прецедентную практику с тем, чтобы дать надлежащую интерпретацию применению положений Конвенции в свете сегодняшнего дня. Суд отметил, что, несмотря на возражения Великобритании, лицо, сменившее пол, вынуждено в данной стране подвергаться административной процедуре, которая сама по себе может привлекать внимание к его (лица) статусу. Более того, диссонанс между социальным положением транссексуала и законодательным отказом признать его вновь приобретенный пол вызывает чувство уязвленности, унижения и тревоги, что не может считаться “небольшим неудобством”.

Показалось также странным то, что Великобритания, разрешая государственное финансирование операций по смене пола, а также искусственные инсеминации лиц, живущих с транссексуалами, отказывает в признании вновь приобретенного пола. Такое положение лиц, подвергшихся смене пола, хотя и не достигает уровня ежедневного вмешательства в их дела, выработанного Судом в деле *B. v. France* (1992 г.) [12], является, однако, недопустимым с учетом современного положения вещей в мире. Данное заключение позволило Суду сделать вывод о нарушении государством ст. 8 и 12 Конвенции. Важно также отметить, что среди прочих выводов Европейский суд по правам человека в деле *Cristine Goodwin v The United Kingdom* (2002 г.) высказал сомнение относительно того, что хромосомный элемент, среди прочего, должен иметь решающее значение для целей правового признания гендерной принадлежности лица.

Таким образом, Суд косвенно указал, что полчеловека не определяется исключительно хромосомами.

Права лиц с расстройствами половой идентификации становились также предметом рассмотрения Европейского суда справедливости, который в делах *P v Sand Cornwall County Council* (1996 г.) [13], *K.B. v NHS Pensions Agency* (2004 г.) [14], *Richardson v Secretary of State for Work and Pensions* (2006 г.) [15], пришел к выводу о том, что действующие нормативные акты Европейского союза в целом предполагают для транссексуалов такой же уровень защиты от дискриминации, как и для иных лиц.

Действительно, транссексуалы обладают всеми правами, которые провозглашены во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г., Международном пакте о социальных, экономических и культурных правах 1966 г. Следовательно, они имеют право и на защиту своих прав независимо от каких-либо признаков.

Проанализировав прецеденты стран англосаксонской системы права, можно сделать следующие выводы:

1) критериями определения пола, на наш взгляд, являются генитальный, гормональный, психологический и документальный, то есть изменение пола в течение жизни возможно;

2) с целью разрешения вопросов, связанных с пенсионным обеспечением, воинской обязанностью, уголовной ответственностью и т.д. необходима разработка единого законодательного акта, разрешающего вопросы правопреимства лиц, сменивших пол, и регулирующего указанные проблемы.

3) отсутствие надлежащего законодательного регулирования реализации права человека на смену пола приводит к необходимости таких лиц прибегать к механизмам защиты прав человека сначала на национальном, а затем и на наднациональном уровне.

Список использованных источников:

1. Corbettv. Corbett [1971] P83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-20271-2_4. – Дата доступа: 23.03.2020.
2. Berlingerv. Berlinger[2003]2 AC 467 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01418030410001694422?journalCode=rjsf20>. – Дата доступа: 23.03.2020.
3. Салагай, О. О. Дефиниция биологического пола человека в международном и национальном праве / О.О. Салагай // Государство и право. – 2011. – № 6. – С. 34-40.
4. Attorney-GeneralvOtauhuhuFamilyCourt [1995] 1 NZLR 603[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj.org/sogicasebook/new-zealand-attorney-general-v-family-court-at-otahuhu-high-court-of-new-zealand-30-november-1994/>. – Дата доступа: 23.03.2020.
5. RvHarrisandMcGuinness (1988) 17 NSWLR 158 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nswlr.com.au/view/17-NSWLR-158>. – Дата доступа: 23.03.2020.
6. Secretary, Department of Social Security v SRA (1993) 118 ALR 467[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jade.io/article/212502>. – Дата доступа: 23.03.2020.
7. InreKevinS. (2003)// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/california/court-of-appeal/2003/b164799.html>. – Дата доступа: 23.03.2020.
8. Rees v. the United Kingdom, 17 October 1986, Series A no. 106.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://swarb.co.uk/rees-v-the-united-kingdom-echr-17-oct-1986/>. – Дата доступа: 23.03.2020.
9. Cossey v. the United Kingdom, 27 September 1990, Series A no. 184.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/cases,ECHR,3ae6b6fd17.html>. – Дата доступа: 23.03.2020.
10. X, Y and Z v. the United Kingdom, 22 April 1997, Reports of Judgments and Decisions 1997-II.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.refworld.org/cases,ECHR,3ae6b69010.html>. – Дата доступа: 23.03.2020.
11. Christine Goodwin v. the United Kingdom [GC], no. 28957/95, ECHR 2002-VI.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#%7B%22itemid%22:%5B%22001-60596%22%5D%7D>. – Дата доступа: 23.03.2020.
12. B. v. France, 25 March 1992, Series A no. 232-C.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2013/10/B-France-1992.pdf>. – Дата доступа: 23.03.2020.
13. P v. S and Cornwall County Council (Case C-13/94) //European Court reports. 1996. P. I-02143.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61994CJ0013>. – Дата доступа: 23.03.2020.
14. K.B. v NHS Pensions Agency (Case C-117/01) //European Court reports. 2004. P. I-00541.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62001CJ0117>. – Дата доступа: 23.03.2020.

15. Sarah Margaret Richards v Secretary of State for Workand Pensions (Case C-423/04) // 17.6.2006 EN Official Journal of the European Union C 143/13.[Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=63901&pageIndex=0&doclang=EN&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=6933335>. – Дата доступа: 23.03.2020.

УДК 340.1

Подзноев А.И.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ СРАВНИТЕЛЬНО - ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В работе рассматриваются основные этапы эволюции англо-саксонской правовой системы. Исследуются вопросы формирования правовой системы США и Великобритании, рассматриваются основные исторические факторы, которые повлияли на формирование правовых систем этих государств.

Ключевые слова: США, Великобритания, право, правовая семья, правовая система.

Правовая семья - широкая совокупность национальных правовых систем, которые объединяет общность источников права, основных понятий, структуры права и исторического пути его формирования. Термин был введен в оборот немецким ученым Готфридом Лейбницем в 1667 году. Существуют две семьи: англосаксонская и романо-германская. США и Великобритания относятся к англосаксонской. Она получила свое распространение в большей степени благодаря колониальной экспансии Англии в Новое время. Не удивительно, что практически все государства, принадлежащие к этой правовой семье когда-то были колониями Соединенного Королевства: Канада, Австралия, Новая Зеландия и др. Однако в силу особенностей развития конкретной страны их системы имеют как схожие так и различные черты. Цель работы - выделить общее и различное этих государств, а также рассмотреть эволюция права, как Соединенных Штатов, так и Британии, поэтому предлагаю затронуть соотношение правовой системы Англии и США.

В работах ученых, относительно формирования правовой системы Великобритании, как правило, выделяют 4 этапа в ее эволюции. Первый - англосаксонский. Этот период исторически ограничивается Норманнским завоеванием Англии в 1066 г. Его характеризуют обычаи и законы варваров. Несмотря на то, что в это время существовала римская Британия, на праве это никак не отразилось. Это связано с тем, что римляне, будучи завоевателями, устанавливали отношения завоевателей - завоеванных, поэтому римское право в большей степени регулировало отношения между самими римлянами. Важной вехой стало принятие Англией христианства в 696г. Это явление закрепило сильную королевскую власть, что означает, что в качестве

источников права на первый план вышли королевские указы, церковные акты и т.д.

Следующий этап - становление общего права. Был создан суд графства, а также его подразделения, которые назывались судами сотни. Однако до сих пор не было четкого правового инструмента для решения судебных дел. Существовал дуализм между общим правом и правовыми обычаями. При рассмотрении дела ответчик мог настоять на решении дела по обычаям данной местности, тем самым отлагая общее право. Однако для этого требовалось подтверждение жителей местности о наличии такого обычая. Лишь ближе к 15 веку общее право стало выше чем правовой обычай.

Третий этап - общее право и право справедливости. После того, как общее право стало олимпом правовой системы Англии начали проявляться его недостатки: формализм и слишком узкий круг решаемых вопросов. Следует отметить, что судебной властью обладал и король. В случае недовольства решением суда общего права люди обращались к королю. Его решения и называются правом справедливости. Со временем полномочия короля по решению судебных дел перешли канцлеру, что нередко вызывало конфликт между двумя судебными звеньями. Эта распря привела к тому, что в Англии официально оформились два источника права: общее право и право справедливости, выступавшее скорее сателлитом к общему, то есть уточняя его.

Наконец, последний этап - современный. В 1832г. произошло важное событие: Избирательная реформа. Это сигнализировало о реальных переменах, в английском обществе. Избирательная реформа и рост активности населения в политической жизни страны дало толчок развитию письменного права и вектор его развитию. В 1873г. реформа учредила Высокий суд, упразднив различия между судами общего права и судами справедливости. Также стоит отметить и вступление Великобритании в ЕС. На территории Великобритании право ЕС имело более высокую юридическую силу, чем национальное законодательство. Позже был издан специальный акт, интегрирующий отдельные правовые акты в систему права Соединенного королевства(Акт о правах человека). Однако, как известно 31 января 2020 года Великобритания покинула Европейский союз, а значит и его нормы автоматически перестали применяться на территории государства. Таким образом, можно подытожить, что правовая система Великобритании до сих пор развивается при сохранении исторической преемственности.

Если мы говорим о США, то долгое время современные штаты являлись колонией Англии. Некоторые из них по типу Вирджинии были созданы еще в начале 17 века. Прибывшие поселенцы привезли с собой английские судебные уставы и различные правовые положения. Любопытный факт, что в некоторых колониях, принадлежащих Голландии действовало голландское право, однако позже оно было вытеснено британским. В ходе войны за независимость в 1776 году Америка провозгласила независимость. Уже в 1787 году была введена в действие Конституция США. Верховный суд получил монополию на ее толкование. Помимо этой функции у этого судебного органа была и другая: учет и сбор статистики судов низшей инстанции для

формирования судебных прецедентов, а также для формирования строго контроля за судебной властью всего государства. Несмотря на то, что очень долгое время Америка де-факто жила по английскому праву, в США право справедливости и общее право было объединено ранее, чем в самой Британии. Именно американские суды стали вводить в действие и применять на практике так называемые «запретительные приказы», которые вырабатывались системой справедливости параллельно с остальными процессуальными составляющими. Таким путем и была сформирована казуальная система прецедентного права, включившая в себя как право справедливости, так и общее право США.

Также важной вехой в эволюции права Соединенных штатов является укрепление примата федерального права над правом штатов. Однако тут есть одно "но". Суды, решая споры должны были руководствоваться не только конституцией, но и судебной практикой штата.

Немалую роль в формировании американского права сыграли и юристы, а в частности Дэвид Дадли Филд. Именно его авторству принадлежат проекты уголовного, гражданского, а также гражданско-процессуального и уголовно-процессуального кодексов. Также именно он подготовил кодексы гражданского и уголовного судопроизводства для штата Нью-Йорк. Этот проект послужил фундаментом для формирования отраслевого законодательства в рамках отдельного штата. Особый подход к формированию права уже после обретения независимости позволил этому государству выстроить во многом непохожую на другие государства систему права.

Самым очевидным сходством этих двух правовых систем является наличие прецедентного права и его большая значимость. В Англии это связано с исторической преемственностью, общее право существует там десятки веков. В США важнейшей причиной является относительно узкий круг вопросов, регулирующихся Конституцией. Несмотря на то, что к главному документу государства было издано 27 поправок, в целом сама конструкция осталась той же, а с учетом того, что за 233 года страна сильно трансформировалась, это не могло не сказаться на эффективности ее применения. Благо эти пробелы заполняются внутренним законодательством страны, законодательством штатов, а также судебными и правовыми прецедентами. Кроме того стоит отметить отсутствие четкого деления права на частное и публичное, это свойственно всей англосаксонской правовой системе в принципе, в отличие от романо-германской. Из правовых прецедентов формируется процессуальное право, которое и в США, и в Великобритании во многом определяет материальное право. Еще стоит отметить Конституцию. Как известно, в Англии нет конституции, однако нет ее юридически, потому что фактически вместо нее существует совокупность особых актов. Получается, что хочу подчеркнуть фактически, Конституции существуют в обеих странах, а это - сходство их правовых систем. Важно затронуть и общие источники права. Безусловно важным источником является правовая доктрина. В конце 18 века труд У. Блэкстона "Комментарии к законам Англии" оказывал значимое влияние на правовую систему только сформировавшегося государства Америки и его судебную практику. В Великобритании свою роль сыграли труды Кока,

Блэкстона и др. Кроме того к общим источникам права можно отнести и международные договоры. Это Всеобщая декларация прав человека, конвенция о запрещении химического оружия и др., однако с той лишь поправкой, что в США конституцией не установлено четкого соотношения обычного права с международным, как, например, в России. Если анализировать иные источники права, то можно упомянуть торговые обычаи, которые относятся к обеим странам. Наиболее известным примером является ИНКОТЕРМС - словарь, обеспечивающий однообразное толкование наиболее распространенных торговых терминов. К прочим схожим можно также отнести подзаконные акты ведомств, частные правовые сделки.

Таким образом, различий у правовых систем этих стран довольно большое количество. Первое и самое очевидное – наличие Конституции. В Англии Конституция неписаная, то есть существует фактически и представляет собой совокупность актов особой важности. К таким актам можно отнести: Акт о парламенте, изданный еще в 1911г., Акт о министрах короны, Акт о народном представительстве и Акт о местном управлении. В США же Конституция писаная, то есть де-юре существует, она действует еще с 1787 г. с 27 поправками. Кроме этого к отличиям можно отнести и самостоятельность судов Америки по сравнению с Соединенным Королевством. Суды штатов не должны обязательно ссылаться на прецеденты других штатов, а могут принять свое, собственное. Это связано с государственно-территориальным устройством государств: в США федеративная система, в Британии унитарная. В федеративную систему упирается и система законодательства Америки. Существует трехуровневая вертикаль законов: федеральные законы, законы штатов и местные законы. В Великобритании такого деления нет, что также связано с ее унитарной формой территориально-государственного устройства. Еще одним безусловным отличием является наличие в США особого правового института - контроль судов за конституционностью законов. Высший конституционный контроль, очевидно, принадлежит Верховному суду США. Конституционный контроль в рамках штата, соответственно, принадлежит судам штатов. Кроме того, конституционный контроль - не единственная функция судов. Они также осуществляют контроль за применением норм общего права, а также дают толкование Конституции. Абсолютно любое решение суда может быть отменено, если его признали противоречащим нормам конституции. Суды могут давать толкование соответствующим конституциям: Верховный суд США - Конституции США, суд штата Нью-Йорк - конституции Нью-Йорка и т.д. Отличительной чертой права Англии является особый источник: "разум". В научной литературе нет четкого определения этого понятия, однако некоторые исследователи дают толкование понятию как поиск решения, соответствующего действующему праву в случае отсутствия прецедента.

Таким образом, несмотря на мнимую близость правовых систем, которая выражается в принадлежности к одной правовой семье, исторической связанности, государства имеют существенные различия. Их действительно

роднит система, базирующаяся на прецедентном праве, однако в силу национальной, исторической, ментальной специфики они разнятся.

Список использованных источников:

1. Правовые системы современного мира. Марченко М. Н. 2008г.
2. Правовая система США. Шумилов В.М. 2006 г.
3. Теория государства и права зарубежных стран. Крашениникова. Н.А. 2009 г.
4. История государства и права США. Бельсон Я.М. Ливанцев К.Е. 1982 г.

УДК 340.1

Бальский А. В.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им В. И. Вернадского»*

СРАВНИТЕЛЬНО - ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО И РИМСКОГО ПРАВА

Данная статья направлена на исследование источников права, которые послужили толчком в развитии нормативно правовой системы, и вошли в фундамент, основу многих законодательных актов современных государств. Такими источниками являются древнееврейское право и римское право.

Ключевые слова: Талмуд, Библия, Тора, древнееврейское право, римское право, правовые обычаи.

Римское и древнееврейское право – правовые источники двух народов, а также представители двух географически разных территорий, Европы и Востока. Как и все нормативно правовые акты, данные два акта формировались постепенно и не возникли на ровном месте, формировались они из обычаев, норм права возникающих на подсознательном уровне, переходящих из поколения в поколение, немаловажную роль сыграла религиозная часть, так как в основе данных двух актов были религиозные источники, различные священные писания и религиозные традиции предков. Исходя из этого, важной частью является исследование данных источников, так как они дают нам понятие того, с чего началось, зародилось право и как некогда религиозные традиции, обычаи народов перешли в кодифицированные сборники нормативно правовых актов и стали фундаментом для источников права современных государств.

Древнейшее право еврейского народа заняло исключительное место в мировой правовой истории [6, с. 1]. Древнееврейское право берет свои истоки с древнейших времен, а именно с библейской эпохи. Право евреев вошло в основу не только Израильского царства Давида X века до нашей эры и в конечном итоге после его распада в основу Израильского (северного) царства и Иудейского (южного) царства, но и в дальнейшем, в связи с еврейской диаспорой, повлияло на формирование нормативно правовых актов других Восточных и Европейских государств, так как на то время еврейское право

было по истине актуальным и инновационным. На протяжении всей своей истории евреи в своей деятельности опирались на религиозные нормы, так как с этим народом непосредственно связана Библия. Именно Библия имеет фундаментальную роль в формировании древнееврейского права. В современном виде Библия представляет собой собрание разнообразных по форме и содержанию древних произведений, создававшихся на протяжении огромного исторического периода XIII века до н. э. по II век и.э. Библия состоит из двух частей: Ветхого Завета, сложившегося в дохристианскую эпоху и Нового Завета, написанного идеологами раннего христианства на древнегреческом языке [4, с. 44]. Немаловажную роль в древнееврейском праве также занимал такой источник как Тора.

Тора считается источником праведных знаний, а сие изучение приравнивается еврейским законом к самой высшей заповеди. Тора была не в единственном формате, а с комментариями к ней, которые также играли немаловажную роль, так как комментарии поясняли те или иные положения самой Торы и давали толкование еврейскому народу в тех или иных ситуациях. Сие Священное писание включало в себя 613 заповедей, но даже такое количество заповедей не могло полностью регулировать жизнь еврейского народа. Комментарии к Торе были не кодифицированными, а имели устный характер. Другое название Торы – Письменный закон [4, с. 45]. Однако, самым содержательным и объемным источником древнееврейского права был Талмуд. Талмуд представляет собой религиозный текст, свод правил, основанных на толковании Библии. Талмуд регулировал правовые, брачно-семейные отношения и быт евреев. Талмуд был действительно всеобъемлющим сборником канонических юридических трактатов и было мало лиц, кто мог полностью наизусть истолковать его.

Еврейское право было и есть самобытное право, евреи исповедовали уникальную на то время монотеистическую религию иудаизм и были сверх религиозны. Евреи действительно чтит память предков и поклонялись их традициям. Это объясняет то, почему когда те или иные древние народы лишались государственности, их правовые системы, обычаи и традиции постоянно теряли свою силу и исчезали, тогда как еврейское право продолжало существовать и развиваться как право самобытности, независимое даже после того, как еврейская государственность перестала существовать [5, с. 13].

Следующая система права является не менее уникальным для того времени, – речь пойдет о римском праве. Римское право было непохожим на все другие существующие правовые системы, так как право данного города-государства основывалось на равенстве всех перед законом и судом. В данной системе права констатировался тот факт, что государство является юридическим посредником в правоотношениях граждан Рима [3, с. 7]. Римская правовая система сложилась в период с VIII в. до н. э. по VI в. до н. э. Как и все нормативно правовые акты, которые были созданы в период до нашей эры, римское право основывалось на обычаях, нормах права, возникающих и субъектов на подсознательном уровне. Обычаи были религиозными, традиционными, исходящими от предков и переходивших из поколения в

поколение. В римском праве существовало два вида права – писаное и неписаное. Писаное право – это закон и другие нормы, исходящие от правотворческих органов, комиций, магистратов и так далее. Неписаное право – это нормы, складывающиеся непосредственно в практике. Если такие сложившиеся на практике правила поведения людей не получают признания и защиты от государственной власти, они остаются простыми обычаями, то есть бытовыми, а если обычаи признаются и защищаются государством, они становятся юридическими обычаями, составляют обычное право, а иногда государственная власть придает им форму закона. [2, с. 2]. Сами обычаи были древнейшими, фундаментальными источниками римского права. Обычные источники права в римском праве также как и в древнееврейском праве можно разделить на несколько видов. Первый вид – это обычаи, переходящие из поколения в поколение от предков, в основном они стали фундаментом правового общения римского права и законов двенадцати таблиц. Обычаи предков назывались *more maiorum*, но позже, с дальнейшим развитием права обычаи предков стали терять свое было значение.

Дальше следует рассмотреть такой вид обычаев, как деятельность магистратов (*commentarii magistratum*). Судебные магистраты, руководившие рассмотрением споров, в условиях ограниченного количества законов, формализма, вырабатывали определенные методы разрешения конкретных юридических и гражданских споров, которые затем воспринимались их преемниками и принимали характер уже правового обычая [2, с. 5]

Следующий вид обычаев – обычаи жрецов, которые представляли собой свод религиозных обычаев, которые обладали высокой юридической силой в иерархии источников права, так как Римское государство было в некоторой степени теократией. Обычаи жрецов – это источники права, которыми пользовались представители духовенства в Риме и которые переходили из поколения в поколение. Такой обычай носил название *commentarii pontificum*. Примечательно то, чтобы источник права в римском праве приобрел статус обычая, он должен был просуществовать в неизменном виде на протяжении сорока лет.

Исходя из всего вышесказанного, на основе проведенных исследований и сравнений, можно сделать вывод о том, что предшествовало и что стало основой законодательных актов современных государств мира. Римское право легло в фундамент развития гражданских кодексов многих европейских государств, где все субъекты равны перед законом и судом, таким правовым актом является конституция Российской Федерации, которая гласит данную норму в статье 19. А древнееврейское право стало фундаментом для правовой системы государств востока, в том числе и Израильского государства. В ходе данного исследования интересно наблюдать как обычные нормы, традиции и религиозные нормы постепенно распространялись по всему миру в виде нормативно правовых актов.

Список использованных источников:

1. Библия. – Москва, 1992 год. – 617 с.
2. Вологдин А. А. Римское право, 2015. – 251 с.
3. Капустин М. Институции римского права, 1880. – 392 с.
4. Кащенко С. Г., Кравчук О. А. Источники еврейского права, 2014 г. – 57 с.
5. Кащенко С. Г., Таран П. Е. Право в древнееврейском государстве [Электронный источник]. URL: <http://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2015/12/006kaschenko.pdf> (дата обращения: 03.03.2020)
6. Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права, 2000. – 339 с

УДК 340.1

Ульянов А.Ю.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В данном исследовании автор проводит сравнение правовых систем Федеративной Республики Германии и Российской Федерации в рамках романо-германской правовой семьи, выделяя основные сходства, различия, этапы исторического развития правовых систем этих стран. Автор рассматривает этапы исторического развития правовых систем Германии и России, исследует факторы и особенности оказавшие влияние на становление правовых систем данных стран. Автор анализирует основные сходства и различия правовых систем Германии и Российской Федерации, и степени влияния на них римского права.

Ключевые слова: право, правовая семья, правовая система, ФРГ, Россия.

Вопросам исследования правовых систем мира в сравнительно-правовом аспекте посвящено достаточно трудов ученых юристов-правоведов, например, таких, как М.Н.Марченко, Б.Н. Топорнин, С.В.Тюленин, О.Е. Кутафин, В.С. Основин и других авторов в области государства и права.

Рассмотрение в сравнительно-правовом аспекте правовых систем Германии и России, которые являются представителями единой романо-германской правовой (континентальной) системы, представляет особый интерес. При исследовании данного вопроса необходимо обратить внимание на следующие аспекты: этапы исторического развития правовых систем Германии и России, а также сходства и различия правовых систем данных стран.

Понятие «правовая система» исследовалось многими авторами и среди всех авторов, на наш взгляд, наиболее полное определение дает С.В.Тюленин, который говорил: «Правовая система - это совокупность юридических норм, принципов, институтов, совокупность правовых учреждений, совокупность правовых взглядов, идей, представлений.» В Мире существует две самые многочисленные правовые системы: романо-германская и англосаксонская.

Романо-германская правовая система сложилась в странах континентальной Европы (например, Германия, Австрия, Швейцария, Россия), а также в Японии и странах Латинской Америки. Романо-германская правовая система основывается на римском праве. Страны Европы в XII-XIII веках испытывали всплески экономической активности, развитие сельского хозяйства и торговли, появление городов и замену натурального хозяйства товарно-денежными отношениями, что требовало соответствующего законодательства. Поэтому от юристов требовалось адаптировать основы римского права времен Юстиниана под существующую реальность. Необходимо отметить, что главным признаком романо-германской правовой системы является то, что основным источником права является нормативно-правовой акт. Также характерной особенностью данной правовой системы можно считать иерархическое построение системы источников права, в которой высшей юридической силой обладает конституция. Романо-германская система обладает свойством отраслевой кодификации с целью упорядочивания материала. Романо-германская правовая система разделяет публичное и частное право, отдает приоритет материальному праву над процессуальным правом. Суды в романо-германской правовой системе применяют и толкуют право, но не создают его [1, с. 280-300].

Англосаксонская правовая система установилась в Англии и странах, которые раньше были ее колониями (США, Канада, Австралия, Индия, Новая Зеландия). Данная правовая система появилась в X веке, когда происходило активное правотворчество королевскими судами. Суды вырабатывали решения, которые являлись общеобязательными для всех. Эти судебные прецеденты формировали общую право-единую систему судебных прецедентов, вырабатываемых при разрешении дел судами. Необходимо отметить, что в странах англосаксонской правовой семьи существует система нормативно-правовых актов, которые вступают в действие при наличии соответствующих судебных прецедентов, однако именно судебные решения являются главными источниками права. Важными особенностями англосаксонской правовой системы являются отсутствие деления на публичное и частное право и приоритет процессуального права над материальным [1, с. 391-407].

Необходимо рассмотреть этапы развития правовых систем рассматриваемых государств. На первом этапе развития правовой системы России вся законодательная власть принадлежала монарху, который не всегда лично принимал участие в правотворчестве, делегируя полномочия создаваемым им органам. Таким образом, право исходило от государственной власти, которая уже тогда старалась уменьшить воздействие обычного права на общественные отношения с помощью писаного права. В этот период появляется Русская Правда, Судебники 1497 и 1550 годов, Соборное уложение 1649 года, в которых уже тогда происходили попытки систематизации действующего законодательства и деление права на отрасли [2, с. 23-94].

Вторым этапом в истории развития правовой системы России можно считать период, когда произошло окончательное разграничение права на уголовное и гражданское. Данный период начался в XIX веке, и многие его

нововведения и улучшения государственно-правовой системы основываются на идеях талантливого государственного деятеля М.М.Сперанского. Он первым заговорил о необходимости распределения обязанностей между органами государственной власти. Именно идеи Сперанского позволят в будущем претворить в жизнь принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Также в этот период происходит переход законодательных полномочий от монарха к представительному органу. XX век был обусловлен созданием Государственной Думы. Но необходимо отметить, что роль нового государственного органа была незначительной, ведь император, по-прежнему, сохранял широкие полномочия в сфере законодательства, ведь все законы, принятые Государственной Думой, должны были быть одобрены и подписаны монархом, он обладал правом абсолютного вето и мог распустить Думу в любой момент. Также в этот период происходит разделение права на частное и публичное, однако этот процесс происходил позже, чем в странах континентальной Европы [2, с. 264-265, 277-278].

Третьим этапом в истории развития правовой системы России является советский период. Данный период характеризуется переходом законодательной власти Съездам Советов СССР, которые позже будут реорганизованы в Верховный Совет СССР. Необходимо отметить, что в Советском государстве публичное право доминировало над частным, тем самым закреплялся примат государственных интересов над интересами личности. В это время правовая система России основывалась на идеях марксизма-ленинизма, происходило вмешательство руководящей партии в правотворчество и применение права. Также необходимо отметить зависимость судебной системы от партийного руководства. В этот период предпринимались попытки кодификации законодательства, а также была принята первая официальная Конституция России — Конституция РСФСР 1918 года, работа над которой дала опыт и юридические навыки советским ученым для создания будущих Конституций, что, безусловно, оказало влияние на дальнейшее правотворчество нашей страны [2, с. 311-319].

Четвертый этап исторического развития правовой системы России произошел после распада Советского Союза. Конституция РФ 1993 года закрепила демократичный характер правовой системы, ее социальную направленность. На данном этапе происходит закрепление прав и свобод человека и гражданина как важнейшего приоритета деятельности органов государственной власти. Также протекает процесс взаимодействия международного и внутреннего права, в результате которого общепризнанные нормы международного права оказывают сильное влияние на законодательство РФ. Происходит формирование гражданского общества [2, с. 421-428].

Первым этапом в истории развития правовой системы Германии можно считать XII век, когда происходило накопление, систематизация, осмысление и обобщение правового материала. Именно в это время происходит зарождение самой романо-германской правовой системы. Происходит строительство городов, развитие и усложнение экономических отношений, ремесла, судостроения и сельского хозяйства, что требовало соответствующего

законодательства для регулирования данных отношений. В этот период церковь начинает оказывать сильное влияние на государственную власть, развивается каноническое право, что приводит к ослаблению государственной власти и сопротивлению ей со стороны князей. Необходимо отметить, что уже в XI веке каноническое право содержало в себе нормы уголовной, гражданской, брачно-семейной и наследственной отраслей права. Раздробленность государства и нарастание внутренних противоречий являлись препятствиями для создания единой правовой и судебной системы[3, с. 245-252].

Вторым этапом в истории развития правовой системы Германии является период с XII по XIX века, когда происходит распространение идей христианства, оказавших сильное влияние на все сферы жизни общества. В XVI-XVII веках происходит борьба за власть, в ходе которой было свержено римско-папское ярмо. В XVII веке происходит зарождение школы естественного права. В этот период появляются идеи о необходимости справедливости закона, приоритете прав и свобод человека в любом государстве. Происходило развитие городского права [4, с. 124-142].

Третьим этапом в истории развития правовой системы Германии можно считать период с XIX века и по настоящее время. Он выделяется особой значимостью закона в системе источников права и выраженным характером доктрины. Происходит принятие кодексов и конституций из-за усиления роли государства во всех сферах жизни общества. Протекает процесс развития парламентаризма и укрепление в сознании людей идей о справедливости, всеобщем равенстве и братстве. Также происходит деление права на публичное и частное. В основе публичного права находится общественный интерес, который охраняется государством и регулирует взаимоотношения между органами государственной власти, должностными лицами, населением и государством. В основе частного права находятся интересы частных лиц, и оно направлено на регулирование взаимоотношений между физическими лицами. Необходимо также отметить, что некоторые акты, принятые еще в эпоху Веймарской республики, с некоторыми изменениями продолжают действовать и сегодня в Германии, поэтому некоторые законы носят название “имперские”[5, с. 113].

Первое сходство правовых систем Германии и России заключается в том, что в обеих странах высшей юридической силой обладает Конституция, на основе которой принимаются все остальные нормативно-правовые акты. Второе сходство правовых систем двух стран выражается в наличии двухпалатного парламента в каждой из них, который выполняет законодательные функции. Третьей общей чертой правовых систем данных стран является деление права на публичное и частное. Четвертым сходством данных правовых систем является единая иерархическая система источников права.

Первое различие в правовых системах России и Германии заключается в том, что буржуазно-демократическая концепция складывалась в Германии постепенно и равномерно, а в России-с помощью коренных изменений. Вторым различием правовых систем данных стран является то, что в России действует

современный ГК, а в Германии — гражданское уложение 1896 года, которое сочетало в себе все лучшие идеи германского и римского права, с определенными современными дополнениями. Также в России ГК находится в ведении Российской Федерации, следовательно, субъекты не могут принимать законодательные акты в сфере гражданского права, в отличие от Германии. Отсюда вытекает третье различие, которое заключается в неравномерном влиянии римского права на правовые системы России и Германии.

Таким образом, можно заметить, что российская правовая система в формально-юридическом аспекте в какой-то степени близка к континентальной правовой семье. В содержательном, сущностном отношении между ними существует большая разница. Также наблюдаются различное историческое развитие правовых систем двух стран и неоднородное влияние римского права на них.

Список использованных источников:

1. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. — Москва, Проспект, 2001. — 535 с.
2. История отечественного государства и права : учебник / отв. ред. И. А. Исаев. — Москва : Проспект, 2012. — 432 с
3. История государства и права зарубежных стран: Учебник И90 для вузов: В 2 ч. Ч. 1 / Под общей редакцией д. ю. н., проф. О. А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. — 2-е изд., стер. — Москва: Норма, 2004. — 624 с.
4. История государства и права зарубежных стран: Учебник И90 для вузов: В 2 ч. Ч. 2 / Под общей редакцией д. ю. н., проф. О. А. Жидкова и д. ю. н., проф. Н. А. Крашенинниковой. — 2-е изд., стер. — Москва: Издательство НОРМА, 2003. — 720 с.
5. Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. — Москва, Спарк, 2001.— 767 с.

УДК 340.115.6

Ларина Н.Д.

*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского»*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СКАНДИНАВСКОЙ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ГРУПП ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Работа посвящена вопросу становления и развития правовых систем смешанного типа. Автор проводит сравнительный анализ на примере скандинавской и латиноамериканской групп правовых систем с точки зрения их различий в механизме сочетания элементов континентального и англосаксонского типов систем обусловленного особенностями формирования исторического характера.

Ключевые слова: Правовая система, сравнительное правоведение, латиноамериканская группа правовых систем, скандинавская группа правовых систем, правовая традиция.

Классическая теория сравнительного правоведения знает три основные правовые системы мира: англосаксонскую (Великобритания, Северная Ирландия, США и т.д.), романо-германскую (преимущественного

западноевропейские государства), или континентальную, а также мусульманскую (страны Ближнего Востока). Иногда к ним также добавляют философскую правовую систему (Япония и другие государства Азии). Указанные правовые системы представляются образцовыми, наиболее устоявшимися и довольно подробно изученными.

В современный период развития теоретических и практических основ государства и права большой интерес представляют правовые системы смешанного типа, сложившиеся в результате проведения колониальной политики, а также преемственности одними государствами законодательной базы и правовых традиций других государств.

Цель данных тезисов заключается в сравнительно-правовом анализе скандинавской и латиноамериканской групп правовых систем как наиболее явного примера правовых систем смешанного типа. Для начала, необходимо дать определение понятий «правовая система смешанного типа» и «правовая система» в наиболее общем понимании данного термина.

Правовая система – это совокупность взаимосвязанных, согласованных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения, а также элементов, характеризующих уровень развития той или иной страны [1].

Правовая система смешанного типа представляют вид правовых систем, сочетающий элементы правовых систем континентального и англосаксонского типов и охватывающий североевропейскую (скандинавскую) и латиноамериканскую группу правовых систем [2].

Скандинавская группа правовых систем, согласно географическому признаку, сформировалась на территории государств Северной Европы (Норвегия, Швеция, Дания и т.д.). Историческая особенность данной правовой системы заключается в использовании фундаментальных положений как романо-германской, так и англосаксонской систем, выраженная в восприятии старогерманского права и отсутствия рецепции римского права.

Среди основных характеристик анализируемой системы сходство с романо-германской проявляется в следующем: отсутствие доктрины правового прецедента, принцип верховенства закона, общие юридические концепции в контексте закрепления законодательной базы.

Что касается англосаксонской правовой системы, то к общим ее чертам необходимо отнести наделение судебных органов привилегией свободного рассмотрения и правом толкования юридических предписаний, схожие правила регламентации уголовного и гражданского процесса. Кроме того, кодексы стран Северной Европы не объединяют нормы для комплексного урегулирования однородного типа правоотношений, а объединяются отдельными частями по тематическому основанию.

Необходимо отметить, что профессиональное юридическое сообщество стран Северной Европы отвергает французскую и германскую модели кодификации законодательства (элементы романо-германской правовой традиции), ссылаясь на их отвлеченный, абстрактный характер [3]. Можно сказать, что в отношении кодификации указанное сообщество более склонно

воспринимать англосаксонские традиции. Для скандинавской группы правовых систем приоритетное значение имеют горизонтальная конкретизация и унификация законодательной базы в кодексах.

Таким образом, подчиняясь указанной тенденции, унификации подверглись, к примеру, брачно-семейное и наследственное, договорное и деликтное, торговое и морское право [3].

Следующий пример правовой системы смешанного типа – латиноамериканская группа правовых систем (страны центральной и южной Америки). Уникальность её состоит в том, что указанная группа переняла в процессе своего формирования и развития правовые традиции следующих систем: англосаксонской, романо-германской (преимущественно, французские, португальские и испанские правовые традиции), аборигенной (индейской, племенной) [3]. Исключение из этой группы правовых систем представляет Куба, поскольку в её пределах действует традиции социалистического права. Так же к государствам, на территории которых господствует латиноамериканская правовая система смешанного типа, нельзя отнести страны Карибского бассейна, ранее имевшие статус колоний Великобритании (преобладают англосаксонские правовые традиции).

Отметим, что формирование правовой системы бывших центрально - и южноамериканских колоний Испании складывалось на основе принципа компромисса и смешения доколониальных и колониальных правовых порядков. Испанские власти провели кодификацию законодательства своих колоний, что является обязательным элементом романо-германской правовой системы, однако, при этом, несмотря на запрет, действующими представлялись и правовые элементы аборигенной правовой системы, основанные на племенных обычаях местных жителей.

В процессе своего формирования в латиноамериканских группах правовых систем произошел следующий раскол: одни государства, в большей степени, восприняли испанские и португальские правовые традиции, тогда как другие (Гаити, Мексика, Боливия), ссылаясь на непринятие колониальной политики Испании и Португалии, переняли основы правовой системы от Франции, опираясь на Гражданский Кодекс Наполеона 1804 года.

Особое место в правовой системе латиноамериканских стран отведено конституционному праву, поскольку данная отрасль права, преимущественно, складывалась с опорой на образцы англосаксонской правовой системы, в частности, практически главную роль в данном процессе сыграли образцы США (федеральная Конституция США 1787 года с учетом поправок, конституции отдельных штатов, «Статьи Конфедерации» США 1781 года) [3].

Подводя итоги всего выше сказанного, отметим, что скандинавская и латиноамериканская группы смешанных правовых систем имеют ряд принципиальных различий в механизме сочетания элементов континентального и англосаксонского типов систем. В первую очередь, основное отличие обусловлено историческим путем их формирования. Скандинавские системы сформировались посредством тесного взаимодействия стран Северной Европы со странами Западной Европы, а также за счет своей географической

обособленности этих государств в пределах Скандинавского полуострова. Что же касается латиноамериканских правовых систем, то их формирование обусловлено активной колониальной политикой ряда европейских стран (Испания, Португалия, Франция), влиянием конституционно-правовых обычаев и образцов стран англосаксонской правовой системы (в большей степени, США), а также сохранением местных правовых традиций.

Как мы отметили, ещё одно существенное различие заключается в способе кодификации законодательства, поскольку, к примеру, страны Латинской Америки, за счет прохождения исторических испанских, французских и португальских путей законодательной систематизации, придаёт ей намного большее значение в характере романо-германских традиций, чем страны Северной Европы, профессиональное юридическое сообщество которых считает подобные способы кодификации абстрактными и отдаёт предпочтение тенденциям конкретизации и унификации законодательства.

Список использованных источников:

1. Бошно С.В. Современные правовые системы // Право и современные государства / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-pravovye-sistemy/viewer> (дата обращения: 28.03.2020)
2. Гойман-Калинский, И.В. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие / И.В. Гойман-Калинский, Г.И. Иванец, В.И. Червонюк ; под общ. ред. Червонюка В.И. – М.: КолосС, 2003. – 544 с.
3. Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Типология смешанных правовых систем // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-smeshannyh-pravovyh-sistem/viewer> (дата обращения: 28.03.2020)

СЕКЦИЯ 2

Актуальные исследования правовой и исторической науки: сравнительно-правовой аспект

УДК 340.5, 336.02, 347.19

Финогентова О.Е.

д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права

Белая О.В.

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса, директор Центра
правовых исследований высоких технологий

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

СПЕЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РАЙОН КАК ЗОНА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ: РОССИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ОПЫТ

Анализируется российский опыт введения на территории острова Октябрьский в Калининградской области и острова Русский Приморского края правового режима специального административного района. Проводится сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Гонконга об участниках специального и особого административных районах, предъявляемых к ним требований и критериях. Выявляются схожие и отличительные особенности установления налоговых преференций.

Ключевые слова: специальный административный район; международная компания; международная холдинговая компания; инвестиции; налоговые льготы

С 2018 года в Российской Федерации созданы два специальных административных района (далее – САР) – остров Октябрьский в Калининградской области и остров Русский в Приморском крае. Законодатель при создании САР преследовал цель – формирование привлекательной среды для иностранных и российских инвесторов. Отмечалось, что положительные блага от создания САР получают и сами регионы, в которых вводятся такие правовые режимы, с учетом их геополитического расположения, а именно получит ускорение их социально-экономическое развитие [1].

Следует оговориться, что САР – это не офшор, но для его участников предполагаются определенные налоговые преференции и валютное регулирование.

С учетом того, что САР – это новый вид правового режима в российской юрисдикции, представляется полезным проанализировать опыт введения похожих правовых режимов на территории других государств, и прежде всего, Китая, а именно особый административный район Гонконг.

Начиная с 1997 г. в соответствии с Совместной китайско-британской декларацией, суверенитет над всеми территориями Гонконга был передан Китайской Народной Демократической Республике, однако Гонконг приобрел статус особого административного района (далее – ОАР) в составе КНДР на 50 лет, то есть до 2047 года.

Исходя из установления территориального признака, в России САР привязан к определенным территориям, на сегодняшний момент не имеющим всей развитой инфраструктуры для ведения полноценной хозяйственной деятельности организаций. Если посмотреть на территориальное положение острова Октябрьский в г. Калининграде, то это условно выделенная часть города Калининграда, которая получила своей официальное закрепление уже после принятия и вступления в силу федерального законодательства о САР, решением Городского Совета депутатов Калининграда (шестого созыва) от 12.09.2018 г. № 176 [2], в котором данная территория не получила статуса административного района города, а указано, что район «Остров Октябрьский» - это элемент планировочной структуры города Калининграда.

КНДР пошел по другому пути. Весь Гонконг (как остров Гонконг, так и Коулун, Новые Территории, расположенные в Южно-Китайском море), получил статус особого административного района.

Безусловно, срок существования ОАР в Гонконге и САР в Российской Федерации, разный, и сопоставлять количество компаний, зарегистрированных в этих районах с точки зрения эффективности, не следует. Однако статистика такова, что на январь 2020 года участниками САР в Калининградской области стали 21 компания, а в Приморском крае – 2 [3]. В свою очередь, в ОАР в Гонконге на февраль 2020 года зарегистрировано 12 713 негонконгских компаний, при этом в январе число вновь зарегистрированных коммерческих компаний составило 210, а в феврале – 78 [4].

Оценивая значимость существования САР в Российской Федерации для территорий тех регионов, на которых они были созданы, некоторые эксперты отмечают незначительный или отсутствующий в целом положительный эффект. Полномочный представитель Президента РФ на Дальнем Востоке Ю. Трутнев в январе 2019 г. отметил, что режим специального административного района, разработанный на острове Русский, не принес региону преимуществ [5].

Можно предположить, что одна из причин такой негативной оценки кроется в особенностях самого законодательства о САР и его участниках – международных компаниях. Так, для международных компаний установлено обязательство по инвестированию на территории России в размере 50 млн.

рублей в течение полугода с момента регистрации в качестве международной компании. Причем, инвестировать можно не только в форме капитальных вложений на территории Российской Федерации, но и в форме вложения в уставный капитал, фонд или взносы в имущество хозяйственных обществ, являющихся российскими юридическими лицами.

Важен тот факт, что закон не ограничивает территориальную принадлежность инвестиций только территориями САР, что позволяет вкладывать средства в целом на территории Российской Федерации. Кроме того, международная компания может уполномочить осуществлять свои инвестиции другую связанную с ней компанию (из той же группы лиц, в которую входит международная компания). Таким образом, с одной стороны, для переходящих в российскую юрисдикцию иностранных компаний существенно облегчено осуществление инвестиций, но с другой стороны – не созданы никакие дополнительные гарантии в этой части для самих регионов, где введены САР [6].

Рассматривая законодательное регулирование деятельности компаний в ОАР в Гонконге, следует отметить, что основным нормативным актом является Companies Ordinance (Сар. 622), 2014 – Закон о компаниях Гонконга, вступивший в силу с 03 марта 2014 г. И если российское законодательство к числу участников САР относит международные компании и международные фонды, [7] являющиеся иностранными юридическими лицами, то Закон о компаниях Гонконга выделяет гонконгские и негонконгские компании (nonHongKong company), посвящая правовому положению последних самостоятельный раздел – главу 16. Кроме того, участниками САР могут стать коммерческая корпоративная организация, созданная в форме общества с ограниченной ответственностью, акционерного общества (международная компания) и унитарная некоммерческая организация, не имеющая членства (международный фонд). Закон о компаниях Гонконга не указывает в числе субъектов некоммерческие юридические лица, а всех участников делит на компании с ограниченной и неограниченной ответственностью, а также на частные и публичные организации (ст.ст. 7-12). При этом правовой статус частной компании с ограниченной ответственностью по закону Гонконга весьма близок с характеристиками российского общества с ограниченной ответственностью. Такая компания в своем названии, которое также является его фирменным наименованием, должна иметь указание Limited, Ltd; обязательно иметь секретаря, который должен действовать на территории Гонконга, быть его резидентом. В свою очередь, законодательно не предъявляются требования по минимальному размеру уставного капитала, а учредителем может выступить одно физическое или юридическое лицо любой резиденции.

В отличие от российского законодательства, предписывающего в обязательном порядке для получения статуса международной компании, наличие юридического и фактического адреса на территории САР [8], к участникам ОАР в Гонконге не предъявляется обязательного требования о наличии местного офиса. При этом отмечается, что каждая компания обязана

иметь юридический адрес в Гонконге. Однако в качестве такого может использоваться адрес офиса обслуживающей компании [9].

Еще одним отличием российского и гонконгского законодательства является понимание холдинговой компании. Следует отметить, что в ст.ст. 13,14 Закона о компаниях Гонконга холдинговые компании как корпоративные объединения относятся к типам компаний – участников ОАР. Российскому гражданскому законодательству не известно такая организационно-правовая форма юридического лица. Применительно к международным компаниям в налоговом законодательстве РФ предусмотрено получение особого статуса. После регистрации международной компании, она может (но не обязана) подать соответствующий пакет документов в налоговую инспекцию по месту регистрации с целью присвоения статуса Международной холдинговой компании (далее – МХК), который предполагает применение к данной компании налоговых льгот, предусмотренных в Налоговом кодексе Российской Федерации [10] для участников специальных административных районов.

МХК признается международной компания, зарегистрированная в соответствии с Федеральным законом «О международных компаниях». Эта компания считается российской организацией для целей налогообложения и должна одновременно удовлетворять нескольким условиям:

1) она зарегистрирована в порядке редомициляции иностранной организации, которая была создана в соответствии со своим личным законом в период до 1 января 2018 года;

2) она представила в налоговый орган после своей регистрации финансовую отчетность иностранной организации, аудиторское заключение к данной отчетности, сведения о контролирующих лицах международной компании;

3) контролирующие лица международной компании на дату ее регистрации стали контролирующими лицами иностранной организации в период до 1 января 2017 года.

Контролирующим лицом международной компании, а также иностранной организации, в порядке редомициляции которой зарегистрирована такая международная компания, признается лицо:

- доля участия которого в этой международной компании (для физических лиц – совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 15 процентов, или

- осуществляющее контроль над такой компанией (организацией) в своих интересах или в интересах своего супруга и несовершеннолетних детей.

Кроме того, в период до 01 января 2029 г. контролирующим лицом иностранной организации может признаваться лицо, участие которого в этой иностранной организации реализовано исключительно через прямое и (или) косвенное участие в одной или нескольких публичных компаниях, признаваемых МХК.

Если же говорить о налоговых льготах и преференциях, то созданная система налогообложения в Гонконге видится весьма привлекательной. В

Гонконге действует принцип территориального налогообложения, суть которого состоит в том, что налогом облагается только прибыль, получаемая от источников в Гонконге. В связи с этим, если компания не занимается коммерческой деятельностью на территории Гонконга, либо прибыль от ее деятельности поступает из источников, находящихся за пределами ОАР, то, по сути, такой правовой режим весьма схож с традиционным офшором [11].

В свою очередь, налоговые преференции, предусмотренные для МХК в российской юрисдикции, состоят в то, что производится:

- освобождение от налога доходов МХК в виде прибыли ее контролируемой иностранной компании до 2029 года. Стандартная налоговая ставка составляет 20 %.

- дивиденды, полученные МХК при выполнении критериев стратегического участия (владение более года, доля более 15%), облагаются по нулевой ставке (при этом льгота не работает в отношении дивидендов, полученных из стран «черного списка» Минфина России [12]). Для того, чтобы не уплачивать налоги на дивиденды, доля в капитале должна составлять более 50%, при более низкой доле (менее 50%) – налоговая ставка составляет 13%.

- дивиденды, выплачиваемые публичными МХК иностранным лицам, облагаются по ставке 5% (до 2029 года). В отсутствие установленных льгот такая ставка составляет 15%, но может быть снижена до 5% при наличии с соответствующей страной соглашения об избежании двойного налогообложения.

- доход МХК от продажи акций облагается по нулевой ставке при одновременном соблюдении ряда критериев, в том числе по сроку владения (более года), по доле владения (более 15%), по факту, что за продаваемыми акциями не стоит недвижимость в Российской Федерации и др. В стандартном случае нулевая ставка устанавливается в отношении доходов от продажи акций, находящихся во владении более 5 лет, в остальных случаях налоговая ставка – 20%.

Таким образом, можно увидеть, что, несмотря на весьма схожий подход российского и гонконгского законодательства в части определения субъектов специального и особого административных районов, в настоящее время принцип территориального налогообложения в Гонконге, позволяющий в ряде случаев вообще избежать необходимости уплаты налогов, делает правовой режим Гонконга весьма привлекательным для регистрации компаний в данной юрисдикции и привлечения инвестиций. В связи с этим, следует согласиться с мнением, высказанным Ю. Трутневым о необходимости создания на базе законодательства о САР эффективного конкурентного механизма, с учетом анализа работы «крупнейших мировых финансовых центров по основным направлениям деятельности: по налоговым преференциям, по режиму вступления, по праву, по языку, по судебной практике» [5].

Список использованных источников

1. Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ(ред. от 26.11.2019) «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края» // Собрание законодательства РФ.2018. № 32 (часть I). Ст. 5084.
2. Решение Городского Совета депутатов Калининграда(шестого созыва) от 12.09.2018 № 176. URL: http://gorsovetklgd.ru/sites/default/files/solutions/reshenie_176_oktyabrskiy.pdf (дата обращения 30.03.2020).
3. Российские офшоры станут привлекательнее. URL: <https://www.klerk.ru/tags> (дата обращения 30.03.2020).
4. RegisteredNon-HongKongCompanies. URL: <https://www.cr.gov.hk/en/publication/fact-stat/statistics/registered-non-hk-companies> (дата обращения 30.03.2020).
5. «Офшорная зона» на Русском острове ничего не принесла региону — Трутнев. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/01/14/177130/#ixzz6ICZ6PGaE> (дата обращения 31.03.2020).
6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ(ред. от 26.11.2019) «О международных компаниях и международных фондах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5083.
7. Электронный ресурс. Сайт Правительства Гонконга о гонконгских компаниях. URL: https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap622!en?xid=ID_1438403540306_002(дата обращения 31.03.2020).
8. Размещение в SAP. URL: <http://russiasar.com> (дата обращения 30.03.2020).
9. Михалицина Е. Что необходимо знать об открытии компании в Гонконге. URL: <https://www.hongkong-business.ru/hongkong-business/ob-otkrytii-kompanii-v-gonkonge.html>(дата обращения 30.03.2020).
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 26.03.2020) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
11. Штромвассер И. Гонконгские компании в международном налоговом планировании. URL: <https://gsl.org/ru/press-center/press/> (дата обращения 31.03.2020).
12. Приказ Минфина России от 13.11.2007 № 108н(ред. от 02.11.2017) «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 50.

УДК 340

Змерзлый Б. В.

доктор юридических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права, **Таран П.Е.**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории государства и права, *ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»*

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОРТА Г. КОТКА В КОНЦЕ XIX В.

В докладе анализируется «Гаванный устав для Гавани при Котке» 1877 г. Указано, что, хотя данный устав хотя и был принят много ранее соответствующих положений о портах на территории собственно Российской империи, однако носит достаточно архаичный характер и, вместе с тем, отпечаток специфики деятельности гавани, для которой он был разработан. Важнейшим его недостатком можно считать не четкое определение земельной границы порта. Впрочем, вполне возможно, что на момент принятия устава прилегающая к водам гавани территория уже находилась в той или иной форме собственности и отторгать ее у частных лиц государства, пока, намерения не было.

Ключевые слова: Котка, устав, гавань, правовое регулирование, Гаваенмейстер.

История Финляндии богата и интересна, а одним из украшений ее, безусловно кроме природы, является ее трудолюбивый и смелый народ. Многие годы история Финляндии была неразрывно связана с историей Российской империи, в состав которой она входила в качестве Великого Княжества Финляндского. В настоящем исследовании мы хотим обратить внимание на небольшой городок этой страны, торговый порт которого стал и одним важнейших ворот Финляндии.

Как указывают практически все имеющиеся источники «Город Котка был основан в 1879 году, однако ранее на том же месте был российский город-крепость Роченсальм. Строительством порта, которое началось в 1791 году, заведовала лично императрица Екатерина II. Она предполагала, что крепость Роченсальм защитит Санкт-Петербург со стороны шведской Финляндии» [1]. В иных источниках упоминается, что Роченсальм ранее был шведской крепостью.

Так или иначе, предлагается к рассмотрению анализ документа под названием «Гаванный устав для Гавани при Котке», изданный «от Высочайшего Его Императорского Величества имени, Императорским Финляндским Сенатом» в 1877 г. [2]. Изучение этого документа позволит шире представить развитие норм права, регулирующих деятельность торговых портов в различных регионах Российской империи, раскрытых в иных наших работах [3; 4]. Тем более, что мы впервые сталкиваемся с уставом не для порта, а именно гавани, хотя в дальнейшем по тексту устава эти понятия выступают тождественными. Это произошло, очевидно из-за неустойчивости терминов в рассматриваемый период.

Устав предусматривал, что к гавани принадлежит все водное пространство между островами Коткой и Куусинен к югу, Халла и Сунила к

востоку, устьями реки Кюмени к северу и островом Ховинсаари и мостом Кивисильта к западу (п. 1). Как видим, уставом не определялась территория порта на суше.

Надзор за гаванью вручался «Гавенмейстеру (смотритель порта)», с его помощниками «гаванные служители». При этом полиции поручалось оказывать Гавенмейстеру «всяческое содействие» в вопросах порядка, чистоты и безопасности в гавани (п. 2) [2, с. 1].

От всех прибывших в гавань требовалось ставить судно так, чтобы оно не загряздало фарватер, а при требовании Гавенмейстера переставить его. Капитан, на следующий день по прибытии, должен был явиться контору гавани и объявить название судна, его вместимость, груз и состояние здоровья экипажа (п. 3).

Все прибывающие в гавань плавсредства, если не пришвартовались у частного владельца пильной мельницы, обязаны были также занять указанное им Гавенмейстером или помощниками место. В случае нанесения вреда гавани или иным судам, его следовало оплатить. Лодкам, грузовым паромам и плотам запрещалось становиться так, чтобы это препятствовало общему движению (п. 4) [2, с. 2].

При необходимости Гавенмейстер мог поручить своим людям переставить плавсредство даже при отсутствии его владельца (п. 5).

Устав запрещал сплавливать бревна «колечными плотами в количестве, превышающем четыре тысячи штук бревен, одновременно в одном и том же круге». Владелец обязывался при передвижении в гавани подбирать и увозить не только свои тонущие бревна, но и «но и все те бревна, планки, доски и куски, которые плывут отдельно в гавани» под угрозой возложения на него всех возможных расходов и возмещения вреда (п. 6).

Порядок получения места при набережной для нагрузки или выгрузки определялся живой очередью, но Гавенмейстеру давалось право допускать отклонения от нее по обстоятельствам. После необходимых работ судно следовало уводить на указанное Гавенмейстером место (п. 7).

Особые места стоянки определялись для судов и лодок, «на которых сельские произведения доставляются на Котку» (п. 8) [2, с. 3].

Строго устанавливались места сброса балласта или мусора, появившегося при нагрузке или разгрузке товара, с напоминанием об ответственности по лоцманскому уставу (п. 9) [5].

Обязательными к использованию признавались кранцы (п. 10).

Строго предписывалось следить при погрузочно-разгрузочных работах за неповреждением набережной, запрещалось заваливать тротуары товарами. Время от момента выгрузки товара до его вывоза устанавливалось не более как в 48 часов. В иных случаях Гавенмейстер должен был распорядиться о вывозе товара за счет владельца, оплатить штраф и плату за место или амбар своего товара. Если товар с неизвестным владельцем не имел существенной цены его следовало продать немедленно. В ином случае, продажа могла наступить лишь через год по установленной процедуре: объявление в газете, а затем публичные торги (п. 11).

Все суда, стоящие на якоре в гавани, обязывались ночью и в течении темного времени года держать на палубе сторожа или, с 1 августа и до конца навигации держать зажженным светлый фонарь каждую ночь на высоте 16 фут от палубы (п. 12).

Судам с огнеопасным и взрывчатыми грузами выделялось особое место для стоянки и разгрузки. Их капитаны обязаны были поднимать красный флаг на верхушке грот-мачты (п. 13).

Особо устанавливались нормы содержания гавани в чистоте, очистки набережных от навоза и иного мусора, его складки и вывоза (п. 14).

В целях противопожарной безопасности на судах в гавани запрещалось варение масел, смолы, гарпиуса, вара и пр. легковоспламеняющихся веществ. Для этого Гфвенмейстер должен быть отвести специальные места. Также запрещалось разведение огня на судах, находящихся близко к берегу, лесным складам, набережной проч., кроме как на больших судах, с оборудованным камбузом и очагом [2, с. 6]. Одновременно запрещалось курение на палубе судов с грузом льна, конопли, масла, сена, соломы пр. легковоспламеняющихся веществ и т.п. (п. 15).

Ремонт судов следовало производить в специально отведенных местах, с последующей их уборкой (п. 16).

Затонувшее плавсредство следовало убирать немедленно или самому владельцу, или местным властям с возложением на владельца всех расходов (п. 17).

Без особого разрешения запрещалось на казенных или общественных землях, берегах возводить какие-либо постройки (пристани, подмости и т.п.) без разрешения местной власти и с ведома Гавенмейстера (п. 18) [2, с. 8].

Плавание и купание в общих местах причаливания гавани воспрещалось (с. 20).

На зиму, разрешалось суда ставить в гавань, по указанию Гавенмейстера, а небольшие лодки следовало вытаскивать на берег и поместить в частных дворах или специально отведенных местах (п. 21).

Судовые и грузовые пошлины следовало уплачивать в гавани же наличными деньгами, до начала выгрузки и выдачи товара (п. 22) [2, с. 9].

Стирку белья, одежды, чистка шкур и шерсти, стирка окрашенных материалов могла производиться только в специально отведенных местах (п. 23).

Особо в уставе прописаны нормы, относящиеся к полномочиям Гавенмейстера и его служителям, хотя мы встречали их и в предыдущих пунктах. Так, все обязывались подчиняться их законным распоряжениям. Подчеркивалась ответственность за нападение, побои, оскорбления и иные притеснения по отношению к этим служащим (п. 24). Нарушители устава подвергались штрафу от 20 до 100 марок, и в любом случае должны были возмещать убытки. Штрафные деньги, по заведенному порядку, поступали в пользу доносчика и обвинителя, поровну, а в случае несостоятельности виновного он наказывался заключением (п. 25) [2, с. 9].

Все нарушения устава, в отношении входа в гавань, в самой гавани и ее окрестностях рассматривались местным Герадским судом до тех пор, пока Котка не получила права города (п. 26).

И, наконец, устанавливалось, что все приходящие в гавань большие пароходы в черте гавани обязаны идти «половинным» ходом, под угрозой вознаграждения за могущие произойти убытки (п. 28) [2, с. 10].

Как видно из произведенного анализа, данный устав хотя и был принят много ранее соответствующих положений о портах на территории собственно Российской империи, однако носит достаточно архаичный характер и, вместе с тем, отпечаток специфики деятельности гавани, для которой он был разработан. Важнейшим его недостатком можно считать не четкое определение земельной границы порта. Впрочем, вполне возможно, что на момент принятия устава прилегающая к водам гавани территория уже находилась в той или иной форме собственности и отторгать ее у частных лиц у государства, пока, намерения не было.

К специфике местных условий мы относим основную часть работы гавани – погрузка и перевозка леса и пиломатериалов, работа с различными типами судов – от пароходов до плотов. Отсюда и значительное внимание к недопущению засорения гавани и фарватеров производными от этой торговли.

Список использованных источников:

1. Котка. eFinland. URL: <https://e-finland.ru/travel/city/kotka.html>
2. Гаванный устав для Гавани при Котке изданный от Высочайшего Его Императорского Величества имени, Императорским Финляндским Сенатом. – Выборг, типография газеты «ÖstraFinland», 1878. – 10 с.
3. Борис Змерзлый. Разработка обязательных постановлений в портах Российской империи в начале XX в. // «Nationallawjournal: Teoryandpractice»L.L.C. – Nr. 3(7) 2014. – pp. 6-10.
4. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII– начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
5. Устав Для лоцманского и маячного ведомства и Высочайшее постановление О лоцманском и маячном учреждении в Финляндии. 9 мая 1870 года (С. П. Ф. №17 с. 1 и 49). – СПб, Государственная типография, 1913.

УДК 343.2

Чеботарева Г.В.

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

СУЩНОСТЬ И ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ

Рассматривается влияние исторических моделей мировой юстиции на формирование института мировой юстиции в России, дается оценка специфической роли мировой юстиции в реализации функций судебной власти.

Ключевые слова: мировая юстиция, суд, мировой судья, судебная реформа

Для обеспечения реализации таких государственных функций как признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ) важнейшим механизмом является независимый суд. Одной из составных частей эффективной судебной системы является институт мировых судей. Несмотря на то, что в России он был создан и законодательно оформлен судебной реформой 1864г., однако, после октябрьской революции 1917 года деятельность мировых судей и формально, и фактически перестала существовать.

И только с началом судебной реформы РФ, запланировавшей введение мировых судей, а также принятием в 1998г. Федерального Закона «О мировых судьях в Российской Федерации» этот институт судебной системы стал возрождаться. Преобразования в сфере судебной власти в Российской Федерации делают актуальными изучение реальной природы института мировой юстиции, его сущность, генезис в современном обществе.

Мировой суд как разновидность судебных органов возникает впервые в судебной системе Англии. В Вестминстерском статуте 1361 г. была сформулирована основная задача мирового суда Англии, направленная на сохранение общественного порядка и спокойствия на местах. То есть изначально мировой суд возникает для целей охраны государственного и общественного порядка, и в этой связи ему передаются функции управления и правосудия. Поскольку, мировые суды возникли в европейских государствах именно для реализации цели охраны государственного и общественного порядка, их название «мировой» является производным от понятия «мир» в значении «порядок, спокойствие». И если первоначально в термин «мировой» вкладывался охранительный смысл, то впоследствии содержание термина меняется и означает деятельность на основе примирения сторон, решения дел на основании права и справедливости (например, итальянское Уложение о судоустройстве 1941 г. ст. 22) [1, с. 294].

Постепенно мировой суд начинает существовать во всех европейских государствах, при этом в большинстве государств функция управления отделяется и за мировым судом остается лишь сфера правосудия (Франция, Германия, Россия, Италия). При этом осуществление полномочий мирового суда осуществлялось или единолично судьей, или коллегией судей. Национальное законодательство государств предусматривает либо тот, либо другой вариант, или, как в Великобритании, законодательство страны предусматривает возможность обеих форм деятельности. Первоначально должность мирового судьи занимали представители средних землевладельцев из почетных и уважающих законы лиц. Ими могли быть не только профессиональные юристы, но и лица, не имеющие юридического образования.

Однако в дальнейшем мировыми судьями становились лица, занимавшие в обществе более высокое положение, представители аристократии, которые имели достаточное, как правило, университетское, образование для замещения этой должности. Например, в Великобритании до сих пор должность мирового судьи не считается государственной службой. Закон о мировых судьях 1979 года предусматривает, что магистраты (мировые судьи), действующие на общественных началах, назначаются от имени королевы и с учетом мнения различного рода местных комиссий. Их выбирают из числа английских граждан в возрасте 27- 65 лет, проживающих там, где находится суд и имеющих безупречную репутацию. При этом наличие юридического образования для таких судей не является обязательным. В случае отсутствия у них юридического образования необходимую консультативную помощь им оказывают юридически подготовленные клерки, но по вопросам вины и наказания решения магистраты принимают самостоятельно.

Однако в других государствах постепенно происходила профессионализация мировых судей и в настоящее время мировые судьи назначаются исполнительной властью как на самом высоком правительственном уровне, так и на уровне местных властей. Например, в США мировой судья назначается исполнительной властью или специальной комиссией по судебным назначениям, или вышестоящими судами.

В связи с различным правовым статусом мирового судьи в национальном праве государств в литературе выделяют три типа (модели) мировой юстиции: первая, классическая (английская) модель, в которой кадровый состав суда полупрофессиональный и мировой суд выполняет административно-судебные функции (Англия, некоторые государства, бывшие английские колонии). Вторая, континентальная (французская), в которой кадровый состав полупрофессиональный, и мировой суд выполняет судебные функции (например, Италия, Россия в 1864-1917гг.). И третья, смешанная (профессиональная), в которой состав суда профессиональный, и функции, выполняемые судом, могут быть административно-судебными или судебными (например, США, Россия после 1998 года)[2, с. 13].

Таким образом, для каждого конкретного государства характерна своя национальная модель института мировой юстиции, которая отличается совокупностью признаков, она меняется во времени, может быть однородной или неоднородной. Формирование типа (модели) института мировой юстиции в каждом государстве обусловлено различными особенностями конкретно-исторической ситуации, государственно-правового, социокультурного развития государства[4, с. 12].

Юрисдикция мировых судов в каждом государстве определялась, в первую очередь, целями его создания, как правило, для охраны государственного и общественного порядка на местах. Таким образом, мировые суды – это местные суды первой инстанции для рассмотрения малозначительных дел, текущих споров, исков, незначительных преступлений по упрощенной процедуре. Конкретный перечень дел, который могут

принимать к рассмотрению мировые судьи, пределы компетенции мирового суда, различны в разных странах. Не существует одинаковых правил, рассмотрение каких дел (гражданских или уголовных) входит в компетенцию мировых судей. Например, во Франции (до судебной реформы) и в Италии – это гражданские суды; в России, США – и гражданские, и уголовные в равной степени (как и суды малой инстанции в современной Франции); в Англии – преимущественно уголовные [5, с. 43]. В тоже время, следует отметить, что компетенция мировых судей постоянно расширялась. Так, если первоначально они рассматривали в основном гражданские дела, то впоследствии в их юрисдикцию входят уголовные дела и многочисленные дела, связанные с трудовым законодательством.

Анализ мирового суда как государственного института позволяет выделить следующие признаки: он обладает статусом местного (локального) государственного института, статусом низшей (первичной) судебной или административно-судебной инстанции с ограниченной юрисдикцией (малозначительные дела), и использование некоторых упрощений в порядке осуществления государственных функций [2, с. 4].

В России, как указывалось выше, мировой суд был создан в ходе судебной реформы 1864 года. Реформа предусматривала создание мирового суда, главным предназначением которого было примирение сторон, охрана и утверждение общего порядка и спокойствия [3, с. 164]. Мировой суд изначально планировался как институт местной судебной власти, который должен был приблизить суд к населению за счет сокращения сроков рассмотрения дел, простоты производства. Правовой базой деятельности мирового суда явились судебные уставы, утвержденные царским указом 20 ноября 1864 года.

Мировая юстиция в то время являлась обособленной замкнутой системой, приближенной к населению, основанной на выборности, независимости и несменяемости судей в пределах выборного срока. Обязательными были гласность и состязательность процесса. Мировой судья был первой (низшей) инстанцией для рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел. Несмотря на то, что мировой суд обеспечивал доступность, простоту, быстроту судопроизводства, через 25 лет мировые судьи Законом от 12 июня 1889г. были упразднены и сохранились только в столицах и нескольких крупных городах.

Преобразование местных судов в России вновь началось в 1912 году, когда городские суды были заменены мировыми, выбираемыми земскими собраниями, власть земских начальников была ликвидирована. Полномочия мировых судов по сравнению с 1864 годом были даже несколько расширены.

Мировые суды осуществляли свою деятельность до 1917 года, когда после революции был принят Декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 года, который упразднил судебную систему России, включая и мировые суды.

С развитием в современной России демократии, рыночных отношений, обострением социальных проблем возникли предпосылки возрождения мировой юстиции. В конце 1991 года Верховный Совет РСФСР одобрил Концепцию судебной реформы в РСФСР. В ней предусматривалось создание

мировых судов как судов первой инстанции, в которых мировой судья рассматривает дела единолично.

Необходимость восстановления института мировой юстиции в современной России обосновывалась, во-первых, возможностью приблизить суд к населению и обеспечить доступ граждан к правосудию, во-вторых, сокращением значительной нагрузки, приходящейся на федеральных судей, в-третьих, созданием предпосылок упрощения гражданского и уголовного судопроизводства, его дальнейшей демократизации.

С принятием Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года «О судебной системе Российской Федерации» институт мировых судей получил официальный статус. Федеральный закон закрепил правовой статус мировых судей, как субъектов Российской Федерации (ст.4), которые являются составной частью системы судов общей юрисдикции. В законе определено, что мировой судья в пределах своей компетенции рассматривает гражданские, уголовные, административные дела в качестве суда первой инстанции. Полномочия и порядок деятельности мирового судьи устанавливаются федеральными законами и законом субъекта Российской Федерации (ст.28). Должности этих судей создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации (ст. 17).

Закрепив в конституционном законе необходимость существования института мировой юстиции, Государственная дума РФ приняла Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. «О мировых судьях в Российской Федерации», введенный в действие с 22 декабря 1998 г. На основе этого закона уже в начале 1999 года в ряде субъектов РФ началось формирование судейского корпуса мировой юстиции. Так появились первые в новейшей истории РФ мировые судьи.

С тех пор процесс становления и развития института мировой юстиции в РФ продолжается. Мировой суд, являясь неотъемлемым структурным элементом современной судебной системы России, проходит сложный путь становления. Однако, следует отметить, что не все цели и задачи, поставленные в Концепции судебной реформы 1991 года в отношении мировой юстиции, решены.

Для успешного выполнения мировой юстицией РФ своих задач необходимо, единообразное понимание сущности мирового суда, его значения в судебной системе государства. Мировая юстиция должна иметь достойное кадровое и материальное обеспечение, она должна быть доступна для всех, кто в ней нуждается. Население страны должно доверять институту мировой юстиции, для этого деятельность судей должна быть понятной и прозрачной, процессуальное законодательство максимально совершенным. Таким образом вопросы по совершенствованию деятельности института мировой юстиции настолько многогранны, что нуждаются в дальнейших научных исследованиях.

Список использованных источников:

1. Италия. Конституция и законодательные акты / Пер. с итал.; Под ред. В.А. Туманова. М., - 1988. – 392с.
2. Лонская С.В. Мировая юстиция в России: Монография. – Калининград, 2000. – 215с.
3. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. - Саратов, 1969. – 400с.
4. Лонская С.В. Институт мировой юстиции в России: историко-теоретическое правовое исследование / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Санкт-Петербург – 2016 – 61с.
5. Мировая юстиция: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [В.В. Захаров и др.]; под. ред. Н.А. Колоколова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. — 423 с.

УДК 347.61/.64

Халецкая Т.М.

к. ю. н., доцент кафедры

правового обеспечения экономической деятельности,

Институт управленческих кадров Академии управления при Президенте

Республики Беларусь

О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ

Соглашение об уплате алиментов, несомненно, является шагом законодателя к усилению диспозитивных начал в регулировании брачно-семейных отношений. Однако сегодня нормы брачно-семейного законодательства, регулирующие соглашение об уплате алиментов требуют реформирования, в основе которого должно лежать глубокое осмысление проблем данного правового института. Отсутствие закрепленного в законодательстве определения соглашения об уплате алиментов породило научную дискуссию о его основных правовых характеристиках и, в частности, о его содержании. В статье анализируется проблема предмета соглашения об уплате алиментов и обосновывается следующий вывод: единственным существенным условием алиментного соглашения является условие о предмете, который конкретизируется указанием на размер, способы и порядок уплаты алиментов.

Ключевые слова: алиментные обязательства, алименты, договор, соглашение об уплате алиментов

С 2008 года в брачно-семейном законодательстве Республики Беларусь появился новый институт – институт соглашения об уплате алиментов. Предоставление субъектам алиментных обязательств возможности урегулировать вопрос о размере, способах и порядке уплаты алиментов добровольно стало, несомненно, важным и необходимым шагом, свидетельствующим о желании законодателя перейти от императивного регулирования алиментных отношений, к диспозитивному.

Несмотря на довольно продолжительное время, прошедшее с момента законодательного закрепления указанного института, многие аспекты его заключения остаются в проблемном поле и вызывают непрекращающуюся дискуссию в научной среде. Одной из наиболее дискуссионных проблем является проблема определения существенных условий соглашения об уплате алиментов. Данная дискуссия актуальна, как для белорусской, так и для российской науки, поскольку в правовом регулировании порядка заключения соглашения об уплате алиментов в Республике Беларусь и в Российской Федерации есть общие черты.

В соответствии с требованиями ст. 103-3 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) к заключению соглашения об уплате алиментов применяются нормы Гражданского кодекса (далее – ГК) Республики Беларусь, регулирующие заключение гражданско-правовых сделок, если иное не предусмотрено КоБС. Аналогичное правило содержится и в п. 1 ст. 101 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК Российской Федерации).

Следовательно, к соглашению об уплате алиментов, которое, по сути, является двусторонней сделкой, следует применять основные положения о заключении договора, закрепленные в п. 1 ст. 402 ГК Республики Беларусь (ст. 432 ГК Российской Федерации). Это означает, что соглашение об уплате алиментов не может считаться заключенным, если между его сторонами не достигнуто соглашение по всем его существенным условиям. Вместе с тем в главе 11-1 КоБС, также как и в главе 16 СК Российской Федерации отсутствует определение соглашения об уплате алиментов, которое позволило бы установить его структуру.

Полагаем, что, как и любой гражданско-правовой договор, соглашение об уплате алиментов должно, прежде всего, содержать условие о предмете. Проблема предмета алиментного соглашения активно дискутируется в научной литературе и все высказанные по этому вопросу точки зрения можно разделить на несколько групп.

Представители первой группы определяют предмет алиментного соглашения в общем виде, говоря о нем, как об «имущественных обязательствах по содержанию детей» [1, с. 112]; «алиментных обязательствах сторон» [2, с. 19]; «алиментах» [3, с. 15]. При этом в рамках данного подхода отстаивается идея о том, что в предмет соглашения об уплате алиментов не должны быть включены условия о размере, форме и способах уплаты алиментов, поскольку указанные условия следует признавать самостоятельными существенными условиями алиментного соглашения. На том, что условия о размере, способах и порядке уплаты алиментов являются существенными условиями рассматриваемого соглашения, настаивает и Т. В. Шершень, не уточняя при этом, как указанные условия соотносятся с условием о предмете соглашения об уплате алиментов [4, с. 167–168].

Суть второго подхода заключается в идее о том, что предмет соглашения об уплате алиментов составляют условия о размере, порядке и способах уплаты алиментов. Такой точки зрения придерживается в своих работах Е. А. Усачева.

В частности ученый отмечает: «единственным существенным условием соглашения об уплате алиментов <...> является его предмет, имеющий сложную структуру и включающий в себя: размер алиментов (конкретная сумма, подлежащая уплате, порядок ее исчисления или оценка стоимости передаваемого имущества), способ уплаты алиментов (условие о периодичности выплат и виде имущества, посредством которого осуществляются платежи), порядок уплаты алиментов (условие о форме, сроке и месте платежа)» [5, с. 1651; 6, с. 3].

В литературе можно встретить и утверждение об отсутствии необходимости спорить о том, являются ли условия о размере, способах и порядке уплаты алиментов предметом алиментного соглашения или их следует признавать его самостоятельными существенными условиями, в связи с тем, что в любом случае, «отсутствие согласованности по данным вопросам означает не заключенность соглашения» [7, с. 192].

Основу решения вопроса о существенных условиях алиментного соглашения, на наш взгляд, следует искать в его смешанной правовой природе. Именно межотраслевой характер соглашения об уплате алиментов позволяет распространить на него нормы договорного права, предусматривающие, с одной стороны, необходимость определять в любом договоре его предмет, а с другой – необходимость индивидуализировать этот предмет. Отсутствие в договоре четкого описания его предмета, в принципе, сделает невозможным его исполнение. Таким образом, алименты, являясь предметом соглашения об уплате алиментов, должны быть конкретизированы в соглашении посредством указания на размер, способ и порядок их уплаты.

Таким образом, с учетом комплексной правовой природы соглашения об уплате алиментов и в целях устранения научно-практических противоречий предлагается закрепить в ст. 103-1 КоБС определение соглашения об уплате алиментов, позволяющее установить предмет данного соглашения. Считаем необходимым:

изложить ч. 1 ст. 103-1 КоБС в следующей редакции: *«Соглашением об уплате алиментов признается соглашение между родителем, обязанным уплачивать алименты, и лицом, получающим алименты. При недееспособности родителя, обязанного уплачивать алименты, и (или) лица, получающего алименты, Соглашение об уплате алиментов от их имени заключается их законными представителями.»*;

дополнить ст. 103-1 КоБС частью 2 следующего содержания: *«В Соглашении об уплате алиментов должны быть определены размер, способы и порядок уплаты алиментов. При отсутствии этих данных в Соглашении об уплате алиментов оно считается незаключенным.»*.

Список использованных источников:

1. Чашкова С. Ю. Система договорных обязательств в российском семейном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – М., 2004. – 197 л.

2. Капитова О. В. Правовая природа механизма алиментирования в семейном праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 ; Акад. нар.хоз-ва при Правительстве РФ. – Москва, 2009. – 25 с.

3. Давыдова О. А. Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 ; Сев.-Зап. акад. гос. службы. – Ростов-на-Дону, 2005. – 18 с.

4. Шершень Т. В. Частные и публичные начала в правовом регулировании алиментных обязательств // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 4. – С. 166–174.

5. Усачева Е. А. Проблемы определения предмета и субъектного состава соглашения об уплате алиментов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8. – С. 1650–1656.

6. Усачева Е. А. Соглашение об уплате алиментов в российском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03; Рос.акад. адвокатуры и нотариата. – Москва, 2017. – 28 с.

7. Артемьева Ю. А. Правовые аспекты применения соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей России / Ю. А. Артемьева, А. М. Зимаков, В. В. Сергеева // Социально-политические науки. – 2018. – № 5. – С. 188–196.

УДК 347

Дадаян Е.В.

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУВО Красноярский государственный аграрный университет

Сторожева А.Н.

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
ФГБОУВО Красноярский государственный аграрный университет

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА САМОЗАЩИТЫ

В настоящей статье речь пойдет об исторических этапах становления и развития института самозащиты преимущественно гражданских прав. Исследование затрагивает достаточно большой период от Русской Правды до современного понимания института самозащиты гражданских прав. Несмотря на наличие единственной статьи о самозащите гражданских прав в ГК РФ данный институт актуален и с точки зрения определения объективных границ (пределов) осуществления самостоятельной защиты своих гражданских прав.

Ключевые слова: самозащита гражданских прав, граждане, пределы самозащиты.

Институт самозащиты эта актуальная тема для научного исследования всегда. Как справедливо отмечает В.А. Максимов: самозащита - способ защиты гражданских прав, т.е. реакция на противоправные действия другой стороны [1].

Современное понимание института самозащиты было заложено еще в древние времена. Так, становление института самозащиты можно увидеть в обычаях, которые формировались на Руси, и нашли свое отражение в Русской Правде. Самозащита начала свое развитие с такого обычая как кровная месть.

Конкретного понятия самозащита в Русской Правде нет, но есть возможность необходимой обороны. По Русской правде допускалось в целях отмщения ударить кого-либо палкой, жердью, рукой [2]. Вора можно было даже убить, но только сразу же при его задержании (в противном случае на убийцу налагался штраф) [3]. Но как видно из сюжета Русской Правды это больше похоже на самосуд, чем на самозащиту. И если обращаться к современному законодательству, то, безусловно, в Русской Правде понятие самостоятельной защиты прав напоминает институт хоть и отдаленно, но институт уголовного права.

Крещение Руси приносит большие изменения, происходит замена личной ответственности гражданина нарушавшего права на некую имущественную ответственность. С развитием законодательства самосуд начинает уходить в историю, и все вопросы данного характера пытаются решать с помощью договоров. Данные ограничения старых обычаев происходят в связи с появлением процессуальных законов, таких как Псковская судная грамота, судебник 1497 года, Судебник царя Ивана Васильевича 1550 года, Соборное уложение 1649 года. В вышеуказанных документах более подробно оговаривается порядок отправления правосудия.

К примеру, Судебник 1497 года закрепляет право на жалобу, которая будет считаться одним из способов защиты прав, но конечно в тот период такую жалобу могли подавать только люди определенного круга.

Признаки самозащиты, были сформулированы дореволюционными учеными – цивилистами. Такие известные российские цивилисты как К.Н. Анненков, Е.В. Васьковский, Д.И. Мейер, С.В. Пахман, В.И. Синайский [4] и другие авторы проявили желание ограничить самозащиту отражением насилия и восстановлением нарушено права. В это время нарабатываются такие меры как осуществление права залога, задержание владельцем земли чужих животных, причиняющих потраву посевов. Наука, существовавшая до революции, считала, что самозащита не должна носить взрывной характер, который бы мог позволить лицу, который защищает свои права вторгаться в личную сферу другого субъекта. Здесь однозначно прослеживается связь с Гражданским кодексом РФ. Современное понимание защита прав и интересов собственными силами и допустимыми средствами содержит пределы такой защиты, в частности ст.14 ГК РФ устанавливает требования о соразмерности действий управомоченного лица действиям нарушителя и о недопустимости выхода управомоченного за пределы действий, необходимых для пресечения правонарушения.

Значительный вклад в развитие института самозащиты внес Свод законов Российской империи [11]. Статья 690 Свода законов говорит о запрете любого самоуправства. Это означало то, что самозащита имела место быть, но только в том случае, если не была оказана своевременная помощь от государственных органов. Вполне справедливо, потребность в самозащите в от период не имеет широкого распространения, а следовательно и потребности граждан в применении данного института.

Что касается дальнейшего развития самозащиты, то в советский период этот институт рассматривался как чужеродный элемент нашего общества. Это объяснялось тем, что власть в тот период осуществлялась исключительно для народа и в его интересах, в их работу входила и охрана, и обеспечение прав, поэтому было мнение, что народ не нуждался в данном институте. В данный период самозащита считалась каким-то исключительным моментом и применялась только в том случае, если это строго оговорено законом. Так, почти во всех случаях было предусмотрено обязательно обращение в государственные органы (ст.5-6 ГК РСФСР 1964 г.) [5]. Единственная сфера, где оставалась самозащита, была уголовная сфера. Там самозащита осуществлялась в форме необходимой обороны и крайней необходимости.

В части первой Гражданского кодекса Российской Федерации институт самозащиты находит достойное место. Самозащита - это определенный режим защиты прав и интересов, при котором управомоченное лицо защищает права самостоятельными действиями, без обращения в суд или иной юрисдикционный орган [6].

В настоящее время законодатель выделяет самозащиту в отдельную статью 14 и вносит ее в перечень способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). А.М. Эрделевский, отмечает, что установление конкретного способа защиты предполагает ответ на вопрос о том, какими именно действиями осуществляется защита, но не о том, кто совершает эти действия. Упоминание в ст.12 о самозащите прав говорит лишь о дозволении субъекту, чьи права нарушены, (потерпевшему) выступить в качестве защитника этих прав [7].

В связи с этим не вызывает никакого сомнения, что самозащита является одной из конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина. В силу п. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Самозащита как раз и относится к незапрещенным способам защиты гражданских прав. Согласимся с позицией П.П. Згонникова, что конкретный набор способов гражданско-правовой защиты зависит от природы и содержания охраняемого субъективного права, вида и характера правонарушения, формы, субъекта и цели защиты, предлагаемых нормами законов видов правозащитных способов, усмотрения самого правообладателя [8]. Поэтому напрашивается вполне очевидный вывод, что не каждое гражданское право можно защитить самостоятельно, без помощи государственных юрисдикционных органов.

Таким образом, ГК РФ развивает, иначе сказать представляет собой продолжение положений о праве граждан защищать свои права и свободы, указанные в Конституции Российской Федерации. Каждый гражданин Российской Федерации имеет право защищать свои права и свободы, любым способом или способами, главное чтобы этот способ или способы не противоречили закону. Как следствие в пункте 2 статьи 1 ГК РФ, зафиксирован принцип свободного распоряжения, принадлежащими правами: «граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе» [9].

Таким образом, в настоящее время самозащита перешла из разряда исключительных прав в универсальный. Самозащита по мнению законодателя не в коем случае не должна переходить в самоуправство как это было на Руси? Действующее законодательство в связи с этим вводит достаточно много ограничений от злоупотребления гражданами своими правами. К примеру, лицо, полагающее, что использованные в отношении него иным лицом меры являются неосновательными, вправе направить требования в суд о защите своих интересов от самоуправных действий тех, кто под предлогом самостоятельной защиты совершает правонарушение.

Правомерность самозащиты лица суд оценивает по критериям, установленным в статье 14 ГК РФ:

1) Способ, выбранный для самозащиты должны быть пропорциональным нарушению.

2) Совершаемая самостоятельная защита не должна выходить за границы действий, нужных для пресечения нарушения. Самостоятельную защиту не возможно признать правомерной, если она не отвечает способу и характеру правонарушения [10]. Те способы, которые использует субъект, должны быть как минимум соразмерны нарушению; и ни в коем случае эти способы не должны выходить за рамки закона.

3) Самозащита осуществляется тем субъектом, чье право нарушено, не обращаясь в государственные органы.

4) Самозащита возможна, только в случае наступившего нарушения или продолжения нарушения, а так же в случае очевидной угрозы такого нарушения. Гражданин защищает действительное, а ни как не предполагаемое право.

Таким образом, на сегодняшний день с точки зрения понимания самозащиты как способа защиты гражданских прав, неразрешенных вопросов не имеется. Проблемные вопросы остаются в практической деятельности правоприменительных органов, которым приходится сталкиваться при рассмотрении конкретных дел, связанных с выходом за пределы самозащиты, злоупотреблением правом на самозащиту с вопросами разграничения самозащиты и самоуправства. Но это уже относится к вопросам оценки фактических обстоятельств дела и к правильному пониманию и применению ст. 14 ГК РФ.

Список использованных источников:

1. Максимов, В.А. Основания самозащиты гражданских прав собственниками В.А. Максимов// Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 119 - 127.
2. Титов, Ю.П. Русская правда. Краткая редакция. Текст по академическому списку/ Ю.П.Титов// Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1999.
3. Титов Ю.П. Русская правда. Краткая редакция. Текст по академическому списку/ Ю.П. Титов// Хрестоматия по истории государства и права России. М., 1999. 7с.
4. Синайский, В.И. Русское гражданское право./В.И. Синайский. М., 2002. 180 с.
5. Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав./В.П. Грибанов. М., 1999. – 46-48с.

6. Толстой, Ю.К. Гражданское право: Учебник. Часть 2/ Под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М.: Теис, 2015. - 552 с.
7. Эрделевский, А.М. Самозащита гражданских прав. /А.М. Эрделевский// Юридический мир. 2008. № 8. С.64- 66.
8. Згонников, П.П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав /П.П. Згонников// Российская юстиция. 2019. № 11. С. 11 - 14.
9. Маковский, А.Л., Вступительная статья к ГК РФ. Часть 1./ А.Л.Маковский, С.А. Хохлов. М., 1995. – 103с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»//Информационно-поисковая система «Консультант плюс».
11. Кузькина А.О. Становление и развитие института самозащиты: исторический контекст// Сборник материалов всероссийской конференции «Студенческая наука взгляд в будущее».2017. Часть 4. С.115.

УДК 34.05

Пашнева В.А.

к.ю.н., доцент кафедры истории и теории государства и права
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им.В.И. Вернадского»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В тезисах дается краткий анализ правового регулирования в сфере защиты животных, в том числе, рассматривается деятельность различных обществ по защите животных как в России, так и за ее пределами

Ключевые слова: защита животных, общество по защите животных, законопроект, гуманное обращение с животными

Взаимодействие человека и животного выявляет те нравственные составляющие, которые будут показывать сущность общества внутри него. Несмотря на то, что мировое сообщество активно борется с жестоким отношением к животным, проблема на территории РФ, к сожалению, имеет очень небольшие сдвиги в положительную сторону. Научкой психологией доказано, что этическое отношение к животным, как к незащищенной категории формируется в препубертатный период, и в основном, заимствуется оно (отношение) из более зрелого окружения. Криминологи, в свою очередь, изучая поведение насильников, фиксируют, что в процессе формирования личности этого субъекта, он неоднократно проявлял жестокость,самоутверждаясь в превосходстве над слабым. Соответственно, в подсознании ребенка может отложиться модель негативного отношения к животному, что в дальнейшем может быть выражено и во вне. Проблемы неэтического воспитания и реальной защиты животных очень актуальны при

формировании правового поля государства. В связи с этим интересен опыт других стран в регулировании подобных вопросов.

Первостепенно защитой животных озаботились в Европе в первой половине XIX столетия, именно европейцы впервые заговорили о необходимости наделения животных юридическими правами. Ретроспективный анализ вопроса защиты животных показывает, что в России развивалось движение в защиту животных. В 60-х годах XIX столетия появились несколько обществ, выступающих за гуманное обращение с животными, в частности в Одессе, сформировано «Общество сострадания животным», в Риге «Общество сочувствующих к защите животных от жестокого с ними обращения». Но самым значимым явилось образование в 1865 г. «Русского общества покровительства животным», находящимся под покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны. Деятельность общества основывалась на Уставе, кроме того, были разработаны Правила обращения с животными (1886 г.), утвержденные Министерством внутренних дел [1, с.25].

Вместе с тем, вопросами защиты животных занимались многие российские ученые и государственные деятели. Врач С.Фишер в 1899 г. в Санкт-Петербурге выпустил труд под названием «Человек и животное. Юридический очерк». Историк Московского университета П.В.Безобразов в 1903 г. опубликовал работу «Оправах животных». Идеи о гуманном обращении с животными также были поддержаны профессорами А.П.Семеновым - Тянь-Шанским и Г.А.Кожевниковым. Внук великого русского полководца князь А.А.Суворов являлся первым председателем вышеуказанного Русского общества покровительства животным. Деятельность РОПЖ также активно была поддержана Ф.В. Драгилевым, В.Э.Иверсен, Н.И. Мюссард, А.П.Чеховым.

Как уже было указано ранее, в европейских странах законы в сфере защиты животных были приняты еще в XIX в. Великобритания в 1822 г. была пионером в этом вопросе, а в последующем, ее примеру последовала Германия в 1833г. (с 2002 г. права животных защищены на уровне норм Конституции государства), и Швеция в 1840г. В период с 1930-1980 гг. правовое регулирование в сфере защиты животных в зарубежных странах активно развивалось, подобные нормативные акты были приняты в Канаде, Южноафриканском Союзе, Австралии, Японии. Не отставали в вопросах защиты животных и Соединенные штаты Америки, в 1930 г. был принят соответствующий нормативный акт.

Так же как и в России, основную работу в сфере защиты животных осуществляли различные общества. К примеру, в США в Нью-Йорке 1866 г. было создано *Американское общество по предотвращению жестокости по отношению к животным* (American Society for the Prevention of Cruelty to Animals) целью которого была защита крупного рогатого скота и лошадей. Что же касается защиты кошек и собак (животных –компаньонов), то деятельность в данном направлении была не столь активной. В целом, как показывает анализ деятельности обществ по защите животных того времени, то сфера их интересов данных обществ, это в основном защита лошадей и

крупного рогатого скота. Впоследствии, деятельность активистов общества была направлена также на так называемый «кровавый спорт» - травля собак и петушинные бои. Стоит отметить, что в рамках этой организации была принята «Декларация по защите прав животных».

Современное регулирование вопросов защиты животных в Соединенных штатах Америки происходит на двух уровнях: федеральном и региональном. В 1966 г. на федеральном уровне был принят Закон о благополучии животных (The Animal Welfare Act), который содержит в себе нормы, регулирующие деятельность исследовательских организаций, функционирования государственных и частных приютов, транспортировки животных и др. На региональном уровне нормативное регулирование вопросов защиты животных проведено в 50 штатах, данными нормативными актами регламентируется, что жестокое обращение с животными является тяжким уголовным преступлением (преступление класса «А»). В целом, анализ мировой практики показывает, что законодательство в сфере защиты животных от жестокого обращения совершенствуется ежегодно и развивается в сторону ужесточения мер ответственности за ненадлежащее отношение к животным. В недавнем прошлом в Швейцарии в 2008 г. после широких общественных дебатов принят закон о правах животных (Animal Welfare Act), данный нормативный акт регламентирует обращение с дикими и домашними животными до мельчайших деталей. К примеру, обязательная парность двух полов при содержании требуется для попугаев, морских свинок, хомяков и др. они не могут содержать одиночку. С другой стороны закон ужесточил и без того самые строгие меры ответственности в сфере защиты животных от жестокого обращения. Вследствие чего Швейцария приобрела статус «правового рая для животных»[2].

Официально в апреле 2016 г. Новая Зеландия признала животных разумными существами, которые обладают чувствами в той же степени, что и люди, запретив исследования, опыты над животными, а также отлов и охоту на них[4].

Следует указать, что и Российская Федерация не отстает в регулировании вопросов защиты животных. Данная проблема назрела очень давно, и первая попытка по ее решению была предпринята в 1997 году, когда в Госдуму был внесен законопроект ФЗ №97802163-2 «О защите животных от жестокого обращения», целью которого являлось укрепление нравственности и гуманности общества, предотвращение страданий и гибели животных. Но законопроект был отклонен президентом в январе 2000 г. Весной 2011 г. в парламент был внесен иной законопроект, который осенью 2016 г. по требованию Президента РФ был отправлен на доработку. До десяти раз откладывалось второе чтение этого нормативного акта. Группа активистов из «Альянса защитников животных» выступила в знак протеста против затягивания закона, объявив голодовку у стен Госдумы в ноябре 2017 г. и в итоге законопроект был принят Госдумой 19 декабря 2018 г., одобрен Советом Федерации 21 декабря 2018. Наибольшим достижением ФЗ от 27.12.2018 N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными» является признание

животных эмоциональными существами, зафиксировав за ними право на жизнь, одновременно закрепив и урегулировав круг важных вопросов в обращении с животными[3].

В заключении, можно сделать вывод, что в различных государствах первоначально защита животных находилась в сфере деятельности различных организаций (обществ), выступающих за гуманное обращение с животными. Аналогичным образом ситуация развивалась и в Российской Федерации. Деятельность этих обществ стимулировала законодательные органы государств принимать соответствующие нормативно-правовые акты. В целом, зарубежный опыт в решении вопросов подобного рода будет интересным и поучительным для нас.

Список использованных источников:

1. Устав Российского общества покровительства животным. – Тамбов. Электро-Типография Губернского правления, – 1911г. - с.25.
2. Событием года в Швейцарии стал закон правах животных.- Режим доступа: РИА Новости <https://ria.ru/20081231/158406704.html>
3. Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N 498-ФЗ[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru>
4. Ваганов А. Разум животных юридически уравнили с разумом человека. – Режим доступа:http://www.ng.ru/nauka/2019-09-24/9_10_7684_animals.html

УДК 34.01

Сорокин Р.А.

к.ю.н., доцент кафедры истории и теории государства и права,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им.В.И. Вернадского»

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (18 МАРТА 2014 – 01 ЯНВАРЯ 2015 ГГ.)

Научная работа посвящена истории и анализу применения российского уголовного и уголовно-процессуального законодательства на территории Республики Крым в переходный период (18 марта 2014 – 1 января 2015 гг.). В работе исследованы основные особенности осуществления процессуальных действий в Республике Крым в указанный период и выявлены соответствующие проблемы.

Ключевые слова: государство, право, применение права, Российская Федерация, Республика Крым.

В Конституции Российской Федерации закреплён принцип единого правового пространства, что соответствует требованиям конституционно-правовой целостности государства. Согласно ч. 2 ст. 4 Основного Закона, Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории РФ, что является по своей сути юридическим выражением суверенитета РФ. Ч. 2 ст. 76 Конституции РФ определяет «двухуровневое» нормативное правовое регулирование по предметам совместного ведения РФ и субъектов Федерации: федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации. Конституция РФ вводит важнейшую правовую форму «двухуровневого» регулирования: субъекты Федерации принимают нормативные правовые акты по предметам совместного ведения РФ и субъекта Федерации в соответствии с федеральными законами. Вопросы совместного ведения определены в ст. 72 Конституции РФ [1].

Применение нормативных правовых актов РФ на территории Республики Крым началось в день принятия в РФ Республики Крым, если иное не было предусмотрено законом [2]. На территории Республики Крым до окончания переходного периода или до принятия соответствующего нормативного правового акта РФ и (или) нормативного правового акта Республики Крым, действовали нормативно-правовые акты Украины и Автономной Республики Крым.

В целях урегулирования на территории Республики Крым вопросов уголовного судопроизводства и определения уголовного и уголовно-процессуального права, был принят Федеральный Закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [3].

Противоправность и наказуемость преступлений, которые были совершены до 18 марта 2014 г., а также другие квалифицирующие признаки таких деяний устанавливались в соответствии с положениями уголовного законодательства РФ [4]. В Республике Крым в рамках уголовного процесса допускалось применение доказательств по соответствующим уголовным делам, полученным до 18 марта 2014 г., соответственно уголовно-процессуальному законодательству Украины. Производство уголовных дел, органами предварительного расследования, реализовалось в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства уже РФ [5].

Материалы, досудебное расследование по которым не было окончено по состоянию на 18 марта 2014 г., передавались прокурору для определения соответствующего вида уголовного преследования, в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса РФ. Прокурор в соответствии с п. 12 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ выносил мотивированное постановление, которое направлял в органы дознания или предварительного следствия на предмет принятия решения, соответственно требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ. Материалы по делам частного обвинения в соответствии с ч. 4 ст. 20 Уголовно-процессуального

кодекса РФ направлялись должностным лицам органов следствия и дознания для принятия необходимого решения в рамках требований УПК РФ.

В случае, если до 18 марта 2014 г. уголовное дело, возбужденное до 18 марта 2014 г., прошло стадию досудебного расследования, было передано в суд, но судебное рассмотрение по нему не было начато, согласно ч. 1 ст. 6 федерального закона материалы уголовного производства возвращались судом прокурору. При этом, в соответствующей норме не были закреплены сроки, в которые материалы уголовного производства должны быть возвращены [3].

Соответствующие требования устанавливались и в отношении судебного разбирательства по уголовным делам. Так, когда указанное разбирательство было начато до 18 марта 2014 г., то прокурор мог ходатайствовать о переквалификации судом деяния подсудимого в соответствии с Уголовным кодексом РФ, если при этом не ухудшалось положение подсудимого. Наказание назначалось судом с учетом положений ст. 10 Уголовного кодекса РФ [4]. Если имели место основания для возвращения соответствующего уголовного дела прокурору, то на основании положений ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ, такие материалы ему возвращались [5].

Решение суда, принятое и вступившее в силу на территории Республики Крым до 18 марта 2014 г. сохраняло юридическую силу.

Следователи в Республике Крым не имели полномочий возбуждать в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ уголовные дела, судебное разбирательство по которым было начато до 18 марта 2014 г. и продолжало находиться на стадии судебного рассмотрения. Устанавливалась обязанность судебных и правоохранительных органов продолжать производство по таким делам в соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Практика применения вышеуказанных норм повлекла за собой ряд сопутствующих проблем, прежде всего, в отношении соблюдения прав уголовно преследуемых лиц, т.к. имело место нарушение этих прав. На возникновение сложившейся ситуации повлияли такие факторы, как следующее из положений ч. 1, 2 ст. 3 ФЗ от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ императивное двойное вменение, что противоречит закрепленному в Конституции РФ принципу запрета двойного вменения и фактическое отсутствие четкой определенности в положениях ч. 2 ст. 6 вышеуказанного закона, что создает, в свою очередь, неоднозначное толкование соответствующей нормы и ее неправильное последующее применение.

В качестве примера негативных последствий такой ситуации можно привести повторное возбуждение уголовных дел, по которым судебное разбирательство было начато до 18 марта 2014 г.

На основании вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы. Для урегулирования на территории Республики Крым вопросов применения норм уголовного и уголовно-процессуального права и осуществления соответствующего судопроизводства, был принят специальный Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [3]. Практика применения норм данного закона повлекла за собой ряд проблем в силу неопределенности их содержания и, как следствие, неправильного применения. Кроме того, на основании анализа содержания норм ФЗ от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ на предмет их соответствия Конституции РФ, можно прийти к выводу, что соответствующие нормы данного Федерального закона противоречат положениям Конституции и Уголовного кодекса РФ. Так, отдельные положения Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ не соответствуют конституционному принципу недопустимости двойного вменения, закрепленному в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и ч. 2 ст. 6 Уголовного кодекса РФ.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.constitution.ru/>.
2. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 N 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/.
3. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162589/.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

УДК 347.441.12

Казанцева Е. В.

кандидат юридических наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Статья посвящена исследованию правового регулирования детективной деятельности в России, США, Великобритании, Италии и Испании.

Ключевые слова: частные детективы, детективная деятельность, лицензия, условия.

Сравнительно-правовое исследование детективной деятельности имеет важное значение, в контексте имплементации института детективной

деятельности в России, поскольку оно позволит выяснить наиболее оптимальные и эффективные положения, которые могут быть учтены в законотворческом процессе в нашей стране.

В России детективная деятельность регулируется Законом Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» [1]. Особенностью правового регулирования отношений в сфере реализации детективной деятельности является: во-первых, наличие исчерпывающего перечня услуг, которые могут осуществлять детективы на основании лицензии, а также исчерпывающий перечень запретов при осуществлении деятельности детективной деятельности; во-вторых, услуги оказываются только в сфере гражданских правоотношений и только на основании заключённого договора в письменной форме; в-третьих, лицензию могут получить граждане России, достигшие 21 года и предоставившие утвержденный перечень документов; в-четвертых, имеют право [закрепленное законом] на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, но только при четко определенных законодателем условиях.

Одним из основных недостатков правового регулирования детективной деятельности, на наш взгляд, является, отсутствие норм регулирующих взаимодействие детективов с правоохранительными органами и в частности с сотрудниками органов внутренних дел.

Что касается зарубежных стран, то следует отметить, что специальное законодательство о детективной деятельности только в странах ЕС и США, а также в некоторых постсоветских странах. В связи с этим целесообразно сравнить законодательство отдельных стран в сфере частной детективной деятельности относительно требований для кандидатов в детективы, лицензирование, страхование профессиональной ответственности, права на использование оружия, уголовно-процессуального статуса, организационных форм, а также проблем взаимодействия частных детективов и работников правоохранительных органов.

В Соединенных Штатах Америки (далее – США) вопросы деятельности негосударственных служб безопасности относятся к юрисдикции штатов, так как отсутствует единый федеральный закон, регулирующий детективную деятельность, а особенностями правового регулирования является: 1) наличие трех основных видов детективной деятельности [розыскные бюро; охранные агентства; службы безопасности в различных промышленных и коммерческих структурах]; 2) осуществление данной деятельности только на основании лицензии, однако: предусмотрена она [лицензия] не во всех штатах, и к тому же действительна только в том штате, который ее выдал; 3) детективная деятельность предусматривает осуществление детективных функций только в соответствии с указанным в лицензии классом [2; 3]; 4) для получения лицензии необходимо: во-первых, сдать письменный экзамен; во-вторых, внести соответствующий вступительный взнос; в-третьих, обеспечить выполнение дополнительных требований, которые могут устанавливаться

законодательством штата, к примеру, иметь гражданство США, или предоставить рекомендательные письма и характеристику.

Что касается взаимодействия детективов с государственными органами в США, то на наш взгляд, оно имеет как положительные стороны так и отрицательные. Так положительным, к примеру, является возможность совместно [детективы с полицейскими]: а) собирать информацию о преступлениях или угрозах в отношении правительства и отдельных штатов; б) устанавливать и получать биографические и другие данные на отдельных граждан, организации, предприятия; в) проводить розыск пропавших лиц, утерянного или похищенного имущества; г) проводить поиск свидетелей и собирать доказательства для правоохранительных и судебных органов; д) осуществлять физическую охрану фирм и лиц и т. п.. Так и отрицательные: в процессе расследования детектив не может опираться на криминалистические учеты полиции и не имеет права получать информацию от полиции, и не обязан им передавать собственные сведения [исключение – прямых доказательств о совершении тяжких или особо тяжких преступлений][2].

А вот, в Великобритании, законодатель лишь в 2001 году вводит обязательное лицензирование частной детективной деятельности, и создает специальный орган «Орган индустриальной безопасности Великобритании», который осуществляет лицензирование и проверку частной детективной деятельности (с мая 2015 года, указанный орган, действует в структуре британского МВД). Направление деятельности детективов в Великобритании включает: 1) разработку мер безопасности по контрактам с правительственными органами; 2) проведение переговоров с террористами, захватившими заложников; 3) выполнение задач клиентов по наблюдению за их близкими родственниками; выявление факторов супружеской измены; установление финансового положения и кредитоспособности будущих партнеров в бизнесе [3].

Следует отметить, что частный детектив в Великобритании имеет достаточно широкий выбор технических средств для осуществления своей деятельности. Так, ему доступна криминалистическая лаборатория полиции Лондона и право доступа к национальному центральному полицейскому компьютеру (при условии прохождения государственной проверки), а также до полного поименного списка британских избирателей и судебных досье.

Такое взаимодействие характеризуется тем, что около двух третьих английских частных детективов раньше работали в полиции.

В Италии частная детективная деятельность регулируется Кодексом законов об общественной безопасности 1931 года. Государственные органы, юридические и частные лица в Италии имеют право обращаться с целью осуществления расследования или получения любой информации, что их интересует, в частные детективные бюро (службы, агентства). Для осуществления частной детективной деятельности в Италии, нужно получить специальную лицензию, которая выдается отделом лицензирования полицейского участка по согласованию с местным органом государственной власти Управлением префектуры (области).

Для получения соответственного разрешения (лицензии) необходимо: 1) быть совершеннолетним гражданином Италии или гражданином одной из стран Европейского Союза; 2) лицензия не может быть предоставлена для осуществления деятельности, относящейся к компетенции исключительно государственных правоохранительных органов или будет нарушать права и свободы человека; 3) лицо должно иметь соответствующий уровень образования, высокие профессиональные и моральные качества, не иметь судимости.

Частные детективы в Италии для выполнения своих функциональных обязанностей могут получить право на ношение огнестрельного оружия в порядке, предусмотренном законодательством, а также обязаны незамедлительно давать ответы на все запросы, сделанные должностными лицами полиции, государственных органов или агентами национальной безопасности. За нарушение положений законодательства в сфере регулирования частной детективной деятельности лицо может понести наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет или штрафа.

Объем услуг, предоставляемых частным детективом (агентством), содержится в специальной «таблице услуг». Детектив не имеет права предоставлять услуги, не указанные в этой таблице. Такая таблица должна быть одобрена и утверждена префектом (руководителем органа государственной власти на соответствующей административно-территориальной единицы) [4; 5].

К основным направлениям деятельности частных детективов Италии относят расследования: в частном секторе (защита чести и достоинства лица, сбор доказательств); в сфере коммерческой деятельности компаний (относительно подделок товарных знаков, патентов, продукции, распространение коммерческой тайны); в сфере торговой деятельности (недостачи, нарушения бухгалтерской отчетности); в страховой сфере (мошенничество по страховым случаям, дорожно-транспортных происшествий и тому подобное); в криминальной сфере (сбор информации и доказательств в рамках защиты лица в уголовном производстве); в сфере оборота коммерческой информации (оценка рисков, кредитоспособности, кандидатов на работу при условии соблюдения принципов неприкосновенности частной жизни лица) [6].

В Испании деятельность частных детективов регулируется законом № 23 от 1992 г. и Королевским декретом № 2364 от 1994 г. Для осуществления частной детективной деятельности в Испании лицо должно: достичь 21 года; иметь гражданство одного из государств-членов Европейского союза или государств-участников Соглашения о Европейской экономической зоне; не иметь судимости (уголовной или административной); лицо ранее не должна была быть смещенной от службы в вооруженных силах или в органах безопасности; в течение двух последних лет, в составе соответствующих уполномоченных государственных органов, лицо не должна была осуществлять контроль за деятельностью частных детективных агентств; лицо должно иметь необходимые знания и навыки по осуществлению функций частного детектива; лицо должно иметь соответствующий диплом, предоставляющий право осуществления частной детективной деятельности [5].

Министерство внутренних дел Испании утверждает и контролирует выдачу дипломов, выдаваемых университетами и школами, которые предоставляют право осуществление частной детективной деятельности, утвержденные, а также осуществляет регистрацию детективов, агентств, филиалов, агентств и тому подобное. Каждый частный детектив в Испании имеет право открыть частное детективное агентство и, соответственно, открывать филиалы на территории всей страны.

Особенностью испанского законодательного регулирования частной детективной деятельности является то, что детективам запрещается вести дела о служебных преступлениях. Вовремя выявление фактов служебных преступлений детектив немедленно информирует об этом государственные правоохранительные органы. Также детективам запрещено использовать специальные технические приборы, которые могут нарушить конституционные права и свободы человека (право на неприкосновенность личной и семейной жизни, право на тайну переписки и т. п.).

Во взаимодействии частных детективов с государственными правоохранительными органами Испании во время защиты прав и свобод человека, интересов государства нужно отметить, что детектив, в случае нахождения соответствующего запроса, обязан предоставить полную информацию о предмете запроса государственным правоохранительным органам. Также детектив обязан немедленно сообщить в государственные правоохранительные органы о выявленных им фактах совершения должностных преступлений, о готовящихся или совершенные тяжкие и особо тяжкие преступления.

Проведенное сравнительно-правовое исследование детективной деятельности позволяет нам сделать определенные выводы и обобщения:

- ✓ деятельность частных детективов в России и за рубежом регулируются специальным законодательством;
- ✓ во многих странах существует государственный орган по контролю за частной детективной деятельностью;
- ✓ для частных детективов установлены цензы по гражданству, образованию, специальной подготовкой и тому подобное;
- ✓ для выполнения своих функциональных обязанностей частные детективы могут получить право на ношение оружия в порядке, предусмотренном законодательством;
- ✓ частные детективы иногда ограничиваются в использовании специальных процессуальных.

Список использованных источников:

1. Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 (ред. от 02.08.2019) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс»
2. A State by State Guide on How to Become a Private Investigator // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://privateinvestigatoredu.org>(дата обращения: 22.03.2020).

3. Code de la sécurité intérieure :dernière modification: 18 février 2016 [Электронныйресурс]. – Режимдоступу: <https://goo.gl/G6UmLO>(датаобращения: 22.03.2020).
4. Vademecumoperativo :Disposizioni operative per l’attuazione del DecretoMinisteriale 1.12.2010, nr. 269, in materia di capacitatecnica e qualitaediservizidegliistituti di vigilanzaedinvestigazioneprivata [Электронныйресурс]. – Режимдоступу: <http://img.poliziadistato.it/docs/VADEMECUM%20OPERATIVO%20definitivo.pdf>(датаобращения: 22.03.2020).
5. Investigatoreprivato (ordinamentoitaliano) -Wikipedia :l’enciclopedialibera // [Электроннойресурс]. – Режимдоступу: [https://it.wikipedia.org/wiki/Investigatore_privato_\(ordinamento_italiano\)](https://it.wikipedia.org/wiki/Investigatore_privato_(ordinamento_italiano))(датаобращения: 22.03.2020).
6. Частные детективы и следователи в странах мира // [Электронныйресурс]. – Режимдоступу: <https://forum.detective-agency.info/index.php?threads/Частные-детективы-и-следователи-в-странах-мира.2063/>(дата обращения: 22.03.2020).

УДК 347.7.

Забаренко Ю. А.

кандидат экономических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
ГОО ВПО «Донецкая академия внутренних дел МВД ДНР»

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЛОГОВОГО ПРАВА

В работе исследуется понятие и значение правовых стимулов в налоговом праве в целом, а также актуальность их использования в налоговой системе Донецкой Народной Республики на современном этапе развития государства. Приводится классификация налоговых стимулов по их природе и сфере применения. Сделан вывод о том, что значение правовых стимулов в налоговом праве проявляется в повышении позитивной активности налогоплательщика, в обеспечении значимых для государства процессов посредством возвращая у граждан заинтересованности в конечном результате, а именно – в получении выгодных для них последствий.

Ключевые слова: налоговое право, правовые стимулы, Донецкая Народная Республика, налоговые льготы, налоговая система.

На современном этапе развития Донецкой Народной Республики (далее по тексту – ДНР) отмечается острая необходимость в финансовой ресурсообеспеченности государства, и прежде всего, в пополнении доходных частей республиканского и местных бюджетов за счет поступлений от взимания налогов и сборов. В сложившейся экономической ситуации проблема разработки эффективной налоговой политики государства, направленной на совершенствование налоговой системы Республики, становится особенно актуальной. В связи с этим правовые стимулы как одни из наиболее действенных инструментов налогово-правового регулирования, повышающие

результативность функционирования налоговой системы, нуждаются в детальном научном исследовании.

В научной литературе в качестве стимула в налоговом праве принято рассматривать правовые инструменты, задачей применения которых является формирование добросовестного и необходимого для достижения целей налогообложения поведения налогоплательщика путем предоставления возможности улучшить его положение по сравнению с общим налоговым режимом [1, с. 42].

Налоговый стимул представляет собой сложное правовое явление, способное с помощью норм права воздействовать на поведение налогоплательщика в целях мотивации его к правомерным действиям как в налогово-правовой сфере, так и в прочих областях жизнедеятельности (экономической, производственной, социальной и т.д.).

К общим правовым стимулам можно отнести такие установленные нормами права формы положительной оценки государством добросовестного выполнения юридических и общественных обязанностей, как государственные награды, правовые льготы, вознаграждения, премии, продвижение по карьерной лестнице, гранты, материальные поощрения. Безусловно, далеко не все из них могут быть использованы при моделировании налогового законодательства. В первую очередь необходимо разработать систему мотивации для двух основных участников налоговых правоотношений - налогоплательщиков и налоговых органов. Так, например, одной из наиболее эффективных форм поддержки предпринимательской деятельности в государстве являются специальные налоговые режимы, отражающие действие стимулирующей и регулирующей функций налогов. При установлении подобных налоговых преференций, государство само заинтересовано в их применении с целью привлечения финансовых ресурсов в централизованные государственные фонды вообще и увеличения собираемости налогов в частности.

Стимулы в налоговом праве одновременно создают для удовлетворения интересов налогоплательщика режим благоприятствования, положительную мотивацию к выполнению конкретных правовых предписаний, к добросовестности и результативности исполнения правового установления с целью совершения общественно полезных и значимых действий со стороны поощряемого субъекта, правомерно облегчают положение налогоплательщика, позволяют ему полнее удовлетворить свои потребности и интересы. При этом налоговые стимулы могут выражаться как в предоставлении или обещании предоставления дополнительных, особых прав, преимуществ, благ, так и в освобождении от обязанностей [2, с. 188].

По природе и сфере действия налоговых стимулов их можно разделить на:

- 1) налоговые льготы;
- 2) налоговые иммунитеты;
- 3) налоговые поощрения [3, с. 34].

Одних из наиболее широко используемых инструментов экономической политики государства по стимулированию предпринимательской активности

является введение налоговых льгот. О высокой эффективности применения этих инструментов налоговой политики свидетельствуют многочисленные результаты проводимых во многих странах мира экономико-статистических исследований [4, с. 121]. В частности, это связано с тем, что налоговое льготирование и стимулирование являются элементами налоговой конкуренции, а широкое распространение налоговых льгот и стимулов свидетельствует как о росте налоговой конкуренции, так и об их позитивном влиянии на поведение фирм.

Налоговые льготы выражаются в предоставлении предусмотренных налоговым законодательством дополнительных особых прав (преимуществ) по уплате налогов по сравнению с другими налогоплательщиками, включая возможность уплачивать налог в меньшем объеме либо в более поздний срок, либо в освобождении от налоговой обязанности как таковой. Налоговые же поощрения применяются к экономическому субъекту за осознанное добросовестное исполнение им своих обязанностей или особые заслуги, что побуждает такое лицо к дальнейшему активному правомерному поведению.

Общепризнано, что налоговые льготы являются важнейшим государственным инструментом налогового регулирования. В отличие от других элементов налога, льготы действуют не помимо этих элементов, а как дополнение к каждому из них. Уменьшение суммы налога, отсрочка его уплаты через механизм налоговых льгот осуществляются именно в привязке к установленным законом плательщикам, объектам, ставкам и срокам. Благодаря льготам обеспечиваются гибкость и подвижность налогового механизма в целом. Широта использования налоговых льгот определяется целями экономической политики и в значительной мере характеризует объем вмешательства государства как субъекта права в экономику [5, с. 49].

В ДНР применение налоговых льгот в отношении экономических субъектов регламентировано пунктом 13.1 статьи 13 Закона ДНР «О налоговой системе», в соответствии с которым в необходимых случаях в акте законодательства о налогообложении могут предусматриваться налоговые льготы и основания для их использования налогоплательщиком [6].

Таким образом, основная идея применения налоговых стимулов состоит в том, чтобы обеспечить гармоничное сочетание публичных, государственных и частных интересов. Правовая природа налогового стимулирования заключается в том, что оно направлено на побуждение субъекта права к активной, своевременной и в полном объеме уплате налоговых платежей в доходы государства путем создания его заинтересованности в этом процессе через создание режима благоприятствования для удовлетворения собственных интересов благодаря законопослушному налогово-правовому поведению.

Как средство воздействия на общественные отношения налоговый стимул выражается в комплексе правовых предписаний.

Известно, что желание уклониться от оплаты налогов существует с момента появления налогов. Однако в странах с развитой правовой системой масштабы уклонения меньше, нежели в развивающихся странах. Причиной этому является отработанные в течение многих лет и технически обеспеченные

механизмы взимания налогов, стабильное и совершенное законодательство. Но не менее важным является формирование у плательщиков налога чувства ответственности перед обществом и неизбежного наказания за неуплату налогов [2, с. 19].

Сейчас ДНР как молодое государство находится на этапе формирования собственной налоговой системы и правовых методов ее регулирования, и именно сейчас есть возможность привить налогоплательщикам чувство долга и ответственности перед государством и обществом, в которых они живут и работают, сделать нормой для налогоплательщика своевременную и полную уплату налога. В ДНР налоговое стимулирование в настоящее время приобретает особую актуальность. Создание налогового законодательства, отвечающего одновременно интересам государства, отдельных граждан и общества в целом - важнейшая задача законодателя. Однако даже при условии того, что в государстве действует условно идеальное налоговое законодательство, не умаляется важность практического исполнения нормативных предписаний – своевременная уплата налогов гражданами, с одной стороны, и эффективное их распределение и перераспределение государством между отраслями и сферами экономики, с другой.

Для достижения такого результата и необходимо наличие правовых стимулов в налоговом праве. Использование законодателем этого инструмента диспозитивного метода правового регулирования налоговой сферы позволяет создать предпосылки для активного и творческого использования субъектами налогового права предоставляемых возможностей самостоятельно достигать желаемого правового результата. При этом действие правовых стимулов, безусловно, коррелируется с правовой культурой общества.

В ДНР необходимость налогового стимулирования обусловлена совокупностью ряда факторов – как сложной политической обстановкой и экономической средой, в которой экономические субъекты героически продолжают производить общественные блага для нужд Республики, так и недостаточной осведомленностью большинства граждан ДНР о расходовании вносимых ими в бюджет государства в виде налогов финансовых средств, отсутствием наглядных результатов их использования. Такие негативные моменты порождают у отечественных налогоплательщиков естественное желание уклониться от исполнения своих налоговых обязательств. Кроме того, крайне отрицательно сказывается на субъектах налогового администрирования преобладающее действие контрольной функции государства в сфере налогообложения над функциями профилактики и стимулирования, воспитания сознания государственной важности налоговых платежей.

Позволим себе согласиться с мнением Мирошник С.В. о том, что процесс построения качественного налогового законодательства предполагает использование не только правовых стимулов, но и правовых ограничений. Являясь парными юридическими категориями, они не могут существовать друг без друга [7, с. 94].

Итак, правовые стимулы в налоговом праве являются эффективным правовым средством, учитывающим интересы как государства, так и налогоплательщика.

Они направлены на достижение надлежащего результата – эффективного существования налогово-правовой системы государства, и осуществляются путем формирования у субъектов мотивации к необходимому поведению в сфере налогообложения.

Одним из направлений совершенствования налоговой системы ДНР в настоящее время представляется усовершенствование правовых стимулов, в том числе оптимизация льгот, дающих значительные преимущества отдельным налогоплательщикам. В перспективе также возможно расширение налоговой базы в ДНР за счет отмены не оправдавших себя налоговых льгот и увеличения круга плательщиков налогов, что позволит в большей степени реализовать принцип справедливости в налоговом праве.

Список использованных источников:

1. Ушатов М.В. Стимулы в налоговом праве: понятие и признаки // Проблемы современной науки и образования. - 2016. - №1 (43). – С. 187-189.
2. Сахарова Л.А. Проблемы формирования и современные тенденции развития налоговой политики Российской Федерации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. - 2010. - № 5. – С. 17-26.
3. Орлова В.С. Стимулы в налоговом праве Российской Федерации: дис. ... магистр юр. наук. – Москва, 2014. – 253 с.
4. Куклина Е.А. Система налоговых льгот и стимулов и их эффективность (в контексте инновационного развития Российской Федерации) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2014. - № 5. – С. 118-128.
5. Мусаева Х.М. Налоговые льготы в российском законодательстве: сущность, формы, приоритеты и эффективность // Финансы и кредит. - 2013. - № 42 (570). – С. 48-53.
6. Закон Донецкой Народной Республики "О налоговой системе" № 99-ІНС от 25.12.2015 г. (в действующей редакции по состоянию на 05.06.2019 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-o-nalogovoj-sisteme-donetskoj-narodnoj-respubliki/>
7. Мирошник С.В. Повышение эффективности налогового законодательства: проблемы и способы их разрешения // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2012. - №1. - С. 90-95.

УДК 340.115

Струнский А.Д.

ассистент кафедры истории и теории государства и права
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»)

**ВЗВЕШИВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ОБЪЕКТИВНО-ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ
ТОЛКОВАНИЕ: АНАЛИЗ НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ
КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.**

Настоящая статья посвящена сравнительно-теоретическому анализу двух влиятельных методологических направлений в немецкой юриспруденции конца XIX – первой половины XX в.: юриспруденции интересов и объективной теории правотолкования. В статье рассматриваются основные положения, выдвинутые представителями обозначенных течений. Дается сравнительный анализ метода взвешивания интересов и объективно-телеологического метода правотолкования.

Ключевые слова: правотолкование, методология, юриспруденция интересов, объективная теория, метод взвешивание интересов, объективно-телеологический метод

В немецкой правовой доктрине на рубеже XIX и XX в. разгорелись ожесточенные методологические дебаты в области правотолкования. Старая «субъективная теория» (*subjektive Theorie*) правотолкования или «теория воли» (*Willenstheorie*), направленная на уяснение воли и намерения исторического законодателя, а также методология «юриспруденции понятий» (*Begriffsjurisprudenz*) подверглись жесткой критике со стороны различных ученых, представлявших новое доктринальное течение [1, р. 55–67]. Это новое течение охватило многие европейские государства, не только Германию, но также Францию и Швейцарию [2, р. 162], а в дальнейшем оказало влияние и на юридическую науку Америки [3], поэтому не зря Р. Давид назвал это движение международным [2, 162]. Тем не менее это новое доктринальное движение никогда не являлось единой правовой школой, а его представителей объединяло лишь одно – критика излишнего формализма и попытка взглянуть на сущность права под новым углом, опираясь на методологию других наук, чаще всего социологии или психологии.

Тот же Р. Давид, характеризуя новое доктринальное движение в Германии, говорит о «школе свободного права» (*Freirechtsschule*) [2, р. 162], однако было бы ошибочно объединять всех немецких юристов, критиковавших юриспруденцию понятий, под этим общим названием, как это было сделано Г. Кантаровичем в 1906 г. [4, с. 6–14]. Тем более, многие ученые сами открестились от школы свободного права, хотя их взгляды и были близки к этому направлению в юриспруденции [4, с. 12–13].

Стоит отметить, что любая классификация представителей нового движения на правовые школы или направления, даже если мы говорим исключительно о немецкой правовой науке, является весьма затруднительной задачей, так как практически каждый ученый, в той или иной мере, имел уникальные взгляды по вопросам сущности права и правовой методологии.

В настоящей работе за основу взята классификация, предложенная Р. Титиригой, которая построена на разграничении направлений в зависимости от методологического подхода к правотолкованию и включает в себя: «юриспруденцию интересов» (*Interessenjurisprudenz*), объективную теорию правотолкования (*objektive Theorie*) и школу свободного права [1]. Более подробно мы остановимся на сравнительном анализе правоинтерпретационной методологии двух первых течений.

Среди основных представителей юриспруденции интересов можно назвать ее основоположника Ф. Хека, а также Р. Мюллер-Эрцбаха и Г. Штоля [5, s. 53]. Стоит отметить, что А. В. Завадский к этому направлению в

юриспруденции (он называет их сторонниками метода взвешивания интересов) причисляет также М. Рюмелина и Э. Штампе [4, с. 62–67, 72–75], хотя эти два последних, в определенной степени, тяготели к двум другим обозначенным нами ранее методологическим направлениям.

В своем понимании права представители юриспруденции интересов находились под влиянием позднего Р. фон Иеринга, который считал право результатом борьбы интересов [6, с. 12]. Например, Хек писал, что юриспруденция интересов, которой он придерживается, основывается на фундаментальном воззрении, согласно которому «правовые нормы исходят не из образовавшихся в общем сознании представлений о юридической структуре правовых тел, но что они вытекают из разрешения конкретных конфликтов интересов по той ценности, которую дает данным интересам юридическое сообщество» [7, s. 1140–1141]. Подобной позиции придерживается и Мюллер-Эрцбах, который утверждает, что «гражданское право представляет собой не что иное, как решение особенно часто встречающихся в жизни, следовательно типических столкновений интересов» [4, с. 69–70.].

Исходя из такого понимания права, представители юриспруденции интересов предложили новый метод толкования, основанный на взвешивании интересов. В соответствии с этим методом, роль судьи состоит в том, чтобы оценить интересы сторон в деле и защитить интересы, которые имеют наибольшую ценность. При этом ценность интересов в конкретном деле определялась исходя не из взглядов общества, отдельных классов или конкретного судьи, а на основании «исторического поиска интересов». Судья должен осознать реальные исторические интересы, которые легли в основу закона и на основании этого разрешить спор [1, р. 68–69]. Таким образом, речь все еще идет об историческом толковании права или, используя слова Ф. К. фон Савиньи, исторической реконструкции [8, 390]. Тем не менее подход к толкованию, предложенный представителями юриспруденции интересов, отличается от субъективной теории интерпретации права. Как верно указывает Титирига, центр тяжести сместился с воли исторического законодателя на основания, то есть конкретные интересы, которые легли в основу правовой нормы [1, р. 69].

При этом, как отмечает Хек, судья должен быть связан оценкой интересов, данной законом, а не оценкой, основанной на своем собственном мнении [4, с. 67]. Такой же позиции придерживается и Мюллер-Эрцбах, который считает, что необходимо бороться со случаями, когда судья полагается больше на свое усмотрение, а не на разум и закон [4, с. 71]. В отличии от них, Штампе и Рюмелин допускают отступление от закона. Штампе, во-первых, признает восполнение пробельных мест в праве непосредственным правотворчеством судьи; во-вторых, что при таком правотворчестве судья не обязан следовать оценке интересов, предложенной законодателем; в-третьих, дает право судье изменить закон, когда «содержание закона нарушает столь важные интересы всех, что прийти на помощь неизбежно» [4, с. 65–67]. В этих своих взглядах он уже ближе к воззрениям представителей школы свободного права, а не юриспруденции интересов, за что и подвергается критике со

стороны последних, в частности, в статье Хека «Юриспруденция интересов и законопослушание» [7]. Схожим образом обстоят дела и со взглядами Рюмелина, который в случае пробелов в праве позволяет судье не только основываться на своем собственном усмотрении или использовать данные в законодательстве оценки интересов, но и пользоваться так называемым «свободным нахождением права». Но также Рюмелин наряду с понятием интерес достаточно часто оперирует понятием цели закона, что свойственно представителям объективной теории правотолкования, и даже допускает отмену или изменение правовой нормы судьей в зависимости от изменившихся правовых воззрений [4, с. 72–74]. В этом смысле Рюмелин занимает промежуточную позицию между тремя течениями, обозначенными нами, поэтому его и Штампе мы не можем отнести к представителям юриспруденции интересов.

Следующим направлением, которое будет нами рассмотрено, является объективная теория правотолкования или теория имманентного смысла закона (*Theorie der immanenten Gesetzesdeutung*). Среди основных ее представителей можно назвать Дж. Колера, К. Биндинга, А. Ваха и Г. Радбруха [5, s. 302]. Как и представители юриспруденции понятий, они выступали с критикой субъективной теории правовой интерпретации и излишнего формализма в праве, однако они предложили совсем иной подход к модернизации юридического метода толкования.

В первую очередь представители объективной теории толкования права указали на фундаментальное различие филолого-исторического (*philologisch-historischen*) толкования с одной стороны и юридического толкования с другой стороны. Первое направлено на установление фактов и субъективно подразумеваемого смысла, а второе – объективного смысла действующей правовой нормы [9, с. 128; 10 s. 257]. Таким образом, субъективные намерения законодательного органа, редакторов и составителей законов, а также иных лиц, вовлеченных в законодательный процесс, не имеют решающего значения [5, s. 35]. Радбрух по этому поводу пишет: «Юридическое же толкование направлено на раскрытие объективного смысла действующей правовой нормы. Оно же ограничивается установлением того смысла, который имел в виду законодатель не в последнюю очередь по причине большого числа разработчиков каждого закона и как следствие этого – возможного расхождения их во мнениях относительно смысла закона. Правоприменительное же толкование требует однозначности закона. Но даже если бы все разработчики были едины в отношении смысла закона, то и тогда нельзя было бы с полной уверенностью утверждать, что должный смысл закона установлен. Законодатель – не разработчик законов. Его воля – не коллективная воля участников законотворческого процесса, а воля государства. Государство же говорит не от имени разработчиков закона, а лишь от имени самого закона» [9, с. 128].

Аналогичного мнения придерживается и Колер, когда утверждает, что «закон – это только то, что воплощено в слове» [11, s. 133]. Критикуя субъективную теорию правотолкования, Колер утверждает, что «хотя у закона

нет воли в психологическом смысле, но у него есть воля в телеологическом смысле как органическая цель; и существуют не те правовые последствия, которые проистекают из намерения автора закона, но те, которые происходят из органической цели закона, которые являются истоком духовного организма, созданного в законе» [11, s. 1–2]. В процессе интерпретации закона толкователь должен раскрыть лежащие в основе закона принципы и цели закона [11, s. 7–10], что позволит ему исправлять неясные или двусмысленные выражения закона [11, s. 15].

Нельзя утверждать, что подобный объективно-телеологический подход к толкованию права полностью исключает исторический аспект права. Например, Колер признает, что цель закона нельзя полностью познать через его букву, поэтому толкователь должен изучить социальные условия, в которых возник закон и на решение каких социальных проблем он направлен, что позволит более ясно понять цель закона с учетом обстоятельств времени его принятия [11, s. 35]. Но в то же время, как указывает К. Ларенц, подобное целеполагание в правотолковании приводит к тому, что интерпретатор всегда ищет решение наиболее подходящее текущим социальным реалиям [5, s. 37]. В подтверждение этого мнения можно привести слова Ваха: «...закон должен толковаться таким образом, который лучше всего отвечает его узнаваемой цели и требованиям справедливости» [10, s. 257–8].

На основании приведенного выше анализа, можно сделать вывод о глубинных философских различиях двух обозначенных направлений, что в свою очередь отразилось и на их методе правотолкования. Обе школы, безусловно, сделали шаг вперед по сравнению с субъективной теорией толкования, так как акцентировали внимание на социальном (или функциональном) аспекте права. Однако метод взвешивания ценностей исключал момент динамизма права, так как данная единожды законодателям оценка интересов должна была превалировать до тех пор, пока она не будет пересмотрена в новом законе. Напротив, объективно-телеологический метод, который был направлен в первую очередь на выявление принципов и целей закона, оставлял возможность праву развиваться и адаптироваться, при этом не покушаясь на функции законодательной власти. Тем не менее оба метода внесли важный вклад в развитие немецкой правоинтерпретационной доктрины и легли в основу более новых подходов к толкованию права, которые, в свою очередь, отвечали новым потребностям правовой науки и практики во второй половине XX в.

Список использованных источников:

1. Titiriga R. The «Jurisprudence of Interests» (Interessenjurisprudenz) from Germany: History, Accomplishments, Evaluation // *International Journal of Law, Language & Discourse*. – 2013. – Vol. 3. – Iss. 1. – P. 55–78.
2. René D. *French Law: Its Structure, Sources, and Methodology*. – Baton Rouge, 1972. – 222 p.
3. См., например: Herget J. E., Wallace S. The German Free Law Movement as the Source of American Legal Realism // *Virginia Law Review*. – 1987. – Vol. 73. – № 2. – P. 399–455.

4. Завадский А. В. К учению о толковании гражданских законов. Новейшие течения по этому вопросу в немецкой литературе (школы свободного права и др.). – Казань, 1916. – 223 с.
5. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. – Berlin, 1975. – 489 s.
6. Иеринг Р. фон. Борьба за право. – М., 1874. – 77 с.
7. Heck P. Interessenjurisprudenz und Gesetzestreue // Deutsche Juristen-Zeitung. – 1905. – Jg. 10. – S. 1140–1142.
8. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. – М., 2011. – Т. 1. – 510 с.
- 9 Радбрух Г. Философия права. – М., 2004. – 240 с.
10. Wach A. Handbuch des deutschen Civilprozessrechts. – Leipzig, 1885 – 690 S.
11. Kohler J. Ueber die Interpretation von Gesetzen // Zeitschrift für das Privat- und Öffentliche Recht der Gegenwart. – 1886. – S. 1–61.

УДК 340.15

Кошкин А.С.

ассистент кафедры истории и теории государства и права

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЮРО КООРДИНАЦИИ ФРАХТОВАНИЯ СУДОВ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ (СЭВ)

В работе на основе исторического и сравнительно-правового метода проанализирована нормативно-правовая база, регулирующая работу Бюро координации фрахтования судов при Совете Экономической Взаимопомощи. Отмечена роль Бюро по улучшению организации сотрудничества стран-членов СЭВ в области морского судоходства для более рационального использования морского тоннажа стран-членов СЭВ и координации действий этих стран при фрахтовании тоннажа капиталистических стран.

Ключевые слова: Бюро координации фрахтования судов, Совет экономической взаимопомощи, совещания фрахтовые и судовладельческих организаций, фрахтование, судоходство, тоннаж.

Интенсивное развитие флота в шестидесятых годах привело к коренным изменениям: собственный флот занял ведущее место в обслуживании внешнеэкономических связей Болгарии, Польши и Советского Союза, он перевозил более половины внешнеторговых грузов.

Высокие темпы роста внешней торговли стран-членов СЭВ, предусмотренные в перспективных планах их развития, предопределили дальнейшее увеличение объема морских перевозок. Увеличились перевозки и возросла роль морского транспорта в обслуживании взаимной торговли стран-

членов СЭВ, которая в 1955-1970 гг. возросла по отношению к предыдущей пятилетке на 40%.

Вышеуказанные факторы привели к тому, что постановлением Исполнительного Комитета Совета Экономической Взаимопомощи от 20 декабря 1962 года было создано Бюро координации фрахтования судов, которое в дальнейшем являлось постоянно действующим исполнительным органом совещаний представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ [1, с. 77-78].

В то время учет и систематизация работы фрахтовых и судовладельческих организаций имели важное значение для дальнейшего развития морского судоходства и укрепления его позиций во внешнеторговых перевозках стран-членов СЭВ. Среди основных функций Бюро координации фрахтования судов, отраженных в Положении о Бюро координации фрахтования судов, утвержденном Постоянной комиссией по транспорту СЭВ 3 июля 1963 года следует отметить:

а) ведение учета и наблюдения за выполнением рекомендаций совещаний представителей фрахтовых и судовладельческих организаций и содействие их выполнению;

б) принятие необходимых мер по подготовке, организации и проведению совещаний представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ, а также выполнение функций секретариата этих совещаний;

в) содействие улучшению существующих форм и методов взаимной информации, осуществление разработки и организации новых форм информации о положении на фрахтовом рынке, а также, используя накопленные им материалы:

- разрабатывало информации, которые могут оказывать помощь в деятельности отдельных фрахтовых организаций, и рассылало их заинтересованным организациям в форме периодических бюллетеней и другими способами;

- разрабатывало отдельные проблемы согласно плану работы Бюро [2, с.17].

Помимо указанных функций, Бюро подготавливало предложения:

а) по улучшению фрахтования трампового тоннажа, принадлежащего социалистическим и капиталистическим странам;

б) по улучшению бронирования линейного тоннажа капиталистических стран и свободного линейного тоннажа социалистических стран;

в) по сосредоточению фрахтования тоннажа капиталистических стран на отдельных грузонаправлениях в руках одной фрахтовой организации, а также по обработке отдельных фрахтовых рынков через представительство одной из фрахтовых организаций от имени и по поручению других заинтересованных фрахтовых организаций;

г) по организации совместных линий между странами-членами СЭВ и на третьи страны, учитывая условия, связывающие отдельные страны-члены СЭВ, которые вытекают из двусторонних и многосторонних соглашений, а также предложений об условиях перевозки и тарифах, применяемых на таких линиях,

исключая валютные квоты, которые должны рассматриваться на соответствующем уровне;

д) по организации совместных выступлений фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ для защиты своих интересов от дискриминационных действий капиталистических судовладельческих монополий.

Для осуществления указанных выше задач Бюро имело следующие права:

а) запрашивать и получать от фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ необходимые материалы и информации, связанные с выполнением собственных задач;

б) представлять свои предложения заинтересованным фрахтовым и судовладельческим организациям стран-членов СЭВ, а также на рассмотрение совещаний представителей этих организаций [3, с.21].

Бюро состояло из специалистов-экспертов, из числа которых один являлся заведующим Бюро, и лиц технического персонала. Должностные категории и численный состав персонала Бюро определялся его штатным расписанием.

Заведующий Бюро и специалисты-эксперты назначались с учетом рекомендаций стран-членов СЭВ по одному от каждой страны, которая имела фрахтовую организацию.

Специалисты-эксперты, рекомендуемые на работу в Бюро, должны были иметь необходимую теоретическую подготовку, опыт практической работы в области фрахтования судов, организаторские навыки и удовлетворительное знание рабочего языка Бюро. Рабочим языком Бюро, согласно Положению, являлся русский язык.

Заведующий Бюро назначался и освобождался от работы по представлению Секретаря Совета Постоянной Комиссией СЭВ по транспорту по согласованию с Постоянной Комиссией СЭВ о внешней торговле. Другие сотрудники назначались и освобождались от работы Секретарем Совета в соответствии с Правилами об условиях труда сотрудников Секретариата Совета Экономической Взаимопомощи.

Заведующий Бюро обладал следующими полномочиями:

а) руководил работой Бюро;

б) представлял Бюро перед официальными лицами и другими организациями стран-членов СЭВ;

в) принимал меры, обеспечивающие надлежащее выполнение возложенных на Бюро функций;

г) нес ответственность перед Секретариатом Совета за финансовое хозяйство Бюро, представлял в Секретариат Совета проект ежегодной сметы Бюро и отчет о выполнении сметы за истекший год;

д) отчитывался о деятельности Бюро перед совещанием представителей фрахтовых и судовладельческих организаций;

е) периодически информировал Секретариат Совета о работе Бюро.

Что касалось контрольно-надзорных функций, общее наблюдение за деятельностью Бюро осуществляла Постоянная Комиссия СЭВ по транспорту

при тесном взаимодействии с Постоянной Комиссией СЭВ по внешней торговле [4, с. 33].

Изменения в нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность Бюро, могли быть внесены Постоянной Комиссией СЭВ по транспорту по предложению совещания представителей фрахтовых и судовладельческих организаций.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, создание Бюро координации фрахтования судов, а также разработка нормативно-правовой базы по его деятельности позволила в значительной степени улучшить, централизовать и модернизировать организацию сотрудничества стран-членов СЭВ в области торгового морского судоходства. Работа Бюро в данный период позволяла более рационально использовать собственный торговый флот стран-членов СЭВ, а также налаживать более тесные связи для морских торговых перевозок с капиталистическими странами.

Список использованных источников:

1. Основные документы СЭВ. // Секретариат, М., 1960. - С. 124.
2. Протоколы заседаний Совета. // Секретариат, М., 1961. - С. 34.
3. О деятельности Бюро координации фрахтования судов. Бюллетень экономической информации СЭВ № 1 (22). // Секретариат, М., 1964.
4. Совещание представителей фрахтовых и судовладельческих организаций стран-членов СЭВ. Справочник «Международные экономические и научно-технические организации социалистических стран». // Экономика, М. 1970. - С. 47.

УДК 340

Бегунович Р.В.

аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ГЕРМАНИИ ОТ 1945 ГОДА ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется отечественная и зарубежная историография прав человека в Германии в период от 1945 г. до начала XXI в., выделяются темы, более всего интересующие исследователей в данной сфере, обозначаются вопросы, представляющие, по мнению автора, наибольший интерес для российской юридической науки.

Ключевые слова: права человека, основные права, историографический анализ, ФРГ, ГДР.

Связанные с институтом прав человека вопросы чрезвычайно значимы для юридической науки и практики не только в России, но и за рубежом. Однако

большинство отечественных исследований по данной тематике фокусируется исключительно на отечественном опыте и не учитывает закономерности развития рассматриваемого института в зарубежных странах.

Современный мир характеризуется всё нарастающей тенденцией к укреплению взаимосвязей между государствами. В наши дни правовые системы государств не могут замкнуться на самих себе и отказаться от взаимного познания и обогащения. Таким образом, в отечественной юридической науке возникает необходимость в сравнительно-правовых исследованиях, выявляющих закономерности развития института прав человека в зарубежных правовых системах, и, прежде всего, в правовых системах романо-германской правовой семьи. Одной из таких правовых систем является немецкая.

В целях проведения историографического анализа развития института прав человека в Германии (от 1945 года до начала 21 века) следует, как представляется, разделить данную тему на три сферы изучения, а именно:

1. История развития института прав человека в Западной Германии (1945-1990 гг.);
2. История развития института прав человека в Восточной Германии (1945-1990 гг.);
3. История развития института прав человека в воссоединенной Германии (1990 – начало XXI в.).

Также отметим, что, так как основные права следует рассматривать в качестве одного из видов прав человека [1, с. 146], то в рамках данного историографического анализа принималась во внимание и литература по основным правам.

Одной из наиболее приближенных к рассматриваемой теме работ, более или менее полно рассматривающей историю развития института прав человека в Германии, представляется диссертация И.В. Катаны. Исследование данного автора посвящено институту основных прав и свобод в конституционном законодательстве ФРГ. И, хотя в целом в работе исследуется теория основных прав в воссоединенной Германии, автор включает в своё исследование параграф, посвящённый истории основных прав, где фокусируется на дискуссии о категории «достоинство человека» [2, с. 16-58]. Несмотря на то, что в данном параграфе тема истории основных прав рассматривается, как видится, не вполне глубоко, он отлично справляется, по нашему мнению, с ролью введения к основной части исследования и может быть использован как одна из основ в дальнейшем изучении истории прав человека в Германии.

Также некоторые положения об истории основных прав в Германии можно встретить в литературе по истории государства и права зарубежных стран таких авторов, как В.Г. Графский [3], О.А. Жидков, Н.А. Крашенинникова [4]. В то же время данные положения носят лишь базовый характер, что, как представляется, объясняется основной направленностью названных работ – рассмотрение истории государства и права зарубежных стран в целом.

Весьма большую долю в историографии по рассматриваемой теме занимают научные статьи, в которых авторы исследуют тот или иной узкий аспект, касающийся истории развития прав человека в Германии. Одним из

наиболее популярных среди отечественных исследователей является, по нашему мнению, вопрос, связанный с соотношением норм Европейской конвенции по правам человека и нормами национального законодательства [5], что связано, в том числе, с наличием аналогичной проблематики в российском праве. Кроме того, отечественных исследователей интересуют вопросы, связанные с закреплением, действием и защитой основных прав [6], а также отдельными основными правами [7].

Таким образом, в отечественной историографии практически отсутствуют работы, которые комплексно и детально рассматривали бы историю развития института прав человека в Германии. Большинство исследований носит узкоспециализированный характер и касается отдельных аспектов института прав человека и истории его развития. Общетеоретические же исследования если и затрагивают данную проблематику, то делают это лишь в контексте основной темы, не углубляясь подробно в историю развития института прав человека.

Намного более богатой в отношении рассматриваемой темы, чем отечественная, является зарубежная историография.

В первую очередь следует отметить учебную литературу по немецкой истории Конституции таких авторов, как Д. Вилловайт, Ш. Шлинкер, В. Фротшер, Б. Пирот. В своих работах данные авторы рассматривают, в числе прочего, такие вопросы, как становление Конституций ФРГ и ГДР, судебная практика Федерального Конституционного Суда ФРГ, правовая политика ФРГ и понимание основных прав в ГДР, деятельность Штази [8].

Также заслуживает упоминания работа «История прав человека», автором которой является А. Харатш. В данной работе автор рассматривает среди прочих вопросы, связанные непосредственно с идеей прав человека, а именно: понимание прав человека в марксизме-ленинизме, социальные права в ФРГ, достоинство человека как источник принципов свободы и равенства [9].

С учетом ширины охвата тем и достаточной глубины их изучения работы таких авторов, как Д. Вилловайт, Ш. Шлинкер, В. Фротшер, Б. Пирот, А. Харатш, могут быть использованы в качестве теоретико-методологического базиса для дальнейших исследований в области истории развития института прав человека в Германии.

Что касается исследований истории прав человека в Западной Германии, то следует отметить исследование Л. Вильденталь «Язык прав человека в Западной Германии». Достоинством данной работы является, по нашему мнению, то, что автор не только описывает события, повлиявшие на институт прав человека, но и показывает и анализирует историю западногерманской дискуссии по данному вопросу. Так, например, вызывает интерес глава, посвященная весьма оригинальной концепции прав человека, разработанной известным немецким юристом Рудольфом Лауном.

Также следует отметить исследования, посвященные судебной практике Федерального Конституционного Суда ФРГ в целом, а также отдельным его решениям [10]. Кроме того, заслуживают внимания работы, затрагивающие

такие вопросы, как влияние на Основной Закон проекта Всеобщей декларации прав человека [11], история общественных движений в ФРГ [12] и др.

Среди работ, посвященных истории прав человека в Восточной Германии, следует отметить диссертационное исследование, автором которого является Н. Ричардсон-Литтл. В своей работе автор останавливается, в числе прочего, на таких вопросах, как официальный дискурс прав человека, создание концепции «социалистических прав человека», место идей прав человека в мирной революции в ГДР [13].

Также представляют немалый интерес исследования по таким вопросам, как протестные движения [14] и деятельность правозащитных организаций в ГДР [15], история Штази [16]. Кроме того, значительное место в зарубежной историографии занимают вопросы, связанные с Берлинской стеной [17].

Что касается истории прав человека в начале XXI в., то помимо таких нашумевших тем, как мигранты [18], заслуживает внимания вопрос реализации социальных прав человека. Данный вопрос интересен, так как в Германии социальные права человека не закреплены в Основном Законе. При этом отсутствие нормативного закрепления социальных основных прав компенсируется правоприменительной практикой Федерального Конституционного Суда Германии [19].

К сожалению, объём данной работы не позволяет провести более детальный историографический анализ истории развития института прав человека в Германии от 1945 г. до начала XXI в. В связи с этим в настоящей статье мы привели литературу и обозначили вопросы, заслуживающие, по нашему мнению, наибольшего внимания.

В результате проведенного нами историографического анализа рассматриваемой темы следует отметить относительно небольшое количество отечественных работ, посвященных истории развития института прав человека в Германии, поэтому следует отнести данную тему к малоизученным в российской юридической науке. При этом наибольший интерес, по нашему мнению, вызывают вопросы официальной доктрины прав человека в ГДР, а также сравнительная история правозащитных и диссидентских движений в ГДР и СССР.

Список использованных источников:

1. Лукашева Е.А. Права человека: учебник / Е.А. Лукашева. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 560 с.
2. Катана И.В. Институт основных прав и свобод человека и гражданина в конституционном законодательстве ФРГ / И.В. Катана. – М., 2005. – 247 с.
3. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства: Учебник для вузов / В.Г. Графский. – М.: Норма, 2007. – 752 с.
4. История государства и права зарубежных стран: Учебник для вузов: в 2 ч. / под общ. ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. – М.: Норма, 2003. – Ч. 2. – 720 с.
5. Машкова Е.В., Витгмер Ф.М. Особенности взаимоотношений между Европейским судом по правам человека и органами конституционного правосудия Германии и Австрии: сравнительно-правовой аспект // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – №12. – С.57–61; Перчаткина С.А. Некоторые аспекты влияния конституционного правосудия на

- соотношение международного и конституционного права (на примере Австрии и Германии) // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – №20. – С.36–39.
6. Бергер А.Ю. Сравнительно-правовой анализ действия конституционных прав и свобод человека и гражданина в частном праве Германии и России // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – №1. – С.100–119; Блохин П.Д. Защита основных прав средствами конституционного правосудия в Германии // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – №1. – С.81–104; Сазин С.Т. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ и в Основном законе ФРГ (сравнительно-правовой анализ) // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – №6. – С.34–36.
7. Гриценко Е.В., Бабелюк Е.Г., Проскуракова М.И. Развитие права на доступ к информации в сфере публичного управления в российском и германском конституционном праве // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – №5. – С.10–27; Тузова О.О. Конституционная реформа института права убежища ФРГ 1993 г. // История государства и права. – 2009. – №23. – С.32–34; Акимова Е.Я. Федеральный конституционный суд Германии расширил доктринальное толкование права на свободу собраний // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – №3. – С.26–37.
8. Willoweit D., Schlinker S. Deutsche Verfassungsgeschichte: Vom Frankenreich bis zur Wiedervereinigung Deutschlands / D. Willoweit, S. Schlinker. – 8. Auflage. – München: C.H.Beck, 2018. – 520 s.; Frotscher W., Pieroth B. Verfassungsgeschichte / W. Frotscher, B. Pieroth. – 18. Auflage. – München: Verlag C.H. Beck, 2019. – 533 s.
9. Haratsch A. Die Geschichte der Menschenrechte / A. Haratsch. – 4. Aufl. – Potsdam: Univ.-Verl, 2010. – 108 s.
10. Kommers D.P., Miller R.A., Ginsburg R.B. The constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany / D.P. Kommers, R.A. Miller, R.B. Ginsburg. – Durham, NC: Duke University Press, 2012. – 874 p.; Das Lüth-Urteil aus (rechts-)historischer Sicht: die Konflikte um Veit Harlan und die Grundrechtsjudikatur des Bundesverfassungsgerichts / von Thomas Henne, Arne Riedlinger. – 1. Aufl. – Berlin: BWV, Berliner Wissenschafts-Verlag, 2005. – 591 s.
11. Eberhardt D. Der Einfluss der Allgemeinen Erklärung der Menschenrechte auf die Grundrechtsberatungen des Grundgesetzes im Parlamentarischen Rat // MenschenRechtsMagazin. – 2009. – №2. – S.162–172.
12. Cooper A.H. Paradoxes of peace: German peace movements since 1945 / A.H. Cooper. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996. – 331 p.
13. Richardson-Little N. Between dictatorship and dissent: ideology, legitimacy, and human rights in East Germany, 1945-1990 / N. Richardson-Little. – Chapel Hill, 2013. – 416 p.
14. Jesse E. Das Jahr 1968 und die Bürgerbewegung in der DDR // 1968 – alles nur Geschichte?. – Stuttgart: Lucius & Lucius, 2008. – S. 87–94.
15. Mihr A. Amnesty International in der DDR: der Einsatz für Menschenrechte im Visier der Stasi / A. Mihr. – Berlin: Links, 2002. – 332 s.
16. Gieseke J. Mielke-Konzern: die Geschichte der Stasi 1945-1990 / J. Gieseke. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 2006. – 317 s.
17. Taylor F. Die Mauer: 13. August 1961 bis 9. November 1989 / F. Taylor. – 1. Aufl. – München: Pantheon-Verl, 2011. – 576 s.
18. Tiedemann P. Flüchtlingsrecht: die materiellen undverfahrensrechtlichen Grundlagen / P. Tiedemann. – Berlin: Springer, 2015. – 186 s.
19. Штайнер У. Социальное государство без социальных прав. Реальная ситуация важнее обещаний и деклараций // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – №4. – С.118–129.

УДК 340

Гаук А. М.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

О СОДЕРЖАНИИ УСТАВА О СУДОХОДСТВЕ ДЛЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО 1839 Г.

Данная статья посвящена малоизвестному документу из истории Великого Княжества Финляндского – Уставу о судоходстве 1839 г. В ходе приведенного анализа данного нормативного акта сделан вывод о том, что его принятие было временной и компромиссной мерой, принятой с целью урегулирования отдельных общих вопросов, в первую очередь порядок прихода и отхода судов, их взаимоотношения с таможенными органами; установления перечня нормативных актов для морского плавания.

Ключевые слова: устав о судоходстве, Великое Княжество Финляндское, судоходство, Российская империя.

Современная историко-правовая наука знает немало интересных и весьма информационных работ, посвященных проблемам становления и развития отечественного морского права. Среди них можно выделить работы дореволюционного периода – Шершеневич Г. Ф. [1], Невзорова А. С. [2]; советского – Кейлина А. Д., Виноградов П. П. [3, 4]; современного – Мишальченко Ю. [5], Никитина А. П. [6], Змерзлый Б. В. [7] и др.

В тоже время следует отметить тот факт, что не во всех регионах Российской Империи действовало общеимперское законодательство. Одним из таких регионов было Великое княжество Финляндское (далее – ВКФ). Как известно, присоединение земель, заселенных финнами к территории российского государства шло постепенно, в первую очередь за счет войн с Шведским королевством [8]. Окончательное же оформление данный процесс получил в 1808 г. [9, с. 146-147.].

Учитывая полученную ВКФ автономию, а также давние морские традиции финнов, их знание европейских морских законов и практики, вплоть до 1917 г. им было позволено иметь собственное морское право, лишь в отдельных частях синхронизированное с общеимперским. Первоначально таким документом стал Устав о судоходстве 1839 г.

Данный документ относительно небольшой по своему объему. Он состоит из 139 параграфов, объединенных в 4 главы.

Первая глава называется «О заграничном судоходстве стапельных городов Финляндии вообще» и состоит из двух частей «Об отходе судов» и «О приходе судов».

Вторая глава носит название «О заграничном судоходстве в пределах Балтийского моря».

Соответственно логике, третья глава посвящена внутреннему судоходству. В ней первая часть посвящена общим правилам в том числе согласно по постановлению о торговых сношениях России с Великим Княжеством Финляндским от 17 июля 1835 г. и по другим узаконениям; вторая часть – правилам судоходства внутри Финляндии между финляндскими городами, а третья – судоходству «сельских обывателей между разными местами Финляндии».

Четвертая глава получила название «Положения особые» не случайно – в нее вошли нормы, не объединенные между собой внутренней логикой, но не вошедшие в предыдущие 3 главы. Они, в частности, регулировали: ответственность шкипера и членов экипажа (ст. 109-110); взаимоотношения шкиперов и таможенных служащих (ст. 111-113); особенности организации погрузки и выгрузки (ст. 114-116); места входа (фарватеры) для судов различного флага и принадлежности финляндские порты (ст. 117-119); отдельные нормы в отношении лоцманов (ст. 122-123); запрет на ввоз заграничной корреспонденции (ст. 125); обязанность способствовать возвращению финских моряков из-за границ домой (ст. 126); ответственность за сохранность замков и печатей на грузе (ст. 127-128); об охране выброшенных на берег моря вещей (ст. 131); о государственном статусе таможенников и защите их чести и здоровья (ст. 132); обязательный перечень для судов отходящих за границу (ст. 133-135); особенности найма экипажа (ст. 136, 138); особенности за нарушение данного устава (ст. 139)[10, с. 298-326].

Таким образом, не смотря на выделенные законодателем главы и подразделы, проведенный нами анализ устава 1839 г. свидетельствует о том, что основное его содержание можно разделить на следующие правила: 1) таможенные, в том числе и те, что регулируют порядок и место входа судов в финские воды; 2) регулирующие вопросы права владения судном; 3) регулирующие права и обязанности шкиперов и команды; 4) специальные, вызванные различным социальным положением различных групп на которых данный устав распространялся, в том числе на иностранцев; 5) особые нормы, в том числе касающиеся лоцманов.

Безусловно, что с учетом развития мировой теории и практики первой половины XIX века данный документ нельзя назвать в полной мере морским уставом. В нем отсутствуют важные составляющие подобных актов: статус судна и его экипажа; статус и права шкипера, судовладельца; вопросы, относящиеся к морским авариям и страхованию и многое другое.

Причин такового, на первый взгляд странного явления, достаточно много. Во-первых, в Финляндии за несколько веков укоренилось как профильное шведское законодательство, так и сложились соответствующие местные обычаи. Во-вторых, принятое в Финляндии шведское морское право тесно переплеталось и было взаимосвязано с соответствующим правом иных стран Балтии, и нарушение этого баланса могло привести к серьезным негативным экономическим, социальным, а возможно и политическим последствиям. В-третьих, собственно в Российской империи, даже с учетом Устава купеческого водоходства, своего сложившегося морского права, во всех его проявлениях, не

было. В-третьих, Финляндия не знала крепостного права, а вот право внешней и внутренней торговли, в том числе как видно и из данного Устава, обладало практически все население (как городское, так и сельское) без традиционного для России купеческого или морского сословия.

С учетом вышесказанного и был разработан данный документ призванный узаконить отдельные нормы и, что было важнее на текущий момент, обозначить общие направления возможного последующего правового регулирования.

В последующем, с развитием как общемирового морского права, так и собственно права Российской империи, в 1873 г. был принят новый, действовавший до 1917 г. морской устав Великого Княжества Финляндского. Именно этот документ отменил не только предыдущий Устав, но и шведские Морской устав от 12 июня 1667 года и постановление о страховании от аварии 2 октября 1750 года, действовавшие на территории Финляндии.

Список использованных источников:

1. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. / Шершеневич Г.Ф., проф. Моск. ун-та. – 4-е изд. – С.-Пб.: Бр. Башмаковы, 1909. – 455 с.
2. Невзоров А. С. Русские биржи: Свод торговых обычаев и правил русских бирж. Вып. 4 / Невзоров А.С. - Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. - 588 с.
3. Кейлин А. Д. и Виноградов П. П. Морское право. Под ред.: Солодилов А.П.: – И-во «Водный транспорт», Москва, 1939 г. – 246 с.
4. Кейлин А. Д. Советское морское право: Допущено Главным управлением учебными заведениями Министерства морского и речного флота СССР в качестве учебного пособия для высших мореходных училищ и институтов водного транспорта / Проф. А.Д. Кейлин. – М.: Государственное издательство водного транспорта, 1954. – 396 с.
5. Юрий Мишальченко. Возникновение и развитие «лоцманского дела» // Морское право. 2004. №2. URL: <http://www.delta-pilot.ua/node/249>
6. Никитина А. П. Правовые проблемы регулирования «удобных флагов» в портах России. Журнал «Безопасность бизнеса». - №3. – Москва, 2016.
7. Змерзлый Б.В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б.В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
8. Бородкин, М. М. История Финляндии: Время Императора Александра I. – СПб., 1909. – 635 с.
9. 20 марта 1808 г. Т. 30 (1808-1809) Манифест «О покорении Шведской Финляндии и о присоединении оной навсегда к России». №22911. С. 146-147.
10. Мая 28 1839. №157. Высочайший Его Императорского Величества Устав. – о судоходстве для Великого Княжества Финляндского // Собрание постановлений финляндских. Том I. Узаконения, обнародованные на русском языке. С Дополнениями. 1809-1939. С. 298-326.

УДК 349.2

Овчарова Ю. А.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ГЕНЕЗИС НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ РАБОТУ СОВМЕСТИТЕЛЕЙ

В статье рассказывается об истории развития норм трудового права и проводится анализ законодательства, регулирующего права лиц, работающих по совместительству.

Ключевые слова: совместительство, история, норма права, работа, регулирование, контроль, оплата труда.

В Трудовом кодексе РФ (далее по тексту – ТК РФ)[1] впервые за долгое время были законодательно установлены особенности регулирования труда лиц, работающих по совместительству.

История создания законодательства о совместительстве демонстрирует нам, как законодатель способен влиять на сложившиеся общественные отношения и решать различные политические вопросы, используя норму права. Кодекс законов о труде 1918 года упоминает в статье 66 о совместительстве. В этой статье отмечалось, что лица, работающие в нескольких местах, обязаны были заявить, в каком из мест работы они желают получать вознаграждение. В 1919 году правительство, предвидя в будущем стагнацию экономики в условиях дефицита высококвалифицированных сотрудников, предпринимает попытку законодательного урегулирования труда совместителей, в связи с этим было принято Положение об использовании знаний и опыта высшего технического, коммерческого, ученого и врачебного персонала в свободное от основных занятий время[2], таким образом, государство берет эту сферу под личный контроль. В положении совместительство разрешалось по постановлению руководящей коллегии учреждения или предприятия, куда совместитель приглашался на работу, и с согласия учреждения, где выполнялась основная работа, также лица должны были пройти регистрацию при тарифном отделе Народного комиссариата труда. К данному Положению Постановлением Народного комиссариата труда было издано дополнение[3], при котором совместители должны были не только регистрироваться в тарифном отделе Народного комиссариата труда, но и представлять сведения обо всех полученных дополнительных вознаграждениях и о размере своего основного оклада. Сведения все представлялись в течение 5 дней со дня получения дополнительного вознаграждения. Неисполнение всех предписаний рассматривалось как преступление против государства и виновные лица сразу же отстранялись от занимаемых должностей и передавались суду революционного трибунала.

И так, государством было введено ограничение по сфере применения труда совместителей, также установлен контроль над лицами, осуществляющими такую деятельность, включая оплату их труда.

18 сентября 1919 года Совет народных комиссаров принял Постановление «О порядке совместительства должностей»[4], целью которого стало еще более жесткое ограничение совместительства. Опираясь на это Постановление совместительство, разрешалось при соблюдении определенных условий:- для выполнения работы нужны редкие специальные знания;- отсутствие зарегистрированных лиц подходящей квалификации в Главбюро по учету и распределению рабочей силы;- внешнее совместительство допускалось не более чем у одного работодателя;- приглашение совместителя на работу разрешалось только с разрешения руководящей коллегии учреждения.

В 1921 году, подводя итоги опыта применения труда совместителей, Совет народных комиссаров утвердил Положение о совместительстве СУ РСФСР[5]. Это Положение, явилось законодательным закреплением норм, содержащихся в предыдущих актах, например как разрешение только внешнего совместительства и высококвалифицированными сотрудниками, также устанавливалась уголовная ответственность за нарушение правил совместительства. Что касается оплаты труда, то Положение устанавливает определенные ограничения: труд совместителей оплачивается не в общем порядке, а по определенным специальным тарифам, устанавливаемым ВЦСПС и утвержденным СНК СССР, в случае предоставления совместителю по одной из должностей какого-либо довольствия натурой, он лишался права использования довольствия от другого предприятия. Данный порядок продолжал действовать до 1933 года. Кодекс законов о труде принятый в 1922 году не включает норм, регулирующих труд совместителей. 11 марта 1933 года СНК СССР принимает Постановление «Об упорядочении совместительства»[6]. В этом Постановлении указывалось, что в случае выполнения одинаковой работы при одинаковом стаже и квалификации работникам, не выполняющим другую работу по совместительству, устанавливается более высокий оклад.

После принятия данного Положения до 1959 года можно сказать, что нормативная база регулирования труда не изменялась. В середине 50-х XX в. объявили, что из-за изменений в балансе трудовых ресурсов страны существенными позитивными сдвигами в профессиональном и квалифицированном составе работающих страна смогла достичь обеспечения нуждающихся звеньев народного хозяйства необходимыми кадрами. Поэтому было выдвинуто мнение о том, что потребность в таком правовом явлении, как совместительство, утратило значение. 10 декабря 1959 года Совет министров СССР принимает Постановление «Об ограничении совместительства по службе» [7], в котором поставлена задача быстрого ограничения совместительства вплоть до полного отказа от штатного совместительства к концу 1960 года. Стоит сказать, что действия данного Постановления не затрагивало рабочих и младший, обслуживающий персонала.

Постановление лишило работников права пользоваться льготами на работе по совместительству, данная работа не учитывалась при исчислении стажа, предоставляющего право на пенсию, также было учтено дополнительное основание увольнения совместителей по инициативе работодателя.

Постановление фактически ставит совместительство вне закона, и снижает материальную заинтересованность в работе по совместительству. 9 июня 1960 года было принято дополнение к Постановлению Совета министров СССР «Об ограничении совместительства по службе» [8]. Данное дополнение снимало ограничение совместительства для рабочих, младшего обслуживающего персонала и служащих, которые занимают низкооплачиваемые должности. В этот период Совмин СССР принимает целый ряд постановлений, которые позволили принимать на работу по совместительству не только рабочих и младший обслуживающий персонал, но также специалистов и служащих. За 1960 год было принято примерно 140 нормативно правовых актов такого характера.

Кодекс законов о труде принятый в 1971 году содержит в статье 253 упоминание о совместительстве, передавая регулирование труда этой категории работников на подзаконный уровень. В начале 80-х годов XX века кадровые резервы для экстенсивного развития народного хозяйства были использованы. Плановая численность рабочих сильно преобладает над их фактическим наличием. Был найден способ решения проблем связанных с трудовыми ресурсами, и он назывался совместительство. В качестве эксперимента 29 декабря 1983 года Госкомтруд СССР и ВЦСПС приняли два положения. Одно было направлено на расширение совместительства внутри самих производственных объединений. Другое разрешало внешнее и внутреннее совместительство, но на предприятиях Челябинской области. Ввиду успешности проводимого эксперимента, его продлили на 1985-1987 гг. 22 сентября 1988 года Совмин СССР принял Постановление «О работе по совместительству» [9], которое фактически аннулировало главные ограничения совместительства.

Начиная с момента принятия этого Постановления, мы можем говорить о возникновении нового этапа правового регулирования труда совместителей. 25 ноября 1993 года Минтруд России принял Постановление «Об утверждении разъяснения «Об отпусках работающим по совместительству» [10]. В данном разъяснении указывалось, что ограничения оплаты отпусков и выплаты компенсации за неиспользованный отпуск, установленные Постановлением Совмина СССР 1988 года «О работе по совместительству», противоречат статье 66 КЗоТ.

5 ноября 1999 года решением ВС РФ № ГКПИ 99-801 [11] были сняты ограничения по предоставлению льгот совместителям, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. В основу решения Верховного Суда были положены ст. 251 КЗоТ и Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. N 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [12]. Положение Постановления Совмина СССР от 22 сентября 1988 года решением ВС РФ от 14 декабря 2000 года № ГКПИ 2000-1293 [13] было признано незаконным.

В ТК РФ, который вступил в законную силу 1 февраля 2002 года мы можем найти отражение в главе 44 «Особенности регулирования труда лиц,

работающих по совместительству». Дается определение «совместительство», которого не было в других нормативно правовых актах. Совместительство – это выполнение работником трудовой функции в сводное от основной работы время на основании трудового договора, оплачиваемая работа. Федеральным законом «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ, признании не действующими на территории РФ некоторых нормативно правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов РФ»[14] были произведены изменения, появилась статья 60.1, которая посвящена совместительству.

Анализируя изменения в трудовом законодательстве относительно вопроса совместительства нельзя не заметить одну интересную особенность: степень одобрения государством совместительства как такового всегда зависит не только от политической, но и от социально-экономической обстановки, которая имела место быть в тот или иной период исторического развития нашей страны. Так, в 1919 году, когда мы видим и законодательное закрепление и, в то же время, ужесточение и тотальное контролирование сферы совместительства, сложно не связать это с качественно новым этапом развития, который наступил для нашего государства в данном периоде. Интересно, что эмиграция из перерождающейся державы интеллигенции и представителей научной элиты и стала причиной допущения совместительства именно работников тех профессий, которые были представлены выше. Стране нужно было удержать эти кадры и нужно было обеспечить их благополучное существование, такое, когда бы люди, обладающие ценными знаниями и умениями, не нуждались бы ни в чем, и, более того, их семьи были бы вполне обеспечены. Не возникает сомнений и в том, что наступали такие времена, когда не только интеллектуальный труд, но и труд простых рабочих не оплачивался достойно, что служило, бесспорно, причиной для повсеместного распространения совместительства.

Однако, изначально правильная идея допустить и регламентировать детально совместительство не получила достаточного развития. Вместо того, чтобы поэтапно развивать этот процесс в соответствии с естественными изменениями, а также изменениями, обусловленными новыми историческими явлениями, процесс совместительства развивался по принципу «шаг вперед и два назад», что, разумеется, не позволило ему благополучно эволюционировать подобно другим явлениям в трудовом законодательстве. Справедливо также будет отметить, что в те годы, когда совместительство не было запрещено вообще и не подвергалось слишком сильным ограничениям, критерии его допущения были вполне обусловлены логически.

Очевидно, что процесс совместительства не сказывается благополучно на производительности труда работников: двойная, а то и тройная усталость уменьшает количество энергии, что напрямую влияет на способность работника исполнять свои трудовые обязанности на основном месте работы. Таким образом, совершенно понятной становится позиция государства в те годы, государства молодого и неокрепшего, нуждающегося в мощном человеческом потенциале. Другой стороной медали является исполнение

государством своих обязательств по отношению к работникам и их социальному обеспечению, материальному благополучию. Необходимо было тогда, и так же необходимо и теперь, создавать работникам такие условия, чтобы нужда в совмещении не была столь актуальной, ведь исполнение в полном объеме и качественном виде своих прямых трудовых обязанностей, без сомнения, более благоприятно скажется на государственной экономике и обыденной жизни граждан России.

Также показательны изменения, произошедшие в законодательной регламентации совместительства в 80-90 годы. Кадров катастрофически не доставало, планирование предусматривало использование куда большего по объёму человеческого потенциала, нежели это было возможно, отсюда и дозволение государством совместительства. Однако, как показывают исторические, экономические и социальные итоги развития того периода, кадровое голодание компенсировалось лишь формально, в ущерб качеству и производительности труда. Достаточное количество законодательных изменений в области совместительства предоставило нам великолепный сравнительный материал, основываясь на котором, можно подвести итоги развития нашего Отечества в каждом отдельно взятом историческом периоде. Всё это, в свою очередь, даёт возможность прогнозировать развитие социально-экономической сферы нашей страны, что, без сомнения, важно для формирования и обеспечения достойных условий труда для людей, являющихся наиболее важным фактором производства.

Все вышеизложенные выводы имели отношение лишь к экономическому благополучию России на том или ином этапе ее существования, но совместительство имеет куда большее значение, чем можно было бы представить на первый взгляд. Речь идёт о духовном и профессиональном совершенствовании, об обмене опытом и формировании мощной сети профессионалов. Глобальность этого процесса не лежит на поверхности, она доступна и очевидна лишь при глубоком изучении совместительства и обнаружении той сети, что формируется на его основе. Говоря конкретно, можно выделить минимум два преимущества, которые дает совместительство в сферах духовного и профессионального роста: первое преимущество заключается в том, что работник, удваивающий свою нагрузку, при этом действуя в пределах своей специализации, набирается опыта как теоретического, так и практического, что, безусловно, способствует его профессиональному росту; второе преимущество связано более с социальным коммуницированием, общественными связями. Работа по совместительству, особенно внешнему, предполагает увеличение круга коллег и знакомых, что способствует обмену профессиональным опытом и создаёт ту самую сеть профессионалов в разы эффективнее и пространнее. Всё вышеизложенное характеризует совместительство как явление, безусловно, положительное, а значит, достойное поддержки и поощрения со стороны государства.

Список использованных источников:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015)// Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Постановление НКТ «Об утверждении Положения об использовании знаний и опыта высшего технического, коммерческого, ученого и врачебного персонала в свободное от основных занятий время» // Известия ВЦИК. 1919. 23 марта. № 63.
3. Постановлением НКТ «Об утверждении Дополнения к Положению об использовании знаний и опыта высшего технического, коммерческого, ученого и врачебного персонала в свободное от основных занятий время» // Известия ВЦИК. 1919. 29 апреля. № 90.
4. Постановление СНК РСФСР «О порядке совместительства должностей» // СУ РСФСР. 1919. № 45. Ст.449.
5. Постановление СНК РСФСР «Об утверждении Положения о совместительстве» // СУ РСФСР. 1921. № 67. Ст.515.
6. Постановление СНК СССР «Об упорядочении совместительства» // СЗ СССР. 1933. № 19. Ст.110.
7. Постановление Совмин СССР N 1367 «Об ограничении совместительства по службе» // СП СССР. 1959. № 20. Ст.164.
8. Постановление Совмин СССР N 594 «О дополнении постановления Совмина СССР от 10.12.1959 N 1367 « Об ограничении совместительства по службе» // СП СССР.1960. № 12. Ст.68.
9. Постановление Совмин СССР «О работе по совместительству» № 1111 // СП СССР. 1988. № 33. Ст.93.
10. Постановление Минтруд России № 173 «Об утверждении разъяснения «Об отпусках работающим по совместительству» // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств. 1994. № 2.
11. Решение Верховного Суда РФ от 5.11.1999 N ГКПИ99-801 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 5.
12. Закон Российской Федерации от 19.02.1993 N 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // Российская газета. 1993. № 73.
13. Решение Верховного Суда от 14.12.2000 № ГКПИ 2000 – 1293 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. №10.
14. Федеральный закон "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации" от 30.06.2006 № 90-ФЗ.

УДК 340.55

Чикиева Х.Р.

ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет имени В. И.

Вернадского»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

В работе проводится анализ и раскрываются особенности систем местного самоуправления России и Германии.

Ключевые слова: местное самоуправление, государственная власть, местное управление, коммунальное самоуправление, местный уровень.

Местное самоуправление как институт гражданского общества и самостоятельное явление общественной жизни зародилось в глубокой древности. Как общинное самоуправление оно существовало еще до государственно-организованного общества, прошлых этапов античного мира, средних веков, а также нового времени. Местное самоуправление является постоянным объектом теоретического научного осмысления с конца XVIII века и в XIX веке. Его активно используют при проведении правовых, административных и политических реформ.

Управление всеми делами на местах в большинстве современных государств осуществляется специальными органами местного самоуправления, которые формируются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, а также органами местного управления, специально назначаемыми из центра. Местным или муниципальным самоуправлением называют такую систему управления местными делами, которая осуществляется специальными выборными органами, непосредственно представляющими население какой-либо административно-территориальной единицы данной страны [1].

Принципом местного самоуправления является то, что участие граждан в управлении общественными делами непосредственно может быть реализовано именно на местном уровне. Бесспорно, что существование местных сообществ, наделенных реальными полномочиями, дает возможность обеспечить такое управление, которое являлось бы наиболее эффективным и максимально приближенным к нуждам населения.

Отражением уровня демократизма настоящего политического режима в различных странах представляется сила и влияние органов местного самоуправления. Поначалу формирование этих органов осуществлялось на основе ограниченного избирательного права при наличии цензовых барьеров (образования, имущественного ценза, грамотности) состоятельными гражданами общества. Впоследствии система формирования органов местного самоуправления была демократизирована, эти органы стали наиболее массовые и наиболее приближенные к населению [2].

Значительная самостоятельность в решении местных вопросов и универсальная выборность, являются наиболее существенными признаками системы местного самоуправления в зарубежных странах. Эта самостоятельность строится на праве взимания и распоряжения местными налогами, муниципальной собственности, распоряжении местной полицией, возможности принятия широкого круга нормативных актов по вопросам местного управления.

В зарубежных странах выделяется несколько типов функционирования и организации муниципальных учреждений. Среди них: континентальная модель местного управления, англо-саксонская муниципальная система, местное

самоуправление Германии, в которых применяются различные формы и разновидности.

На мой взгляд, можно выделить много общего в развитии системы местного самоуправления России и Германии. Все эти особенности обусловлены тем, что оба государства строят местное самоуправление на основе универсальных демократических принципов, которые нашли изложение в Европейской хартии местного самоуправления. Наличие общих исходных принципов в оценке роли местного самоуправления в государстве и обществе не должно привести к игнорированию особенностей правовой интерпретации и практической реализации данного института в Германии и России. Необходимо выделить среди этих особенностей следующие:

1. Если коммунальное самоуправление в Германии рассматривается как государственная власть, государственное управление, которое осуществляется организационно обособленными звеньями, а именно, территориальными корпорациями публичного права, то местное самоуправление в России характеризуется как вид публичной власти.

2. Ввиду того, что в России органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, то местное самоуправление не может относиться ни к одной из ветвей и вписано в структуру разделения государственной власти. Будучи самостоятельным видом публичной власти, местное самоуправление организуется на собственных принципах разграничения исполнительных и правотворческих функций его органов.

Коммунальное самоуправление Германии выражается как часть системы публичного управления, а муниципальные нормы считаются нормами особенной части административного права [3, С. 342 - 417].

3. Различные подходы к разграничению предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами определяют различие в моделях федеративного устройства Германии и России. Если в Германии к компетенции земель относятся вопросы правовой регламентации коммунального самоуправления и обеспечения институциональной гарантии самоуправления, то определение общих принципов организации местного самоуправления в России является предметом совместного ведения Федерации и субъектов.

4. Если организационная модель местного самоуправления в Германии закреплена в земельных законах об общинах, а организационное верховенство коммун ограничивается правом определения внутренних административных структур, а также некоторых других вопросов внутренней организации в соответствии с законом земель, то структуру органов местного самоуправления в России определяет население самостоятельно. Следовательно, выбор организационной модели местного самоуправления принадлежит муниципалитету [4].

5. В Германии выработаны различные формы правового надзора за издаваемыми в рамках правотворческой автономии коммун актами, при этом имеются в виду как уставы, так и положения. Наряду с «доведением до сведения» органа правового надзора, весьма распространены такие формы надзора, как «утверждение» и «представление» акта местного самоуправления.

6. Несмотря на то, что в обеих странах проводится разграничение между отраслевым и правовым контролем, очевидными являются различия как в организации государственной контрольной деятельности, так и в ее методах и формах. Наиболее распространенная в Германии форма отраслевого контроля, такая как «дача указаний», в России до последнего времени не получила развития [5, С. 115 – 117].

Эффективность использования в России международного опыта зависит от правильности его понимания. К неправомерному сопоставлению форм регулирования и контроля за действиями местных администраций со стороны вышестоящих государственных органов с государственным регулированием и контролем местного самоуправления приводят сложности перевода с иностранных языков. По этой причине неправомерно отождествляется местное управление и местное самоуправление. Для организации управления территориями во многих странах применяют сложные механизмы, которые сочетают органы государственной администрации местного уровня и избираемые населением органы.

Список использованных источников:

1. ФЗ №131 от 6 октября 2003г. "Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ".
2. Кутафин О.Е. Муниципальное право Российской Федерации : учебник для студ. / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. — М. :Юристь, 1997. - 428 с.
3. Основы государственного (конституционного) права Германии // Конституционное (государственное) право зарубежных стран. - 1998. — Т. 3, гл. 5. — С. 342-417.
4. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран : учебник для студ. вузов; Ин-т государства и права РАН, Академический правовой ун-т. - 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристь, 2006. - 669 с.
5. Шарипова Э. Я., Владимиров И. А. Сравнительный анализ системы местного самоуправления России и Германии // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы Междунар. науч. конф. — М.: РИОР, 2011. — С. 115-117.

УДК 34.01

Трошина Д.А.

ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского»

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье анализируется сущность правосознания как общественно-правового явления. Указана тесная связь правосознания с государственно-правовыми явлениями. В связи с этим отмечается, что при изучении общественного правосознания необходимо избегать ложных утверждений, используя при этом достижения смежных наук.

Ключевые слова: правосознание, общественное сознание, объективированные знания, формы правосознания, правовая психология.

Процесс изучения явления правосознания как формы общественного сознания приводит к обнаружению теоретических проблем относительно данного предмета. Уже при определении понятия общественного сознания в целом исследователь сталкивается с некоторыми сложностями. Во-первых, объект определяемого ученые именуют по-разному. Во-вторых, возникают трудности в выявлении соотношения рода и вида данного понятия. В-третьих, эта тема косвенно затрагивает основной вопрос философии об отношении бытия и сознания. В связи с вышесказанным, следует понимать взаимосвязь общественного сознания и общественного бытия.

Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, равно как и не тождественны бытие и сознание в целом [10,с.343]. По родовой принадлежности оно относится к понятию сознания, а вид включает в себя признак «общественное», то есть субъектом сознания является общество. Трудность заключается в том, что иногда понимание сознания сводится к понятию индивидуального сознания, где субъектом выступает индивид. Следует учитывать это при изучении общественного сознания и его формы – правосознания. С позиции исторического материализма, общественное сознание (идеальное) – это отражение общественного бытия (материального) [14, с.40]. Общественное сознание развивается посредством познания людьми окружающей действительности на основе сложившихся в данном обществе отношений [13, с.6], [11, п. 2].

На более высоком уровне общественное сознание дифференцируется на формы. Возникает вопрос: каково соотношение и взаимосвязь этих форм с формой правосознания? Каждой форме соответствуют определенные особенности его содержания и сферы общественных отношений. Главное отличие правосознания от других форм составляет предмет отражения. У правосознания – это правовая сфера, тогда как у политики – сфера отношений власти и управления, у религии – сверхъестественное и т.д. Следует отметить, что не все формы сознания системны. Общественное правосознание системно, имеет выстроенную внутреннюю структуру, тогда как мораль, искусство, политика и другие формы представляют собой совокупность знаний, не имеют выраженной системности. Философия и наука тоже системны, но как формы сознания они, главным образом, описывают познаваемые явления всего мира, а не только право, а также методы, правила этого познания, законы и закономерности всей действительности. Теснее всего с правосознанием связана юриспруденция и философия права. Они формируют общественное правосознание, но их целью является познание правовой действительности, в то время как правосознание направлено на воплощение правовых положений и реальное регулирование общественных отношений.

Правосознание является сложным феноменом, определение которого имеет философские, юридические, социальные аспекты, так или иначе рассмотренные разными учеными в ходе работы над этой проблемой. При изучении правосознания как реально существующего явления, а не лишь

теоретической концепции, следует уделять внимание не только его форме, которая может соответствовать идеям о справедливости, общественном благе и т.д., но и его содержанию, возможно, отличающемуся от «формального» [6, гл.1]. Само содержание в определениях разных авторов включает в себя множество синонимов разных форм субъективного восприятия людьми правовой сферы жизни общества (совокупность правовых чувств, эмоций, представлений, взглядов, оценок, понятий, идей и т.д.) [5, с.27], причем одни делают акцент на первостепенности знаний о праве, другие – о главенстве чувств в явлении правосознания, третьи синтезируют первые два утверждения.

Проблема определения правосознания решается через установление его содержания – системы входящих в него элементов (структуру). Основным элементом в правосознании являются объективированные знания о праве. Знания формируют убеждения и установки людей, что непосредственно влияет на их поведение и деятельность. Действия людей в сфере права, сами знания о праве так или иначе воспринимаются обществом: оцениваются [2, с.560], интерпретируются, и в результате этого вызывают в этом обществе какие-либо чувства, эмоции, настроения [8, с. 428]. Таким образом, можно выделить два аспекта в содержании правосознания: отражение правовой реальности (в форме знаний о праве; познавательный аспект) и реакция на это отражение, отношение к нему [9, с.3] (в форме оценок, чувств, и еще очень значимого элемента – волевых действий; оценочно-регулятивный аспект) [1, с. 176].

Еще один вопрос относится к формам и уровням правосознания. Формы общественного правосознания соответствуют его определенным уровням: правовая психология, на котором субъект «опирается» на рассудок при отражении в своем сознании правовых явлений, существует на уровне обыденного правосознания, что присуще основной массе людей в повседневной жизни. Уровень теоретический включает в себя формы правовой науки и правовой идеологии, на нем оперируют ученые и идеологи права при познании правовой действительности. (Профессиональное правосознание совмещает в себе формы правовой психологии и идеологии, его имеют юридические специалисты на практике.) В учебной литературе некоторые авторы относят к правовой психологии бессознательное людей [7, с.457], при рассмотрении общественного сознания – это коллективное бессознательное. Однако это противоречит определению понятия правосознания – это форма сознания, и нелогично утверждать, что форма самого правосознания включает в себя бессознательное. Тем не менее, как сознание в целом зависит от бессознательного, так и общественное правосознание находится под влиянием коллективного (трансперсонального) бессознательного.

Есть и другое (но связанное с предыдущим) противоречие. Индивидуальное сознание – высшая форма психики человека, общественное сознание – высшая форма отражения действительности обществом. При этом психология – наука о психике, и правильнее было бы говорить о правовой психике (психических явлениях в целом, связанных со сферой права), нежели о правовой психологии. Но психика включает в себя сознание, а не наоборот [3, с.13], [15, с.30]. Следовательно, общество способно неосознанно отражать

правовую действительность, и вопрос об отнесении «правовой психологии» к форме правового сознания остается дискуссионным. Существует термин «правовой менталитет»[4, с.16], означающий отражение правовой действительности в структурах подсознания и бессознательного людей. Таким образом, правовая психология лишь в той степени является формой правового сознания, в которой субъект сознания отдает себе отчет в самом факте отражения правовых явлений, на уровне рассудка [12, с.148].

Список использованных источников

1. Алексеев С.С. Проблемы теории права // Курс лекций: в 2 томах т. - с. 176
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник, 2004- с.560
3. [Вопленко Н. Н.](#) Правосознание и правовая культура: учебное пособие, 2000. - с.13
4. Гребеньков Г.В., Попов А.А. Правовое сознание: понятие, структура, феноменология // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 3А. С. 7-32. - с.16
5. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация - с.27
6. Ильин И.А. О Сущности правосознания, 1994 - гл.1
7. Клишас А. А. [Теория государства и права: учебник](#) - с.457
8. [Краснов Ю. К.](#), [Надвикова В. В.](#), [Шкатулла В. И.](#) Социология права: учебник для магистров - с.428
9. Кузнецова Н.Г. Правосознание и его роль в регулировании поведения человека в социалистическом обществе – с.3
10. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. – Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.
11. [Леонтьев А.Н.](#) [Деятельность. Сознание. Личность.](#) - гл. I, п. 2
12. [Малахов В. П.](#) Философия права: Идеи и предположения: учебное пособие, - с.148
13. [Маркс К.](#), [Энгельс Ф.](#) К критике политической экономии / Собр. соч., изд. 2 - т. 13, с. 6.
14. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание, 1957 – с.40
15. Цветков В. Л., Калиниченко И. А., Хрусталева Т. А. Психология: учебное пособие – с.30

УДК 344

Ткаченко Л.В.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И КИТАЯ

На сегодняшний день ввиду развития научно-технического прогресса и роста глобальных проблем анализ особенностей непреодолимой силы в договорной практике имущественного оборота не теряет своей актуальности. Институт непреодолимой силы в определенной степени известен современному российскому и китайскому законодательствам. Категория непреодолимой силы имеет как сходства, так и различия, при этом в каждой из этих двух стран прослеживается специфика определения непреодолимой силы.

Ключевые слова: непреодолимая сила, чрезвычайность, объективная непредотвратимость, существенное изменение обстоятельств, гражданское право Китайской Народной Республики.

Институт непреодолимой силы в Российской Федерации (далее – РФ) и Китайской Народной Республике (далее – КНР) имеет свои уникальные черты, вместе с тем некоторые положения, безусловно, имеют и сходные элементы. Правовое регулирование непреодолимой силы в Китае содержится в Основах гражданского законодательства [3] и Законе КНР «О договорах» [4]. В Российской Федерации регулирование осуществляется Гражданским кодексом (далее – ГК РФ) [1].

Прежде чем перейти к анализу определения непреодолимой силы необходимо отметить, что и в России, и в Китае обстоятельства непреодолимой силы являются основанием освобождения от гражданско-правовой ответственности в силу указания в законе их общих признаков. Однако определение содержания непреодолимой силы в законодательствах двух стран различно, так как отсутствует единый подход к классификации признаков непреодолимой силы.

В Российской Федерации в п. 3 ст. 401 ГК РФ законодатель императивно подчеркивает такие признаки как чрезвычайность и непредотвратимость. Необходимо добавить, что довольно долго правоприменитель ограничивался определением непреодолимой силы самого общего характера, указанным в ГК РФ. В дальнейшем Верховный Суд в Постановлении Пленума от 24.03.2016 №7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [2] (далее – Постановление №7) начинает формировать собственную позицию относительно признаков непреодолимой силы. Согласно п. 8 Постановления №7 под чрезвычайностью следует понимать исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Соответственно речь идет о таких обстоятельствах, которые выходят за рамки обычного хода событий. Далее Верховный Суд указывает, что обстоятельство признается непредотвратимым в случае, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступления этого обстоятельства или его последствий. В судебной практике довольно часто судам приходится находить баланс при толковании данного определения, чтобы, с одной стороны, не признавать непреодолимой силой исключительно фантастические случаи, а с другой – не включать в данное определение обычные коммерческие риски [8, с.704]. И все же стоит подчеркнуть, что наличие разъяснений Верховного Суда не приводит к комплексному представлению об этом гражданско-правовом феномене, что подтверждается существующими коллизиями в правоприменительной практике.

Что касается Китайской Народной Республики, то до 1989 года в договорном праве понятие обстоятельств непреодолимой силы не выделялось. Разработанная на сегодняшний день концепция форс-мажорных обстоятельств

первоначально происходит от французской лексической основы. Словосочетание 不可抗力 буквально означает «невозможно сопротивляться силе», или более подходящий перевод «непреодолимая сила» [10, с.68]. Правовое регулирование института непреодолимой силы содержится в ст. 180 Основ гражданского законодательства КНР. Термин непреодолимая сила, который употребляется в Законе, означает объективные обстоятельства, которые являются непредвиденными, неизбежными и непреодолимыми. При этом данные три квалифицирующих признака описываются в Законе с использованием иероглифа 不能, который интерпретируется как условие «невозможности» [10, с.70]. В остальном данные признаки довольно свободно трактуются ввиду отсутствия Разъяснений Верховного народного суда КНР по данному вопросу.

В договорном праве Китайской Народной Республики даётся такое же определение обстоятельств непреодолимой силы. Согласно ст. 94 Закона КНР «О договорах» стороны могут расторгнуть договор, если цели договора не могут быть выполнены из-за непреодолимой силы. Кроме того, в ст. 117 данного Закона упоминается, что если сторона не может исполнить договор вследствие непреодолимой силы, допустимо полное или частичное освобождение от ответственности. Однако нельзя отказаться от ответственности, если непреодолимая сила возникла после просрочки сторонами исполнения. Соответственно непреодолимая сила не обязательно освобождает от ответственности за нарушение договора. Необходимо учитывать степень влияния непреодолимой силы и то, в какой момент исполнения договора она наступила.

Проводя сравнение признаков непреодолимой силы в данных двух странах можно отметить, что в Китае выделяются несколько иные признаки непреодолимой силы, чем в России, при этом данные признаки не имеют развернутых дефиниций. Существуют также и общие черты. Так, обстоятельства непреодолимой силы в РФ и КНР носят относительный характер. Соответственно одно и то же обстоятельство при различных условиях может выступать в одних случаях в качестве непреодолимой силы, освобождая субъекта от ответственности, а в других – как обычное явление препятствующее исполнению обязательства [7, с.122].

Для полной характеристики института непреодолимой силы в России и Китае необходимо произвести разграничение категорий непреодолимой силы с близким, но самостоятельным институтом существенного изменения обстоятельств.

Доктрина существенного изменения обстоятельств официально была признана в китайском праве после издания в 2009 году Второго Разъяснения Верховного народного суда по некоторым вопросам, связанным с применением Закона КНР «О договорах» [5] (далее – Разъяснение ВНС №2). Предпосылкой к появлению данного нормативно-правового акта стал мировой финансовый кризис 2008 года, который спровоцировал волну гражданских споров, где стороны ссылались на неблагоприятное изменение обстоятельств после

заключения договора [9, с.6]. Соответственно можно отметить, что китайская судебная система первоначально ввела доктрину существенного изменения обстоятельства, полагаясь на обстоятельства непреодолимой силы. В Российской Федерации данные две доктрины развивались постепенно, соответственно институт существенного изменения обстоятельств в гражданском праве России появился раньше, чем в Китайской Народной Республике.

Обратимся к подробному регулированию данного вопроса в КНР. В ст. 26 Разъяснения ВНС №2 изложен критерий применения существенного изменения обстоятельств. При этом в качестве одного из основных элементов существенного изменения обстоятельств является невозможность отнесения данного обстоятельства к непреодолимой силе. Сравнение ст. 26 Разъяснений Верховного народного суда и ст. 117 Закона КНР «О договорах» показывает, что при квалификации обстоятельств необходимо анализировать конкретную фактическую ситуацию. Проблема верной квалификации обстоятельств остается актуальной. На сегодняшний день данной теме уделяется достаточно много внимания ввиду распространения в Китае коронавирусной инфекции COVID-19. Возникновение эпидемии оказывает серьезное влияние на возможность выполнения многих контрактов и перед судами, так или иначе, поднимается вопрос о возможности отнесения вспышки коронавируса к существенному изменению обстоятельств или к непреодолимой силе.

Стоит отметить, что Китайская Народная Республика в 2003 году уже находилась в подобной ситуации во время возникновения эпидемии тяжёлого острого респираторного синдрома. Тогда некоторые суды не поддержали применение правил непреодолимой силы к случаям, связанным с атипичной пневмонией [9, с.18]. Это было связано с тем, что возникшие обстоятельства лишь частично влияли на деловую активность сторон, а значит, не были причиной их освобождения от исполнения договора.

Так, в деле *Zhang Lin v Cougar Food Servicing of Nanjing Ltd* истец для развития собственного бизнеса заключил с ответчиком договор аренды гостиницы на три года, а также ряд соглашений с туристическими агентствами. Впоследствии из-за вспышки атипичной пневмонии провинция Цзянсу запретила всем туристическим агентствам организовывать туры. Истец был вынужден закрыть свой отель и, следовательно, понес финансовые потери. Он обратился в суд с требованием расторгнуть договор ввиду наступления обстоятельств непреодолимой силы. Суд постановил, что атипичная пневмония является обстоятельством непреодолимой силы только тогда, когда исполнение договора стало невозможным. В данном случае произошло негативное влияние на бизнес истца, однако это не препятствовало работе отеля в целом. Суд также указал на возможную классификацию данной ситуации как существенное изменение обстоятельств [9, с.20].

Совсем иначе суд разрешает проблему в деле *Beijing Technological Vocational School v Psychiatric Health Care Centre*. Стороны заключили договор на совместный проект по строительству школы сроком на 15 лет. В мае 2003 года ввиду распространения эпидемии правительство распорядилось

преобразовать школу в больницу, специализирующуюся на лечении больных пневмонией. Спустя два года здание было возвращено, однако истец решил расторгнуть договор. Суд поддержал доводы истца, признав вспышку пневмонии и действия правительства непредвиденными и неизбежными. Более того здание требовало реконструкции, так как стороны изначально заключали договор на строительство школы, а не больницы. Еще одним аргументом послужило то обстоятельство, что общество теперь воспринимало здание как место, где лечились больные пневмонией. В результате единственным выходом стало признание данных обстоятельств непреодолимой силой [9, с.21].

Стоит заметить, что указанные дела во многом похожи, однако суды по-разному квалифицируют обстоятельства. Подобные проблемы могут возникнуть в судебной практике и сегодня. Для их возможного разрешения Министерство торговли выпустило Уведомление от 06.02.2020 «О помощи предприятиям внешней торговли в преодолении трудностей и сокращении потерь, вызванных эпидемией» [6]. Согласно Уведомлению торговые палаты в шести отраслях будут содействовать подтверждению обстоятельств непреодолимой силы для предприятий, которым не удалось своевременно доставить товар из-за вспышки коронавируса. Однако необходимо учитывать, что хотя содействие государственных органов и будет способствовать дальнейшему утверждению обстоятельств непреодолимой силы, но необязательно приведет к освобождению стороны договора от его исполнения.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что действующее правовое регулирование непреодолимой силы в России и Китае имеет ряд несовершенств, которые могут вызывать сложности, для теоретического толкования и для практического применения нормы. И все же законодательство двух стран не стоит на месте, пытаюсь совершенствовать нормы, посвященные непреодолимой силе. Безусловно, процесс разрешения определенных проблем в данной сфере еще далек от своего завершения. Но, несмотря на ряд факторов, вызывающих трудности у правоприменителя, можно отметить стремление к точному толкованию непреодолимой силы, формированию единообразного подхода к установлению её признаков.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (ред. от 07.02.2017) // СПС «Консультант Плюс».
3. General Provisions of the Civil Law of the People's Republic of China (Adopted at the 5th Session of the 12th National People's Congress on March 15, 2017 and are hereby promulgated, effective from October 1, 2017) [Электронный ресурс]. URL: <http://en.pkulaw.cn/display.aspx?id=80296634739ab0dcbdfb&lib=law> (дата обращения: 26.02.2020).
4. Contract Law of the People's Republic of China (adopted at the Second Session of the Ninth National People's Congress of the People's Republic of China on March 15, 1999) //

LexisNexis, a division of Reed Elsevier. URL: <http://hk.lexiscn.com/law/law-english-1-226830-T.html> (дата обращения: 26.02.2020).

5. Interpretation II of the Supreme People's Court of Several Issues concerning the Application of the Contract Law of the People's Republic of China (Adopted at the 1462 meeting of the Judicial Committee of the Supreme People's Court on February 9, 2009)) [Электронный ресурс]. URL: <http://en.pkulaw.cn/display.aspx?id=36733b74cd47d8a1bdfb&lib=law> (дата обращения: 26.02.2020).

6. Notice by the General Office of the Ministry of Commerce of Helping Foreign Trade Enterprises Cope with the COVID-19 Outbreak and Overcome Difficulties to Reduce Losses (February 5, 2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://en.pkulaw.cn/display.aspx?cgid=75fe48dc5ced8201bdfb&lib=law> (дата обращения: 26.02.2020).

7. Иванова С. Н. Относительный характер непреодолимой силы / С. Н. Иванова // Бизнес в законе. – 2008. – № 3. – С. 122-124.

8. Карапетов А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.

9. Chan, Gordon. The Doctrine of Change of Circumstances in Chinese Contract Law // SSRN Electronic Journal. – 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1934085> (дата обращения: 26.02.2020).

10. Ross, Lester. Force Majeure and Related Doctrines of Excuse in Contract Law of the People's Republic of China // Journal of Chinese Law. – 1991, vol. 5, № 1. – p. 58-106.

УДК: 34.01

Полищук А. В., Олейниченко В. А.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ТЕОРЕТИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗЗРЕНИЙ С. А. МУРОМЦЕВА И Н. М. КОРКУНОВА

Настоящая статья посвящена теоретико-сравнительному анализу правовых концепций двух основоположников социологического направления в российской юриспруденции: С. А. Муромцева и Н. М. Коркунова. В статье анализируются основные положения правовых теорий обозначенных ученых, делаются выводы о значительном сходстве их концепций. При этом указывается и на имеющиеся различия в их взглядах на сущность права.

Ключевые слова: сущность права, социологический подход, С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов

Социологическое направление в теории государства и права своей методологией исходит из того, что существование и развитие государства и права определяются общественными факторами. Большое внимание представители данного направления уделяют изучению общественных интересов и отношений, классификации социальных групп, исследованию моральных и психологических основ права и государства [1, с. 165]. В данной

статье нами будут рассмотрены и проанализированы взгляды двух видных отечественных дореволюционных теоретиков права – С. А. Муромцева и Н. М. Коркунова.

С. А. Муромцев – русский правовед, один из основоположников конституционного права России, публицист и политический деятель. Также являлся профессором гражданского права юридического факультета Московского университета и председателем Первой Государственной Думы. На основе концепции немецкого юриста Р. фон Иеринга, а также на базе критической оценки теории естественного права, господствующей в Европе в первой половине XIX века, Муромцев создал собственное учение о праве.

Значительное внимание в своей теории ученый уделяет правовым отношениям. То есть, по его мнению, в основе права лежат прежде всего интересы индивидов, общественных объединений и т.д. На базе общественных интересов создаются отношения, которые регулируются с помощью различных санкций, таких как юридические, моральные санкции и др. [2, с. 545].

Согласно учению С. А. Муромцева, правовым порядком является существующий порядок отношений в обществе, на который воздействуют такие факторы как: законодательные нормы конкретного государства, идеи справедливости и т.д. Однако, все это – лишь факторы, которые воздействуют на образование правопорядка. Правом является только правовой порядок. На его содержание влияют интересы индивидов, различных социальных групп. Таким образом, в зависимости от характера отношений внутри конкретной социальной группы и будет зависеть форма защиты этих отношений [2, с. 546].

Муромцев различает «правовое» и «юридическое» отношение. Правовыми являются отношения защищаемые, то есть те, которые складываются на основе отношений между отдельными лицами. Форма защиты таких отношений считается неорганизованной, так как производится со стороны общества и социальных групп. Юридическое отношение – защищающее или «вынужденное». В данном случае защита является организованной и обеспечивается правоохранительными органами, должностными лицами, обладающими определенной компетенцией [2, с. 546].

Между правовым и юридическим отношением, согласно теории, нет четкого разграничения, так как в государстве, в котором существует гражданское общество, власть исходит не только от государственных органов, но и «снизу», то есть от народа. Таким образом, она основывается не столько на предписаниях органов власти, сколько на интересах людей различных социальных групп [3, с. 196].

Однако государственная власть не является абсолютной, ведь помимо нее существуют и другие силы, оказывающие влияние на формирование порядков в государстве. Поэтому Муромцев считал необходимым разграничивать фактическое отношение человека к природе и юридические предписания. По его мнению, естественные нормы – это то, что устанавливается через взаимодействие законов природы и умением людей пользоваться этими законами. Данные нормы нельзя нарушить, они изменяются только по мере

общего прогресса знаний. В свою очередь, юридические предписания устанавливаются обществом, существуют в зависимости от общественных интересов и обеспечиваются государственным принуждением, в силу чего не могут быть нарушены отдельными лицами [4, с. 2]. В ходе рассуждений ученый приходит к выводу, что при создании юридических определений законодатель должен также принимать во внимание и естественные предписания, заключенные в человеческой природе [4, с. 3].

Общественное значение права, согласно учению С. А. Муромцева заключается в первую очередь в определении права, как системы правовых отношений, возникающих между людьми в условиях гражданского общества. Право напрямую зависит от общественного мнения, а потому нуждается в защите со стороны государства, которая возлагается на суды и правоохранительные органы [2, с. 547].

Источником власти являются интересы социальных групп. Право должно учитывать интересы людей конкретного государства и не может формироваться в зависимости только от воли органов государственной власти [3, с. 8].

Вторым ярким представителем социологического подхода в дореволюционной России был Н. М. Коркунов.

Н. М. Коркунов был видным государственным теоретиком права и историком правовой мысли. Он преподавал в Петербургском университете, Военно-юридической академии и других учебных заведениях теорию и энциклопедию права, государственное право России и зарубежных стран.

Идеи социальной психологии оказали определённое влияние на учение Н. М. Коркунова. Он выступал против всех концепций, которые растворяли личность в обществе и государстве, а основанием любого общественного явления признавал духовный характер связей, который объединяет людей в общество.

Н. М. Коркунов понимает право через понятия «цель», «интерес» [5, с. 32]. Основная цель права – разграничение сталкивающихся интересов в обществе, а его значение – сознание отдельными личностями права как должного порядка общественных отношений [5, с.227]. Право выступает как обусловленная какой-либо обязанностью другого лица возможность осуществлять интерес в установленных юридическими нормами пределах. Юридическая обязанность – обязанность соблюдать требования, вытекающие из чужого права, соблюдать границы сталкивающихся интересов. Интерес превращается в право посредством ограничения другого интереса [6, с.1].

Право отграничивает сферу, определённые пределы свободы действия для каждого субъекта и в отличие от нравственности не даёт оценку интересов в свете добра и зла, а определяет только права и обязанности субъектов отношений [5, с.39].

Право, согласно Н. М. Коркунову, есть разграничение сталкивающихся интересов, составляющих содержание норм права. Разграничение происходит в форме деления объекта пользования в частичное индивидуальное обладание.

Н. М. Коркунов считал, что юридические нормы и закон – это не одно и то же. Юридические нормы – это статичное писанное право, то, что должно быть в идеале. Закон же он определял как то, что нарушить нельзя, что не зависит от чьей-либо воли. Право, в свою очередь, не тождественно закону. Право – это явление, которое шире закона. Оно изменчиво, зависит от условий времени и места. Охранять право могут только юридические отношения [6, с. 2].

Право включает в себя два элемента – фактические отношения и то, что к ним добавляется в результате их регулирования юридической нормой. Эти элементы едины. Фактические отношения совпадают у Н. М. Коркунова с юридическими, но регулируются юридической нормой. Такой подход позволяет рассматривать право как многоаспектное явление [6, с. 3].

Значение права для общества заключается в обеспечении возможности совместного существования различных сталкивающихся между собой личных и общественных интересов в разливных областях, таких как – политика, экономика и др. [6, с. 5].

Источником власти выступает индивидуальное сознание личности, а не воля властвующего. Основой власти выступает сознание подвластных, независимо от воли властвующего. «Властвование предполагает сознание не с активной стороны, не со стороны властвующего, а с пассивной стороны, со стороны подвластного» [5, с. 250]. Власть – сила, обусловленная сознанием зависимости подвластных. Источником права Н. М. Коркунов видит с самом обществе. «Поэтому носителем государственной власти являются не одни органы власти, а всё государство, все граждане. Их сознание своей зависимости от государства создаёт ту силу, которая объединяет государство в одно целое. Органы же власти суть только распорядители, депозитарии этой силы. Единство государства не в единстве воли этих органов, а в единстве той силы, которой все они распоряжаются» [7, с. 181].

На основе проведённого исследования концепций С. А. Муромцева и Н. М. Коркунова можно сделать следующие выводы:

1. Обе концепции относятся к социологическому походу в теории государства и права. Тем не менее в концепциях есть как очевидные сходства, так и некоторые различия.

2. Говоря о сходствах можно выделить то, что оба учёных рассматривали право через понятие интерес. Только если Н. М. Коркунов давал праву определение через это понятие, то С. А. Муромцев считал, что интерес лежит в основе права.

3. В обеих концепциях общественное значение права сводится к тому, что оно должно руководствоваться интересами именно общества, так как государственная власть зависит от них и их реализует.

4. Последним, но немаловажным сходством является то, что оба учёных ставят на первое место не государственную власть, не государственные органы, а само общество – общественные интересы.

5. Если говорить о различиях, то следует отметить, что право по Н. М. Коркунову является инструментом для поддержания порядка в обществе, разграничения общественных интересов. Его цель – осуществление разнообразных человеческих целей, так как в обществе происходит столкновение политических, экономических, идеологических и других интересов. Каждый человек индивидуален и потому имеет свои собственные цели, желания. Для возможности сосуществования разнообразных общественных интересов и существует право, в чем и состоит его общественное значение. Согласно теории С. А. Муромцева правом в целом является правопорядок, то есть порядок отношений в обществе, отношения, которые складываются между людьми различных социальных групп на основе собственных интересов. Таким образом, основу права составляют как интересы индивида, так и интересы социальных групп в целом. На базе этих интересов и возникают отношения, которые регулируются с помощью санкций. Санкции могут исходить как от органов государственной власти, так и от общества. В данном случае общественное значение состоит в том, что общественные интересы играют значительную роль в поддержании правового порядка.

Итак, выяснив сходства и различия данных учений о праве, можно сказать, что Н. М. Коркунов и С. А. Муромцев являются сторонниками социалистического подхода к праву и поэтому в своих теориях уделяют значительное внимание общественным интересам. Несмотря на некоторые различия, теории имеют достаточно сходства, основным из которых является решающая роль общества в функционировании правовой системы государства.

Список использованных источников:

1. Огонян. К. К. История российской социологии: Учебное пособие. – 2013. – 461 с.
2. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. – М., 1997. – 576 с.
3. Батиев Л. В. Римское право и развитие юридической науки в концепции С. А. Муромцева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №8 (105). – С. 191–199.
4. Ющенко Н. В. С. А. Муромцев о доктрине естественного права // Управленческое консультирование. – 2009. – №2. – С. 205–220.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. – М., 2003. – 430 с.
6. Петухова А. В. Социологическая концепция Н. М. Коркунова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2012. – №3 (27). – С. 74–78.
7. Коркунов Н.М. Указ и закон: Исследование. – СПб., 1894. – 408 с.

УДК 342.61

Османова Н.Р.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ ПРИ ИЗБРАНИИ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В тезисах кратко исследуются избирательные цензы при избрании главы государства в США, Италии, Никарагуа, Афганистана на основе изучения международных актов, конституций и нормативно-правовых актов государств.

Ключевые слова: избирательное право, избирательный ценз, выборы, кандидаты, пост Президента.

Принцип всеобщего избирательного права является основой международных избирательных стандартов и внутригосударственных актов о выборах. Он предусмотрен в международных актах, которые затрагивают избирательные права граждан, также является одной из характеристик избирательного права, составляющих систему общепризнанных принципов.

В принятой Генеральной Ассамблеей Организацией Объединенных Наций 10.12.1948 г. Всеобщей декларации прав человека была заложена правовая формула ««воля народа должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования», учитывая разнообразные модификации эта формула воспроизводилась и развивалась в других международных актах, которые затрагивали вопросы демократических выборов.[1] В соответствии с пунктом «b» статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. «каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей».[2] В последствии аналогичные положения вошли в основополагающие акты международных организаций.

Также стоит обратить внимание на то, что допускаются и ограничения принципа всеобщего избирательного права в случае, если такие ограничения установлены конституцией или на ее основе законом, не носят дискриминационного характера, не ограничивают права до такой степени, что они теряют реальное содержание, преследуют правомерную цель и являются соразмерным средством ее достижения.

Избирательное право – это совокупность норм, устанавливающих права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти и предусматривает право отзыва избранных лиц, не оправдавших их доверие.

Однако, чтобы избирать и быть избранным гражданину необходимо соответствовать определенным цензам, которые установлены государством, а также приняты в международно-правовых актах. Следует отметить, что в соответствии с тем, в какие органы власти и на каком уровне проводятся выборы избирательные цензы могут отличаться. В данной статье будут рассматриваться избирательные цензы при избрании глав государств, т.е. пассивное избирательное право граждан.

В Конституции США в статье 2 разделе 1 прописаны главные требования, которые предъявляются кандидату на должность Президента США, а именно:

- 1) Должен быть гражданином по праву рождения (либо тот, кто являлся гражданином США на момент принятия Конституции);
- 2) Лицо, достигшее возраста 35 лет;
- 3) Проживать на территории государства не менее 14 лет.

Согласно 21-й поправке к Конституции ни одно лицо не может занимать пост Президента более двух сроков, также если лицо занимало должность Президента либо исполняло обязанности Президента более двух лет, замещая его, то не может быть избранно на должность Президента более одного раза. [3, с 12-25]

В США все Президенты следовали предписаниям Конституции, кроме Франклина Д. Рузвельта, который в 1940 году был избран на третий срок, а в 1944 году на четвертый срок.

По Конституции 1947 года части 2 раздела 2 требования предъявляемы Президенту Италии, следующие:

- 1) Президентом может быть избран любой гражданин;
- 2) Возрастной ценз составляет 50 лет;
- 3) Должен пользоваться гражданскими и политическими правами;
- 4) Не может совмещать пост Президента с какой-либо иной должностью.[5]

Если провести параллель между цензами предъявляемые к лицу, претендующему на пост Президента в Италии и США можно сделать вывод, что цензы, предъявляемые в Италии более проще нежели в США, кроме возрастного ценза, который превышает на 15 лет возрастного ценза США. Также Конституция 1947 года не устанавливает ограничительное количество сроков пребывания лица в должности Президента.

Далее рассматривая положения Конституции Республики Никарагуа можно выделить следующие требования для кандидатов:

- 1) Быть никарагуанцем по рождению, сыном отца или матери никарагуанцев по рождению и никогда не отказывавшийся от гражданства государства;
- 2) Правоспособным и дееспособным;
- 3) На момент вступления в должность не младше 25 лет;
- 4) Светским лицом;
- 5) Прожившим не менее 5 лет в стране. [6]

В Конституции Афганистана, принятой в 2004 году, в прописаны ограничения для лиц, претендующих на пост президента:

- 1) Кандидат должен быть гражданином Афганистана;
- 2) Родиться от афганских родителей;
- 3) Не иметь гражданства другого государства;
- 4) Быть мусульманином;
- 5) Возраст не меньше 40 лет
- 6) Не должен быть осужден за тяжкие преступные деяние, преступления против человечества или лишен судом гражданских прав;
- 7) Не может занимать пост более 2 раз подряд. [4]

Исходя из вышеизложенной информации можно сделать вывод, что помимо основных и всем известных цензов оседлости, возраста и гражданства также применяются требования, связанные с принадлежностью к той или иной религии или же на оборот отсутствие исповедания какой-либо религии, гражданство не только кандидата, но и его родителей, отсутствия судимости.

Вопрос о критериях выбора граждан, которым можно доверить осуществление власти от имени народа, во все времена был острым и очень актуальным. Жесткие требования для кандидатов являются ограничением для вступления на должность людей не способных руководить государством. Поэтому чем строже будет идти отбор лиц, претендующих на пост Президента, тем продуктивнее и эффективнее будет его деятельность на протяжении срока доверенных ему полномочий.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 ноября 1948 г. [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/] (дата обращения: 29.03.2020)
2. Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г. [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/] (дата обращения: 29.03.2020)
3. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. // Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты: Перевод с английского / Сост.: Лафитский В.И., Под ред. и со вступ. ст.: Жидков О.А. М.: Прогресс-Универс, 1993 – 766 с.
4. Конституция Исламской Республики Афганистан [<https://worldconstitutions.ru/?p=24>] (дата обращения: 29.03.2020)
5. Конституция Итальянской Республики
[http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/italy/italy--r.htm]
(дата обращения: 29.03.2020)
6. Конституция Республики Никарагуа [<https://worldconstitutions.ru/?p=52>] (дата обращения: 29.03.2020)

УДК 343.301

**Обринская Е.К.
Красий М.М.**

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время сформулировано понятие «ментального терроризма», целью которого является разрушение духовно-нравственных устоев общества, которыми обусловлены политическая, социально-экономическая жизнь и обороноспособность государства. Данное явление рассматривается как новейшая методика террористической деятельности, используемая различными нелегальными группировками. Измененное сознание пользователей социальных сетей и сетевых игр делает их среди прочего жертвами политических манипуляций, легко управляемой группой, в том числе и экстремистских и террористических целях.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Интернет, виртуализация, вербовка.

В настоящее время сформулировано понятие «ментального терроризма», который «признан ЮНЕСКО одной из глобальных проблем современного мира», так как его целью является «разрушение духовно-нравственных устоев общества, которыми обусловлены политическая, социально-экономическая жизнь и обороноспособность государства» [1, с. 149]. Данное явление рассматривается как новейшая методика террористической деятельности, используемая различными нелегальными группировками. Однако, как следует из вышесказанного, понятие ментального терроризма может описывать и действия государств в отношении друг друга.

На использование социально-психологических инструментов для вербовки новых членов и повышения эффективности экстремистских идеологий и террористических организаций уже не первый год направлено внимание ученых, которые анализируют данное явление и формулируют прогнозы развития ситуации.

В частности, одним из условий расширения аудитории является привлекательный имидж террористов как спасителей общества, государства, мира, возможность материальной компенсации, неудовлетворенность личными обстоятельствами («уход в терроризм»). Установлено, что «вербовщиками МТО используются такие формы и методы, как разжигание религиозной и национальной нетерпимости; идеологическая обработка граждан, в том числе дистанционно (через сеть «Интернет»); создание положительного образа террориста; материальная заинтересованность; продвижение собственных искаженных интерпретаций норм ислама и принципов шариата» [4, с. 10]. При этом даже широко распространяемая информация о методиках вербовки в террористические организации не уберегает от попадания в сети вербовщиков.

Это свидетельствует о системности данной деятельности, использовании не только новейших технических средств, но и методик психологического программирования. Не случайно в подобных ситуациях зачастую говорят о «зомбировании».

Возможности средств массовой информации в осуществлении такого программирования беспрецедентно велики. Причиной этого является и обширный охват аудитории, и подсознательное доверие к транслируемой информации, и красочность презентуемой картинки. Н.С. Седых отмечает, что «по заявлениям идейных вдохновителей соответствующих организаций в современных условиях «медиаджихад» рассматривается как средство, равное по своей значимости войне с оружием в руках, и может составлять 90 % общих усилий экстремистов» [5, с. 137]. Не зря в современный оборот введено понятие информационной войны как альтернативы «горячей» войны. Проблема эффективности информационной войны связана с тем, что она требует меньше материальных затрат, не предусматривает прямых человеческих жертв. И хотя на практике довольно сложно измерить результативность мероприятий в сфере информационного воздействия, но разрушительная сила информационной войны больше, чем традиционного вооруженного противостояния. Не в последнюю очередь это связано с тем, что информационная война не воспринимается как нечто вещественное, так как не влечет человеческих жертв. Однако от оружия можно защищаться, вооруженная атака мобилизует население на защиту Родины, объединяет граждан в едином порыве и таким образом, укрепляет государство и нацию. Информационные атаки, наоборот, способствуют разобщению социальных групп по имущественному, национальному, религиозному, политическому (и любым иным) признакам, приводит к низвержению традиционных стандартов и ценностей, присущих той или иной самобытной нации, и тем самым способствует ее уничтожению. При информационной войне люди остаются живыми, однако утрачивают духовные и культурные «скрепы». Отсюда деструктивные тенденции в обществе и государстве – в том числе усиливаются экстремистские группировки и террористические организации.

Одной из информационно-коммуникационных технологий, широко используемых в экстремистских и террористических целях, является Интернет. По мнению специалистов «Интернет сегодня превратился в мощный инструмент манипуляции сознанием и поведением молодых людей, способный эффективно влиять на общественное мнение как в стране, так и за рубежом», чему способствует «специфика глобальной сети, которая обеспечивает такие преимущества, как простота доступа, независимость от географического расположения, неограниченная потенциальная аудитория, высокая скорость передачи информации, трудности в осуществлении контроля со стороны правоохранительных органов и другие» [4, с. 13]. Именно с помощью Интернета у экстремистских и террористических группировок появилась возможность практически беспрепятственно общаться с потенциальной аудиторией, обрабатывать ее, расшатывать ситуацию в массовом сознании. Сама террористическая деятельность существенно упрощается за счет

интернет-технологий, которые позволяют без непосредственного личного контакта обеспечивать финансирование, организовывать и осуществлять теракты, а также широко освещать их с соответствующей позитивной оценкой.

В целом с учетом трансформации организационной составляющей экстремисткой и террористической деятельности, ее систематизации, специализации следует отметить существенное повышение уровня эффективности осуществления террористической деятельности, что создает дополнительные трудности в борьбе с данным явлением. Возможность осуществлять активность посредством Интернета, в том числе обмениваться информацией, получать образование, оформлять документы, совершать покупки и т.д. затрудняет выявление лиц, вовлеченных в экстремистскую и террористическую деятельность, отслеживание их передвижений, контактов, действий. Это вынуждает правоохранительные органы совершенствовать методы противодействия терроризму и экстремизму, непрерывно расширять инструментарий борьбы с ними, так как необходимо быть на шаг впереди для успешного противодействия данным явлениям.

Помимо технических аспектов Интернет оказывает чрезвычайно мощное социально-психологическое воздействие на пользователей. В зависимости от объема времени, проводимого в «сети», по мнению специалистов, «сокращается влияние на индивида его ближайшего окружения», «снижается социальный контроль и нарушаются механизмы определения позитивного поведения» [3, с. 57]. Такая ситуация может затронуть даже личность, благополучную во всех сферах, привести к уязвимости для экстремистских идеологий. Если же говорить о личности, находящейся в состоянии конфликта с собой, семьей, социумом, то «уход» в виртуальную реальность делает ее беззащитной перед вовлечением в экстремистские и террористические группировки. Именно «агенты влияния» выполняют не только ограничительную, но и защитную функцию по отношению к личности. Человек испытывает потребность в одобрении со стороны, поэтому утрачивая «реальные» связи, он попадает в зависимость от «виртуальных» субъектов. С социально-политической точки зрения очень важным явлением в социальных сетях оказывается гораздо большая зависимость участников от мнения фактически незнакомых и удаленных территориально людей, чем от мнения родственников, друзей и знакомых в реальности. Помимо заложников социальных сетей есть еще одна категория "ушедших от реальности" – геймеры, участники сетевых игр. Многие из них ищут простоты и понятности своих действий, предсказуемости ситуаций и людей, с которыми им приходится сталкиваться – всего того, чего им не хватает в реальной жизни. Создается иллюзия общения, ценности личности для своих партнеров.

Существенным аспектом функционирования Интернета является анонимность пользователя. Результаты опроса 1600 респондентов, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) 5-6 февраля 2011 г. в 138 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России, показали, что половина (51%) из них хотя бы однажды сообщали о себе неправду в социальных сетях и блогах. Чаще всего

искажаются имя и возраст (по 29%), семейное положение (23%), внешность и хобби (по 22%); несколько реже – пол, музыкальные и художественные пристрастия (по 18%), сведения об уровне образования и месте обучения, путешествиях (по 17%), месте жительства, месте работы и должности, покупках и услугах (по 15%), профессии, сексуальных отношениях (по 14%), уровне доходов, национальности (по 13%); реже всего – сведения о политических (11%) и религиозных взглядах (10%) [2, с. 68]. Получается, что на политические и религиозные темы люди общаются откровеннее. И именно в этой сфере экстремисты и террористы осуществляют поиск единомышленников и привлекают последователей.

Приведенное исследование посвящено анализу реакции респондентов на обнаруженное несоответствие интернет-профиля знакомого им человека и реальных знаний и впечатлений о нем. Но если человек нам не знаком, то мы вынужденно верим тому, что он о себе сообщает, так как у нас нет возможности проверить эту информацию. В результате использования альтернативных идентичностей в Сети возникает феномен "знакомых незнакомцев" [6, с. 152], когда огромное количество виртуальных связей не приводит к формированию действительно близких отношений. То есть мы фактически не знаем, что собой представляет наш собеседник, однако подсознательно мы ему доверяем, а его мнение становится для нас важным. Это делает пользователей Интернета уязвимыми для воздействия экстремистских и террористических группировок.

Кроме того, как признают исследователи, «допустимость анонимности в сетевом общении зачастую создает ощущение вседозволенности и безнаказанности» [3, с. 57-58]. В результате с одной стороны человек может предстать кем угодно и вести себя как пожелает, снимая с себя ответственность за слова и поступки, с другой – люди, имеющие дело с такими "скрытыми" идентичностями, испытывают неуверенность и повышенное чувство тревожности, что опять же делает их уязвимыми для внешнего воздействия.

Измененное сознание пользователей социальных сетей и сетевых игр делает их среди прочего жертвами политических манипуляций, легко управляемой группой, в том числе и экстремистских и террористических целях. Поэтому проблема виртуализации личности и межличностных отношений оказывается важнейшей проблемой как в теоретическом, научном плане, так и в сфере практической политики по организации эффективного взаимодействия правительства и общественности, информационной безопасности, психологического оздоровления социума, противодействия распространению экстремизма и терроризма.

Список использованных источников:

1. Баишева М.И. Духовно-нравственная приоритетность образования в условиях ментального терроризма // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4. – С. 149-153.
2. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 2013. – № 1. – С. 66-83.

3. Дешина Е.И., Меркулова А.Н. Молодежь как социально-демографическая группа, наиболее подверженная влиянию экстремизма и терроризма в сети Интернет // Обзор НЦПТИ. – 2019. – Вып. 1 (16). – С. 54-61.
4. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. – СПб.: ООО «Издательство «Русь», 2018. – 96 с.
5. Седых Н.С. Социально-психологические особенности пропаганды экстремизма и терроризма посредством интернета // Социальная психология и общество. – 2013. – № 2. – С. 137-147.
6. Шатин И.М. Социальные среды современной политики: блогосфера // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2011. – № 1. – С. 149-157.

УДК 349.2

Фисли А. Л.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГАРАНТИЙНЫХ И КОМПЕНСАЦИОННЫХ ВЫПЛАТ РАБОТНИКУ В СВЯЗИ С УТРАТОЙ ТРУДОСПОСОБНОСТИ

В статье проводится анализ проблематики вызванной правовым нигилизмом и правовой неграмотностью, что в дальнейшем сказывается на полноте реализации конституционного права на охрану труда.

Ключевые слова: гарантийные выплаты, компенсационные выплаты, трудовые правоотношения, работник, работодатель.

В процессе осуществления трудовой деятельности и выполнения трудовой функции, работник должен быть уверен в том, что при наступлении обстоятельств влекущих за собой утрату трудоспособности, ему как лицу чьи права гарантированы законом и подкреплены силой государственной защиты будет обеспечена реализация конституционного права на охрану труда и здоровья [1]. В этой связи рассматриваемая проблематика является более чем актуальной, так как у лиц непосредственно являющихся субъектами трудовых правоотношений в Российской Федерации отмечен низкий уровень правосознания, что в дальнейшем сказывается на понимании и интерпретации права.

На основании вышесказанного, следует выделить следующие проблемные аспекты: 1) проблемы разграничения понятий «гарантийные выплаты» и «гарантийные доплаты»; 2) отождествление дефиниций «компенсационные выплаты» от «компенсации» и их содержательной части; 3) особенности реализации выплаты работнику, утратившему трудоспособность; 4) низкий уровень правосознания, как причина возникновения нарушений в процессе реализации трудовых правоотношений между субъектами.

Целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей – так гласит абз.1 ст. 1 Трудового кодекса Российской

Федерации(далее по тексту – ТК РФ) [2]. Исходя из смысла данной статьи, можно сделать вывод о том, что законодатель закрепил одной из целей защиту прав и интересов работников, следовательно данное направление является одним из приоритетных в развитии института трудового права. Предоставление гарантийных и компенсационных выплат, являются одними из необходимых элементов системы защиты прав работников. При отсутствии таких элементов как гарантийные и компенсационные выплаты элементов системе института трудового права невозможно в дальнейшем говорить о полноценной и всесторонней защите прав работников, гарантированной законодателем.

В соответствии с ч. 1 ст. 164 ТК РФ под гарантиями понимаются средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных работникам прав в области социально-трудовых отношений. В.И. Миронов [3] обращает своё внимание на следующие юридически значимые обстоятельства, которые квалифицируют правовую дефиницию гарантий в сфере труда: 1) установление в законодательстве, соглашениях, коллективном договоре, иных локальных правовых актах организации, трудовом договоре; 2) прямое обеспечение предусмотренных в законодательстве трудовых прав; 3) обеспечение осуществления как неимущественных, так и имущественных прав работников в сфере труда.

Под определением гарантийных выплат понимаются установленные законом выплаты за периоды, когда работник по уважительным причинам фактически не осуществлял свою трудовую функцию. Существуют два на первый взгляд схожих понятия «гарантийные выплаты» и «гарантийные доплаты», но по своей функциональной направленности они несут абсолютно разный смысл. Различие состоит в том, что если гарантийные выплаты предусматриваются за время освобождения по уважительным причинам от работы, то гарантийные доплаты предусмотрены в целях недопущения необоснованного снижения заработка, когда работник исполнял свои трудовые функции. Фесмофет установил для работодателя обязанностью возмещать вред, нанесенный работникам вследствие исполнения данными субъектами своих трудовых обязанностей, а также компенсировать им моральный вред в порядке и на условиях, которые установлены законодательством, а именно ТК РФ, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами (ст. 22 ТК РФ).

Выражая своё мнение В.Н. Скобелкина [4] говорила о том, что юридическими гарантиями трудовых прав граждан являются предусмотренные правовыми нормами средства и способы, с помощью которых в обществе обеспечивается беспрепятственное вступление в трудовые и связанные с ними иные правоотношения и дальнейшее осуществление трудовых прав, предоставленных рабочим и служащим трудовым законодательством.

Единого законодательного закрепления понятия компенсация нет, но в теории под понятием компенсация принято считать денежные выплаты, принятые в целях возмещения расходов, возникших в связи с исполнением трудовых или иных обязанностей, предусмотренных ТК РФ и другими

федеральными законами, лицам, осуществляющим трудовую функцию. Характер данного вида денежной выплаты носит компенсационный или, иными словами, возместительный оттенок. Ученые, занимающиеся исследованием института трудового права, справедливо отмечают, что в процессе использования одного и того же термина в нормативно правовых актах без точного определения затрудняет правильное понимание и применение правовых норм. Объем компенсации предусмотренный в ст. 164 ТК РФ не зависит от конечного результата работы, нарушений, допущенных работодателем, и может быть установлен нормативными правовыми актами или локальными правовыми актами работодателя. Компенсации отличаются от вознаграждения за труд, так как последнее имеет отношение к процессу труда и последствию его результатам, а компенсации характерны тем, что имеют отношения к личным затратам работника имущественного или неимущественного характера, связанным (возникающим) с выполнением трудовых обязанностей [5]. По мнению Мартыновой Т.Н. и Сгибневой О.В. [6] законодателю необходимо четко разграничить понятие компенсаций (ст. 164 ТК РФ) от компенсационных выплат, предусмотренных другими институтами трудового права, либо уточнить данные понятия.

Субъекты трудовых правоотношений, которые вследствие травмы или приобретенного профессионального заболевания утратили возможность осуществлять профессиональную деятельность, обладают правом получения компенсации. Данная категория субъектов может в течение 30 дней со дня получения категории «инвалид» обратиться по месту работы для получения денежных компенсаций. Размер пособия зависит от рабочего времени. Его максимальная величина составляет 100% от заработной платы. Статья 184 ТК РФ гарантирует работнику в случае причинения вреда здоровью в результате несчастного случая на производстве возмещение утраченного заработка (дохода), а также дополнительные расходы на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию, связанные с повреждением здоровья. Положения данной статьи реализуются по средствам обязательного социального страхования в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ [7]. Имеет место такая точка зрения, которая гласит о том, что утраченный заработок ст. 1086 Гражданский кодекс РФ (далее по тексту - ГК РФ) [8] выплачивается независимо от выплат по больничному листу. Исходя из такого положения за расчёт будет браться период, предшествующий инвалидности. Работодатель по письменному требованию родственника или близкого человека будет обязан выплачивать компенсацию морального вреда (ст. 151 ГК РФ). При этом каждый из указанных лиц имеет право на самостоятельное возмещение морального вреда независимо от объема и размера выплаченного морального вреда в пользу другого лица. По мнению Феофилактова А.С. [9] судебная практика, вытекающая из данной категории, дел неоднозначна, но преобладающее количество судебных споров остаётся всё же в пользу работодателей. Суд, исследуя обстоятельства дел, в конечном счете, выступает за отказ работнику компенсировать потерянный заработок.

Работник, получивший травму на производстве, может претендовать на получение льгот и страховых выплат, а также дополнительных расходов на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию. У работника назревает вопрос, кто же будет осуществлять выплаты. Согласно закону, работодатель выплачивает: пособия по временной нетрудоспособности, которые назначаются в связи со страховыми случаями (часть 7 статьи 15 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»); отпуск помимо ежегодного оплачиваемого отпуска) на весь период лечения и поездки к месту санаторно-курортного лечения и обратно. Анализ получения гарантийных и компенсационных выплат осложнен не только трудным правовым построением смысловой части для субъекта правоотношений, но и бюрократическими тяжбами в процессе реализации. Прохождение медико социальной экспертизы, сбор необходимых документов подтверждающих факт случившегося, освидетельствование и другие мероприятия направленные на установление утраты трудоспособности – всё это длительный период занимающий не один день; в следствии данного обстоятельства необходимо максимально адаптировать данный процесс для работника так как в большинстве случаев процедура реализации данного права не возможна без посторонней помощи в виду физического состояния.

В Российской Федерации существует такой нормативный правовой акт как «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан»[10], данным актом установлено следующее: «Основы направлены на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе, который препятствует развитию России как современного цивилизованного государства». Одной из целей утверждаемой государством с 2011 года становится формирование у граждан правовой грамотности, также вводится комплекс мер, который бы помог совершенствовать законодательство Российской Федерации. На основании исследовательских данных[11] проведенных Государственной Думой, Министерством науки и образования и Российской академией госслужбы при Президенте РФ на предмет уровня правового сознания и грамотности граждан, можно сделать вывод о том, что большая часть респондентов опрошенных в процессе исследования под дефиницией «право» понимают существующие законы и общеобязательные нормы, которые охраняет государство. Далее возникает вопрос, а насколько эффективна и результативна деятельность государства по программе развития правовой грамотности?

Таким образом подводя итог выше сказанному, Российская Федерация согласно статье 7 Конституции РФ является социальным государством, а значит любые правовые изменения затрагивающие сферы жизни деятельности общества обязаны быть продуманны и обоснованы.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (ред. от 21.07.2014) №11-ФКЗ // Российская газета - Федеральный выпуск № 0(4831)
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Миронов В.И. «Трудовое право России Учебник»/Журнал "Управление персоналом» .Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Скобелкин В.Н. Юридические гарантии трудовых прав рабочих и служащих в СССР: Автореф. дисдокт. юрид. наук. // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.garant.ru>
5. Чиканова Л.А., Нуртдинова А.Ф. Основные направления развития российского трудового законодательства // Журнал российского права. 2015 // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://base.garant.ru>
6. Мартынова Т.Н., Сгибнева О.В. Гарантийные и компенсационные выплаты работникам в трудовом праве российской федерации: проблемы терминологии // Электронный ресурс. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>
7. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 № 125-ФЗ (ред. от 07.03.2018) // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
8. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 от 22.12.1995 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996 № 5 (ч. 2). Ст. 1086.
9. Феофилактов А.С. Особенности компенсации морального вреда как способа защиты трудовых прав работника/«Трудовое право», 2010, № 1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
10. «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. № 151, 14.07.2011.
11. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://tasislab.ru/>

УДК347.233.1

Лузик А.А.,

аспирант кафедры истории и теории государства и права,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

**СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ
В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И РОССИИ В ПЕРИОД XIX - НАЧАЛА XX
ВЕКОВ**

Недопустимость злоупотребления правом как основополагающий принцип частного права происходит от римских правил, запрещающих недобросовестные действия. Динамичное развитие и становление данной концепции началось с XIX века и было обусловлено социально-экономическими изменениями в обществе. В статье рассматриваются основные законодательные подходы к регулированию недопустимости злоупотребления правом в странах Европы и России в рамках гражданского законодательства.

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление правом, шикана.

Злоупотребление правом является сложной правовой категорией, поскольку законодательство не содержит исчерпывающего перечня деяний, которые можно квалифицировать как злоупотребление.

Злоупотребление правом можно рассматривать в качестве доктрины, а также базового принципа частного и международного права. В общем виде, злоупотребление правом следует охарактеризовать как такое использование права, которое ведет к ограничению или нарушению прав других лиц, имеет основной целью причинение вреда другим.

Нормативное закрепление принципа недопустимости злоупотребления правом направлено на препятствие осуществлению права за пределами разумного.

Злоупотребление правом в качестве правового явления зародилось еще в эпоху древнего мира, однако развитие данной доктрины, как обособленного правового явления, произошло на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков.

М. Байер в качестве примера развития концепции, основы которой были заложены в Древнем Риме, приводит водное право, которое долгое время было той областью, в которой разрабатывались и проверялись континентальные теории злоупотребления правом. Закон Юстиниана содержал разрозненные положения, запрещающие злоупотребление в отношении прав на воду. Опираясь на римские прецеденты, французские и итальянские юристы XIX века разрешали конфликты в отношении спорного использования воды как злоупотребления имущественными правами землевладельцев. В соответствии с принципом «*cuius est solum eius est usque ad caelum et ad inferos*» (лат. если ты владеешь землей - она твоя от самых глубин до небесных высот) право землевладельца распространялось на поверхность земли, а также на все, что на или над ней до бесконечности ввысь. Однако, несмотря на то, что это право было исключительным и абсолютным, оно могло быть подвержено злоупотреблениям. Недоброжелательное откачивание воды, просачивающейся под землю, с целью осушить колодец соседа, рассматривалось как один из таких случаев злоупотребления [1].

Злоупотребление правом можно отнести к «изобретению» волны социально-правовой мысли, возникшей во Франции и Германии в середине XIX века. Быстрый технический прогресс, изменения в структуре промышленности - в частности, переход от мелких кустарных производств к крупным предприятиям, и последовавший за этим всплеск социальных волнений и классового антагонизма выдвинули на первый план вопрос об условиях свободы в новых социально-экономических условиях.

Столкнувшись с необходимостью содействия свободе предпринимательства и экономическому развитию, ограничивая при этом их социальные последствия, «социалисты-юристы» восстали против «классического» частного права. Начавшая формироваться доктрина «злоупотребления правами» демонстрирует как стремление к новому стилю правовой аргументации, так и призыв к социальной солидарности.

Эта концепция была применена в различных областях частного права, включая право собственности, договорное и трудовое право. Она была задумана как ответ на неотложные правовые вопросы, возникающие в связи с возникновением индустриального общества: пределы права рабочих на забастовку, пределы права собственности промышленных предприятий на землю по отношению к правам их соседей по месту жительства, пределы права собственности землевладельца на важнейшие экономические ресурсы- такие как вода или земля с полезными ископаемыми[1].

Законодательное закрепление принцип недопустимости злоупотребления правом первоначально получил в рамках гражданских кодифицированных актов.

В Гражданском уложении Германии 1896 года была закреплена норма о недопустимости осуществление права,если целью его осуществления является только причинение вреда другому лицу (ст.226), об обязанности возмещения вреда, причиненного способом «противным добрым нравам» (ст.826), о праве жены не подчиняться решению мужа, если он злоупотребляет своим правом (ст.1354)[2].

В статье 2 Швейцарского гражданского уложения 1907 года закреплено, что при осуществлении прав и исполнении обязанностей каждый должен поступать по доброй совести, а явное злоупотребление правом не пользуется правовой защитой[3; с.19].

Всеобщий гражданский кодекс Австрии 1811 года в пункте 2 статьи 1295 закреплял ответственность субъекта за умышленное причинение вреда реализаций предоставленного ему права. При этом способ реализации права должен нарушать добрые нравы, а осуществление права должно иметь целью причинение вреда другому лицу. Таким образом, подобные действия будут считаться выходом за юридические пределы права.

Несмотря на то, что французский кодекс Наполеона 1804 года прямо не закрепил норму о запрете злоупотребления правом, судебная практика была пронизана духом ограничения субъективного права правами других лиц[4; с.44-46]. Например, во Франции суды истолковали статьи 1382 и 1383 Гражданского кодекса, устанавливающие ответственность лица за любой ущерб (причиненный с умыслом или по неосторожности), против лица, злоупотребляющего правом или полномочиями в имущественном праве, трудовом праве, договорных обязательствах, и судопроизводстве.Из развитой и поддержанной французскими судами доктрины запрета злоупотребления сложилось мнение о том, что право собственности все-таки имеет границы [6; с.39].

На такой подход к определению пределов осуществления права в большей степени оказала влияние Декларация прав человека и гражданина 1789 года, которая в статье 4 провозгласила ограничение осуществления естественных прав такими пределами, которые обеспечивают другим членам общества возможность пользоваться теми же правами.

Обобщая европейский опыт, стоит отметить, что быстрые изменения социально-экономических условий потребовали создание концептуального

инструмента, который был способен учесть относительную природу субъективных прав. Теория недопустимости злоупотребления правом позволила провести целенаправленный анализ конкурирующих прав в свете более общественно значимых интересов и в перспективе должна была обеспечить справедливое распределение благ.

В концептуальном плане эта доктрина была сфокусирована как на мотиве или намерении правообладателя, так и на характере его поведения в внешних обстоятельствах.

Наиболее узкое понимание концепции злоупотребления, основанное исключительно на субъективной стороне деяния управомоченного лица, получило название «шикана». В чистом виде она была закреплена в статье 226 Гражданского уложения Германии: правообладатель злоупотребляет своим правом в случае, когда реализация права обусловлена единственной целью - причинить вред другому лицу.

Классический пример, иллюстрирующий данную теорию: помещик возводит высокий забор с единственной злонамеренной целью - закрыть свет своему соседу.

Более широкое понимание данная концепция имеет в том случае, если в качестве злоупотребления квалифицируется поведение, когда желание причинить другому вред является главной причиной, обусловившей недобросовестные действия правообладателя, но в тоже время не единственной.

Например, случай, описанный в предыдущем примере, при условии, что забор также служит для удержания декоративных лоз. Однако землевладелец никогда бы не возвел его, если бы не был настроен недоброжелательно по отношению к своему соседу.

Согласно третьему подходу к определению наличия в действиях злоупотребления субъект считается злоупотребляющим своим правом тогда, когда он действует без «законного интереса», хотя и не обязательно злонамеренно.

В развивающихся странах конца девятнадцатого века примером такого поведения были действия землевладельца, который выкачивал из своей земли грунтовые воды, которые питали мельницу соседа, и, в конце концов, растрачивал их впустую. Хотя эта формулировка сосредоточена на мотиве субъекта, она влечет за собой определенную долю объективности при определении того, что составляет «законный интерес».

В четвертом случае, правообладатель нарушает пределы либо действует вопреки содержанию права, вследствие чего, по сути, совершает противоправные действия. Иными словами, лицо осуществляет свое право вопреки «нормальной функции» этого права.

Хотя этот подход схож с предыдущим, в нем соотносится цель субъекта с объективным критерием - функцией права.

Данная концепция была применена во Французской судебной практике. В разгар индустриальных баталий XIX века профсоюзы злоупотребляли своим правом на забастовку, когда их действия отклонялись от предназначения

самого права, то есть забастовка связана не с желанием отстоять какие-либо интересы, а с уклонением от выполнения трудовой функции [5].

Что касается установления границ осуществления права на территории России в исследуемый период, то следует отметить, что в середине XIX законодательство, в частности Свод Законов Российской империи, не содержало норм, устанавливающих ответственность за злоупотребление правом. Судебная практика придерживалась позиции о ненаступлении ответственности за действия в пределах права, хотя бы и причинившие другому лицу вред.

В начале XX столетия в целях регулирования «соседского права» Сенат закрепил недопустимость использования права таким образом, который лишает другого возможности пользоваться его правом. При этом определение границы реализации права должно было осуществляться в каждом отдельном случае судом. Во всех остальных случаях Сенат, основываясь на положениях свода законов Российской империи, сделал вывод, что не может быть ответственности за действия в пределах права, даже если они причиняют вред иным лицам.

Вместе с тем статья 684 свода закрепляла, что лицо обязано возместить за вред и убытки, причиненные другому лицу его деянием, которое не являлось ни преступлением, ни проступком, если только будет доказано, что он не был принужден к тому требованиями закона, самообороной или стечением таких обстоятельств, которых он не мог предотвратить. По мнению В.А. Волкова, толкование данной нормы не запрещало случаи злоупотребления отнести к деликтным правонарушениям. В тоже время такое толкование не нашло значительной поддержки в судебных решениях.

Важно отметить, что в начале XX века редакционная комиссия, готовившая проект Гражданского уложения, сделала отрицательное заключение на предложение цивилистов создать правовую регламентацию случаев недобросовестного осуществления права. Такое решение было мотивировано редкостью данного правового явления, а также опасением возможности ограничения лиц при осуществлении их прав. Однако в результате дискуссий, все-таки был подготовлен проект нормы об отсутствии ответственности за вред, причиненный действиями в пределах предоставленного законом права, за исключением случая, когда осуществление права имело целью только причинение вреда другому (по сути, предлагалось закрепить недопустимость шиканы). Но данный проект по причине событий 1917 года не воплотился в закон, а случаи злоупотребления правом остались в латентном состоянии во многом по причине отсутствия нормативной регламентации и судебного признания [6; с.50].

Вышеизложенное дает основание сделать вывод, что в социально-экономических условиях XIX - начала XX веков ряд европейских стран признал целесообразность и разумность использования доктрины злоупотребления правом, что нашло свое воплощение и в нормативном закреплении и в судебном правоприменении. В этот же период на территории России концепция

злоупотребления правом не нашла достаточного признания, в следствие чего случаи злоупотребления не получили достаточной правовой защиты.

Список использованных источников:

1. Byers M. Abuse of Rights: An Old Principle in New Age/ M. Byers//McGill Law Journal.-2002. – Vol. 47. –Р. 389-431.
2. Гражданское уложение Германии [Электронный ресурс]/ Тихоокеанский государственный университет. Учебная литература – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/ioqip/study/studentsbooks/histsources2/igpzi063/, свободный.
3. Швейцария. Законы и постановления.Швейцарское гражданское уложение 10 декабря 1907 года / перевод К. М. Варшавского. - Петроград : Двигатель, 1915. –336 с.
4. Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: дис. ... доктора юридических наук : 12.00.03 / Волков А.В. - Москва, 2010. – 423 с.
5. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав// СПС КонсультантПлюс, Режим доступа: https://civil.consultant.ru/elib/books/1/page_4.html#ftn_65.
6. Волков В.А. Злоупотребление гражданскими правами. Проблемы теории и практики/ В.А. Волков. – М.:ВолтерсКлувер, 2009.–464 с.

УДК 349.2

Малхасян А. А.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ

В статье проводится анализ института трудового права «эффективный контракт», его отличие от обычного трудового договора, а также актуальность и особенности его составления.

Ключевые слова: трудовой договор, условия трудового договора, эффективный контракт, работник, работодатель, оплата труда.

Термин «эффективный контракт» был взят из экономической теории. В нормативных правовых актах данный термин не применяется, а используется понятие «трудовой договор».

В соответствии с Программой поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных и муниципальных учреждениях 2012-2018гг.[1] была введена необходимость заключения эффективного контракта. В связи с этим необходимо ответить на ряд определенных вопросов, которые возникают у большинства людей: что такое «эффективный контракт», какова его специфика и предназначение, какие «достоинства» и «недостатки», что включается в эффективный контракт, а также как существующий трудовой договор изменить на эффективный контракт. В приведенной программе дается определение эффективному контракту. Так, эффективным контрактом называют трудовой договор, в котором конкретизированы должностные

обязанности работника, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в соответствии с результатами труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки.

Эффективным контрактом является трудовое отношение между работодателем и работниками, которое основано на следующем: 1) наличие у учреждения государственного (муниципального) задания и целевых показателей эффективности работы, утвержденных учредителем; 2) система оценки эффективности деятельности работников учреждений (совокупности показателей и критериев, позволяющих оценить количество затраченного труда и его качество), утвержденная работодателем в установленном порядке; 3) система оплаты труда, учитывающая дифференциацию в сложности работы, а также количество и качество затраченного труда, утвержденная работодателем в установленном порядке; 4) система нормирования труда работников учреждения, утвержденная работодателем; 5) подробная конкретизация (уточнения) с учетом отраслевой специфики в трудовых договорах должностных обязанностей работников, показателей и критериев оценки труда, условий оплаты труда.

В отношении каждого работника, по эффективному контракту, должны быть уточнены трудовые обязанности работника, установлен размер вознаграждения за выполнение своей трудовой функции, меры социальной поддержки, размер поощрения за достижение индивидуальных или коллективных результатов труда, а также условия получения вознаграждения. Последнее должно быть понятно, как работнику, так и работодателю и исключать необходимость двойного толкования.

По замыслу законодателей, эффективный контракт должен основываться на трех базисах: 1. повышение заработной платы работникам; 2. совершенствование качественных требований к работникам посредством внедрения профессиональных стандартов; 3. стимулирование работников за качественное выполнение трудовых обязанностей. Всё же стоит отметить тот факт, что на практике законодатели большее внимание уделили повышению заработной платы отдельным категориям работников, поименованных в Указе №597[2].

В обычном трудовом договоре, обязанности работника могут быть установлены как в нём, так и в ином документе (например, должностная инструкция). При составлении же эффективного контракта должностные обязанности следует отразить в тексте данного документа. Законодатель также предоставляет возможность изменения существующего трудового договора на эффективный контракт. Алгоритм изменения трудового договора установлен ст. 74 ТК РФ. Условия трудового договора не могут быть сохранены при изменении организационных или технологических условий труда, поэтому допускается изменение условий договора по инициативе работодателя (исключением является изменение трудовой функции)[3]. Необходимо отметить то, что при изменении договора в одностороннем порядке

работодатель обязательно должен указать причины и обосновать их как неотвратимые. Напомним, что понятие «эффективный контракт» не закреплено в ТК РФ, а в качестве основной формулировки используется «трудовой договор».

Основным изменением при введении эффективного контракта является корректировка условий оплаты труда. Статья 74 ТК РФ не регламентирует данное изменение, но и не устанавливает закрытый перечень того, что подпадает под понятие «изменение условий труда». Соответственно, при изменении условий оплаты труда можно руководствоваться ее положениями.

Для облегчения введения эффективного контракта, а также для того чтобы избежать нарушений норм трудового законодательства работодателю следует действовать по определённому алгоритму: во-первых, необходимо создать комиссию в учреждении, которая будет заниматься организацией работы по переходу на систему эффективного контракта; во-вторых, изучить показатели эффективности и качества деятельности, разработанных и утверждённых учредителем, внесённых в учреждение по оказанию определённой услуги, а также систему оценивания базовых и дополнительных показателей, для каждой организации; в-третьих, провести разъяснительную беседу в трудовом коллективе по поводу введения эффективного контракта. Это необходимо для того, чтобы избежать возникновения непонимания, споров и вопросов по данному делу. Далее обеспечить переход на эффективный контракт, выполнив следующие действия[5]: 1) проверить имеющиеся трудовые договоры работников учреждения на их соответствие требованиям трудового законодательства, а именно ст. 57 ТК РФ и Приказу Минтруда России № 167н[4]; 2) разработать критерии эффективности труда сотрудников для внесения изменений в положение об оплате труда сотрудников и о выплатах стимулирующего характера; 3) принять локальный нормативный правовой акт об оплате труда; 4) разработать индивидуальные трудовые договоры (дополнительные соглашения) с работниками с учётом утверждённой формы примерного трудового договора, с использованием показателей и утверждённых критериев эффективности деятельности работников учреждения; 5) утвердить изменённые должностные инструкции, а также уведомить работников об этих изменениях; 6) заключить с работниками дополнительные соглашения.

Следовало бы отметить «достоинства» и «недостатки» эффективного контракта. На наш взгляд, самой главной ценностью эффективного контракта является конкретизация обязанностей работников в трудовом договоре в сочетании с увеличением заработной платы, то есть оклада посредством индексации, а также стимулирующих выплат, которые будут зависеть от качества выполняемой работы. Недостатком же является не только тот факт, что результаты труда привязаны только к стимулирующим выплатам без повышения оплаты труда, но и то, что в сознании работников трудовой договор не является основным документом по организации его труда и управлению трудом. Помимо всего, эффективный контракт регулирует трудовые отношения

в различных сферах деятельности. Так, его используют в сфере культуры, здравоохранения, образования и т.д.

В области образования, был внедрен механизм эффективного контракта с научно - педагогическими работниками высших учебных заведений, целью которого является: сохранение и развитие кадрового потенциала учреждений, а также улучшения качества образования и науки. Эти цели достигаются путём: повышения заработной платы профессорско-преподавательского состава вузов с одновременным введением дифференциации оплаты труда работников, выполняющих работы разной сложности, установления должностных окладов в разрезе профессионально - квалификационных групп, установления оплаты труда в зависимости от качества оказываемых услуг и эффективности на основе системы объективных критериев и показателей. Из этого всего возникает вопрос: Эффективно ли внедрение данной системы в область образования, ведь для оценки труда профессорско-преподавательского состава необходимы показатели, описывающие трудозатраты преподавателя, которые можно подсчитать. Однако объем видов деятельности, выполняемых профессорско-преподавательским составом, в разные учебные периоды может существенно отличаться[6]. Особенностью эффективного контракта в учреждениях культуры является условие получения выплат стимулирующего характера. Для повышения результативности деятельности работника, устанавливается премия по итогам работы, при условии выполнения утверждённых государственным (муниципальным) заданием показателей эффективности деятельности учреждения и его руководителя, а также при наличии конкретизированных должностей, обязанностей. Однако по «эффективному контракту» работнику устанавливаются только те показатели, которые соответствуют уровню его квалификации, имеющимся профессиональным достижениям и другим факторам, относящимся к выполняемой работе[7]. Эффективный контракт регулирует трудовые правоотношения работников бюджетных учреждений, поэтому он был введен и в учреждениях здравоохранения. В данном случае эффективный контракт является трудовым договором с медработниками, в котором подробно изложены и детализированы положения о его трудовых функциях, условиях получения заработной платы и выплат, стимулирующих труд. Необходимость перехода на эффективный контракт в учреждениях здравоохранения нужна для мотивации медицинских кадров в деятельности, а также повышения привлекательности данного вида деятельности. При переходе на эффективный контракт с медработниками необходимо учитывать такие положения, как существующие в медучреждении трудовые нормативы, действующая система расчёта заработной платы медработников, порядок установления им надбавок, режим времени труда сотрудников, время отдыха от их обязанностей и другой необходимой информации.

Список использованных источников:

1. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 N 2190-р О программе поэтапного совершенствования оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018гг. (ред. от 14.09.2015)// Собрание законодательства РФ. 03.12.2012, N 49, ст. 6909.

2. Смолева М.Е. Эффективный контракт: рабочий инструмент или формальность? // Руководитель автономного учреждения. 2018. N 6. С. 41 - 49.– Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.12.2015)// Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч.1). Ст. 3

4. Приказ Минтруда России от 26.04.2013 N 167н (ред. от 20.02.2014) "Об утверждении рекомендаций по оформлению трудовых отношений с работником государственного (муниципального) учреждения при введении эффективного контракта"//"Ваше право", N 16, август, 2013.– Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

5. Фролов С.П. Переходим на эффективный контракт по правилам // Руководитель бюджетной организации. 2015. N 4. С. 10 - 19.– Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

6. Егоров К.Б., Худякова С.С. Повышение качества и эффективности высшего образования и науки в РФ посредством внедрения системы «эффективных контрактов»: достижима ли цель? // Трудовое право в России и за рубежом. 2017. N 3. С. 39 - 42.– Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

7. Морозова Л. Рекомендации по переходу на «эффективный контракт» в учреждениях культуры // Учреждения культуры и искусства: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. N 7. С. 55 - 62.– Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

УДК 349.2

Александрова Л. В.

ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

УЧЕНИЧЕСКИЙ ДОГОВОР

В статье рассматривается правовое регулирование ученического договора, проводится анализ его содержания, а также раскрываются некоторые проблемы применения и отсутствия норм трудового законодательства.

Ключевые слова: ученический договор, ученичество, ученик, работник, работодатель, стипендия, квалификация

Современные условия рынка создают высокую конкурентность между его участниками. В настоящее время успехом пользуются только те организации-работодатели, которые постоянно вкладывают ресурсы в обучение, подготовку и переподготовку сотрудников для оптимального соответствия текущим потребностям. Часто в обучении заинтересованы не только работодатели, но и сами работники, которые не всегда имеют возможность воспользоваться дорогостоящими образовательными услугами, чтобы самостоятельно пройти профессиональную подготовку или повысить классификацию [1]. Вкладывая значительные денежные средства в обучение сотрудников, работодатель также стремится уменьшить и текучесть кадров, так как с обученными сотрудниками трудовые отношения более стабильные.

Работодатель – юридическое лицо имеет право самостоятельно определять необходимость профессиональной подготовки и переподготовки кадров для собственных нужд. Одним из возможных способов реализации данного права является ученический договор.

Впервые нормы об ученичестве закрепились в главе XII «Об ученичестве» КЗоТ РСФСР 1922 года, но не регулировали отношения по профессиональному обучению между предприятием и учеником. Ученики определялись как лица, состоящие в школах ученичества, учебных бригадах и мастерских, а также проходящие индивидуальное обучение в процессе производства, под руководством квалифицированных рабочих [2]. Позднее правовое регулирование ученичества в большей степени основывалось на подзаконных актах. Вместе с тем законодательство того времени не предусматривало заключение специального ученического договора, который оформлял бы отношения по профессиональной подготовке работников непосредственно на производстве. В настоящее время данные отношения регулируются главой 32 «Ученический договор» Трудового кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ТК РФ). Необходимо отметить, что действующее законодательство не содержит понятия ученического договора. Согласно ст. 198 ТК РФ, ученический договор можно определить как двустороннее соглашение на получение образования, заключаемое между работодателем – юридическим лицом и лицом, ищущим работу, или с работником данной организации.

Выделяют два вида ученического договора – без отрыва или с отрывом от работы. Следует отметить, что ученический договор с работником данной организации является дополнительным к трудовому договору и не должен противоречить ему, а ученический договор с лицом, ищущим работу, не может признаваться дополнительным к трудовому договору, так как последний вообще не заключен. Необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 205 ТК РФ на ученический договор с лицом, ищущим работу, также распространяются нормы трудового законодательства.

Статья 199 ТК РФ определяет содержание ученического договора. В соответствии с данной статьей ученический договор должен содержать ряд обязательных условий, таких как: наименование сторон; указание на конкретную квалификацию, приобретаемую учеником; обязанность работодателя обеспечить работнику возможность обучения в соответствии с ученическим договором; обязанность работника пройти обучение в соответствии с полученной квалификацией проработать по трудовому договору с работодателем в течение срока, установленного в ученическом договоре; срок ученичества; размер оплаты в период ученичества. Такой договор может содержать и иные условия, определенные соглашением сторон. Кроме того, содержание ученического договора может быть изменено по соглашению сторон в течение срока его действия.

К ученическому договору ТК РФ предъявляет ряд определенных требований: 1) ученический договор должен быть заключен в письменной форме в двух экземплярах, 2) на срок, необходимый для получения данной

классификации. Конкретный срок ученического договора трудовым законодательством не предусмотрен, но должен соответствовать продолжительности образовательной программы. Действие ученического договора наступает со дня, который указан в договоре и может быть продлено. В соответствии со ст. 201 ТК РФ действие ученического договора должно быть продлено на время болезни ученика, прохождения им военных сборов и в иных случаях, предусмотренных законодательством РФ [3].

Время ученичества в течение недели не должно превышать нормы рабочего времени, установленной для работников, соответствующих возраста, профессии, специальности при выполнении определенных работ. Работники, которые проходят обучение в организации, могут по соглашению с работодателем освобождаться от работы по трудовому договору либо выполнять эту работу на условиях неполного рабочего времени. В данных случаях необходимо получить согласие работника. В период действия ученического договора работники не могут привлекаться к сверхурочным работам и направляться в служебные командировки, которые не связаны с ученичеством.

Особое внимание заслуживает факт, что предусмотренная ученическим договором, обязанность проработать в организации определенный срок утрачивает свою силу при внутреннем постоянном переводе работника на работу, не связанную с полученной профессией, специальностью или квалификацией. Трудовой кодекс устанавливает специальный порядок оплаты ученичества. В период ученичества ученикам выплачивается стипендия за счет средств работодателя. Размер стипендии определяется ученическим договором и зависит от получаемой квалификации, но не может быть ниже минимального размера оплаты труда. При этом право на получение стипендии в период ученичества не зависит от результатов освоения учеником учебной программы [4].

Ученический договор прекращается по окончании срока обучения или по основаниям, предусмотренным этим договором. Окончание срока обучения не означает исполнение условий, предусмотренных договором, а лишь является одним из элементов возникшего правоотношения. Например, дополнительная квалификация при профессиональной переподготовке должна подтверждаться прохождением государственной итоговой аттестацией. На практике могут возникнуть ситуации, когда, установленный ученическим договором, срок истек, а дополнительная квалификация ученику не присвоена [5].

Для того, чтобы знания, полученные учеником за счет средств работодателя, не перешли конкуренту, который предложил ученику более выгодные условия, законодатель предусмотрел возможность защиты материальных интересов работодателя. Статья 249 ТК РФ обязывает работника возместить затраты, понесенные работодателем на обучение, в случае его увольнения без уважительных причин до истечения срока, обусловленного трудовым договором или соглашением об обучении. Понесенные затраты исчисляются пропорционально фактически не отработанному после окончания обучения времени, если иное не предусмотрено трудовым договором или

соглашением об ученичестве. Статья 207 ТК РФ защищает работодателя, если ученик так и не стал работником. Если ученик по окончании ученичества без уважительных причин не выполняет свои обязательства по договору, то он по требованию работодателя возвращает ему полученную стипендию, а также возмещает другие понесенные работодателем расходы в связи с ученичеством. Сложность в данном случае вызывает законодательное отсутствие даже примерного перечня уважительных причин.

Трудовой кодекс РФ также не предусматривает урегулирование вопроса возмещения работодателю расходов в случае, если трудовой договор будет расторгнут до окончания ученичества работника. В научной среде недостаточно решен вопрос о составе затрат работодателя. Однако, по мнению судей, если расходы не конкретизируются в трудовых нормах, то работодатель вправе требовать возмещения ему любых затрат, связанных с обучением, которые подтверждены документально [6]. В трудовом законодательстве отсутствуют нормы, определяющие длительность отработки после обучения, что может подтолкнуть работодателя к злоупотреблению при установлении ученику необоснованного срока для отработки. Законодательство о труде предусматривает также гарантии обеспечения прав и законных интересов учеников, которые заключаются в распространении на них трудового законодательства, включая законодательство об охране труда.

Необходимо отметить, что работодатель не имеет права взыскивать расходы на обучение, если он был обязан произвести обучение за свой счет, в случае, когда обучение является условием выполнения работником определенных видов деятельности [7]. Следовательно, ученический договор является формой свободного волеизъявления работодателя и работника или работодателя и лица, ищущего работу. Итогом волеизъявления должен стать грамотно составленный ученический договор, предусматривающий гарантии для ка

Список использованных источников

1. Дубицкая С.А. О некоторых проблемах, возникающих у работодателя в связи с заключением ученического договора. // Вестник Омского юридического института. 2015. № 1 (12). – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/>.
2. [Постановление ВЦИК от 09.11.1972 «О введении в действие Кодекса Законов о Труде Р.С.Ф.С.Р. изд. 1992 г.»// СУ РСФСР. 1972. №70. Ст.903.](#)
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019)// Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
4. Косов И.А. К вопросу о содержании ученического договора в Российской Федерации. // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2015. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/>.
5. [Брюхина Е.Р., Новикова Н.В. Ученический договор с лицом, ищущим работу, как альтернатива трудовому договору с испытательным сроком. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 3 \(21\). – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/>.](#)
6. Михайленко Ю. О включении штрафных санкций в договоры об обучении работника за счет средств работодателя. // Юридическая герменевтика. 2018. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/>.

7. Киселева Е.В. Правовая природа ученического договора. // Правовая мысль в образовании, науке, практике. 2018. № 3 (7). – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru/>.

УДК 340.794

Зарубин Д.В.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФРАХТОВАНИЯ СУДОВ ПО МОРСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ШВЕЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Данная статья посвящена исследованию правового регулирования общественных отношений в сфере фрахтования судов во второй половине XIX века в Швеции. Автором выявлено сходство правовой регламентации некоторых сфер фрахтования судов того времени и современной России.

Ключевые слова: правовое регулирование, морское право, фрахтование, морской устав, Швеция.

Во второй половине XIX века разработка морского законодательства, осуществляющего детальное правовое регулирование общественных отношений в сфере торгового мореплавания, получило широкое распространение во многих европейских государствах, а именно: во Франции, в Норвегии, в Испании, в Германии, а также в Швеции, которая «наравне со всеми прочими новыми морскими уставами других стран, старалась наивозможно обстоятельнее его (законодательство) разработать» [1, с. 190].

23 февраля 1864 года, на смену Шведскому морскому коммерческому уставу 1667 года, был введен в действие новый Морской устав Швеции (далее – Морской устав). Данный нормативно-правовой акт, во второй половине XIX века, регулировал общественные отношения, касающиеся осуществления морских перевозок на территории Швеции. В основу шведского законодательства о морской торговле того времени было положено Германское торговое уложение [4, с. 41].

Одной из основных сфер общественных отношений, в рамках морских перевозок, является фрахтование судов. Согласно Морскому словарю К.И. Самойлова: «Фрахтование – сделка, в силу которой судовладелец предоставляет своему контрагенту судно или определенную его часть для перевозки грузов» [2]. Аналогичное определение термина «фрахтование», с некоторым видоизменением, приведено в Большом юридическом словаре В.Н. Додонова: «Фрахтование – деятельность по заключению договоров найма или по сдаче судна внаем» [3].

Основными понятиями, используемыми в связи с фрахтованием судов являются:

1. Судно, нанятое под перевозку пассажиров или груза называется «зафрахтованным».

2. Лицо, предоставившее зафрахтованное судно, называется «фраховщиком» или «отдающим на фрахт».

3. Лицо, которое принимает судно, называется «фрахтующим» или «принимающим на фрахт».

4. Наемная плата за зафрахтованное судно называется «фрахтом».

5. Юридическое оформление фрахтования осуществляется путем заключения сторонами «фрахтового договора».

Морской устав проводит четкое разграничение фрахтового договора от иных видов договора найма. Данная дифференциация исходит из следующих характерных признаков, присущих только фрахтовому договору:

1. Предметом фрахтового договора является «личная ответственность по выполнению известного труда»[1, с. 190], заключающаяся в обязательстве фраховщика на морскую перевозку пассажиров или грузов в условленное договором место.

2. Условия фрахтового договора налагают на фраховщика дополнительные обязанности по снаряжению и снабжению судна всем необходимым для мореплавания (в том числе обеспечение судна шкипером (капитаном) и судовой командой).

3. Фрахтовый договор возлагает дополнительную ответственность на фраховщика за сохранность имущества фрахтующего с того времени, когда фраховщик принял этот груз.

4. В исключительных случаях, установленных статьями 42, 127 и 142 Морского устава, фраховский договор предоставляет право фраховщику распоряжаться имуществом фрахтующего.

5. По договору фрахтования зафрахтованное судно и переданный для транспортировки груз служат взаимным обеспечением за исполнение условий, заключенных между обеими сторонами по договору. Данная характерная черта фрахтового договора изложена в статьях 74 и 115 Морского устава, в соответствии с которыми – «судно должно служить обеспечением за целостность принятого им груза, а груз, в свою очередь, служит обеспечением за уплату фрахта»[1, с. 191].

Шведским законодателем, исходя из сложившейся практики найма судов для выполнения морских перевозок, были предусмотрены следующие виды фрахтовых договоров:

1. Фрахтовый договор, согласно которому, в соответствии со статьей 75 Морского устава, в наем фрахтующему предоставлялось целое судно.

2. Фрахтовый договор, согласно которому, в соответствии со статьей 77 Морского устава, в наем фрахтующему предоставлялась определенная часть судна.

3. Фрахтовый договор, согласно которому, в соответствии со статьей 90 Морского устава, фрахтующему предоставлялось право на погрузку определенного количества товара на зафрахтованное судно.

4. Особым видом фрахтового договора, в соответствии со статьей 117 Морского устава, являлось предоставление фрахтовщиком судна в наем фрахтующему с исключительными правами по снаряжению судна необходимыми вещами для мореплавания, а также найму шкипера и судовой команды. В данном случае, попечение о доставлении груза к месту его назначения фрахтующий принимал на себя.

В соответствии со статьей 73 Морского устава, сторонам фрахтового договора предоставлялась полная свобода относительно формы заключения фрахтового договора. Письменный фрахтовый договор заключался по волеизъявлению сторон «для обоюдного обеспечения прав обоих контрагентов» [1, с. 193].

Письменный фрахтовый договор получал название фрахтовой записи (цертепартии) – документа, выражающего фрахтовые условия. Цертепартии обычно составлялись в двух экземплярах – для каждой из сторон фрахтового договора. Фрахтовую запись, по морскому обычаю, было принято заключать в случаях, когда в наем предоставлялось целое судно или наибольшая доля его вместительности. В случаях заключения фрахтового договора на перевозку штучного товара, то есть по числу мест, условия на доставку содержались в его коносаментх (накладных).

Право предоставить судно в наем принадлежало:

1. Судохозяину (судовладельцу).
2. Судовладельческому старшине – лицу, осуществлявшему управление делами, в случае, если судно принадлежало нескольким лицам (в соответствии с пунктом 2, статьи 14 Морского устава).
3. Шкиперу от имени судохозяина (в случаях заключения фрахтового договора в иных местах, кроме того, где приписано судно, а также, в приписном месте для судна, если ему была предоставлена особая доверенность).

Разработчики Морского устава уделили особое внимание обязанностям шкипера (капитана) судна при исполнении фрахтового договора. Положения Морского устава возлагали на шкипера следующие обязанности:

1. Перед выходом судна из порта, шкипер был обязан выявить и исправить «все повреждения в судне, которые могли бы обнаружиться при обыкновенной на нем заботливости» [1, с. 197].

2. Кроме того, перед выходом судна из порта, шкипер, в соответствии со статьей 40 Морского устава, был обязан осуществить контроль над достаточностью снаряжения на судне, присутствием судовой команды в полном составе и наличиемнеобходимых судовых документов.

3. На шкипере, в соответствии со статьей 80 Морского устава, лежала обязанность подвезти судно к надлежащей пристани, которая будет ему указана, а, в случае, если судно было зафрахтовано несколькими фрахтующими, по их требованию за дополнительное вознаграждение, перевести судно на другое, удобное для погрузкимоесто, в соответствии со статьей 90 Морского устава.

По общему правилу, ответственность фрахтовщика устанавливалась «только в размере стоимости судна и фрахта по всем тем возмещениям, которые могут быть на него возложены вследствие неисполнения, неполного или дурного выполнения фрахтового договора» [1, с. 196]. Положения об установлении размера ответственности судовладельца в пределах стоимости корабля и фрахта также были приняты датским, норвежским и германским законодательствами [4, с. 7].

Стоит обратить особое внимание на правовое регулирование Морским уставом «простойное время» судна. В соответствии со статьей 77 Морского устава, шкипер, в течение определенного периода времени, был обязан ожидать доставки груза, оговоренного фрахтовым договором, к судну без получения за это какого либо вознаграждения. Такой период времени назывался «простойными днями». Если погрузка товаров не была начата или не была окончательно выполнена, в течение этих «простойных дней», то шкипер был обязан ожидать еще некоторое время уже с получением за это определенного вознаграждения. Такой промежуток времени назывался «сверх-простойными днями». В своей совокупности, два вышеуказанных временных периода назывались «простойным временем» судна.

В соответствии со статьей 77 Морского устава, простое время судна исчислялось с первого будничного дня после того, когда судно состояло в полной готовности к принятию груза и было подведено к месту, которое для него было назначено, и шкипер уведомил об этом фрахтующих.

Простойные дни для судна, в соответствии со статьей 78 Морского устава, должны были быть определены в договоре по взаимному соглашению сторон, а в случае отсутствия такого условия в договоре, при их исчислении необходимо было руководствоваться обычаем, принятым в том месте, где происходила погрузка. В соответствии со статьей 78, в счет исчисления простоя дней для судна не учитывались праздничные, к которым в соответствии со статьей 53 Морского устава, не относилось и воскресенье – «днями праздничными называют те, которые не называются будними» [1, с. 204].

В рамках исчисления сверх простоя дней, в соответствии с пунктом 1, статьи 79 Морского устава, учитывались все праздничные дни. Число сверх-простоя дней и вознаграждение, которое за них полагается, в соответствии со статьей 76 Морского устава, аналогичным образом, должно было быть установлено в договоре. В случае отсутствия в договоре условия о количестве сверх-простоя дней, их число не должно было превышать половины числа простоя дней.

Размер вознаграждения за сверх-простойные, в случае отсутствия такого условия в договоре, устанавливался, в соответствии с пунктом 2, статьи 79 Морского устава, по одному из десятиalers (денежная единица Швеции XVI - XIX столетий) в день, за каждый ласт (120 пудов) вместительности судна, и выплачивался за каждый истекший день.

Рассмотренное в данной статье правовое регулирование фрахтования судов в Швеции во второй половине XIX века, позволяет провести аналогию

положений Морского устава Швеции от 23 февраля 1864 года и правовых норм Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 года. В этих двух нормативно-правовых актах различных временных эпох, присутствует идентичность регулирования вопросов, связанных с фрахтованием судов. Например, в сфере регламентирования обязанностей перевозчика(фрахтовщика), стальнойного времени(простойных дней) судна, контр-стальнойного времени (сверх-простойных дней)судна, установленных статьями 124, 130, 131, 132, 150 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 года.

Вышеуказанное обстоятельство, позволяет сделать вывод о том, что фундаментальные принципы торгового мореплавания, заложенные законодательством предыдущих лет, широко используются при разработке современных нормативно-правовых актов.

Список использованных источников

1. Хамбро К.Ф. Приватное морское коммерческое право на основании существующего шведского законодательства. Соч. Хамбрэ. 1870 г.; Пер. коллеж.советник Головачов. – СПб.: Печатано в типографии Морского министерства, в главном адмиралтействе, 1872. – 209 с.
2. Самойлов К.И. Морской словарь. В 2-ух томах: Том 2. О-Я. – М. –Л.: Государственное военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1941. – С. 507.
3. Додонов В.Н., Ермаков В.Д., Крылова М.А. и др. Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 593.
4. ГольдмерштейнЛ.М. Морское право России, Германии, Франции, Англии и Швеции. – СПб.: Издание Я.А. Канторовича, 1903. – 59 с.
УДК 347.7

УДК 340.153

Бичун В.М.

Юридический факультет Белорусского государственного университета

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО В X-XIV ВЕКАХ

В статье рассматривается государственный строй Королевства Польского в период раннефеодальной монархии X–XII вв. и период феодальной раздробленности XII– XIII вв.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Королевство Польское, Речь Посполитая, привилей, уния.

Великое княжество Литовское (далее – ВКЛ), в состав которого входили земли современной Беларуси, с 1385 г. находилось в униональных отношениях с Королевством Польским, которые в дальнейшем трансформировались в

попытку создания единого государства – Речи Посполитой (1569-1795 гг.). В данный период ВКЛ как одна из исторических форм белорусской государственности испытывала влияние польских моделей государственного и социального устройства.

Форма правления в Польше в X-XI вв. представляла собой раннефеодальную монархию. Во главе государства стоял князь, происходивший из княжеского рода полян. Теоретически он был ни в чем не ограниченным господином всего княжества, т.е. его территории и всех жителей. Как обладатель всей полноты власти князь выступал и верховным военачальником, судьей, руководил внешней политикой, назначал управителей провинций и городов и чиновников. В силу специфики возникновения раннефеодальных монархий князь координировал свою власть крупной знатью (можновладством), то есть представителями территориальных родов, без которой управление государством оказалось бы невозможным.

С коронацией Болеслава I Храброго в 1025 г. Польша вошла в логику развития западной католической цивилизации. Это позволило в рамках феодализма и закрепощения крестьян усилить королевскую власть, сформировать центральный и местный аппарат управления, который строился по дворцово-вотчинному принципу. Короли назначали воевод, канцлеров, коморников и других должностных лиц [1, с. 31; с. 275–276]. Однако такое усиление королевской власти сопровождалось противостоянием со стороны крупных феодалов, князей отдельных территорий. При этом крупные феодалы нуждались в сильной центральной власти для обеспечения закрепощения свободных крестьян. Одновременно союзником королевской власти стала и Римская Католическая Церковь, структуры которой в Польше освободились от немецкого влияния и обрели в 1000 г. собственный центр г. Гнезно.

Власть короля имела хотя и династический, но в первую очередь родовой характер, в котором принцип первородства («примогенитура» (лат. *primogenitura*)) и передачи власти только одному из сыновей последовательно не проводился. Следствием были частые междоусобицы, которые позволяли знати усиливать свое политическое влияние, поддерживая того или иного претендента на престол.

Польские короли в XI–XII вв. опирались на королевский совет, состоявший из крупных земельных магнатов, как светских, так и духовных. Помимо обсуждения важных государственных вопросов (объявления войны, заключения мира и т.д.) члены королевского совета принимали участие в решении судебных дел. Иногда короли созывали съезды, на которые приглашались светские и духовные феодалы. И королевский совет, и съезды феодалов выступали главным образом в качестве совещательных органов при короле. Нобили-можновладцы обладали правом отпора монарху в случае невыполнения им своих обязательств и законов. При этом Римско-католическая Церковь, которая объективно становилась крупным землевладельцем, постепенно усиливала свою независимость от королевской власти, особенно в периоды ее слабости. Так, после съезда в Божикове (1210 г.) прелаты Польши считали себя независимыми от светской администрации и суда. Параллельно

каноническое право стало регламентировать обширные сферы общественной жизни.

После смерти короля Болеслава III Кривоустого (1138 г.) Польша распалась на ряд самостоятельных княжеств, управлять которыми по завещанию должны были сыновья умершего короля. Воспользовавшись этим, крупные феодалы добились полной самостоятельности и превратились в независимых правителей в своих землях (вотчинах). Одновременно феодальная раздробленность и постоянные междоусобные войны ускорили формирование многочисленного слоя рыцарей – шляхтичей, из которых состояли дружины и придворный аппарат управления крупных феодалов. Параллельно начался процесс формирования сословий, получивших или добившихся своих особых привилегий, крупных магнатов – панов, мелких феодалов – шляхты, духовенства и горожан.

В период феодальной раздробленности каждый удельный князь в своем владении являлся носителем всей полноты власти, возглавлял войско, заключал договоры с другими государствами, обладал судебными функциями. Вассалы князя составляли княжеский совет, параллельно с которым существовал и аппарат управления (воевода, коморник, канцлер и др.). При этом большинство из названных должностей со временем стали наследственными.

К началу XIV в. сложились предпосылки объединения Польши в единое централизованное государство. Заметное оживление экономической жизни положило начало формированию единого внутреннего рынка. Усилившаяся эксплуатация крестьян и городской бедноты привела к обострению классовой борьбы. Внешняя опасность со стороны Германии ускорила консолидацию всех социальных групп Польши в борьбе с угрозой порабощения и процесс объединения польских земель в единое государство [3, с. 35–37].

В первые десятилетия XIV в. князю Владиславу I Локетеку удалось объединить значительную часть польских земель. Успехи Владислава I и особенно его сына Казимира III Великого в политическом объединении страны объяснялись тем, что короли получили поддержку своих намерений от шляхты, которая стремилась к внутреннему миру, к ограничению произвола крупных магнатов [2, с. 278].

Однако объединение происходило в Польше несколько иначе, чем в других странах Запада. Польские города, где господствующее положение занимали немцы-колонисты, не были заинтересованы в установлении сильной королевской власти. Король же, видя свою главную опору в рыцарстве, был вынужден идти на удовлетворение их политических и экономических требований [4, с. 256]. В силу вышесказанного королевская власть не смогла достичь той степени политического единства страны, которого достигли в свое время феодальные государства Франция и Англия, ибо она опиралась только на шляхту, добившуюся за оказанную поддержку расширения своих привилегий.

Одновременно на судьбу Польского государства повлиял и личностный фактор – Казимир III Великий не имел сыновей и поэтому единственным претендентом на польский престол рассматривался Людовик Венгерский, его племянник (сын сестры). В 1355 г. Людовик Венгерский, в обмен за права на

польский трон в случае отсутствия у Казимира мужского потомства, издал в Буде привилегию для польских сословий, в которой подтверждал их права и обещал шляхте не собирать чрезвычайных налогов. Однако Людовик Венгерский также не имел сыновей и поэтому, чтобы сохранить власть за своими дочерьми, Кошицким привилеем 1374 г. в обмен на согласие польской знати на наследование трона по женской линии освободил рыцарей от поземельного налога, за исключением двух грошей с одного лана крестьянской земли [5, с. 128]. Король также обязался выкупать рыцарей, попавших в плен во время походов. Сходную привилегию, связанную с налогами, получило в 1381 г. духовенство. Конфедерация рыцарства и городов в Радомске (1384 г.) пригласила дочь Людовика Ядвигу в Польшу. Осенью Ядвига, которой едва исполнилось одиннадцать лет, была коронована в Кракове «королем» Польши. Факт избрания на престол и сам возраст юной королевы укрепили права сословного представительства на совместное с государем участие в управлении.

Таким образом, королева приобрела инструментальную роль, будучи зависимой от сословий, а решающую роль играла знать Польши, которая приняла политическое решение отказать жениху Ядвиги Вильгельму Габсбургу, чтобы выдать ее замуж за литовского князя Ягайло, который, в свою очередь, проведет христианизацию языческой Литвы и заключит унию с Польшей. 14 августа 1385 г. была заключена личная уния в Крево. В феврале 1386 г. Ягайло принял крещение в Кракове и на собрании рыцарей был избран королем Польши. В результате перед Кревской унией (1385 г.) в Польше сложилась уникальная ситуация, когда королевская власть, ради династических интересов, сознательно была ограничена в правах по отношению к Церкви, знати и шляхте. Это затруднило потенциальную централизацию Польши и оказало важное влияние на модели государственного управления в Великом княжестве Литовском.

Список использованных источников:

1. Тымовский, М. История Польши / М. Тымовский, Я. Кеневич, Е. Хольцер. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2004. – 544 с.
2. История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов : в 2-х т. / под ред. Н. Крашенинниковой, О. Жидкова. – Москва : Инфра-М, 2015. – Т.1. Древний мир и Средние века. – 2015. – 719 с.
3. Аргучинцев, Г. К. История государства и права славянских народов / Г. К. Аргучинцев. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 303 с.
4. Вениосов, А. В. История государства и права зарубежных стран : учебник / А. В. Вениосов, В. В. Сажина. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 639 с.
5. Гудавичюс Э. История Литвы : с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. – Москва : Фонд им. И. Д. Сытина BALTRUS, 2005. – Т. 1. 2005 – 670 с.

УДК 340.55

Баталова Л. П.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются сущность и элементы административно-правового статуса муниципальных служащих в Российской Федерации, а также особенности его правового регулирования. Особое внимание уделяется классификации и анализу ограничений и запретов на муниципальной службе.

Ключевые слова: муниципальная служба, должность муниципальной службы, ограничения, запреты.

Муниципальные служащие занимают особое место в системе местного самоуправления. Несмотря на достаточно активное развитие в этой области, развитию и реформированию муниципальной службы уделяется большое внимание [1, с. 6].

Муниципальная служба -это профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, при заключении трудового договора (контракта). Можно выделить несколько основных признаков муниципальной службы: Во-первых, основной функцией муниципальных служащих является практическая реализация задач и полномочий местного самоуправления; во-вторых, деятельность направлена на формирование штатов органов местного самоуправления; также муниципальная служба способствует реализации полномочий местных органов[2, с. 157]

На сегодняшний день законодательство РФ не содержит определённого понятия правового статуса муниципального служащего, здесь прописаны только отдельные элементы правового статуса: совокупность прав и обязанностей муниципального служащего, запреты и ограничения, а также ответственность за ненадлежащее выполнение своих функций и гарантии деятельности.

Муниципальный служащий согласно ФЗ №-25 «О муниципальной службе в РФ» имеет право на: 1) ознакомление с документами, в которых содержатся его служебные права и обязанности; 2) рабочие условия, необходимых для исполнения должностных обязанностей; 3) оплату труда и другие выплаты в соответствии с настоящим законодательством и трудовым договором; 4) отдых; 5) получение в установленном порядке данных и средств, которые необходимы для исполнения должностных обязанностей; 6) участие в конкурсе на замещение вакантной должности муниципальной службы; 7) повышение профессиональных навыков; 8) защиту и неразглашение персональных данных; 9) изучение материалов своего личного дела; 10) защиту своих прав и законных интересов на муниципальной службе; 11) рассмотрение трудовых

конфликтов согласно трудовому законодательству;12) пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством РФ[3, с. 256].

Немаловажную роль в правовом статусе играют обязанности муниципального служащего. Необходимо учитывать, что при заключении трудового договора(контракта) на муниципального служащего распространяются обязанности работника.

К правовому статусу муниципального служащего можно отнести только некоторые обязанности, которые действительно отражают его особенность:

- предоставлять в установленном порядке, информацию о себе и членах семьи, в соответствии с законодательством, а также, сведения о доходах и собственности, являющихся объектами налогообложения, об обязательствах имущественного характера;

- необходимо сообщать работодателю о своих личных интересах, которые могут привести к спорам, и соответственно принимать меры по их предотвращению;

- муниципальный служащий должен выполнять обязанности, соблюдать ограничения, не нарушать запреты, предусмотренные Федеральным законом « О муниципальной службе в РФ» и другими ФЗ.

- в случае выхода из гражданства РФ или в случае приобретения иностранного гражданства, необходимо в обязательном порядке оповестить об этом работодателя

Ограничения, связанные с муниципальной службой, мы можем найти в статье 13 ФЗ «О муниципальной службе в РФ». В качестве примера, гражданин не может поступить на муниципальную службу, а муниципальный служащий не может находиться на муниципальной службе в случае «близкого родства или свойства (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей) с главой муниципального образования, который возглавляет местную администрацию; если замещение должности муниципальной службы связано с прямой подчиненностью или подконтрольностью этому должностному лицу, либо другому муниципальному служащему[4, с. 98].

Непосредственно связаны с правовым статусом муниципальных служащих, связанные с прохождением муниципальной службы, запреты. Действие запретов ограничивается временем прохождения муниципальной службы, но в определённых случаях гражданину следует соблюдать запреты и после увольнения с муниципальной службы. Муниципальный служащий не должен нарушать запреты, закрепленные в статье 14 ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Запрет – это требование законодателя не совершать каких-либо действий, которые не соответствуют правилам, влекущие за собой юридическую ответственность.

Запреты на муниципальной службе носят материально-экономический и дисциплинарно поведенческий характер. Материально-экономические запреты не позволяют муниципальным служащим иметь дополнительные источники дохода, они могут заниматься лишь преподавательской, научной и другой творческой деятельностью; также нельзя злоупотреблять своей

должностью. Благодаря такой системе запретов значительно повышается эффективность профессиональной деятельности муниципальных служащих.

Ко всему прочему в правовой статус муниципального служащего входят дисциплинарно-поведенческие запреты, суть которых заключается в соблюдении и не нарушении этических правил, а также норм служебного поведения муниципальных служащих. Так, например, запрещено использовать свое положение в интересах политических партий, религиозных и иных общественных объединений, к тому же запрещается публично выражать отношение к указанным объединениям в качестве муниципального служащего. Работодатель вправе отстранить муниципального служащего от замещаемой должности до того момента, пока он не представит документальные доказательства того, что им прекращена данная деятельность. На период отстранения от должности за муниципальным служащим сохраняется денежное содержание. Если же муниципальный служащий не сможет доказать своей правоты, работодатель обязан его уволить за не соблюдение и нарушение закона [5, с. 329].

Нужно отметить, что ещё одним элементом правового статуса муниципального служащего является его гарантии. В законодательстве Российской Федерации гарантии муниципальным служащим обеспечиваются правом на судебную защиту, на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти, запретом на ограничение прав местного самоуправления, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Таким образом, местное самоуправление является институтом гражданского общества, который даёт возможность населению согласно законодательству принимать участие в управлении делами муниципального образования, самостоятельно решая вопросы на местном уровне. Важнейшая роль муниципальной службы, не считая исполнения задач и функций органов местного самоуправления, заключается в осуществлении вопросов местного значения. Основным элементом в структуре правового статуса муниципального служащего выступают его обязанности, содержание которых определяет необходимый объем правомочий [6, с. 156].

Список использованных источников:

1. Крахмалов А.Н. Проблемы механизма прохождения государственной гражданской и муниципальной службы в Российской Федерации // Актуальные проблемы современности: наука и общество. - № 2(7). – 2015.
2. Крахмалов А.Н. Децентрализованная модель правового регулирования муниципальной службы в Российской Федерации // Актуальные проблемы современности: наука и общество. - № 1(10). – 2016.
3. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ в ред. от 29 дек. 2015 г. // СЗ РФ. 2007, № 10, ст. 1152; Рос.газ. 2012. 24 окт.
4. Гончарова Л.И., Крахмалов А.Н. Концептуальные аспекты труда муниципальных служащих // Вестник Поволжской академии государственной службы. - № 2 (31). – 2012.
5. Орешин В.П. Система государственного и муниципального управления. Учебное пособие. М.: ИнфраМ, 2014.

6. Шамарова Г.М. Правовой статус муниципального служащего // Муниципальная служба: правовые вопросы. - №3. – 2014.

УДК 342.4

Кюсе О.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет «им. В. И. Вернадского»

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

В данной статье рассмотрен один из актуальных вопросов правоведения: признание судебного прецедента источником российского права. Проанализированы мнения ученых, судей Конституционного Суда Российской Федерации относительно данного вопроса. Выявлена сущность судебного прецедента как источника права и сформулировано предложение о признании Постановлений Конституционного Суда источником права.

Ключевые слова: судебный прецедент, англо-саксонская правовая система, романо-германская правовая система, конституционный суд, постановления, акт судебного правотворчества.

Необходимость совершенствования судебной системы приводит к поиску новых подходов в целях ее модернизации. Данный факт влечет за собой переосмысление системы источников права в Российской Федерации, поэтому вопрос о роли судебного прецедента в российской правовой системе вновь становится актуальным.

Принадлежность Российской Федерации к романо-германской правовой семье означает, что основным источником права является нормативный правовой акт. Данное положение подтверждается ст.15 Конституции Российской Федерации, где указано: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации»[1].

В отношении судебного прецедента как одного из источника российского права высказывались множество ученых. Так, М. И. Байтин отмечает: «Поскольку в Конституции и законах России судебный прецедент не указывается в числе источников права, прецедентные нормы не получили официального признания в качестве особой разновидности правовых норм»[5, с.260]. Л. В. Яковлева считает: «В современном мире роль судебного прецедента с одной стороны меняется, с другой стороны-возрастает. Происходит сближение двух правовых систем» [7, с.58]. Данное мнение поддерживается Е. В. Семьяновым, которые допускает возможность судебного прецедента как источника права, однако предлагает употреблять вместо

термина «судебный прецедент» словосочетание «акт судебного правотворчества», мотивируя тем, что современная юридическая наука на данном этапе своего развития не признает существование в России судебного правотворчества [8, с.101].

Интересным также представляется мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Н. В. Витрука, который считает, что есть обобщенные представления Конституционного Суда по конкретным проблемам. Эти правовые выводы и представления суда, сложившиеся в результате толкования тех или иных правовых норм, в том числе Конституции Российской Федерации, служат в дальнейшем для обоснования итогового решения. Также Конституционный подходит к самостоятельной разработке правовых норм, а это и есть не что иное, как судебный прецедент [9, с.89].

Анализируя выше приведенную информацию, видим, что среди российский ученых и право применителей нет единого мнения относительно судебного прецедента как возможного источника российского права. Поэтому для более точного вывода о месте судебного прецеденте считаем целесообразным исследовать его сущность.

Судебный прецедент является неотъемлемой частью, и одним из главных признаков англо-саксонской правовой семьи. Слово «прецедент» происходит от латинского слова и означает «предшествующий». Судебный прецедент – решение по конкретному делу, являющееся обязательным для судов той же или низшей инстанции при решении аналогичных дел, либо служащее примерным образцом толкования закона, не имеющим обязательной силы. Однако говоря о судебном прецеденте, нужно иметь в виду не процесс судебной деятельности, а ее результат, то есть источником права является не решение суда, а норма, заключенная в этом решении.

Анализируя учебную литературу, представляется возможным выделить характерные признаки судебного прецедента, как источника права:

- а) выносится при решении конкретного дела;
- б) содержит в себе правовую норму;
- в) обязателен для всех судов той же и низшей инстанции.

Именно эти признаки заключают в себе сущность судебного прецедента. Так, Европейский Суд по Правам Человека по делу Косси сформулировал причину следования прецеденту, а тем самым выделил его сущность, которая заключается в достижении «правовой определенности и регулярного развития прецедентного права согласно Конвенции»[4].

Однако применительно к Российской Федерации о судебном прецеденте как об акте обязательном для всех судов той же и низшей инстанцией пока говорить не приходится. На территории Российской Федерации безусловно отсутствует единообразие применения норм права, так как одна и та же норма может толковаться по-разному.

Например, ст. 89 Жилищного Кодекса предусматривает: «Предоставляемое гражданам в связи с выселением по основаниям, которые предусмотрены статьями 86-88 настоящего Кодекса другое жилое помещение по договору социального найма должно быть благоустроенным применительно

к условиям соответствующего населенного пункта, разнозначным по общей площади ранее занимаемому жилому помещению, отвечать установленным требованиям и находиться в границах данного населенного пункта». В данном случае норма в части «равнозначным по общей площади ранее занимаемому жилому помещению» не указывает, как урегулировать спор при предоставлении нового жилья равным по площади, но различным по количеству комнат [2].

В приведенном примере необходимо также обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации", который разъясняет судьям как руководствоваться нормой права в данном случае. Однако Постановления Пленума Верховного Суда в Российской Федерации носят лишь рекомендательный характер, и право руководствоваться ими остается за судьями [3].

Но несмотря на вышесказанное, в отношении судебного прецедента как формирующегося феномена в России некоторые авторы выделяют ряд признаков. С. К. Загайнова отмечает:

- а) выносится при разрешении конкретного дела;
- б) содержит в себе правовую основу, регулиующую возникшие отношения;
- в) обязателен для применения всеми судебными инстанциями [6, с.133].

Данным признакам в некотором смысле соответствуют Постановления Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный Суд наделен рядом компетенций, в том числе правом толкования Конституции Российской Федерации и выступление с законодательной инициативой по вопросам своего ведения.

При осуществлении своей деятельности Конституционный Суд не создает новые правовые нормы, а отменяет незаконные, что является нормотворчеством, приводящему к устранению пробелов в законодательстве. Также, Постановления Конституционного Суда обжалованию не подлежат и имеют обязательный характер для всех правоприменителей.

Исходя из данных фактов деятельность Конституционного Суда Российской Федерации можно отнести к пассивному правотворчеству.

На основании всего вышеизложенного считается обоснованным предложение признать Постановления Конституционного Суда Российской Федерации в части толкования норм права, в том числе Конституции Российской Федерации, и признания их неконституционными источником российского права, и присвоить данным Постановлениям в юридической литературе название «акт судебного правотворчества».

Список использованных источников

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 188-ФЗ: [принят Государственной думой 29 декабря 2004 года]: (с изменениями и дополнениями). – Доступ из справ.-правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 N 14 "О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации" – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (дата обращения 06.04.2020)
4. Решение Европейского Суда по Правам Человека по делу Косси. – URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461455/2461455.htm> (дата обращения 06.04.2020)
5. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – М. : Право и государство, 2005. – С. 260
6. Загайнова С. К. Судебный прецедент (Историко-правовой аспект): Дис.... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. С. 133
7. Яковлева. Л.В. Судебный прецедент в уголовно – процессуальном праве // Юрист – правед. 2011. №2. С.58
8. Семьянов Е. В. Судебное правотворчество (вопросы общей теории права): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 101
9. Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного суда РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в меняющихся правовых системах. М., 1999. С. 89.

УДК 349.3

Скорик А.А.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет «им. В. И.

Вернадского»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСА ВЫПЛАТ ПОСОБИЙ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В ФРГ И РФ

В данной статье рассматриваются особенности предоставления пособий по безработице, а также различные нормативно-правовые акты, регламентирующие получение пособий по безработице. Даются рекомендации по улучшению правового регулирования вопроса выплат пособий по безработице в этих странах.

Ключевые слова: права, пособия по безработице, конституция, социальное обеспечение.

Несмотря на то, что есть большое количество прав и свобод у человека и гражданина любой страны, для которых разработаны различные механизмы их регулирования, наибольший интерес для научного исследования представляет проблема безработицы, а также предоставление различных пособий для безработных. Данная тема актуальна, так как вопросы связанные с трудоустройством, социальным обеспечением и социальным страхованием

важны абсолютно для каждого человека и гражданина. Также это имеет значение и для самой страны, ведь количество безработных отражается на положении той или иной страны, влияет на различные её сферы жизни общества, а также на её положение среди других стран мира.

Наиболее интересно данный вопрос рассматривать на примере двух федеративных республик, а именно: Федеративной Республики Германия и Российской Федерации. Как известно главным атрибутом такого научного метода исследования как сравнение, считается статистика, которая помогает отслеживать положение какой-либо страны на протяжении многих лет. При этом на основании таких статистик делаются различные диаграммы с линией, которая изображает адиабатический процесс, то есть снижение или повышение уровня развития той или иной страны.

Если наиболее подробно обратиться к статистике по уровню безработных в интересующих нас странах, то на сегодняшний день в Федеративной Республике Германия насчитывается 2,4 миллиона безработных, а в Российской Федерации насчитывается 3,5 миллиона безработных граждан. При этом следует отметить тот факт, что как в Федеративной Республике Германия, так и в Российской Федерации число безработных с 2011 года по наше время уменьшилось. Но наиболее важный вопрос состоит в том, что существуют ли какие-то пособия для безработных, и как регулируется их выплата. В первую очередь следует обратиться к основному закону обеих стран.

Так, статья 120 Конституции Федеративной Республики Германия гласит: «Федерация несет расходы по издержкам оккупации и другим возникшим в результате войны внутренним и внешним обязательствам в соответствии с федеральным законом и выделяет субсидии для нужд социального страхования, включая страхование по безработице и пособия по безработице» [1].

В статье 37 Конституции Российской Федерации же прописано: «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [2].

То есть на основе приведённых выше статей следует отметить, что данный вопрос регулируется в первую очередь со стороны основного закона каждой из стран.

Помимо основного закона есть и другие нормативно-правовые акты, регулирующие вопрос пособий по безработице.

В Федеративной Республике Германия есть такой нормативно-правовой акт как Кодекс социального права Германии. Данный документ состоит из 12 разделов, каждый из которых является отдельным законом и регулирует определенный вид социального обеспечения. В этом состоит удобство данного кодекса, так как один нормативно-правовой акт содержит в себе несколько отдельных законов, каждый из которых регулирует выплаты пособий по определённой категории, в том числе выплаты пособий по безработице. В Российской Федерации есть вопросы о выплате пособий по безработице регулируются Федеральным Законом «О занятости населения в Российской

Федерации». Наличие Кодекса социального права Германии свидетельствует о том, что в Федеративной Республике Германия наиболее урегулирована социальная сфера общества, наиболее чаще решаются вопросы именно в сфере выплат различных пособий, так как именно наиболее частое решение одних и тех же вопросов требует наиболее тщательную систематизацию законодательства, чтобы со временем такие вопросы в этой сфере решались как можно эффективнее.

Что же касается суммы выплат пособий по безработице, то в настоящее время в Российской Федерации установлена минимальная величина пособия в размере 1500 рублей и максимальная величина пособия в размере 12130 рублей [3]. Согласно статистике еще на 2018 год в среднем пособия по безработице в Федеративной Республике Германия составляла от 400 евро в месяц, то есть примерно 35 тысяч рублей, что в 3 раза превышает минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации.

В Российской Федерации период выплаты пособия по безработице гражданам, признанным в установленном порядке безработными, в том числе гражданам, уволенным в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, с военной службы по призыву в связи с истечением ее срока и состоявшим до увольнения в связи с призывом на военную службу в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель, не может превышать шесть месяцев в суммарном исчислении в течение 12 месяцев, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом[4].

В Германии на этот счёт относятся более лояльно, а именно: социальные пособия могут длиться от шести месяцев до двух лет, в зависимости от положения безработного. Здесь следует отметить, что у жителя Германии больше времени для поиска новой работы.

На основе выше сказанного можно сделать вывод, что всегда будет полезным использовать сравнительный метод исследования в научных работах. Это не обходит стороной как конституционное право Российской Федерации, так и Конституционное право зарубежных стран. При сравнении стран с одинаковой формой правления, как и в данной работе, можно заметить как схожие черты, так и различные. При выявлении различных между странами черт в различных вопросах, полезно будет и перенять опыт зарубежных стран. В этом и определяется полезность изучения дисциплины конституционное право зарубежных стран наряду с конституционным правом Российской Федерации. Поэтому при возможности перенять опыт зарубежных стран, необходимо дать следующие рекомендации:

-требуется совершенствовать законодательство Российской Федерации в сфере социального обеспечения граждан, тем самым упрощая и делая более эффективной деятельность по разрешению вопросов связанных с выплатой пособий по безработице;

-уделить особое внимание увеличению величины выплат пособий по безработице в Российской Федерации, что значительно улучшит положение безработных;

-увеличить сроки выплат пособий по безработице, учитывая возможности каждого гражданина, находящегося в активном поиске нового места работы;

Список использованных источников:

1. Конституция Федеративной Республики Германии // Конституции зарубежных государств: Учебное пособие / Сост. проф. В.В.Маклаков. М.: Волтерс Клувер, 2003 // Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. 2011. www.constitution.garant.ru/DOC_3864885.
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. : (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Постановление Правительства РФ от 27.03.2020 № 346 «О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2020 год». [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348843/
4. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»; Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/

СЕКЦИЯ 3

Институты государства и права: современные проблемы и тенденции развития в условиях трансформации правовых систем

Ерёмина И.С.

доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент,
зав.кафедрой государственно-правовых дисциплин,
*Крымский филиал ФГБОУ ВО « Российский государственный университет
правосудия»*

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ И ПОДДЕРЖКИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ И ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ

В статье проанализированы этапы зарождения и дальнейшего развития института защиты и поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Рассмотрены основные этапы формирования политики российского государства по поддержке и защите соотечественников, проживающих за рубежом. В статье используется ранее опубликованный автором материал для продолжения исследований данного вопроса.

Ключевые слова: соотечественники, проживающие за рубежом; защита и поддержка; правовой статус, государственная политика; добровольное переселение; социально-экономическая помощь.

В мировой практике уже достаточно давно сложилось представление о том, что любое государство, претендующее на статус мировой державы призвано вести политику защиты и поддержки своих зарубежных соотечественников. Однако институт защиты и поддержки соотечественников, проживающих за рубежом (далее – соотечественники за рубежом) появился только после распада СССР и принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации. Многомиллионные выходцы (авт. – более 25 миллионов человек) из Российской Империи и СССР были лишены по политическим и идеологическим причинам защиты и поддержки со стороны своей исторической родины.

Первым шагом в политике российского государства в отношении соотечественников за рубежом был Указ Президента Российской Федерации № 1681 от 11 августа 1994 г. «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом». Согласно которому, «соотечественники,

проживающие за рубежом являются группой лиц, находящихся под защитой российского государства» [1].

На данном этапе (1991-1995 гг.) стратегия государственной политика в отношении зарубежных соотечественников заключалась в создании благоприятных условий для добровольного интегрирования в политическое, социальное и экономическое пространство новых постсоветских государств и адаптации к местным культурным ценностям при сохранении собственных.

Придерживаясь выбранной стратегии в постановлении Правительства Российской Федерации от 31 августа 1994 г. № 1064 была обозначена система действий направленных на поддержку соотечественников за рубежом. Объем защиты соотечественников за рубежом зависел от их правового статуса. Так, в частности, отмечается, что Российская Федерация берет на себя обязательства защиты своих граждан. Остальные категории (иностранцы и лица без гражданства) зарубежных соотечественников обеспечиваются защитой при помощи существующего международного механизма защиты прав человека и национальных меньшинств.

В первой половине 90-х годов 20-го века политику Российской Федерации в отношении зарубежных соотечественников можно охарактеризовать как политику предотвращения их массового исхода из государства проживания.

Новый вектор политики российского государства в вопросах защиты и поддержки соотечественников за рубежом был обозначен в постановлении Государственной Думы от 8 декабря 1995 г. №1476 Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам (далее – Декларация) [2].

Декларация содержит важные установления для осуществления деятельности Российской Федерации по защите зарубежных соотечественников. Так, основной целью для Российской Федерации являются: «... обеспечение и развитие уважения к правам и свободам национальных, этнических, религиозных и языковых меньшинств; реализация основных положений Устава Организации Объединенных Наций, Международных пактах 1966 года, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенции о правах ребенка, других международно-правовых актах в этой области. Принадлежность человека к российским соотечественникам или отказ от таковой принадлежности является предметом его личного выбора, и такой выбор не должен вызывать для него никаких неблагоприятных последствий. Российская Федерация несет моральную и политическую ответственность за уровень обеспечения основных прав человека и основных свобод, а также общепризнанных прав лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам, в отношении российских соотечественников. Российская Федерация осуществляет позитивные меры, оказывая покровительство российским соотечественникам за рубежом и стремясь к предоставлению на территории России всем российским соотечественникам преференциального режима...» [2].

Можно сделать вывод, что начинается новый этап в политике российского государства в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, который характеризуется переориентацией на социально-экономическую помощь и содействие переселению соотечественников на историческую родину.

Значимость решения вопросов поддержки и защиты соотечественников, проживающих за рубежом подтверждается принятием Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. (авт. ранее правовое регулирование осуществлялось подзаконными нормативно-правовыми актами), который определил: юридическое содержание понятия «соотечественник, проживающий за рубежом»; принципы и цели государственной политики в отношении соотечественников, проживающих за рубежом; вопросы гражданства в отношении соотечественников за рубежом; обязанности Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, которые заключаются «... в разработке и осуществлении мер по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников; содействии соотечественникам в реализации основных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в законодательстве государств их проживания или пребывания, международных договорах Российской Федерации, законодательстве Российской Федерации, а также принятии мер по их защите и восстановлению...» [3].

Для обеспечения реальной помощи и следуя выбранному курсу поддержки зарубежных соотечественников была утверждена Указом Президента «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (далее – Государственная программа) [4]. Согласно Государственной программе приоритетным направлением миграционной политики является оказание содействия добровольному переселению соотечественников за рубежом на территорию Российской Федерации.

Государственная программа направлена не только на оказание помощи соотечественникам, за рубежом, но и стратегически важных для России территорий. Владение русским языком, воспитание в традициях русской культуры зарубежных соотечественников будет способствовать быстрой их интеграции на новой территории проживания; социально-экономическому и демографическому развитию регионов.

Участниками Государственной программы стали уже более 572 тысяч человек [5]. Число регионов, готовых принять переселенцев с момента реализации Государственной программы увеличилось в более чем 5 раз (2006 год – 12 регионов; 2019 г. – 65 регионов).

Государственной программой предусмотрены: трудоустройство; профессиональное обучение; инвестирование региональной экономики; возможности для открытия собственного бизнеса (в том числе личное подсобное хозяйство); выплата подъемных для обустройства; ежемесячные

пособия для безработных; возмещение финансовых затрат, связанных с переездом и оформлением документов.

Несмотря на предусмотренные льготы, переселенцы сталкиваются с некоторыми проблемами, а именно: не соответствие возраста, квалификации и уровню образования, предъявляемым требованиям; отсутствие финансовых возможностей у регионов для предоставления жилья, а в центрах временного размещения разрешено находиться до 2-х лет; использование органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации регистрационного учета в качестве средства регулирования миграционных процессов, в том числе и в отношении переселенцев (в нарушение ст. 3 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25 июня 1993 г., наличие у гражданина регистрации незаконно используется в качестве исключительного основания признания и условия реализации ряда его прав, в т.ч. конституционных).

С 2014 года вырос интерес к участию в Государственной программе переселения в Российскую Федерацию украинских соотечественников. Так, согласно данным МВД России всего за 2014 - 2019 годы на учёт в качестве участника Государственной программы или члена его семьи поставлено 270,2 тыс. соотечественников с Украины, что составило 32,4% всех переселенцев в рамках программы за указанные годы. Причём абсолютное большинство (250,1 тыс. чел., или 92,6%) соотечественников с Украины приняли участие в Государственной программе на территории Российской Федерации [6].

В первом полугодии 2019 года Россия предоставила гражданство 44 898 украинцам. Об этом свидетельствует статистика российского Министерства внутренних дел. За этот же период миграционная служба МВД России, как отмечается, приняла решение о выдаче вида на жительство 30772 украинцам, еще более 29 тыс. получили разрешения на временное проживание [7].

Ранее был расширен список категорий граждан Украины, которые вправе претендовать на получение российского гражданства в упрощенном порядке [8].

Для многих украинцев, пожелавших переселиться в Российскую Федерацию привлекательна для постоянного проживания стала Республика Крым. Думается, что это связано с социальным, духовным и культурно-этническим родством жителей республики и соотечественников из Украины, климатическими условиями территории.

Республика Крым в настоящее время является территорией преобразований, инвестиционных проектов в сфере промышленного и высокотехнологического производства, энергетической и транспортной инфраструктур, сельского хозяйства, туризма и санаторно-курортного лечения. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года предусматривает инновационный сценарий развития подразумевая достижение высоких темпов роста экономики и социального развития с привлечением специалистов из России и из-за рубежа [9].

С учетом изложенного, и в целях эффективной реализации Государственной программы предлагаем:

- Республику Крым включить в число регионов – участников Государственной программы содействия переселению соотечественников за рубежом;

- упразднить соотечественникам – переселенцам разрешение на временное проживание в Российской Федерации;

- провести мониторинг качества оказания помощи соотечественникам-переселенцам, и с учетом результатов ввести новые привлекательные условия для их переезда (особенно для молодежи);

- предусмотреть реальные преференции для приобретения гражданства соотечественниками-переселенцами.

Список использованных источников:

1. Об основных направлениях государственной политики РФ в отношении соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 11 августа 1994 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. №16. Ст.1888.

2. Декларация о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам, утвержденная постановлением Государственной Думы от 8 декабря 1995 г. №1476 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 52. Ст. 5131.

3. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: Федеральный закон от 24 мая 1999 г. с изменениями и дополнениями от 31 мая 2002г. // Российская газета. 1999. 1 июня. 2002. 14 июня.

4. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 // Российская газета. 2006. 25 июня.

5. Официальный информационный пакет о Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: сборник информационных материалов / под общ. ред. А.В. Горового. М.: МВД РФ, 2017. 189 с.

6. Мониторинг реализации государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом на территориях вселения субъектов Российской Федерации в I квартале 2019 года // https://мвд.рф/мвд/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/compatriots/monitoring/2019. Дата обращения 28 ноября 2019 г.

7. <https://ria.ru/20190801/1557062865.html>. Дата обращения 11 ноября 2019 г.

8. Указ Президента Российской Федерации от 19.09.2019 № 464 «О внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325» // <http://pravo.gov.ru>

9. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года // https://business.rk.gov.ru/medias/files/strategy_lite.pdf. Дата обращения 1 декабря 2019 г.

УДК 347.6

Дадаян Е.В.

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,

Сторожева А.Н.

к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса,
ФГБОУВО Красноярский государственный аграрный университет

Наследникова К.М.,

юрисконсультант нотариальной конторы, г. Красноярск

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА НАСЛЕДСТВО ПОСРЕДСТВОМ ВЫДАЧИ НОТАРИУСОМ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРАВЕ НА НАСЛЕДСТВО

В настоящей статье речь пойдет о выдаче нотариусом свидетельства о праве на наследство. Информация о заведенном наследственном деле в публичном реестре наследственных дел на официальном сайте позволяет оценить объективность и беспристрастность деятельности нотариуса, что в конечном счете обеспечивает защиту и реализацию наследственных прав граждан.

Ключевые слова: свидетельство о праве на наследство, нотариус, защита наследников, ЕИС.

Вопросы выдачи свидетельства о праве на наследство поднимались многими авторами в своих работах. Так, П.В. Крашениников полагает получение свидетельства о праве на наследство - важный, но не всегда окончательный шаг (факт) по принятию наследства [1]. Березин Д.А. справедливо подчеркивает, что юридическое значение документа (свидетельства о принятии наследства) определяется его правоподтверждающим характером, публичным порядком его выдачи [2]. На публичный порядок выдачи свидетельства о праве на наследство указывает Сидорова Е.Л. говоря о свидетельстве как о публичном документе, подтверждающем право наследника, принявшего наследство, на указанное в нем имущество [3]. Представляется, что именно публичный порядок выдачи свидетельства о праве на наследство является одной из конституционных гарантий наследования и имеет, несомненно, важное практическое значение.

Выдача свидетельства о праве на наследство является одним из видов нотариальных действий, совершаемых нотариусом. В соответствии со статьей 70 Основ законодательства о нотариате (далее – Основы) свидетельство о праве на наследство выдается уполномоченным на то нотариусом по письменному заявлению принявших наследство наследников по месту открытия наследства в сроки, установленные законодательными актами Российской Федерации. Для совершения нотариального действия – «выдача свидетельства о праве на наследство», нотариусу необходимо совершить ряд действий, направленных на защиту прав всех наследников, призываемых к наследованию по закону, по завещанию или по наследственному договору. Здесь мы тоже имеем дело с осуществлением публичной функции нотариусом. В статьях 72, 73 Основ

закреплены условия выдачи свидетельства о праве на наследство, которые направлены на защиту прав наследников.

Получение сообщения (заявления о принятии наследства, об отказе от наследства, о выдаче свидетельства о праве на наследство и других) об открывшемся наследстве обязывает нотариуса завести наследственное дело. Заведение наследственного дела относится к исключительной компетенции нотариуса (п. 117 Правил нотариального делопроизводства)[4]. При решении вопроса о заведении дела, нотариус устанавливает место открытия наследства и проверяет реестр наследственных дел единой информационной системы нотариата (далее – ЕИС) о наличии уже заведенного наследственного дела на имя умершего. В случае отсутствия препятствий для заведения наследственного дела нотариус регистрирует его в реестре наследственных дел ЕИС и делает публикацию на сайте Федеральной нотариальной палаты в реестре наследственных дел (ч. 2 ст. 61 Основ). Наличие информации о заведенном наследственном деле в публичном реестре наследственных дел на официальном сайте ФНП предоставляет каждому гражданину возможность узнать информацию о заведенном наследственном деле и о нотариусе, уполномоченном вести производство по нему. Данная информация отражает законность, объективность и беспристрастность деятельности нотариуса, что обеспечивает защиту и реализацию наследственных прав граждан[5], а в конечном счете гарантирует конституционное право каждого гражданина на наследство.

Хочется отметить, что установление круга наследников возможно не только путем публикации сведений в публичном ресурсе, но непосредственно на личном приеме у наследников. В ходе беседы нотариус устанавливает информацию о наличии других наследников и обязательно разъясняет положения статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) о недостойных наследниках[6]. После внесения сведений о наличии наследственного дела в ЕИС, нотариус обязан не позднее одного рабочего дня, следующего за днем открытия наследственного дела, проверить в ЕИС наличие сведений о составлении наследодателем завещания и установить его содержание. Установление содержания необходимо для того, чтобы подтвердить действительную волю наследодателя. Хочется отметить, что установление содержания завещания обеспечивает наиболее полное понимание предполагаемой воли завещателя. Содержание завещания устанавливается на основании электронного образа завещания, внесенного в реестр нотариальных действий ЕИС или путем направления запроса нотариусу, удостоверившему завещание. Также нотариус выясняет также круг лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве (ст. 73 Основ). В случае, если завещание было удостоверено от имени наследодателя и в нем имеются данные о наследнике, который не обращался к нотариусу с каким-либо заявлением, нотариус обязан уведомить такого наследника о его наследственных правах (ст. 61 Основ). Адресные данные наследника устанавливаются при помощи направления запроса в управления по вопросам миграции ГУ МВД России.

Совершение указанных действий по установлению полного круга наследников и содержания завещания играет важную роль для защиты наследственных прав. Установление круга наследников и их истинной воли необходимо для того, что бы устранить правовую неопределенность с количеством будущих собственников наследственной массы и наследуемой доли в имуществе каждого наследника. Своевременное уведомление наследников выполняет функцию содействия в осуществлении их прав и интересов[5]. Как справедливо отмечается в литературе, обязанность нотариуса известить наследников возникает независимо от того, из какого источника он получил информацию (от наследников, местных органов власти, различных организаций, лиц, знакомых с наследодателем, и т.д.)[7].

Все наследники, вызвавшие волю на реализацию наследственных прав, проверяются нотариусом на дееспособность, на наличие производства по банкротству гражданина, а также на наличие сведений в перечнях о терроризме. Данные действия позволяют своевременно выявить надлежащего субъекта наследственного правоотношения.

В состав наследства входит принадлежавшее наследодателю на день открытия наследства имущество, в частности: вещи (деньги и ценные бумаги), имущественные права и имущественные обязанности, в том числе долги в пределах стоимости перешедшего к наследникам наследственного имущества[8].

Для установления состава наследственного имущества нотариус совершает юридически значимые действия, к примеру, делает запросы в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. Помимо сведений, получаемых из ЕГРН, нотариус запрашивает сведения в различных органах государственной власти и организациях, например о размере недополученной пенсии, заработной платы и страховых выплат. Указанные действия позволяют установить состав наследства в полном объеме и реализовать наследникам, принадлежащее им конституционное право наследования. Так, выписка из ЕГРН об объекте недвижимости позволяет установить наличие зарегистрированного права на объект недвижимости, а выписка о правах отдельного лица на недвижимое имущество показывает количество объектов недвижимости, на которое право собственности зарегистрировано за наследодателем. Кроме того, на данном этапе можно установить и наличие обременений, и их вид на объекты недвижимого имущества. Обременения, имеющиеся на движимом наследственном имуществе, например автомобиле, позволяет установить ответ на запрос органов ГИБДД, реестр уведомлений о залоге движимого имущества ЕИС. Достаточно часты случаи, когда судебные приставы-исполнители сообщают информацию об имеющихся долгах наследодателя. Нотариус имеет возможность сделать запрос в Бюро кредитных историй, что позволяет получить информацию о наличии долгов у наследодателя. Наследники имеют право на получение информации, содержащейся в материалах наследственного дела, поэтому нотариус доводит до сведения известных ему наследников об имеющихся долгах наследодателя[9].

Статья 41 Основ закрепляет положения о возможности отложения или приостановления нотариального действия. Приостановление и отложение выдачи свидетельства о праве на наследство необходимы для того, чтобы разрешить возникающие в рамках производства по наследственному делу вопросы. Основы закрепляют механизм, обеспечивающий законность при принятии нотариусом решений о выдаче свидетельства о праве на наследство, что также гарантирует наследникам соблюдения их конституционного права на наследование.

Таким образом, выдача свидетельства о праве на наследство подразумевает под собой не просто какое-либо единичное нотариальное действие, заключающееся в передаче нотариусом свидетельства о праве на наследство, а комплекс взаимосвязанных действий, необходимых для осуществления нотариального действия в полном объеме. Мы видим, что нотариусу необходимо полно и всесторонне выполнить работу по наследственному делу с целью реализации конституционного права гражданина на наследование.

Список использованных источников

1. Крашенинников, П.В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп./П.В. Крашенинников. Москва: Статут, 2019. 302 с.
2. Березин, Д.А. Свидетельство о праве на наследство/Д.А. Березин // Нотариус. 2016. № 7. С. 31 - 33.
3. Сидорова, Е.Л. Наследование имущества: от совершения завещания до приобретения наследства/Е.Л. Сидорова. М.: Редакция «Российской газеты», 2019. Вып. 2. 160 с.
4. Приказ Минюста России «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» от 16.04.2014 № 78 (ред. от 05.07.2019) // Консультант Плюс: Законодательство.
5. Борисова, Е.А. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: учебник. /Е.А. Борисова. Москва: Юстицинформ, 2016. С. 141-142.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3 от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Консультант Плюс: Законодательство.
7. Анисимова, А.А., Бевзенко, Р.С., Белов, В.А. и др. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / под ред. Д.Я. Малешина. М.: Статут, 2018. 719 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Консультант Плюс: Судебная практика.
9. Методические рекомендации по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления Федеральной нотариальной палаты от 25.03.2019, протокол № 03/19//Информационно-поисковая система «Консультант плюс».

УДК 34.01**Тишаков М.П.,**к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права, **Сафонова Д.В.,***Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО**«Всероссийский государственный университет юстиции**(РПА Минюста России)»***ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА**

В работе проведён анализ понимания «цифровые права человека», а также видов данной категории прав человека. Содержательно проанализированы перспективы дальнейшего развития цифровых прав человека ввиду активного использования современных технологий искусственного интеллекта и цифровизации. Детализированы предложения о необходимости установления в Российской Федерации организационно-правовых мер поурегулированию вопроса цифровых прав человека и их дальнейшей реализации гражданами.

Ключевые слова: цифровые права, цифровизация, искусственный интеллект

Прогрессивное развитие общества, расширение возможностей предоставляет каждому человеку значительный потенциал по развитию прав и свобод, которые конечно же требуют и дополнительных правовых гарантий, как на общегосударственном, так и международном уровне.

Динамический процесс эволюционирования прав и свобод человека объективно предусматривает и появление ряда новых, в различных сферах жизнедеятельности, которые в последующем находят свое закрепление в разнообразных нормативных актах, и при этом не должны ущемлять и сужать уже существующие права человека.

Стоит отметить, что современные тенденции развития государств, в том числе и России, основываются на всеохватывающей цифровизации, которая оказывает значительное влияние и на основные права человека и гражданина, их правовое регулирование [1, с.122-146] во всех сферах жизни. Так, с активным использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ), цифровизации, осуществляется формирование новой технологической среды [2, с.30], что обуславливает возникновение и развитие цифровых прав человека, которые основываются на доступе и свободном использовании сети Интернет, защите интересов личности от негативной, пагубно влияющей на сознание человека информации открытого доступа и иных специфических аспектов данной сферы.

Заметим, что термин «цифровые права» имеет большое количество определений –это и совокупность правовых норм и институтов, регулирующих взаимоотношения, связанные с цифровыми технологиями [3, с. 5], и устройство для идентификации, затем этот термин стали использовать для обозначения шифров, цифровых кодов (токен) [4]. Однако, наиболее правильным, то есть соответствующим предмету реальной, целесообразной, единой

действительности [5, с.5], терминологическим понятием является закрепленное в законодательстве.

Так, основываясь на положениях статьи 141¹ Гражданского кодекса Российской Федерации стоит отметить, что цифровые права – это общеобязательные права, а также иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [6]. Однако данное законодательное закрепление, также не лишено недостатков, ведь оно является сугубо гражданско-правовым и не охватывает всей совокупности прав в рамках института прав человека.

В целом, данное понятие новое, а сам термин «цифровые права» был закреплён юридически в ГК РФ и начал свою реализацию только с 1 октября 2019 года [7]. В свою очередь, цифровые права представляют собой те же самые имущественные права человека и гражданина, но только в цифровой реальности, результаты работ, оказание услуг и исключительные права [8].

Стоит также отметить и тот факт, что РФ пока отстаёт от других европейских стран в данной сфере. Ведь еще в 2002 году появилась первая европейская международная общественная организация по защите прав человека в интернете, штаб-квартира которой находится в Брюсселе [9], в то время в РФ внутренняя политика не была направлена на решение данной проблемы.

Заметим то, что доступ в сеть Интернет является неотъемлемой частью цифровых прав современного человека. Запрет на использование данных прав, ограничение доступа к сети Интернет, связанного с санкциями или другими факторами, противоречит первой статье Всеобщей декларации прав человека [10], так как это ущемляет права человека и вмешивается в его свободу [11].

Человек и гражданин, не имеющий доступа к сети Интернет является ограниченным в своих правах, что противоречит всей концепции Всеобщей декларации прав человека и основам прав и свобод человека и гражданина, закреплённых в главе 2 Конституции РФ [12].

Цифровые права человека и гражданина проявляются не только в доступе к сети Интернет, что является основой данных прав, но и в возможности реализации своих основных прав гражданина государства посредством использования информационных технологии, участие в жизни государства. К цифровым правам человека относят:

- право доступа к инновационным цифровым медиа;
- право на использование программированных компьютеров;
- право на пользование сотовой связи и мобильных устройств, а также других гаджетов для передачи данных и обмена информацией;
- право совершать различные сделки с помощью электронных форм;
- право доступа, использования, создания, а также публикации цифровых произведений [13, с.109];
- право свободного общения и выражения мнения в Сети;
- право на неприкосновенность частной информационной сферы;

право на конфиденциальность, анонимность оцифрованной персональной информации;

право реализовывать свои интересы, права и свободы через сеть Интернет и др.[14].

Стоит отметить и то, что современные тенденции, обуславливают необходимость реализации прав человека и гражданина через информационные технологии и цифровизацию. Например, в концепции Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в пункте 1 говорится о цифровых правах, как об имущественных и осуществляемых на основе информационной системы, т. е. цифровые права становятся наряду с другими правами граждан РФ, а также появляется возможность осуществления данных прав граждан посредством современных инновационных технологий [15]. Стоит отметить, что реализация прав человека и гражданина осуществляется и посредством других документов, имеющих юридическую силу, на международном уровне. Одним из таких международных правовых актов является Хартия глобального информационного общества [16], принятая представителями восьми ведущих мировых держав, в том числе и Россией. Данная Хартия провозглашает, как основу своей деятельности, необходимость укрепления соответствующей мировой политики и общепринятой нормативной базы, содействующих международному и внутригосударственному сотрудничеству по оптимизации глобальных сетей, борьбе со злоупотреблениями отдельных граждан и сообществ, групп лиц, которые подрывают целостность сети, приводят к другим негативным последствиям, влияющим на общество не только отдельного государства, но и всего мира в целом, так как сеть Интернет является объединяющим все государства элементом, а также сотрудничеству по сокращению разрыва в информационных и цифровых технологиях, обеспечению глобального доступа и участия в этом процессе.

Настоящая Хартия является в первую очередь документом, подтверждающим стремление передовых государств:

реализовать имеющиеся как цифровые, так и основные права человека и гражданина в цифровом мире;

законодательно подкрепить и защитить цифровые права человека и гражданина во всех странах мира;

ликвидировать разрыв между передовыми государствами в сфере информации, знаний и модернизации государств, а также в области реализации отдельными государствами прав и свобод человека и гражданина;

объединиться для прогрессивного решения проблем подрыва цифровых прав человека и гражданина в сети Интернета, а также для пресечения преступлений в данной сфере и др.

Однако, стоит отметить и тот факт, что цифровые права и свободы граждан РФ уже находятся под угрозой, ведь правовое регулирование в данной сфере – защита цифровых и иных прав человека и гражданина ещё не получило должного закрепления, которое бы позволило обеспечить надлежащую защиту интеллектуальной собственности и безопасность граждан в сети Интернет [17,

с.3], а также прав и свобод человека и гражданина. Так по данным Генпрокуратуры на территории РФ, было зарегистрировано 180153 киберпреступлений, и это только за первые восемь месяцев 2019 года [18] (на 66,8% больше чем за тот же период 2018 года) [19]. Данная тенденция подрывает безопасность не только в обществе, но и в самом государстве, ставит под угрозу все права и свободы человека и гражданина, а также препятствует дальнейшему динамическому развитию Российской Федерации.

На основе проведенного исследования считаем, что России необходимо:

ужесточить контроль и наказания за преступления, связанные с нарушением цифровых прав и свобод человека и гражданина, посредством использования современных информационных технологий и цифровизации;

ввести ограничения технического характера, в отношении возможностей по нарушению порядка в сфере социальной коммуникации и поведения подрывающим безопасность в сети Интернет;

на основе имеющихся разработок и нормативных актов принять законодательный акт, закрепляющий права, свободы и обязанности граждан РФ в сети Интернет (например, ФЗ «О правах и свободах граждан Российской Федерации в сети Интернет»), для безопасной реализации цифровых и других прав человека и гражданина.

Считаем, что принятие данных мер позволит не только урегулировать вопрос цифровых прав человека и их реализации в Российской Федерации, но и сократить количество киберпреступлений и правонарушений в отношении прав человека и гражданина. Данные изменения выведут Российскую Федерацию на качественно новый уровень среди передовых государств мира, позволят упрочить взаимосвязь по линии «государство-гражданин».

Список использованных источников:

1. Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды института государства и права российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – №3. – С. 122-146.
2. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2019. – 44 с.
3. Цифровое право (DigitalLaw) — что это такое и чем оно отличается от киберправа / интернет-права / компьютерного права? // Zakon.ru. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/15/cifrovoe_pravo_digital_law_-_cto_eto_takoe_i_chem_ono_otlichaetsya_ot_kiberpravainternet-pravakompy (дата обращения .12.03.2020)
4. Цифровые права как новый вид объектов гражданских прав. Что еще поменялось в ГК РФ? // Экономика и жизнь. URL: <https://www.eg-online.ru/article/396138/> (дата обращения: 12.03.2020)
5. Фененко Н.А. Лингвистический статус термина реалия // Вестник воронежского государственного университета. серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – №2-1. – С. 5-9.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1994 г., № 32, ст. 3301
7. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2019 г., № 12, ст. 1224

8. Владимир Путин утвердил поправки в Гражданский кодекс о цифровых правах. URL: <https://pravo.ru/news/210008/> (дата обращения: 12.03.2020)
9. Main Page//Европейскиицифровыеправа - European Digital Rights. URL: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/European_Digital_Rights (дата обращения: 12.03.2020)
10. Всеобщая декларация прав человека: [резолюция 217 А \(III\)](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.03.2020)
11. Sartor G. Human Rights and Information Technologies// Of Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology/ Ed. by R/Brownsword, E. Scotford, K.Yeung. New York, 2017. P.438
12. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российские вести от 25.12.1993 г. (в ред. От 12.03.2020)
13. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философско-правовой аспект правовой политики государства. Философия права. – 2019. – №3. – С. 104-112.
14. Что такое цифровые права и почему их нужно защищать. URL: <https://takiedela.ru/news/2019/05/04/cifrovye-prava/> (дата обращения 12.03.2020)
15. Интернет портал Zakonru // О реализации концепции цифровых прав URL: https://zakon.ru/blog/2019/09/27/o_realizacii_koncepcii_cifrovyyh_prav (дата обращения: 12.03.2020)
16. Окинавская Хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения 07.12.2019)
17. Волков О.Ю. Правовой институт защиты объектов авторских и смежных прав, выраженных в цифровой форме, в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. –23 с.
18. Киперпреступность в России растёт быстрее любых других видов преступлений. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2019-09-27_kiberprestupnost_v_rossii (дата обращения 12.03.2020)
19. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики//Аналитические материалы URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения 12.03.2020)

УДК 342.537

Адельсеитова А.Б.

кандидат юридических наук,

доцент кафедры истории и теории государства и права,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ДЕБАТОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

На основе исследования практики и законодательного регулирования, автор рассматривает вопросы организации парламентских дебатов на примере нескольких государств. Процедура парламентских дебатов в высших представительных органах многих демократических государств подчиняется общим правилам. Что позволяет выделить автору несколько факторов влияющих на эффективность деятельности представительного органа.

Ключевые слова: парламентские дебаты, парламент, процедура, регламент

В деятельности современных парламентов зарубежных стран особое место в парламентской процедуре занимает правильная организация

парламентских дебатов. Следует отметить, что данное явление присуще не всем парламентам, это объясняется в первую очередь тем что, что дебаты привлекают к себе наибольшее внимание публики, а потому и требуют от руководства парламента (палат) серьезных усилий по недопущению инцидентов и нарушений установленного регламента. Дебаты - это соревнования, длительные и напряженные, между выступающим "за" и "против" относительно предложенной программы [1, с.298].

Как показывает практика, правильно организованные дебаты, как правило, влияют на эффективность работы парламента. Результатом таких соревнований является формирование парламентского акта, который представляет собой компромиссное решение, и возможно примиряет разные точки зрения.

Необходимо отметить, что процедура проведения парламентских дебатов во многих демократических государствах подчиняется общим правилам, регламентирующим порядок постановки вопроса на обсуждение, которые должны обеспечить проведение серьезных и справедливых дебатов [2, с.360 - 361].

Особого внимания заслуживает парламентская процедура дебатов в Конгрессе США, так например, постоянные правила Сената не ограничивают время проведения дебатов. С 1806 в Сенате не применяется процедура решения вопроса по существу, поэтому практика Сената не требует, чтобы выступления парламентариев касались только обсуждаемого вопроса. Так что любой - член палаты или правительства в состоянии говорить на любую тему и выступать практически столько, сколько пожелает. Он не должен быть лишен права выступления, если не нарушает регламент палаты, и его выступление не может быть прервано [3, с.304].

Однако формально проведение дебатов в Сенате могут быть ограничены на основании взаимного согласия членов палаты или в соответствии с правилами регламента об ограничении дебатов. Допускаются также правила, при которых допустимо обращение путем предоставления Председателю Сената петиции, которая подписывается не менее 16 сенаторами, и должна быть доведена до Палаты. После проведения регистрации с целью установления кворума палаты, Председатель без обсуждения ставит предложение о прекращении прений и перехода к поименному голосованию. Если правила вступают в силу, то выступление каждого депутата по отдельному вопросу ограничивается во времени, если процедурные правила не применяются палатой, то время дебатов остается неограниченным [4, с. 111].

Постоянные правила Палаты представителей Конгресса США также устанавливают определенные ограничения проведения дебатов. Так, дебаты в Палате представителей проводятся только в рамках обсуждаемого вопроса. Депутат получает право выступления в течение дебатов не более двух раз. Время выступления конгрессменов не должно превышать одного часа. В то же время Постоянные правила Палаты представителей закрепляют процедуру проведения общих дебатов в Комитете всей палаты, где порядок обсуждения

вопросов ограничивается временем и оратор имеет право выступать на любую тему, но время такого выступления ограничивается 5 минутами. [5, с.43-44].

При обсуждении незначительных законопроектов, включенных в повестку дня, продолжительность дебатов в Палате представителей обычно не устанавливается, что дает возможность прекратить их в самом начале, путем внесения Председателем палаты предложения о решении вопроса по существу. Целью такой процедуры является прекращение дебатов и переход палаты до голосования. Предложение о переходе к решению вопроса по сути не обсуждается и принимается большинством голосов. Это означает прекращение дебатов по вопросу, после чего палата переходит к принятию решения [6, р.245].

В контексте исследуемой темы, особое внимание следует уделить парламентской практике в ФРГ, которая сложилась в нижней палате немецкого высшего органа народного представительства - Бундестаге. В соответствии с положениями Регламента, начало и окончание дебатов по каждому вопросу повестки дня определяется Советом старейшин до пленарного заседания. Совет определяет время, которое предоставляется каждой фракции в дебатах. Время выступлений делится между фракциями по определенной формуле в зависимости от численного состава каждой из них. В рамках этого времени фракции назначают своих ораторов, сообщая их фамилии заранее председательствующему. Такой порядок одобрил в своем специальном решении Федеральный Конституционный Суд. Если же Совет старейшин не пришел к согласию в ходе дебатов, каждый оратор может выступать не более 15 минут. Председательствующему также предоставлено право продлить время выступления выступающему. По требованию фракции выступление одного из ее ораторов может длиться до 45 минут [7, с.161].

В отличие от парламентов указанных стран, где время дебатов регламентировано достаточно полно, Национальное собрание Франции самостоятельно решает вопрос об установлении регламента времени обсуждения вопроса. В процедуре обсуждения статей законопроекта или в дебатах по мотивам голосования принимают участие не менее двух ораторов, которые имеют право выступления не более двух раз. Такие дебаты могут быть прекращены по решению председателя. Если прекратить общую дискуссию предлагает член парламента, то слово для выступления против такого прекращения предоставляется только одному оратору и время, которое ему предоставляется - не более 5 минут, а если вопрос о прекращении обсуждения относится вне общей дискуссией, то решение об этом парламент Франции принимает без дебатов. Выступление оратора не должен превышать 5 минут. В случае нехватки времени, Национальное собрание Франции по предложению Председателя палаты имеет право без обсуждения принять решение об увеличении времени на обсуждение [8, с.187].

В Российской Федерации установление процедуры проведения дебатов имеет свои особенности, а именно, употребление термина «дебаты» не совсем соответствует парламентским процедурам, закрепленным на законодательном уровне, проводимым в обеих палатах Федерального Собрания. Правовое

регулирование процедуры рассмотрения законопроектов либо иных вопросов детально регламентируется в Регламентах Государственной Думы и Совета Федерации РФ, ни в одном из указанных регламентов не употребляется термин «дебаты».

Так в частности, в соответствии со статьей 52 Регламента Совета Федерации, на заседаниях Совета Федерации предусматриваются следующие основные виды выступлений: доклад; содоклад; заключительное слово по обсуждаемому вопросу; выступление кандидата на выборную (назначаемую) должность; выступление в прениях; выступление по обсуждаемой кандидатуре; выступление по мотивам голосования; выступление по порядку ведения заседания; предложение; справка; информация; заявление; обращение.

Продолжительность доклада, содоклада, заключительного слова и выступления кандидата на выборную (назначаемую) должность устанавливается председательствующим на заседании Совета Федерации по согласованию с докладчиком, содокладчиком, кандидатом на выборную (назначаемую) должность, но не должна превышать: 15 минут - для доклада, 10 минут - для содоклада, 5 минут - для заключительного слова и выступления кандидата на выборную (назначаемую) должность [9].

На наш взгляд, следует обратить внимание на термин « прении», который можно рассмотреть как синоним термина «дебаты». Для выступления в прениях предоставляется до пяти минут, для выступления по актуальным социально-экономическим, политическим и иным вопросам, по обсуждаемой кандидатуре, по порядку ведения заседания, для предложения, справки, информации, заявления, обращения - до трех минут, для выступления по мотивам голосования, вопроса к докладчику и содокладчику (содокладчикам) - до одной минуты.

В соответствии с пунктом 5. ст. 118 Регламента Государственной Думы при рассмотрении законопроекта для ответов на вопросы депутатов Государственной Думы по существу законопроекта отводится не более 35 минут. Время, отведенное для вопросов и ответов, может быть изменено решением палаты, принятым большинством голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. Затем по законопроекту вправе выступить представители фракций, другие депутаты Государственной Думы, другие лица, приглашенные для участия в обсуждении. Преимущественное право задать вопросы и выступить по законопроекту предоставляется представителям фракций. Представителям фракций для выступления предоставляется до семи минут, другим депутатам Государственной Думы – до трех минут. Следует отметить, что Совет Государственной Думы вправе принять решение об ином порядке обсуждения законопроекта, процедура принятия иного решения также подробно регламентируется в регламенте [10].

Установление ограничений в процедуре проведения дебатов направлено прежде всего на экономию времени. Приведенные примеры процедуры регламентации дебатов парламентов разных стран устанавливают правила их ограничений различными средствами. Однако нередко регламенты палат (парламентов) делают определенные исключения из этого правила по

процедуре выступления отдельного круга должностных лиц. К такой категории относятся главы государств, главы правительства и его члены, а также должностные лица, назначение которых осуществляется парламентом (палатой): они пользуются правом участия в дебатах, когда этого захотят.

Анализируя правила парламентской процедуры высших представительных органов власти различных государств, можно сделать вывод о неодинаковых подходах в решении вопроса о руководстве дебатами. В большинстве парламентов ответственность за поддержание порядка при проведении дебатов возлагается на председателя (спикера) палаты. Регулирование процедуры проведения дебатов и установление порядка предоставления слова является исключительно прерогативой председателей палат Конгресса США. Основываясь на многочисленных и в большей части противоречивых правилах регламентов, председатель толкует их в нужном ему направлении, предоставляя слово тому, кому считает нужным, и отказывая в выступлении нежелательному члену палаты. Решение главы, как правило, не подлежит опротестованию. На каждое обсуждение руководство палат составляет список ораторов, которым и дается слово [4, с.126]. Важная роль в руководстве дебатами в Конгрессе США принадлежит также и председателю постоянного комитета во время доклада по решению вопроса.

В частности, в течение дебатов в Палате представителей, председатель комитета пользуется правом выступать первым на всех стадиях обсуждения, контролирует выступления своих членов комитета, распределяя между ними, предоставленное по правилам регламента, время для дебатов. Однако он может быть лишен права выступать первым, когда палата не одобряет поддерживаемые им вопросы [4, с. 128].

Значительные полномочия принадлежат и председателю Бундестага в ФРГ. Депутат может выступать только тогда, когда председатель предоставляет ему такое право. Председатель Национального собрания Франции имеет гораздо меньшие полномочия по процедуре руководства дебатами. Депутаты, желающих выступать, обязаны сообщить об этом председателю палаты, который определяет порядок их выступления. Председатель Палаты вправе изменить очередность выступления, определяет список выступающих, но вправе требовать от депутатов соблюдать в изложении сути вопроса. Если председатель считает, что палата получила достаточно информации по выступлению, он может потребовать от оратора закончить свою речь. В случае необходимости спикер палаты может продлить время для выступления депутату. [11, с. 185 - 186].

Таким образом, парламенты можно разделить на две категории в зависимости от формы регламентации дебатов. К первой категории относятся те, где продолжительность выступлений депутатов не ограничивается. Конечно же, в большинстве парламентов мира регламенты палат (парламентов) ограничивают дебаты разумными пределами, что является своеобразным методом экономии парламентского времени. И ко второй категории относятся страны, где во многих высших представительных органах государства ограничивается или количество, или продолжительность выступления, или и то

и другое. Наиболее важным считается, что, во – первых: только предложение, выдвинутое в установленном порядке, может стать предметом обсуждения. Обсуждение одновременно двух предложений допускается только в некоторых парламентах. Во – вторых, председатель палаты ставит на рассмотрение только один вопрос, который сформулирован в форме, предложенной лицом, которое его внесло. В – третьих, обсуждение вопроса продолжается до тех пор, пока председатель палаты не объявит о переходе к другому вопросу и не поставит его на рассмотрение всей палаты. Наличие этих правил позволяет контролировать ход обсуждения предложений и исключает возможность отклоняться парламентариям от темы дебатов и самовольно изменять повестку дня.

Список использованных источников:

1. Парламенты. Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира / Под ред. М.Аммелера: Вступ. ст. Ф.И.Калиничева и В.В.Евгеньева. - М.:Прогресс, 1967.-512 с.
2. Крылов Б.С. Парламент буржуазного государства. Политическая сущность и правовые формы парламента и парламентаризма на современном этапе – М.: Изд-во ИМО, 1963. - 355 с.
3. Лафитский В.И. Конгресс США // Парламенты мира.- М.:Интерпракс, 1991. - С.293-342.
4. Мамаев В.А. Регламент Конгресса США. - М.: АН СССР “Наука”, 1962. - 172 с.
5. Лафитский В.И. Процедура деятельности Конгресса США // Законодательство зарубежных государств. Вып.11. Процедура деятельности буржуазного парламента.- М.: 1991. С. 16-28.
6. Riddick F. M. Op. Cit. - L., - 494 p.
7. Урьяс Ю.П. Парламентское право ФРГ // Очерки парламентского права (зарубежный опыт). – М.: ИГП РАН, 1993. – С.135 - 178.
8. Парламенты. Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учреждений 55 стран мира / Под ред. М.Аммелера: Вступ. ст. Ф.И.Калиничева и В.В.Евгеньева. - М.:Прогресс, 1967.-512 с.
9. Постановление от 30 января 2002 г. N 33-СФ О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglsovet/>
Дата обращения: 18 марта 2020
10. Постановление от 22 января 1998 г. N 2134-III ГД О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации
Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> Дата обращения: 18 марта 2020
11. Регламент Национального Собрания Франции. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=24934> Дата обращения 10.03.2020 г.

УДК 340.1

Вершок И.Л.

доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета, к.ю.н., доцент

Белорусский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Статья посвящена поиску причин появления специализированных правовых норм. В качестве таких причин рассматриваются изменения в материи, пространстве и времени. Одной из важнейших детерминант увеличения числа специализированных правовых норм признаются изменения в правовом сознании.

Ключевые слова: специальные правовые нормы, пространственно-временные границы права, правосознание.

Одним из проявлений изменений, происходящих как в российской, так и в белорусской правовой системе, следует признать появление новых отраслей и институтов права вследствие расширения границ правового регулирования, а также специализацию (индивидуализацию) отдельных правовых норм, которая приводит к нивелированию общеобязательности как признака правовой нормы. Указанная тенденция находит свое отражение в контексте ряда научных исследований, проводимых как на фундаментальном, так и на прикладном уровнях. Уже в советский период отмечалось существование специализированных правовых норм, «разделения труда» между ними [1, с. 38].

В настоящее время специализация правовых норм получает еще большее распространение, например, при развитии информационного общества признается появление новых комплексных отраслей [2, с.86], констатируется проблема трансформации институтов «государство» и «право», для изучения которой необходим анализ «централизации, децентрализации, деконцентрации во избежание превалирующего ситуационного правового регулирования» [2, с.81-88], когда единое пространство российского права представляет «множество островков автономной легитимации» [3, с. 13]. Признается наличие «правового хаоса» [4, с. 5-10], когда «поток нормативной регуляции, в котором переплетаются международные, интеграционные, национально-государственные, отраслевые, локальные нормы», «пока не дает необходимого эффекта и удовлетворения воздействия права на общественные процессы» [4, с. 5-10]. Специализация правовых норм обнаруживается и в отраслях права [5].

Традиционно деление правового регулирования на индивидуальное (применительно к конкретному случаю) и общее проводилось на глобальном уровне в контексте систем общего и романо-германского права. В семье общего

права правовой норме традиционно придавался «ярко выраженный казуальный характер» [6, с. 521], признавая индивидуальное правовое решение (прецедент) в качестве основного источника права, в романо-германской правовой семье правовая норма наделялась свойством обобщенности. Проводилась градация такого обобщения в зависимости от отрасли права и от искусства юриста, заключающегося в умении найти нормы и сформулировать их с учетом необходимости поддержания равновесия между конкретным применением нормы права и общими принципами права [6, с. 442-443]. Указанное умение имеет непосредственную связь с качественными параметрами правосознания, которые заключаются в возможности воспринимать, отражать и интегрировать информацию о двух уровнях реальности – правореализующей практики (права в правоотношении) и доктрины права (право в идеалах и ценностях), а после этого формировать новую реальность в будущей правовой норме.

В романо-германской правовой семье всеобщность правовой нормы проявляется в общеобязательности и абстрактном характере в целях обеспечения формально-юридического равенства субъектов правоотношений, а также нормативности, то есть «длительности действия, не исчерпываемого однократным исполнением» правовой нормы [7, с. 108]. Но в условиях активной конвергенции правовых семей происходит сглаживание их основных различий, и наблюдается появление правовых норм, специализирующихся применительно к конкретному фактическому обстоятельству или субъекту права в правовых системах, включаемых в романо-германскую правовую семью. Причин для этого достаточно много. Пытаясь их комплексно рассмотреть, методологически целесообразно применить классификацию физических (пространственно-временных) детерминант изменения правовых систем, изучаемых в динамике [2], а также признаваемых «стилеобразующими элементами знания» для объектов любой природы – как объектов материального мира, так и идеальных объектов [8, с. 27]. Во-первых, расширение границ правового регулирования обусловлено пространственными факторами как «объемным измерением сферы жизни материального мира» [2, с. 86] и определяет неизбежную трансформацию государственных и правовых институтов в глобальных масштабах. Во-вторых, с учетом сжатия временных параметров, ускорением процессов принятия и реализации решений, происходит специализация правовых норм для оперативного вмешательства государства в требующие срочного упорядочения общественные отношения.

Наряду с активно изменяющимися пространственно-временными параметрами государственно-правовой действительности, влекущими расширение границ правового регулирования и специализацию правовых норм, существенные изменения претерпевают и «массы» [2, с. 81-88], изучая которые в физическом измерении наряду с пространством и временем можно представить как материю – «мысль и есть материя внутренних планов сознания» [10, с. 242.]. Однако указанный материальный фактор не действует прямо и непосредственно на правовую систему – он может стать действующим мотивом человека (людей), только интериоризируясь в его (их) психике [9, с.

328-329]. Утверждая, что сознание имеет материальную (тонко материальную) природу, необходимо учитывать, что оно при этом «отображает все скрытые пространственно-временные свойства» [11, с. 253–258]. На основании изложенного при изучении материальных предпосылок специализации права нельзя игнорировать правосознание, пронизывающее (а не только отражающее) материальный мир с его пространственно-временными границами.

В настоящее время благодаря развитию информационных технологий реальность стремительно изменяется. В связи с развитием digitaltechnology происходит не только расширение, но и увеличение количества реальностей. Правовая реальность также подвергается значительным изменениям, что в настоящее время рефлексировается юридической наукой, например, когда вместе с терминами «правовая семья» и «правовая система» раскрываются иные сложные категории: «правовая жизнь», «юридическая карта мира». Электронные базы данных законодательства консолидируют не только информацию о действующих нормативных правовых актах, но и их недействующие редакции, благодаря чему пользователю представлено несколько временных измерений действия нормативного правового акта и их дальнейшей интеграции правосознанием в универсальную правовую реальность. При публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов их текст выкладывается на специальных сайтах сети Интернет, у посетителей которых формируется новая правовая реальность в виде мнения о проектируемой правовой норме. Нормативный правовой акт, издаваемый в порядке эксперимента, создает новую, моделируемую, правовую реальность.

Вся информация о таких реальностях рефлексировается при помощи психики человека, включающей шесть сложных систем обработки информации: сенсорной, моторной, когнитивной, аффективной, стилевой и ценностной [11, с. 253-258]. Непосредственно самому «закону не доступны процессы смыслообразования, они не могут быть решены юридически посредством моделирования правового суждения» [3, с. 30], а вот процесс правосознания стремится не только воспринять (отразить), подвергнуть обработке огромный объем информации о разных, ранее просто противопоставляемых уровнях реальности, но и сгенерировать на этой основе объективную картину правовой действительности.

Наличие информационных пробелов (неопределенности) при такой генерации вызывает необходимость в создании специализированных правовых норм, независимо от принадлежности к определенному типу правовой семьи. Англо-саксонская правовая доктрина *staredecisis* предполагает процессуальную специализацию: «похожие дела должны рассматриваться одинаково». Необходимо ли судье принять тот или иной прецедент, зависит от процессуальных специализирующих факторов: уровня (инстанционности) суда и усмотрения. Решения вышестоящего суда являются прецедентом, и нижестоящие суды должны следовать им. Последнее заключается в том, что прецедент (решение суда) состоит из двух частей: *ratio decidendi* (обязательная

часть) и *obiterdicta* (убедительная, но необязательная часть). При толковании ранее принятого решения судья обязан учитывать *ratio decidendi* и может учесть *obiterdicta*[12]. Если нижестоящий суд не выполнит решения своих вышестоящих судов, решение будет отменено в апелляционном порядке, а если суд низшей инстанции постоянно игнорирует прецедент, судья-нарушитель, скорее всего, будет признанным нарушившим этические правила и может быть в итоге отстранен от должности.

В романо-германской правовой семье правовые нормы общего регулирования производны от правовых принципов и создаются путем конкретизации общих, основополагающих положений. Это так называемый путь «сверху-вниз» по формулировке общеобязательных правил поведения – профессиональной реализации правосознания, направленного на формализацию и рационализацию окружающей действительности. При отсутствии неопределенности, когда правосознанию достаточно информации для создания картины правовой реальности при реализации правовых норм, нет необходимости в их специализации. В противном случае появляется необходимость в специализированных правовых нормах, которые формируются из практики реализации правосознания, направленного на адаптацию к окружающей действительности в еще неформализованных общественных отношениях. Главное, чтобы эти специализированные нормы, наполняясь социальным содержанием, не потеряли характер правовых – соответствовали правовой доктрине и принципам права.

Для гармонично не коллизионного формирования и функционирования двух правовых реальностей – общей и специализированной – в рамках единого правопорядка необходимо наличие правосознания, обладающего интегративными свойствами. Особенно это актуально при усложнении правовой реальности, когда появляется опасность фрагментарности сознания, его дезинтеграции, требуется правосознание иного качества, которое способно осуществлять не механическое восприятие поступающей извне отрывочной, мозаичной правовой информации, а будет интегрировать несколько уровней реальности и осуществлять нормативное предсказание, направленное на формирование нелинейных моделей будущего правоотношения с учетом разных пространственных и временных измерений правовой действительности.

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – Москва: Юридическая литература, 1975. – 264 с.
2. Бачило, И.Л., Шмаков, М.А. О трансформации институтов «государство» и «право» в информационном обществе / И.Л. Бачило, М.А. Шмаков // Государство и право. – 2017. – № 11. – С. 81–88.

3. Пермяков, Ю.Е. Философские основания юриспруденции. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2006. – 248 с.
4. Тихомиров, Ю.А. Право в современном мире: векторы развития// Государство и право. – 2017. – № 5. – С. 5-10.
5. Кузнецова, О.А. Специализация правовых норм как результат системности гражданского права [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Выпуск 8 (13). – 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/spetsializatsiya-pravovyh-norm-kak-rezultat-sistemnosti-grazhdanskogo-prava>
6. Марченко, М.Н. Источники права: учеб.пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. – 760 с.
7. Белов, В.М., Зырянова, Е.В., Косов, Д.Л. Особенности оценки качества нормативных правовых актов. Использование автоматизированной системы оценки качества нормативных правовых актов. – Государство и право. – 2017. – № 10. – С. 105–111.
8. Купцов, В.И. Философия и научное познание. Проблемы взаимосвязи общественных и гуманитарных наук. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – 164 с.
9. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: Издательский Дом: «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
10. Бескова, И.А., Герасимова, И.А., Меркулов, И.П. Феномен сознания. – Москва: Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
11. Поликарпова, Е.В. Сознание человека и обработка социальной информации// Известия Южного федерального университета. Технические науки. – 2012. – № 7. – С. 253–258.
12. Auto Equity Sales, Inc. v. Superior Court, 57 Cal.2d 450. [Электронный ресурс] // URL: <https://scocal.stanford.edu/opinion/auto-equity-sales-inc-v-superior-court-29890>

УДК 343.2

Ботнару С.А.,

доктор права, доцент кафедры уголовного права.

Шапорда Е.А.

Молдавский Государственный Университет, Факультет права

ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В данной статье рассматривается вопрос о снижении минимального возраста уголовной ответственности, в условиях современной уголовной политики государств. Для этого, производится анализ понятия возраста уголовной ответственности как с юридической, так и с психологической точки зрения, приводятся примеры минимального возраста уголовной ответственности на международном уровне. Таким образом, в заключении

представлены выводы и предложения относительно целесообразности снижения возраста уголовной ответственности в современных условиях развития государств.

Ключевые слова: возраст, несовершеннолетние, уголовная ответственность, преступность, наказание, воспитание.

Один из основных признаков субъекта преступления – возраст. До момента достижения лицом минимального возраста, предусмотренного УК, с которого наступает уголовная ответственность, исключается любая возможность его привлечения к ответственности. Это обеспечивает привлечение к ответственности только тех лиц, которые осознают опасный характер своих деяний, а также возможных последствий, в результате достижения определенного уровня интеллектуального и психологического развития. Презюмируется, что лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности, не обладает достаточным уровнем развития, чтобы осознавать характер своих действий и их запрещенность, что исключает наличие вины. Таким образом, минимальный возраст уголовной ответственности не может быть ниже возраста, когда у человека образуются определенные правовые представления, когда он в состоянии уяснить и усвоить уголовно-правовые запреты. [1,41]

Уголовное законодательство Российской Федерации, так же, как и Республики Молдова, предусматривает общий возраст наступления уголовной ответственности – 16 лет. За совершение определенного вида преступлений, перечисленных в отдельной норме УК, возможно привлечение к ответственности, начиная с 14 лет.

Однако, в контексте современной уголовной политики государств, а также уровня развития государства и общества в целом, как в теории, так и в законодательной сфере стало актуальным рассмотрение вопроса о снижении возраста уголовной ответственности. В основе идеи о снижении данного возраста заложены следующие факторы:

- Рост преступности среди несовершеннолетних, в том числе, не достигших возраста субъекта преступления;
- Практика других государств, в большинстве из которых минимальный возраст, с которого наступает уголовная ответственность ниже 14 лет;
- Психологические исследования, устанавливающие, что уровень необходимого развития несовершеннолетнего, который позволяет ему оценивать свои поступки и оценивать характер последствий, наступает раньше установленного на данный момент в УК.

Статистические данные за последние несколько лет действительно показывают рост преступности среди несовершеннолетних, в том числе и не достигших возраста 14 лет. Более того все чаще ими совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления. Таким образом, снижение возраста уголовной ответственности, в какой-то мере, способно решить эту проблему.

Неоднозначность вопроса о возрасте, с которого должна наступать уголовная ответственность, прослеживается и на международном уровне, учитывая отсутствие конкретных международных стандартов. Так, до

недавнего времени, на международно-правовом уровне существовали лишь рекомендации общего характера. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, устанавливают, что нижний предел возраста уголовной ответственности не должен устанавливаться на слишком низком уровне, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости. В 2007 году, Комитет по правам ребенка уточнил, что минимальный возраст наступления уголовной ответственности ниже 12-летнего предела рассматривается как не являющийся международно приемлемым. [2,169]

Международная практика также показывает отсутствие единого взгляда на возраст уголовной ответственности.

Так, общий возраст уголовной ответственности в Польше- 17 лет, однако за совершение определенных преступлений, возраст снижается до 15 лет.

В Эстонии общий возраст субъекта уголовного права- 15 лет, в случае совершения 20-ти преступлений, перечисленных в УК – 13 лет. [3,39]

Уголовное законодательство Франции не предусматривает норм об ответственности несовершеннолетних правонарушителей. Данные положения отражены в Ордонансе № 45-174 от 2 февраля 1945 г. о несовершеннолетних правонарушителях, который устанавливает 3 возрастные группы. К первой возрастной группе относятся лица, не достигшие 10-ти летнего возраста, к которым применяются только меры безопасности. Ко второй возрастной группе относятся несовершеннолетние в возрасте от 10 до 13 лет, к которым могут применяться не только меры безопасности, но и воспитательные санкции. К третьей группе относятся несовершеннолетние правонарушители в возрасте от 13 до 16 лет, к которым также могут быть применены меры безопасности и воспитательные меры.

Уголовное законодательство Германии, в законе «Об отпращивании правосудия по делам несовершеннолетних», также делит всех несовершеннолетних на возрастные группы. К первой группе относятся лица от 14 до 18 лет, а ко второй от 18 до 21 года. Данным законом для несовершеннолетних преступников предусмотрены воспитательные, исправительные и, в исключительных случаях, меры наказания. [4, 136]

В Австралии общий возраст уголовной ответственности - 14 лет. При этом лица в возрасте от 10 до 14 лет подлежат уголовной ответственности за совершенное ими деяние в случае, если в момент совершения осознавали его противоправный и общественно опасный характер.

В Ирландии уголовная ответственность может наступать с 7-летнего возраста (за тяжкие и особо тяжкие преступления). Также с 7-летнего возраста уголовная ответственность наступает в таких странах, как Бангладеш, Иордания, Египет, Ливан, Ливия, Пакистан, Сингапур. [5, 103]

Однако, по нашему мнению, наиболее значимым фактором в вопросе установления возраста уголовной ответственности, является уровень развития несовершеннолетнего. То есть, в случае снижения возраста уголовной ответственности до 14 лет в общем порядке и, соответственно, до 12 лет в определённых случаях, необходимо установить возможность осознания

характера своих поступков и выбора определенного поведения, лицом до 14 лет. Значимость этого фактора подчеркивает и наличие в УК РФ нормы, согласно которой «если несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.» [6]

При исследовании девиантного поведения несовершеннолетних было установлено, что после 11 лет у ребенка проявляется осознание вины и ответственности, а также волевая сфера, а противоправные действия становятся осознанными. [7, 134]

Подводя итог всего вышесказанного, мы считаем, что снижение возраста уголовной ответственности до 12 и 14 лет, соответственно, уместно с учетом следующих условий:

а) Для того, чтобы в условиях нынешнего развития общества и государства снижение возраста уголовной ответственности было гуманным и эффективным, необходимо консолидировать уровень юридического воспитания среди несовершеннолетних, что позволит им в полной мере оценивать социально-правовой характер своих поступков и их последствий;

б) Сохранение нормы, предусматривающей исключение уголовной ответственности для лиц, достигших необходимого возраста, которые вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения преступления не осознавали характер своих действий;

в) Применение в отношении несовершеннолетних преимущественно альтернативных тюремному заключению мер, преследуют одну из основных целей уголовного наказания – перевоспитание преступника.

Список использованных источников

1. О.Д. Игнатова, К.Л. Васин. К вопросу минимального возраста привлечения лица к уголовной ответственности на разных этапах развития отечественного законодательства.// Вестник Сибирского института бизнеса информационных технологий, 2015, №1(13)
2. Д.А. Нечипоренко. Подходы к определению минимального возраста наступления уголовной ответственности (международно-правовой аспект).// Труды Института государства и права Российской академии наук, 2013, №5
3. Глазунова Е.В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности несовершеннолетних в законодательстве Российской Федерации и законодательстве иных государств.// Отечественная юриспруденция, 2019
4. Д.Е Хвойна. Уголовная ответственность несовершеннолетних в странах, относящихся к романо-германской правовой семье: сравнительно правовой анализ законодательства.// Символ науки, 2019, №5
5. Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних.// Журнал российского права, 2008, №4
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996, в редакции от 18.02.2020

7. Тюмнева М.А. Снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет.// Colloquium journal, 2019, №14(33)

УДК 342

Васильев С.А.

кандидат юридических наук

Севастопольский государственный университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АВСТРАЛИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ¹

Современная высокотехнологичная медицина вызывает большие опасения в обществе относительно соблюдения этических и иных нравственных требований, однако ее эффективность показывает необходимость внедрения в повседневную жизнь. Использование методов диагностики и редактирования генома человека является данностью для многих развитых зарубежных стран и очевидной перспективой развития российской медицины. Для того, чтобы правильно сформировать нормативную правовую базу в этой части необходимо изучение зарубежного опыта, в том числе, практики государств, которые традиционно не являются самыми передовыми и подробно исследуемыми учеными. Настоящая работа посвящена сравнительно-правовому исследованию геномных исследований в Австралии и России, а в качестве результата можно оценить некоторый позитивный опыт, который может быть применен в нашем государстве для гарантирования конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: геномные исследования; диагностика генома; редактирование генома; опыт Австралии; законодательство Австралии; геномные исследования в Австралии.

Любые правовые реформы предполагают изучение зарубежного опыта. Развитие современных технологий в медицине ставит перед Российской Федерацией задачу формирования нормативного правового регулирования, которое упорядочит вопросы геномной диагностики и редактирования генома человека для лечения самых серьезных заболеваний. Если об опыте США, Великобритании и некоторых других стран в этой части написано сравнительно много [1-3], то определенную ценность представляет малоизученное австралийское законодательство.

Правовое регулирование вопросов, связанных с геномной информацией в Австралии представляет собой несистематизированную совокупность законодательства, судебной практики, этических норм и накопленной практики [4]. Такая не системность потенциально способна привести, во-первых, к росту недоверия со стороны населения относительно сохранности их биологических данных [5], во-вторых, к ограничению проведения клинических исследований и, как следствие активному противодействию вновь возникающим и распространяющимся заболеваниям [6]. К тому же в рассматриваемом государстве вопросы геномной медицины очень остро обсуждаются в

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14064.

обществе, распространяются публикации, видеоматериалы, направленные на противодействие искусственному вмешательству в геном человека [7].

Тем не менее, вопросам защиты геномной информации в данном государстве традиционно и на протяжении довольно длительного периода времени уделяется большое внимание. Так, выделяются гранты, разрабатываются системы обмена такой информацией между клиниками, лабораториями, научными и медицинскими учреждениями, разрабатываются необходимые проекты правовых документов и т.д. [8]

В Австралии, как и во многих других государствах, подробно регулируются вопросы, связанные с дачей согласия на использование геномной информации человека при заборе биологического материала. При всей дискуссионности времени действия такого согласия, условий его получения и т.д. обращает на себя внимание правила, по которым описанное законодательное требование не применяется:

- геномные данные были изменены, что не позволяет идентифицировать по ним конкретную личность;

- если донором было дано согласие на проведение исследований со всеми его биоматериалами в рамках одного большого комплексного исследования в клинических или исследовательских целях [9]. При всей сравнительной строгости австралийского законодательства о геномной информации положительным образом решены бюрократические вопросы, когда распространение геномной информации никому не повредит и упрощение процедуры получения согласия, когда одно лицо дает единое разрешение проводить с его биоматериалами любые клинические или исследовательские действия, чтобы не акцентировать его внимание и внимание медиков и клиницистов на каждом исследовании, опыте или эксперименте [10]. Такой опыт представляется разумным и вполне применимым для российских реалий, относительно излишней бюрократии которых сказано немало [11-13].

Специфика Австралии, также схожая с российской, заключается в том, что там проживают коренные и аборигенные народы, которые предпринимают различные организационные меры, направленные на сохранение своей самобытности и всячески ограничивают клиническое вмешательство, способное повлечь изменение генома конкретного этноса [14]. Для России с большим количеством представителей коренных и малочисленных народов [15] данный вопрос также представляется актуальным и с будущим развитием геномной терапии не должен повлечь за собой утрату народностей, которые необходимо сохранять и приумножать [16-17].

В Австралии, как и в России [18], действует закон, запрещающий клонирование человека - Prohibition of Human Cloning for Reproduction Act 2002 № 144, 2002 [19]. В сравнении с отечественным правовым регулированием австралийское законодательство является более подробным, до самых детальных аспектов устанавливающее правила реализации общественных отношений в соответствующей сфере. При этом динамика трансформации правового регулирования косвенно указывает на более активное развитие соответствующих общественных отношений в данном государстве, чем в

России. Так, последние изменения в нашем государстве были внесены в 2010 году, в Австралии – в 2017.

В Prohibition of Human Cloning for Reproduction Act 2002 № 144, 2002 более подробно расписывается, что эмбрион человека – это не только зародыш, не достигший возраста восьми недель, но и генно-модифицированный организм, созданный с применением современных технологий. В указанном акте дается определение и клону эмбриона.

В отличие от российского законодательства в Австралии прямо прописаны составы преступлений, связанных с клонированием человека, на основании чего установлены конкретные меры уголовной ответственности. Так, за умышленное помещение клона эмбриона в организм человека судом может быть назначено до 15 лет лишения свободы.

На территории рассматриваемого государства достаточно серьезным преступлением являются геномные исследования, в результате которых будет сформирован эмбрион, содержащий геномную информацию более, чем двух людей. При этом практика Европейского суда по правам человека фактически открыла возможность такой деятельности с использованием донорства митохондрий и последующего использования геномной терапии [20-21].

Примечательно, что австралийское законодательство о запрете клонирования человека регулирует вопросы злоупотреблений в области геномной терапии. Так, лицо, внесшее изменения в геном человека, при условии, что эти изменения будут унаследованы потомками лица, в отношении которого были проведены такие манипуляции, может быть привлечено к уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок до 15 лет.

Развитию геномных исследований и реальной медицинской помощи нуждающимся мешают этические опасения общественности относительно того, что начнутся злоупотребления в этой части. Законодательство России в этой части неразвито во многом потому, что не развиты и общественные отношения. Другими словами, никто не клонирует людей и не создает многодетные гомосексуальные семьи потому, что нет активного распространения геномной медицины. В этой связи особый интерес представляет законодательство Австралии, которое позволяет лечить тяжело больных людей, не допуская при этом злоупотреблений в этой части, строго наказывая нарушителей.

Список использованных источников

1. Жиганова Л.П. Роль США в разработке международного проекта «Геном человека» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 9 (501). С. 93-108.
2. Габибов А.Г. Работы по проведению проблемно-ориентированных поисковых исследований и созданию научно-технического задела в области геномных и постгеномных технологий создания лекарственных средств с участием научных организаций Франции // Отчет о НИР № 02.512.12.2026 от 2 марта 2009 года (Министерство образования и науки РФ).
3. Калиниченко П.А. Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // Lexrussica. 2019. № 6. С. 30-36.
4. Eckstein L., Chalmers D., Critchley C., Otlowski M., Nicol D. Australia: regulating genomic data sharing to promote public trust // Human Genetics. 2018. 137(8). С. 583-591.

5. Dixon-Woods M, Yeung K, Bosk CL () Why is UK medicine no longer a self-regulating profession? The role of scandals involving «bad apple» doctors // SocSci Med. 2011. 73: 1452–1459.
6. Gillott J. Precautionary governance, participation, engagement, tissue and research. In: Bioscience, governance and politics // Palgrave Macmillan. - London, 2014. С. 97–134.
7. von Burg R. Cinematic genetics: GATTACA, essentially yours, and the rhetoric of genetic determinism // Southern Communication Journal. 2010. 75(1). С. 1-16.
8. Weisbrot D. The Australian joint inquiry into the protection of human genetic information // New Genetics and Society. 2003. 22(1). С. 89-113.
9. Australian Government National Health and Medical Research Council (2007) National Statement on Ethical Conduct in Human Research. Canberra. URL: <https://www.nhmrc.gov.au/guidelines-publications/e72>. (датаобращения - 6 августа 2018 года).
10. McWhirter R.E., Critchley C.R., Nicol D. et al. Community engagement for big epidemiology: deliberative democracy as a tool // PersMed. 2014. №4:459–474.
11. Альпидовская М.Л. Реализация власти института бюрократии и борьба с коррупцией в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. Т. 6. № 23 (80). С. 39-45.
12. Павроз А.В. Социологический анализ бюрократии и фундаментальные противоречия современных административных реформ в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 2. С. 98-104.
13. Коваль В.Н. Правовые особенности применения «удобных» флагов на торговых и круизных судах // Юрист. 2017. № 14. С. 36-40.
14. Eckstein L., Chalmers D., Critchley C., Otlowski M., Nicol D. Australia: regulating genomic data sharing to promote public trust // Human Genetics. 2018. 137(8). С. 583-591.
15. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 года) // Собрание законодательства РФ. 1999. 3 мая. № 18. Ст. 2208.
16. Андриченко Л.В. Проблемы правового обеспечения сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов: международный и национальный аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 17 – 32.
17. Ирхин И.В. Конституционно-правовой статус лиц, постоянно проживающих в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов России // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 31 - 39.
18. О временном запрете на клонирование человека: Федеральный закон от 20 мая 2002 года № 54-ФЗ (ред. от 29 марта 2010 года) // Собрание законодательства РФ. 2002. 27 мая. № 21. Ст. 1917.
19. Prohibition of Human Cloning for Reproduction Act 2002 № 144, 2002 // Australian Government Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00306>. (дата обращения – 30 января 2020 г.).
20. Conseil constitutionnel. Décision n° 2013-669 DC du 17 mai 2013 // URL: www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2013/2013669DC.htm. (датаобращения – 22 января 2020 г.).
21. Coureupéenne des droits de l’homme. Gas et Dubois c. France, 15 mars 2012, n° 25951/07 // URL: www.cncdh.fr/sites/default/files/arret_gas_et_dubois_c_france_-_15_mars_2012.pdf. (датаобращения – 22 января 2020 г.).

УДК 342.5

Антонова О.А.

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет»

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются современные тенденции развития правового регулирования участия граждан в нормотворческой деятельности государственных органов в Республике Беларусь и некоторых зарубежных странах. Автором рассмотрены проблемы регулирования проведения обсуждений проектов актов, реализации народной законодательной инициативы. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства с учетом правовых новелл в Республике Беларусь.

Ключевые слова: правотворчество, гражданин, обсуждение проектов нормативных актов, народная законодательная инициатива.

В прошлом году вступили в силу изменения и дополнения в закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», которые, совместно с постановлением Совета Министров от 28 января 2019 г. № 56 «О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов» (далее – постановление Совета Министров № 56), усовершенствовали такой институт прямой демократии как обсуждения. Однако полагаем, что целесообразно было бы по ряду дискуссионных вопросов применить иной подход в регулировании порядка проведения публичных обсуждений.

В ст. 7 закона «О нормативных правовых актах» предусмотрены перечни видов указанных актов, которые могут и не могут выноситься на публичное обсуждение. Так, например, общегосударственному обсуждению могут подлежать: 1) проекты законодательных актов и постановлений Совета Министров, которые затрагивают правовое положение физических и юридических лиц и устанавливают новые либо существенно изменяют имеющиеся подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений; 2) проекты актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности; 3) проекты актов законодательства по поручению Президента или его Администрации, Правительства либо по инициативе организатора публичного обсуждения. Фактически, наиболее важные проекты в социально-экономической сфере перед их принятием могут быть представлены для всеобщего обсуждения.

Гораздо более детально закреплён список проектов нормативных актов, не подлежащих публичному обсуждению:

1) подготовленные в связи с заключением, исполнением, приостановлением действия или прекращением международных договоров, а также касающиеся организации внешних сношений;

2) регулирующие общественные отношения в области обеспечения обороны и национальной безопасности, защиты государственных секретов, военно-технического сотрудничества, экспортного контроля, лицензирования видов деятельности, связанных со специфическими товарами (работами, услугами), бюджетного, валютного законодательства;

3) об установлении, введении, изменении и прекращении действия республиканских налогов, сборов (пошлин) и местных налогов и сборов;

4) направленные на реализацию основных направлений денежно-кредитной политики;

5) содержащие государственные секреты, а также иную информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено;

6) срок подготовки которых по поручению Президента или его Администрации, Правительства составляет менее 15 календарных дней.

Тем не менее, по нашему мнению, целесообразность некоторых ограничений вызывает сомнения. Дело в том, что указанное законодательство не предусматривает для государственного органа или должностного лица принятие нормативных правовых актов по определенным вопросам только после проведения обсуждений. Как отмечает А.Г. Сироткин, одним из положительных эффектов оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов является обеспечение открытости и прозрачности законотворческих процессов, создание доступного для всех заинтересованных групп информационного поля. Гласность выступает не только одним из основных принципов оценки регулирующего воздействия, но и условием осуществления народовластия, условием развития социальной и политической активности граждан. Кроме того, в рамках оценки регулирующего воздействия осуществляется взаимодействие органов государственной власти и предпринимательского сообщества в форме публичных консультаций и обсуждений [1, с. 403].

В связи с этим, полагаем, что проекты нормативных правовых актов, которые затрагивают правовое положение физических и юридических лиц и устанавливают новые либо существенно изменяют имеющиеся подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений, могут приниматься только после проведения публичных обсуждений. По нашему мнению, на республиканском уровне можно обсуждать проекты Конституции, законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию, законов об основных направлениях социально-экономического развития, реформы по отдельным вопросам политической, социальной и экономической жизни, вопросы, касающиеся обороны страны и Вооруженных Сил, не составляющих охраняемую законом тайну. Институт народных обсуждений отличается от института обязательного референдума. Результатом проведения референдума является принятие юридически обязательного решения, которое может быть изменено или отменено только путем референдарного акта.

Обсуждение представляет собой подачу предложений и замечаний в соответствующие государственные органы, которые могут быть учтены этим органом при принятии нормативного правового акта. Исследуя социально-правовую сущность обсуждений на местном уровне, З.Г. Тамазов классифицирует цели публичных слушаний в муниципальных образованиях на основную и дополнительные. Основная цель – выявление и учет мнения жителей муниципального образования по проектам муниципальных правовых актов по наиболее значимым вопросам местного значения; дополнительные цели – изучение общественного мнения по предмету публичных слушаний; укрепление взаимодействия органов местного самоуправления и населения муниципального образования; развитие гражданской активности населения, институтов гражданского общества на территории муниципального образования; информирование жителей муниципального образования о содержании и методах работы органов местного самоуправления; повышение ответственности органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов за принимаемые решения [2, с. 12]. Исходя из этого, думается, что из перечня проектов, которые не могут выноситься на обсуждения, должны быть исключены проекты нормативных правовых актов об установлении, введении, изменении и прекращении действия республиканских налогов, сборов (пошлин) и местных налогов и сборов либо направленные на реализацию основных направлений денежно-кредитной политики. По таким вопросам можно проводить профессиональное обсуждение. Более того, фактически такие обсуждения, например, в форме консультаций, имеют место в практике органов государственной власти.

Необходимо обратить внимание и на субъектов, имеющих право принимать решение о вынесении проекта на публичное обсуждение. В соответствии с ч.1 ст. 7 закона «О нормативных правовых актах» к ним относятся субъекты законодательной инициативы. В развитие указанного нормы в п. 3 постановления Совета Министров № 5 закреплено, что организаторами обсуждения могут выступать граждане Республики Беларусь, обладающие избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек. Однако, если применительно к субъектам законодательной инициативы в виде государственных органов или должностных лиц вполне логичным является заинтересованность получить мнения иных лиц (в данном случае, населения страны) до принятия нормативного акта, то граждане, выступающие с законодательной инициативой, и так являются представителями лиц, проживающих в данной стране. Полагаем, что такое правомочие является излишним. Прежде всего, общественное обсуждение как институт непосредственной демократии, прямого народовластия позволяет населению влиять на содержание правовых норм путем внесения предложений, замечаний, дополнений разработчику нормативного акта еще до его принятия [1, с. 403].

Кроме того, в соответствии с законодательством после регистрации инициативной группы в количестве не менее 100 человек проводится агитация за или против предложения о внесении законопроекта в Палату представителей Национального собрания. Другими словами, проект закона уже

составлен, в его поддержку высказались не менее 50 тысяч избирателей, а после его внесения в Парламент эти же избиратели примут решение о необходимости изменить или дополнить им ранее «одобренный» проект закона. Более того, по-видимому, сам законодатель, понимая фантастичность подобной ситуации, не стал регулировать порядок принятия решения гражданами о проведении обсуждения.

Конечно, в юридической литературе разработано и широкое понимание общественных обсуждений, когда кроме видов общественных обсуждений, выделяют институционально-правовые формы их проведения. К таким формам можно отнести: письменные обращения граждан, общественных объединений, профессиональных сообществ; собрания, конференции, митинги, публичные слушания; заседания и иные способы деятельности Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат субъектов Российской Федерации; организация теле, радио - передач; публикации в газетах, журналах; размещение информации на специальных сайтах, официальных сайтах органов государственной власти, органов местного самоуправления в сети «Интернет» [3, с. 12-13]. Однако и в таком значении инициатива о проведении обсуждений реализуется гражданами в меньшем количестве.

Следует отметить, что в Республике Беларусь до настоящего времени избиратели не пользовались правом законодательной инициативы. По мнению А.Т. Тотубаевой, с зависимости от степени участия граждан в указанной процедуре в законодательной практике современных государств можно выделить несколько вариантов реализации института инициативы: 1) основанные на решающей роли граждан - (инициатива как институт прямой демократии) в принятии решений; 2) основанные на ведущей роли в принятии решений представительного органа власти (инициатива как смешанный институт прямой и представительной демократии) [4, с. 199].

В целях активизации населения в регулировании важных общественных отношений требуется совершенствование закона «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь». Прежде всего, целесообразно рассмотреть вопрос о возможности применения электронных ресурсов. В частности, в практике правового регулирования зарубежных стран можно выделить несколько вариантов. Например, в Украине разработан проект о предоставлении гражданам права законодательной инициативы путем размещения текста предложения на сайте Верховной Рады. Чтобы выдвинуть такое предложение, гражданин Украины должен быть идентифицирован с помощью электронной цифровой подписи или системы электронной дистанционной идентификации физических и юридических лиц. Верховная Рада должна рассмотреть законопроект в общем порядке, если инициативу поддержали более 25 тысяч граждан и в ускоренном порядке - если более 150 тысяч граждан. Однако в таком варианте правового регулирования отсутствует механизм предварительной оценки законопроекта на предмет его соответствия действующему законодательству. Фактически, не исключена возможность разработки и внесения законопроекта, который существенно ограничивает или нарушает права и свободы отдельных категорий лиц.

Полагаем, что более удачным является вариант, используемый в России для общественных правотворческих инициатив, где перед размещением инициативы на интернет-ресурсе Фондом развития информационной демократии и гражданского общества «Фонд информационной демократии» в срок не более 2 месяцев проводится обязательная экспертиза. После положительного заключения и размещения инициативы организуется голосование с использованием этого же интернет-ресурса. Поддержанной считается инициатива, которая в течение одного года после ее размещения на Интернет-ресурсе получила не менее 5 процентов голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования, – в поддержку инициативы муниципального уровня [5, с. 49-50]. Действительно в Республике Беларусь было бы возможным для сбора голосов в поддержку проекта закона закрепить и сбор подписей через подписные листы, и путем голосования на сайте «Правовой форум Беларуси». Подобная возможность, по нашему мнению повысила бы эффективность института законодательной инициативы граждан и способствовала бы вовлечению молодых людей, обладающих избирательным правом, в политические и социальные процессы в стране.

На основании проведенного исследования можно говорить о заинтересованности органов государственной власти в развитии различных форм участия граждан в решении важных вопросов жизни общества и государства. Однако для повышения активности граждан следует расширять возможности упрощения процедуры за счет использования современных технологий. Целесообразно также уточнить перечень проектов нормативных правовых актов, которые должны выноситься на публичное обсуждение.

Список используемых источников

1. Сироткин, А.Г. Публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов при проведении оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации / А.Г. Сироткин // Юридическая техника. – 2014. - С. 403-409.
2. Тамазов, З.Г. Публичные слушания как форма осуществления населением права на местное самоуправление; автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / З.Г. Тамазов. – Краснодар, 2007. – 28 с.
3. Иванов, И.В. Общественное обсуждение как конституционно-правовой институт в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / И.В. Иванов. – М., 2016. – 30 с.
4. Тотубаева, А.Т. Институт законодательной инициативы как форма участия граждан Кыргызской Республики в управлении делами государств в законодательной власти / А.Т. Тотубаева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 1-2. – С. 198-202.
5. Иванова, К.А., Мизернюк, М.С. Реализация правотворческой инициативы граждан Российской Федерации посредством электронных форм / К.А. Иванова, М.С. Мизернюк // Юридические записки. – 2014. - № 1. – С. 47-52.

УДК 340.12

Кисс С.В.

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры
государственных и гражданско-правовых дисциплин
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена определению места и роли правового менталитета как составляющей и одной из движущих сил в укреплении государственности и обеспечения эффективности конституционного законодательства.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, правовой менталитет, правосознание

В течение исторического развития наблюдаются различные переплетения национальных интересов, смешивания этнических стереотипов, ментальных норм, следовательно – и борьба за их реализацию и самобытность. Менталитет рассматривается различными науками, в том числе и юридической, и имеет естественные и онтологические детерминанты. Ведь человек состоит из множества тайн, которые являются основой микромира, микрокосмоса, микровселенной. Эти микрокосмические тайны человека содержат весь смысл мира и решают его судьбу, поскольку человек может по своему усмотрению самоопределяться, самостоятельно принимать решения, выходить из онтологической изменчивости своей природы.

У каждого народа в процессе его исторического бытия выработался собственный менталитет, как своеобразный способ осознания и отношения к миру, обусловленный традициями, воспитанием, религией, языком и тому подобное.

На формирование менталитета человека постоянно влияют природные и человеческие законы. Изначально, менталитет попадает в естественно-правовое поле и приобретает антропологических свойств, и уже далее формируется правовой менталитет, который выполняет одну из методологических функций, касающаяся правосознания и правовой культуры.

Одной из важных движущих сил в укреплении государственности оказывается менталитет и его влияние на повышение эффективности законодательства

Вопросы и проблемы эффективности законодательства, в том числе и конституционного [2], всегда была и остается актуальной для развития государственности, создания механизмов воздействия права на общественные отношения.

Государство регламентирует социальную жизнь путем разработки и издание правовых актов, осуществляет контроль за их реализацией. Достижение соответствующего уровня эффективности нормативно-правовых актов является правовыми социальным идеалом. Этот процесс требует

постепенных, взвешенных шагов, проведения правовой реформы глубокого научного анализа этой проблемы.

Актуальность темы объясняется необходимостью дальнейшего реформирования правовой системы Российской Федерации, что обостряет не только научный, но и практический интерес к проблемам, связанным с правовым менталитетом, его спецификой и ролью в правовом регулировании социальных отношений на различных стадиях этого процесса.

Правовой менталитет является сложным социокультурным феноменом, непосредственно влияет на процессы правообразования, формирования правовой культуры населения, перспективы реализации принципов правового и демократического государства, и, в целом, на эффективность законодательства. Поскольку в современных условиях проблема эффективности законодательства предстает перед обществом со всей очевидностью, то интерес к исследованию правового менталитета является закономерно определенным требованием реальной жизни. Игнорирование влияния менталитета на эффективность законодательства приводит к дестабилизации политической и правовой систем, отчуждению граждан от законов, институтов власти и государства.

Постановка проблемы определения понятия и признаков правового менталитета не является «мгновенной», она назрела под влиянием реально сложившейся политико-правовой обстановки, и в результате чего тема ментальности активно вовлекается в сферу непосредственно правовых исследований и сегодня категория «менталитет» широко используется как в научной, так и в публицистической литературе.

Долгое время существовала тенденция интерпретировать менталитет в целом и правовой менталитет, в частности, как явление, природа которого находится за пределами научно исследования. Однако уже существует определенный опыт обращения к проблеме правового менталитета в научных публикациях, позволяет предложить его теоретико-методологическую модель.

В современной научной терминологии слова «менталитет», «ментальность» употребляют для характеристики определенных особенностей тех или иных общественных групп или обобщенного образа (например, «ментальность народа», «менталитет нации», «менталитет советских людей» и т.п.).

Правовой менталитет нужно рассматривать как одну из важных условий дальнейшего развития национальной правовой системы, формирования гражданского общества и развития государственности, формирования в общественном сознании принципов верховенства права, приоритетности прав и свобод человека и граждан, законности, независимости суда, эффективной борьбы с коррупцией и т.д.

На законодательном уровне понятие правового менталитета не определено, и различные авторы, не определив единого подхода к трактовке как самой дефиниции, так и её структурных компонентов и содержания, в силу того, что понятие правового менталитета многоаспектно, дают этому явлению свою трактовку.

Правовой менталитет – это сложное явление, отражающее правовую сферу духовного мира российского социума [4, с. 21], которая в свою очередь охватывает совокупность феноменов, таких как: правосознание, правовые ценности, правовые традиции, ценностные ориентации, активное правовое поведение.

Под правовым менталитетом понимаются исторически сложившиеся специфические, наиболее типичные и устойчивые для определенной социальной или национально-этнической общности, системы мировоззренческих представлений, оценок и реакций на объекты государственно-правовой действительности» [3, с. 24.].

Он характеризуется значительной практической направленностью и закрепляет стереотипные модели поведения, которые являются составными компонентами общественного порядка. Специфика правового менталитета характеризуется не только сложившимися исторически национальными представлениями, но и отношением индивида к объектам политической и правовой действительности.

По нашему мнению, он [правовой менталитет] концентрируется в правовых традициях, формализуется в источниках (формах) права, служит знаковым элементом типизации правовых систем мира. В правовых системах традиционного типа эталоном является не столько правовой аспект, сколько нравственное поведение человека с ее чувством моральной ответственности.

В конкретных сферах правовой действительности современной России целесообразно учитывать специфику национального правового менталитета. Основным интересом для привлечения национального правового менталитета представляет собой именно сфера законотворчества, от эффективности которой в дальнейшем зависит и эффективность законодательства. Прежде всего, следует обратить внимание на важное значение национального правового менталитета в вопросах разработки и принятия нормативно-правовых актов, поскольку их эффективность напрямую зависит от соответствия качественных признаков.

В процессе правотворчества остается возможность заимствования некоторого прогрессивного зарубежного опыта, который поможет заполнить имеющиеся пробелы в национальной правовой системе. Но, только дополнять, а не подменять, поскольку законодателю целесообразно внедрять прогрессивные наработки юридической техники, отображать, прежде всего, собственный, исторический опыт, который будет более эффективным для правоприменения.

По мнению Г. Арутюняна, конституционные ценности не могут стать импортируемыми или экспортируемым товаром. Они являются исторически обдуманными для определенной страны, для определенного общества. Невозможно найти две одинаковые по содержанию конституции; в преамбуле конституции или в ее статьях отображены ценности, определяющие это общество [1].

Из этого, мы можем определить, что конституции и законы любого государства, в целом, отображают правовой менталитет общества и для их эффективности должны соответствовать ему.

В центре любых общественных отношений всегда стоит человека, с его желаниями и потребностями. И именно эти потребности влияют на правовую систему государства, поскольку как различаются правовой менталитет населения каждого государства, так и различаются правовые системы современности.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно определить, что между эффективностью законодательства и правовым менталитетом существует самая тесная связь. С одной стороны, учитывая особенности национального правового менталитета, именно он может способствовать стабильности, актуальности, доступности действующего законодательства, что приводит к его эффективности в целом.

С другой стороны - эффективность законодательства является не столько показателем его высокого уровня, а сколько реальностью его реализации, что, в свою очередь, способствует росту правовой культуры и доверия граждан.

Исходя из вышесказанного, можно подчеркнуть, что правовой менталитет является прочным фактором, определяющим эффективность законодательства, поскольку является основой для формирования и проявления правосознания, правового мировоззрения, правового мышления.

Именно культурный и исторический фактор национального правового менталитета должен активно привлекаться субъектами правотворчества при разработке и изменения законодательства. Но для этого необходимо разработать определенный механизм использования и методiku применения аспектов национального правового менталитета в законотворческом процессе.

Список использованных источников

1. Арутюнян Г.Г. Конституционная культура XXI века и новые вызовы системного развития конституционной юстиции / Г.Г. Арутюнян [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://www.concourt.am/armenian/structure/president/articles/korea2008_ru.pdf
2. Зорькин В. Буква и дух Конституции // Российская газета –Федеральный выпуск № 226 (7689)[Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>
3. Меняйло, Д. В. Российский правовой менталитет: монография Текст. / Д. В. Меняйло. Белгород : Изд-во БелЮИ МВД России, 2005. – 120 с.
4. Сигачев К.А. Определение правового менталитета // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2008. – № 1. – С. 21-23.

УДК 347.921.3

Станишевская Л.П.

к.и.н, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
УО «Белорусский государственный экономический университет»,

СЕМЕЙНАЯ МЕДИАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются первые итоги и перспективы развития семейной медиации в Республике Беларусь

Ключевые слова: медиация, семья, медиативные технологии, медиатор

Среди альтернативных способов разрешения споров одно из важнейших мест занимает медиация – инновационное направление белорусской юриспруденции. Вступление в силу в январе 2014 года Закона «О медиации» [4] (далее – Закон) явилось не только важным шагом на пути формирования гражданского общества в Республике Беларусь, но и отражением тенденции признания медиации во всем мире. Закон закрепил модель медиации, характеризующуюся добровольностью, осуществляемую на основании взаимного согласия сторон.

Практическая апробация медиативных технологий, международное признание медиации выступают гарантией внедрения этого правового института в отечественное законодательство. Шесть лет назад 24 января 2014 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «О медиации» (далее – Закон) [1], положивший начало процессу ее применения. 24 января объявлен Днем медиации в Республики Беларусь. В целях реализации норм Закона было создано основное правовое поле для применения института медиации на практике. В частности, утверждены Правила проведения медиации, Правила этики медиаторов, Типовые правила деятельности организации, обеспечивающей проведение медиации, Положение о квалификационной комиссии по вопросам медиации и др.

Сторонники медиативной процедуры считают ее необходимым элементом построения и развития гражданского общества. И это справедливо, так как закрепление медиативных процедур в праве – знак социального перехода на новый уровень, при котором потребность в судебном решении сокращается. Благородная цель права в данном случае – способствовать альтруистической трансформации человечества, в котором будет господствовать идеал разумной деятельности и созидания [2, с. 182].

В последние годы в Республике Беларусь обозначилась тенденция внедрения медиативных способов разрешения конфликтов, позволяющих сторонам безболезненно выйти из конфликта и прийти к взаимовыгодному решению проблемы. Указанная тенденция не обошла и сферу разрешения семейных споров. Медиация не заменяет правосудие и не конкурирует с ним, а существует параллельно, снижает конфликтность в обществе, используя свои

специфические методы. В решении Конституционного Суда Республики Беларусь 08.07.2013 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О медиации»» отмечается, что медиация дополняет юрисдикционные механизмы, предоставляет участникам гражданского оборота новые возможности для урегулирования возникших споров.

Согласно ст. 1 Закона медиация представляет собой переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения. Ст. 2 Закона предусматривает применение медиации по спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также по спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений. В этой связи возникают вопросы приемлемости использования медиации для урегулирования семейных конфликтов, выявления ее достоинств по сравнению с судебной практикой разрешения таких споров, необходимости корректировки действующего законодательства и др.

Семейная медиация впервые появилась в США еще в конце 1960-х гг., а с 1970-х гг. развивается и в странах Западной Европы. В США даже утвердился термин «медиация при разводе». В Великобритании применение семейной медиации выступает основополагающим принципом в урегулировании семейных конфликтов. Она является обязательным этапом в разрешении споров, вытекающих из семейных правоотношений [3, с. 320]. В то же время медиация не применяется, если в семье есть насилие, либо существует необходимость защиты интересов детей. И это совершенно справедливо. Случаями немедиабельности является также жестокое обращение с детьми, психическое заболевание одной из сторон, недееспособность одной из сторон, наркотическая зависимость одной из сторон и др.

Научный взгляд на процедуру медиации находится в настоящее время в стадии формирования. Понятие «семейная медиация» употребляется в научной литературе в разных смыслах: для обозначения разновидности медиативной технологии; одного из направлений медиативной практики; социального института. Широкое распространение в настоящее время получила трактовка медиации как переговоров с участием посредника по урегулированию любого семейного конфликта.

В Минске с ноября 2017 г. действует пилотный проект «Применение инструментов медиации в работе органов записи актов гражданского состояния г. Минска», нацеленный на снижение количества разводов. Проект реализуется главным управлением юстиции Мингорисполкома, столичными органами ЗАГС совместно с Белорусским республиканским союзом юристов и учебно-практическим учреждением «Центр медиации и права». В рамках проекта проведен ряд мероприятий, разработана программа обучения сотрудников органов загса в области семейной медиации и др. В ноябре 2018 г. в отделе ЗАГС Московского района г. Минска был проведен Круглый стол, на котором

обсуждались первые итоги проекта и дальнейшие перспективы внедрения семейной медиации в республике.

Медиация доказала востребованность в Беларуси, одновременно реальное положение вещей потребовало корректировки законодательства. В связи с этим 18 декабря 2019 г. был принят Закон Республики Беларусь «Об изменении законов» № 277-З, вступающий в действие в июле 2020 г. [4], который внес изменения в национальное законодательство, в том числе в Закон «О медиации» и в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее - КоБС) [5]. В частности, в Законе уточнена сфера применения медиации при урегулировании семейных споров; введено понятие «информационная встреча с медиатором» и др.

Ст. 6 КоБС дополнена частью следующего содержания: «В случаях, предусмотренных соглашением сторон, заинтересованные лица до обращения в суд с иском о защите нарушенных или оспариваемых прав, вытекающих из брачных и семейных отношений, вправе урегулировать спор с участием медиатора (медиаторов)». Ч. 2 ст. 13 КоБС, посвященная брачному договору, дополняется положением, согласно которому виды споров между супругами (бывшими супругами) могут быть переданы ими на рассмотрение третейского суда или для урегулирования с участием медиатора (медиаторов). Ст. 35(1) КоБС после части первой дополняется частью следующего содержания: «При приеме заявления о расторжении брака орган, регистрирующий акты гражданского состояния, разъясняет супругам предусмотренные настоящим Кодексом условия, при наличии которых расторжение брака может быть произведено органом, регистрирующим акты гражданского состояния, а также их право на участие в информационной встрече с медиатором». Ч. вторая ст. 36 КоБС изложена в следующей редакции: «При приеме искового заявления о расторжении брака суд предоставляет супругам трехмесячный срок для принятия мер к примирению и достижения соглашения об общих несовершеннолетних детях и разделе имущества, а также разъясняет супругам право на добровольное урегулирование спора с участием медиатора (медиаторов), включая их право на участие в информационной встрече с медиатором» и др.

Применение информационной встречи с медиатором, получившее распространение в Европе и в США, обязывает спорящие стороны по семейным делам встретиться с медиатором, который разъяснит им сущность, возможности и преимущества процедуры медиации.

Таким образом, изменения, внесенные в КоБС, нацелены на дальнейшее развитие семейной медиации в Республике Беларусь, предусматривают более широкое и активное ее применение при урегулировании споров и конфликтов, вытекающих из брачно-семейных отношений. В зависимости от установленного порядка расторжения брака медиация может носить досудебный или внесудебный характер, способствовать разрешению конфликта между супругами, урегулированию имущественных споров, а также вопросов, связанных с воспитанием и содержанием несовершеннолетних детей.

Как правило, семейная медиация регламентируется отдельно от иных видов медиации в отраслевом брачно-семейном (например, в Англии и Уэльсе, Финляндии, Австралии) или специальном законодательстве (в большинстве штатов США) [3, С. 321]. Вместе с тем, особенностью семейной медиации является повышенное внимание к обеспечению интересов ребенка. Данный принцип нашел свое отражение в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы Rec. №98 (1) медиации в семейных спорах. В случае если соглашение сторон явно противоречит интересам ребенка, медиатору предоставляется право прекратить медиацию.

Эффективность решения семейных конфликтов с участием несовершеннолетних доказана на практике применения медиации в ряде стран, что позволяет использовать зарубежный медиативный опыт в семейных отношениях. В семейных спорах медиаторы зачастую используют технику психологического консультирования. В Австрии, например, медиация осуществляется двумя медиаторами, один из которых является специалистом в психосоциальной (семейной) сфере, а второй - юристом, специализирующимся в сфере семейного законодательства.

Благодаря своей эффективности медиация, таким образом, во многих странах уже используется наравне с традиционными способами улаживания семейных споров. Несомненно, именно она является одним из наиболее эффективных способов урегулирования семейных конфликтов, в которых участвуют несовершеннолетние.

Решение семейного конфликта в судебном порядке усиливает конфронтацию между супругами. Этот конфликт является источником сильного стресса для детей и может нанести вред их психике. В отличие от судебного процесса медиация позволяет найти компромисс, поскольку акцент здесь делается на сотрудничество сторон, а не на состязание (как в судебном процессе). Медиатор помогает родителям сосредоточить свое внимание, прежде всего, именно на детях. Кроме того, суд, в отличие от медиации, связан жесткими процедурами и рассматривает только правовую сторону конфликта. С помощью же специальных медиативных практик медиация позволяет сохранить отношения сотрудничества между супругами, при этом на первое место ставятся интересы несовершеннолетних детей.

Одной из проблем решения семейных споров в судебном порядке является его публичность, в то время как участники спора, испытывая острую эмоциональность конфликта, зачастую предпочитают сохранять в тайне свои переживания, семейные проблемы. С данной точки зрения семейная сфера оказывается наиболее соответствующей для проведения медиативных процедур, поскольку одним из нравственных принципов, положенных в основу медиации, является принцип конфиденциальности (ст. 3 Закона). В соответствии с этим принципом вся информация, относящаяся к медиации, не подлежит разглашению, если иное не установлено соглашением сторон, за исключением информации о заключении соглашений о применении медиации, о прекращении медиации (ч. 1 ст.16 Закона). Более того, в ч. 2 ст.16 Закона закрепляется норма, согласно которой медиатор не вправе разглашать

информацию, относящуюся к медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без письменного согласия сторон. Несомненно, это является значительным преимуществом медиации по сравнению с государственным правосудием.

В то же время, представляется целесообразным учитывать опыт зарубежных стран, допускающий исключения из конфиденциальности. Так, например, в Великобритании, исключениями из конфиденциальности являются случаи причинения значительного вреда взрослому или ребенку; раскрытия информация об уголовных преступлениях; раскрытия финансовой информации.

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что семейная медиация является одной из тех областей, где работа медиатора может приносить наибольшую пользу. Несомненно, в основе технологий медиации заложен глубокий правозащитный смысл, а также конституционные нормы уважения человеческого достоинства. Представляется, что дальнейшее развитие семейной медиации является перспективным направлением правотворческой и правоприменительной деятельности Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. О медиации: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020. – Дата обращения: 3.02.2020.

2. Тимошина, Е.В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого / Е.В. Тимошина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6. – С. 180 – 185.

3. Здрок, О.Н. Семейная медиация: мировой опыт и перспективы развития в Республике Беларусь / О.Н. Здрок // Право в современном белорусском обществе. Сб. науч. тр. Вып. 10. / Нац. центр. законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь; редкол.: В.И Семенков (гл. ред) [и др.].- Минск: Бизнесофсет, 2015. – С. 316 -323.

4. Об изменении законов: Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-3// Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020. – Дата обращения: 1.02.2020.

5. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г. №278-3: принят Палатой представителей 3 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – Дата обращения: 3.02.2020

УДК 340.5

Черткова Ю.В.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и трудового права
*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

Дмитриенко А.Я.,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права
*ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь*

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИНСТИТУТА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ

Понятие «непреодолимая сила» известно законодательству, доктрине и судебной практике, как России, так и зарубежных государств. При этом регулирование и определение сущности непреодолимой силы в различных государствах неодинаково, а толкование законодательных положений зачастую затруднено из-за использования законодателем оценочных понятий.

Ключевые слова: непреодолимая сила, форс-мажор, оценочное понятие, чрезвычайность, непредотвратимость.

Непреодолимая сила давно и прочно занимает важное место в списке обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств.

Это понятие было известно и римскому частному праву классического периода, российскому дореволюционному праву, современным национальным правовым системам России и зарубежных стран. Форс-мажор упоминается во многих международных документах.

В науке гражданского права России дискуссия о содержании этого понятия идет уже больше ста лет. При этом следует признать, что удовлетворительного развития институт непреодолимой силы не получил. Судебная и арбитражная практика разнообразна и часто допускает ошибки при квалификации тех или иных обстоятельств как непреодолимой силы.

Однако постоянно меняющийся мир дает все новые и новые поводы для переосмысления этого института. Сегодня пандемия все чаще вмешивается в выполнение обязательств должников перед контрагентами. А учитывая, что уже Торгово-промышленная палата РФ начала выдавать свидетельства о форс-мажоре, по которым обстоятельством непреодолимой силы признаются ограничительные меры, которые вводятся в связи с пандемией [1], то всплеск интереса к проблематике непреодолимой силы неизбежен.

Разумеется, исследование института непреодолимой силы в России и его трансформации в современных условиях будет осуществляться как путем анализа действующего национального законодательства, так и путем обращения к опыту зарубежных стран. Хотя неясно, может ли иностранный опыт в данном случае быть существенным не только для практиков,

специализирующихся на внешнеторговых контрактах, но и для отечественных юристов, которые заинтересованы в обновлении и совершенствовании института непреодолимой силы.

Сам термин непреодолимая сила рассматривается как аналог понятия форс-мажор, которое используется в большинстве зарубежных стран. При этом в отечественной науке не раз поднимался вопрос о тождественности этих понятий [2]. Данный термин нельзя признать удачным, но, учитывая повсеместность и распространенность его использования, не представляется целесообразным вести дискуссию о необходимости его изменения.

В национальном праве различных государств подход к определению форс-мажоров достаточно разнообразен. В свое время это отмечалось ЮНСИТРАЛ при подготовке Краткого сборника по прецедентному праву к Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. [3, с. 67] Но если в странах континентальной Европы институт форс-мажора более или менее приближен к тому, который известен нам, то концепция «frustration of contract» в англо-американском праве существенно отличается [4]. Так, например, фрустрация прекращает договор.

Наиболее разработанной считается французская доктрина форс-мажора. В Гражданском кодексе Франции упоминается форс-мажор, но легальное определение его отсутствует. Французская цивилистика и практика в качестве критериев непреодолимой силы называют такие признаки, как непредвиденность, непредовратимость и посторонний характер обстоятельства [5, с. 88]. По сути, оценочное понятие раскрывается через три других оценочных понятия, между которыми не проводится четкого разграничения. Наличие третьего признака не представляет существенного интереса, поскольку даже во французской судебной практике в основном применяются два первых признака. Если устанавливается, что то или иное событие является непредвиденным и непредотвратимым для должника, то внешний характер обстоятельства уже практически не играет никакой роли.

В Германии непреодолимую силу наделяют большим количеством признаков: 1) непредвиденность; 2) непредотвратимость; 3) внешний характер; 4) чрезвычайность [5, с. 91]. Этим концепция непреодолимой силы ближе к отечественной, поскольку в Германии также непреодолимая сила невозможна без критерия чрезвычайности. Однако, несмотря на внешнее сходство критериев, интерпретируются они различным образом и в доктрине Франции и Германии, и в практике.

Более-менее сходным образом формулируются положения о непреодолимой силе в законодательстве стран СНГ. Понятия «непреодолимая сила» и «форс-мажор» в большинстве стран постсоветского пространства используются как синонимы.

Так, в Беларуси и Армении, так же как и в России, в гражданских кодексах не определяется перечень обстоятельств непреодолимой силы, а лишь указывается на два существенных признака, которые должны присутствовать одновременно: чрезвычайность и непредотвратимость. Собственно в большинстве гражданских кодексов стран СНГ прослеживается аналогичный

подход, равно как не содержатся в них и перечни обстоятельств непреодолимой силы (за исключением указания некоторых обстоятельств в Гражданском кодексе Республики Казахстан [6]).

Если бы перечню обстоятельств, которые гарантированно не должны признаваться обстоятельствами непреодолимой силы, уделялось больше внимания, несомненно, это упростило бы в какой-то мере понимание оценочных понятий чрезвычайности и непредотвратимости.

В большинстве зарубежных стран, на опыт которых традиционно опирается отечественная доктрина, сегодня непреодолимая сила понимается сходным образом. По-разному понимаются разве что некоторые критерии непреодолимой силы. Например, чрезвычайность по французскому праву не выделяется в качестве квалифицирующего признака. Однако сущность непреодолимой силы за рубежом остается такой же спорной, как и в России, а значит, совершенствование института непреодолимой силы должно осуществляться в нашей стране в первую очередь в аспекте *delegata*.

Список использованных источников

1. В России коронавирус признают форс-мажором при госзакупках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/10/03/2020/5e67135e9a7947380ab90e37><https://www.rbc.ru/economics/10/03/2020/5e67135e9a7947380ab90e37>
2. Кузнецов Р.Н. Соотношение категорий непреодолимой силы и форс-мажора в российском гражданском праве / Р.Н. Кузнецов // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 11. – С. 107-109.
3. Карташова О.В. Теоретические проблемы разработки концепции института о непреодолимой силе / О.В. Карташова // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 8. – С. 64-68.
4. Чукреев А.А. Доктрина фрустрации в английском договорном праве / А.А. Чукреев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 188–201.
5. Коршунова Н.П. Непреодолимая сила: новый взгляд на старую проблему / Н.П. Коршунова // Журнал российского права. – 2008. – № 3. – С. 78-93.
6. Гражданский кодекс Республики Казахстан от 27 декабря 1994 года № 269-ХІІ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.01.2020 г.) Режим доступа. - https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061

УДК 346.4

Куницкая О.М.

кандидат юридических наук, доцент,
Белорусский государственный университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ

В статье исследуются вопросы правового регулирования деятельности по организации привлечения инвестиций посредством интернет-платформ. Выявляются основные требования, установленные для указанных информационных систем, доступ к

которых предоставляются операторами инвестиционных платформ. Установлено, что меры ограничительного характера составляют основу механизма защиты прав инвесторов.

Ключевые слова: инвестиции, интернет-платформы, договор инвестирования, оператор криптоплатформы, парк высоких технологий.

Активизация технологического развития в условиях цифровой трансформации экономических отношений и потребность их участников в новых способах осуществления инвестиций привели к возникновению краудфандинговой индустрии, которая в различных странах мира знаменуется расширением начального определения краудфандинга как народного финансирования (преимущественно от граждан).

Устойчивое развитие данного перспективного направления инвестирования без должного нормативного регулирования порождает повышенные риски для всех участников экономических отношений и делает невозможным его дальнейшее развитие.

В мировой практике используется несколько видов краудфандингового финансирования, каждый из которых характеризуется особой правовой природой отношений между участниками. Новым видом краудфандинга стало рассматриваться ICO (ICO – Initial Coin Offering (первичное размещение монет)), суть которого состоит в выпуске проектом токенов, которые (в виде криптовалюты) могут использоваться, например, для оплаты услуг в данном проекте. В отличие от IPO (IPO – Initial Public Offering (первичное размещение акций)) пользователи не получают доли в компании, и влиять на стратегию компании из-за этого не могут; участники лишь финансируют проект, чтобы увидеть его результат в будущем. Выпуская свои токены, проект привлекает необходимое для реализации инвестирование [1, с. 23; 2, с. 34].

Важнейшую роль в обеспечении ICO на блокчейне играют специальные инвестиционные интернет-платформы. В последние годы законодательство меняется под воздействием их активного развития. Внедрение нормативного регулирования влечет необходимость для всех участников этого рынка привести свою деятельность в соответствие с требованиями принимаемого законодательства, ряд положений которого содержат принципиально новые требования.

В Российской Федерации отношения, возникающие в связи с инвестированием и привлечением инвестиций с использованием инвестиционных платформ, регулирует Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ [3]. Закон регулирует деятельность по привлечению инвестиций коммерческими организациями и индивидуальными предпринимателями посредством инвестиционных платформ, устанавливает правовые основы деятельности инвестиционных платформ, а также требования к инвестиционной платформе, ее оператору и участникам – инвестору и привлекающему лицу.

При этом указывается, что действие закона распространяется только на отношения, возникающие в связи с инвестированием определенными способами: 1) путем предоставления займов; 2) путем приобретения

эмиссионных ценных бумаг, размещаемых с использованием инвестиционной платформы, за исключением ценных бумаг кредитных организаций, некредитных финансовых организаций, а также структурных облигаций и предназначенных для квалифицированных инвесторов ценных бумаг; 3) путем приобретения утилитарных цифровых прав.

Согласно ст. 2 указанного Федерального Закона инвестиционная платформа – это информационная система в сети «Интернет», используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы. Оператор инвестиционной платформы означает хозяйственное общество, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций и включенное Банком России в реестр операторов инвестиционных платформ[3].

Помимо требования о включении лиц, осуществляющих соответствующую деятельность, в реестр операторов инвестиционных платформ, предусмотрены требования по размеру собственных средств оператора (не менее 5 млн руб.), а также порядок привлечения инвестиций и типовые условия договора об оказании услуг по привлечению инвестиций и договора об оказании услуг по содействию в инвестировании, которые определяются оператором в правилах инвестиционной платформы.

Оператор инвестиционной платформы: не вправе совмещать свою деятельность с иной деятельностью финансовой организации; обязан разработать и утвердить правила инвестиционной платформы, а также внутренний документ по управлению конфликтами интересов; обязан соблюдать требования ПОД/ФТ, установленные в отношении организаций, осуществляющих операции с денежными средствами (в том числе в части идентификации клиентов, установления бенефициарных владельцев, предоставления информации об операциях, назначения ответственного сотрудника и т.д.)[3].

Отношения участников инвестиционной платформы по привлечению финансирования основываются на заключаемом между инвестором и привлекающим лицом договоре инвестирования с использованием инфраструктуры инвестиционной платформы путем принятия инвестиционного предложения привлекающего лица и перечисления на его банковский счет денежных средств инвесторов.

Оператор, в свою очередь, осуществляет деятельность по организации привлечения инвестиций посредством заключения договоров об оказании услуг по привлечению инвестиций с лицами, привлекающими инвестиции, а также договоров об оказании услуг по содействию в инвестировании с инвесторами. Оба договора являются договорами присоединения.

В Республике Беларусь обращение цифровых знаков (токенов) (далее – токен) не было урегулировано законодательством до конца 2017 года. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О цифровой экономике» (далее – Декрет № 8)[4] вносит изменения в регулирование деятельности Парка

высоких технологий (далее – ПВТ) и его резидентов, тем самым устанавливая действие правового эксперимента («регуляторных песочниц») по регулированию цифровой экономики, в том числе по регулированию деятельности операторов криптоплатформ и операторов обмена криптовалют.

Оператор криптоплатформы – резидент Парка высоких технологий, предоставляющий с использованием информационной системы физическим и (или) юридическим лицам, в том числе нерезидентам Республики Беларусь, возможность совершения между собой и (или) с оператором криптоплатформы следующих сделок (операций): отчуждение, приобретение цифровых знаков (токенов) за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги; обмен цифровых знаков (токенов) одного вида на цифровые знаки (токены) другого вида; иных сделок (операций) в соответствии с требованиями Декрета № 8 [4].

Согласно п. п 2.3. п 2 Декрета № 8 операторы криптоплатформ, операторы обмена криптовалют обязаны обеспечивать наличие на счетах в банках Республики Беларусь денежных средств в размере не менее 1 млн. рублей для оператора криптоплатформы, не менее 200 тыс. рублей для оператора обмена криптовалют. Оператор криптоплатформы вправе: открывать счета в банках в Республике Беларусь и за рубежом для проведения расчетов по торгам и осуществляемым им операциям; получать за оказываемые услуги вознаграждение, в том числе токенами, устанавливать его размер и порядок взимания с участников торгов (клиентов); совершать (организовывать) сделки с резидентами и нерезидентами Республики Беларусь, направленные на размещение токенов, в том числе за рубежом, приобретение и (или) отчуждение токенов за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, обмен токенов на иные токены в интересах клиентов либо в своих интересах; совершать (организовывать) иные сделки (операции) с токенами, за исключением операций по обмену токенов на объекты гражданских прав иные, чем белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, токены [4].

Оператор криптоплатформы разрабатывает, утверждает локальные нормативные правовые акты, в соответствии с которыми осуществляет свою деятельность.

В Республике Беларусь Наблюдательный совет ПВТ утвердил и опубликовал Правила осуществления деятельности оператора криптоплатформы (далее – Правила оператора криптоплатформы) и др. [5].

Данный документ регулирует, помимо общих положений, правила установления отношений с клиентами, требования к рекламе и информированию клиентов, порядок совершения сделок с токенами. Также в нем установлен перечень информации, который подлежит раскрытию на сайте биржи в сети Интернет.

Регистрация криптоплатформы доступна лишь для резидентов Беларуси, и в рамках ПВТ. Таким образом, в первую очередь, необходимо учредить юридическое лицо в любой организационно-правовой форме согласно праву Республики Беларусь. Для регистрации в качестве резидента ПВТ юридическое лицо или индивидуальный предприниматель представляет в администрацию

ПВТ заявление установленной формы, с приложением копий учредительных документов и бизнес-проекта, который предлагается реализовать в качестве резидента ПВТ. В данном бизнес-проекте указываются один или несколько видов деятельности, планируемых к осуществлению, конкретные мероприятия по их осуществлению, виды и объемы предполагаемых к реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, обоснование необходимости их реализации, планируемые результаты финансово-экономической деятельности.

Согласно данным Правил оператор криптоплатформы, как резидент ПВТ, в бизнес-проекте которого указан соответствующий вид деятельности, заключает с администрацией ПВТ договор об условиях деятельности резидента ПВТ, и принимает на себя обязанность осуществлять названную деятельность в соответствии с указанными Правилами.

Анализ законодательства, регулирующего деятельность по организации привлечения инвестиций посредством интернет-платформ на примере Российской Федерации и Республики Беларусь, показывает, что устанавливаемые ограничения в деятельности операторов инвестиционных интернет-платформ, направлены, в первую очередь, на охрану и защиту прав инвесторов. Конкретизация оснований, границ и пределов таких ограничений позволит сформулировать правовые нормы, минимизирующие риски использования исследуемого способа инвестирования, и даст возможность эффективно внедрять в практику цифровые технологии в целях успешного развития экономики государства.

Список использованных источников

1. Грошева Е.К., Чуприна А.Д. Краудфайдинг некоммерческих проектов через ICO // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. №1 (15). С. 23-26.
2. Дорожкин С. Криптовалюты: теория и практика // Банковский вестник. 2018. № 8. С. 30-37.
3. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.02.2020)
4. Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О цифровой экономике» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 26.02.2020).
5. Регламенты в отношении деятельности с цифровыми знаками (токенами) // Официальный сайт Парка высоких технологий. URL: <http://park.by/post-2225/> (дата обращения: 26.02.2020).

УДК 342.25

Вичева А.А.

преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПО СОЗДАНИЮ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ

В статье сделана попытка выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются органы местного самоуправления при осуществлении полномочий в области создания условий для оказания медицинской помощи населению. Установлено наличие проблем территориального, нормативно-правового, организационного и функционального характера. Определено, что решение выявленных проблем целесообразно осуществить путем совершенствования правового регулирования нормативных правовых актов федерального, регионального и муниципального уровня в области охраны здоровья граждан и оказания медицинской помощи населению.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, полномочия, проблемы, медицинская помощь, население, правовое регулирование.

Полномочия органов местного самоуправления в области охраны здоровья граждан и оказания медицинской помощи населению приобретают особую актуальность в связи с активной работой над проектом поправок к Конституции Российской Федерации. На всенародное голосование 22 апреля 2020 года выносятся новые положения части 1 ст. 132 Основного закона нашего государства, в соответствии с которыми органы местного самоуправления обеспечивают в пределах своей компетенции доступность медицинской помощи [1]. При этом, на современном этапе существуют проблемы, которые влияют на качество и эффективность осуществления муниципальными органами власти полномочий в области создания условий для оказания медицинской помощи населению, а также уровень конституционно-правовых гарантий развития местного самоуправления [2, с.88], то есть влияют на каждого человека, так как местное самоуправление - тот уровень власти, с которым гражданин сталкивается каждодневно [3]. Эти аспекты, требуют научного осмысления и поисков путей их преодоления.

В соответствии с положениями статей 15, 16 Федерального закона от 06 октября 2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[4] и статьи 17 Федерального закона от 21 ноября 2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[5] полномочиями по созданию условий для оказания

медицинской помощи населению наделяют муниципальные, городские округа и муниципальные районы, обходя стороной городские и сельские поселения. Что, как представляется, нарушает права местного самоуправления указанных муниципальных образований, а следовательно, и права населения в области охраны здоровья граждан и является проблемой территориального характера. Наиболее остро эта проблема проявляется в сельских поселениях. Повышенный интерес федеральной власти к проблемам сельских поселений и реализация Целевых программ развития сельских территорий[6] способствует притоку населения в сельскую местность, чем обостряется проблема оказания медицинской помощи, а следовательно, и проблема отсутствия у местной власти полномочий по созданию условий для оказания медицинской помощи. Считаем, что комплексное развитие сельских территорий невозможно без решения проблемы наделения органов местного самоуправления сельских поселений полномочиями по созданию условий для оказания медицинской помощи населению. Решение этой проблемы, как представляется, возможно путем:

а) внесения изменений в часть 3 ст. 14 Федерального закона от 06 октября 2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и в часть 4 ст. 61.1. Бюджетного кодекса Российской Федерации;

б) принятия закона субъекта Российской Федерации о наделении органов местного самоуправления сельских поселений полномочиями;

в) передачи нормативов отчислений налоговых доходов в бюджеты сельских поселений.

Проблема нормативно-правового характера осуществления органами местного самоуправления полномочий в исследуемой области общественных отношений заключается в отсутствии в нормативных правовых актах различного уровня единого перечня мер и путей реализации полномочий органов местного самоуправления по созданию условий для оказания медицинской помощи. Проведенный анализ законодательства субъектов Российской Федерации показал, что в них могут приниматься законы, которые по-разному закрепляют анализируемые полномочия муниципальных органов власти – не закрепляют, закрепляют, но не раскрывают, закрепляют и раскрывают[7, с.34-36]. Отдельно следует отметить, что каждый субъект Российской Федерации, с учетом специфики региона, может законодательно закрепить именно те меры, которые будут максимально удовлетворять потребности населения и конкретно называть действия, для полного понимания местной властью порядка реализации своих полномочий. Для решения указанной проблемы, на наш взгляд, целесообразно закрепить минимальный перечень мер по созданию условий оказания медицинской помощи населению в законодательстве субъектов Российской Федерации, который органы местного самоуправления могут расширять в муниципальных актах в зависимости от экономических, социальных, демографических и иных факторов, преобладающих на территории муниципального образования.

Проблема организационного характера связана с отсутствием единообразного подхода к определению перечня благоприятных условий, которые создает местная власть для привлечения медицинских и фармацевтических работников в медицинские организации, находящиеся на территории муниципального образования. К таким мерам могут относиться предоставление медицинским и фармацевтическим работникам жилых помещений из муниципального жилого фонда, льготного ипотечного кредитования, компенсации за найм жилого помещения, компенсации расходов на переезд для работы в медицинских организациях муниципального образования, предоставление места в образовательных организациях для детей и иные. При этом, как представляется, необходимым условием ее решения является закрепление конкретных способов создания благоприятных условий для привлечения медицинских и фармацевтических работников в законе субъекта Российской Федерации, с возможностью органов местного самоуправления их дополнять и расширять.

Следующей проблемой осуществления органами местного самоуправления в области создания условий для оказания медицинской помощи населению является отсутствие нормативно закрепленного перечня конкретных прав и обязанностей органов местного самоуправления при реализации исследуемых полномочий, которая носит функциональный характер. Рациональным путем ее решения является определение и закрепление в актах субъектов Российской Федерации и актах муниципальных образований минимального перечня прав и обязанностей местной власти.

Проведенный анализ проблем осуществления органами местного самоуправления позволяет сформулировать вывод о том, что в исследуемой области общественных отношений существует достаточно большое количество проблем территориального, организационного, нормативного, функционального характера и др. Оптимальными путями решения каждой из них является совершенствование федерального, регионального и муниципального уровня правового регулирования. В контексте тенденций к предлагаемым изменениям конституционных норм, регулирующих полномочия муниципальных органов власти, необходима углубленная разработка вопросов предоставления медицинской помощи населению, особенно в части устранения юридических противоречий между Федеральным законом от 06 октября 2003 №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Федеральным законом от 21 ноября 2011 №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которые регулируют сходные общественные отношения в сфере здравоохранения, однако предмет этого регулирования в компетенционном смысле различается.

Список использованных источников

1. Текст новой Конституции РФ 2020 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gosuslugi-online.ru/novaya-konstitucziya-rf-2020/>.

2. Самигуллин В.К., Шайхуллин М.С. К вопросу о системности конституционно-правовых гарантий развития местного самоуправления в Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. №1 (41). С.85-90.
3. Романовская О.В. Организация местного самоуправления и теория либертарианства / О.В. Романовская // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2019. Т. 7, № 2 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://esj.pnzgu.ru>.
4. Федеральный закон от 06 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 40, 06.10.2003, ст.3822.
5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 48, 28.11.2011, ст.6724.
6. О федеральной целевой программе "Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года" (с изменениями на 2 августа 2017 года) (утратило силу с 01.01.2018 на основании постановления Правительства Российской Федерации от 13.12.2017 N 1544) [Электронный ресурс]. - Режим доступа:<http://docs.cntd.ru/document/499034090>
7. Вичева А.А. Правовое регулирование полномочий органов местного самоуправления по созданию условий для оказания медицинской помощи населению в законодательстве субъектов Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2019. Т. 31. № 3. С.33-37.

УДК 342.552

Мариева А.А.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

В статье рассмотрен правовой статус парламента в Республике Крым в историческом аспекте: проанализированы правовые основы деятельности Верховного Совета Автономной Республики Крым, его полномочия, состав, порядок формирования, проведен сравнительный анализ с Государственным советом Республики Крым.

Ключевые слова: Верховный Совет Автономной Республики Крым, Государственный Совет Республики Крым, сравнительный анализ, правовой статус, полномочия парламента

Впервые правовой статус Крыма как автономной единицы в составе Украины был установлен Законом УССР 12.02.1991 № 712-ХП «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики». Указанным нормативным актом Крымской области был присвоен статус автономной республики, а Крымский областной Совет народных

депутатов получил статус Верховного Совета Крымской Автономной Республики.

Окончательное определение правового статуса Автономной Республики Крым, ее государственных органов произошло после принятия 28.06.1996 г. Конституции Украины [3], принятия Верховным Советом Автономной Республики Крым 21.10.1998 г. Конституции автономии [1].

Так, Верховный Совет АРК не наделен законодательными полномочиями: в силу ст. 136 Конституции Украины [3] он принимает акты в форме постановлений и решений.

Верховный Совет АРК состоит из ста депутатов, которые объединяются в соответствующие органы, фракции. Депутаты избираются на основании прямого, общего и равного и избирательного права путем тайного голосования на четыре года. Формой осуществления полномочий Верховного Совета АРК являются сессии, на которых проводятся пленарные заседания и заседаний органов.

Председатель Верховного Совета АРК избирается на должность из числа депутатов на сессии путем тайного голосования. Деятельность председателя осуществляется на постоянной основе. Наиболее значимыми, по моему мнению, являются следующие полномочия председателя: контроль за исполнением актов Верховного Совета АРК, решений Президиума; подписание нормативно-правовых и других актов Верховного Совета АРК, соглашений и договоров; согласование назначения на должность и освобождение должностей некоторых органов исполнительной власти.

Из анализа полномочий Верховного Совета АРК, установленных ст. 26 Конституции АРК [1], можно сделать вывод, что в системе органов государственной власти Верховный Совет занимает особое, главенствующее значение.

Верховный Совет предыдущего созыва прекращает свою деятельность с момента открытия первой сессии Верховного Совета нового созыва. Конституцией Украины предусмотрена возможность досрочного прекращения полномочий Верховного Совета Автономной Республики Крым.

Специфическими являются правоотношения между Верховным Советом АРК и Советом Министров АРК. В частности, п. 26 ч.2 ст. 26 Конституции АРК [1] установлено, что к полномочиям Верховного Совета АРК отнесено: приостановление действия постановлений и распоряжений Совета министров Автономной Республики Крым по вопросам выполнения государственных функций и полномочий в случаях, если они противоречат Конституции Украины и законам Украины, актам Президента Украины и Кабинета Министров Украины, Конституции Автономной Республики Крым и нормативно-правовым актам Верховного Совета Автономной Республики Крым, с одновременным обращением к Президенту Украины об их отмене; отмена постановлений и распоряжений Совета министров Автономной Республики Крым по вопросам, отнесенным к ведению Автономной Республики Крым, в случае, если они противоречат Конституции Украины, Конституции

Автономной Республики Крым, законам Украины и нормативно-правовым актам Верховной Рады Автономной Республики Крым.

Таким образом, можно констатировать, что Конституция АРК наделила Верховный Совет достаточно широким объемом полномочий в сфере исполнительной власти региона, что дает возможность для вмешательства Верховного Совета АРК в деятельность Совета Министров, министерств и ведомств. Полагаю, что такое влияние посягает на общепризнанный принцип разделения властей и баланс в их взаимодействии.

Нормативно-правовые акты Верховного Совета АРК можно разделить на два вида: акты, с помощью которых осуществляется нормативное регулирование в сфере, отнесенной к компетенции Верховного Совета, и акты, которые регламентируют внутренние организационные вопросы.

11 марта 2014 Верховный Совет АРК была принята Декларация о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя. 11 апреля 2014 года была утверждена Конституция Республики Крым[2], которая регламентировала создание на территории республики однопалатного парламента – Государственный совет Республики Крым.

Государственный совет РК в отличие от Верховного Совета АРК наделен законодательными полномочиями: Конституцией Республики Крым [2] закреплено право на принятие законов Республики Крым, а также основного закона – Конституции Республики Крым, постановлений. Отнесено к ведению также и толкование Конституции и законов. В некоторых субъектах Российской Федерации аналогичными полномочиями по толкованию наделены конституционные (уставные) суды субъектов.

Число депутатов в Государственном совете 75, что на четверть меньше, чем в Верховном Совете. Депутаты избираются по смешанной системе сроком на 5 лет. Каждый депутат обязан участвовать в работе органов Государственного совета. Парламент осуществляет свою деятельность в форме сессий, по вопросам ведения возможно проведение парламентских слушаний.

Председатель Государственного совета избирается из числа депутатов Государственного совета. Из полномочий председателя можно выделить следующие: подписание постановлений, направление законов Главе Республики Крым для подписания и обнародования, организационные и представительские полномочия.

Полномочия председателя Верховного Совета АРК и Государственного совета в целом сходны, однако, можно утверждать, что председатель Верховного Совета АРК имеет больший объем полномочий в сфере исполнительной власти региона. Так, по представлению председателя рассматривается кандидатура председателя Совета министров Автономной Республики Крым. В Республике Крым в настоящее время сходные полномочия в сфере исполнительной власти отнесены к компетенции Главы Республики Крым.

Государственный совет вправе выразить недоверие Главе Республике Крым, при этом, в Конституции АРК[1] отсутствует институт недоверия к председателю, а предусматривается возможность освобождения от должности

Верховным Советом АРК. Глава Республики Крым с согласия Государственного совета РК назначает председателя Государственного совета, при этом Глава Республики Крым вправе совмещать такую должность с должностью председателя. В Крыму Постановлением Государственного совета от 09.10.2014 г. было утверждено совмещение должности Главы Республики Крым и председателя Государственного совета. 01.10.2019 г. с целью оптимизации деятельности системы исполнительной власти указанное постановление о совмещении должностей было отменено.

Таким образом, можно утверждать, что Государственный Совет является более актуальной формой организации представительного органа в сегодняшних реалиях. Так, наличие законодательной функции у местного парламента позволяет более динамично решать возникающие проблемы региона, что является несомненным преимуществом при осуществлении государственной власти.

Список использованных источников:

1. «Конституция Автономной Республики Крым» [Электронный ресурс]: Законодательство АР Крым. – URL:<https://zakon.rada.gov.ua/krym/card/rb239k002-98> (дата обращения 30.03.2020)
2. «Конституция Республики Крым» [Электронный ресурс]: Сайт Конституции Российской Федерации. – URL:https://constitution.garant.ru/region/cons_krim/ (дата обращения 30.03.2020)
3. «Конституция Украины» [Электронный ресурс]: Законодательство Украины. – URL:<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96%D0%B2%D1%80?lang=ru> (дата обращения 30.03.2020).

УДК 34.05

Островерхий Ю.А.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И. Вернадского»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (сравнительный анализ)

В статье проанализирована деятельность прокурора по вступлению в процесс и дачи заключений. Проведен сравнительный анализ национального законодательства с законодательством СССР.

Ключевые слова: прокурор, заключение по делу, расширение полномочий, гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь, эффективность прокурорского надзора.

Актуальность исследования определена изменениями гражданского процессуального законодательства Российской Федерации, определяющего правовой статус прокурора, вступающего в процесс с целью дачи заключения.

По степени научной разработанности, тема исследования не является малоизученной, изучение проблемных вопросов, касающихся деятельности прокурора по участию в гражданском процессе, всегда вызывало интерес для научного сообщества. Существенный вклад в разработку данной темы внесли ученые-юристы: Г.Л. Осокина, М.С. Шакарян, В.Г. Бессарабов, вместе с тем учеными не применялся метод компаративистики при изучении данной темы.

Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) регламентированы две формы участия прокурора в гражданском процессе. Первая форма (инициативная) реализуется посредством направления прокурором искового заявления в суд. Вторая форма реализации полномочий прокурора в гражданском процессе реализуется посредством дачи заключения по результатам рассмотрения дела в суде [5, ст. 45].

Исходя из ч. 3 ст. 45 ГПК РФ прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, восстановлении на работе, о выселении и в иных случаях, определенных законом.

Из анализа судебной практики следует, что судьи широко толкуют законодательство, и как следствие указывают на необходимость дачи заключения по таким категориям дел, как защита чести и достоинства, исключение имущества из описи, оспаривание отцовства, материнства, изъятие земельных участков, передача в аренду земельных участком, находящихся в муниципальной собственности, в то время как они не перечислены ни в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, ни в иных нормативных правовых актах.

Например, Железнодорожным районным судом Пермского края судьей ошибочно привлечен в процесс прокурор по делу о защите чести и достоинства, которое заключалось в публичном высказывании на общем собрании коллектива сведений о недостатке, образовавшейся в магазине. По результатам рассмотрения дела прокурором дано заключение о необходимости удовлетворения данного искового заявления. Решение о привлечении прокурора в процесс не основано на нормах действующего законодательства [3].

Кроме того, судьями систематически привлекаются прокуроры с целью предоставления заключения по делам о признании сделок по отчуждению жилых помещений, в том числе несовершеннолетних, что также не основано на нормах действующего законодательства. Вопрос о правомерности привлечения прокуроров в процесс неоднократно являлся предметом проверки и оценки судебных органов. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2004 по делу № 5 – В03-81 привлечение прокуроров в целях дачи заключений по делам, которые прямо не закреплены ч. 3 ст. 45 ГПК РФ признано незаконным [2, с. 28].

Вместе с тем, установленная вышеназванной нормой законодательная конструкция является результатом трансформации гражданского процессуального законодательства РСФСР.

Так, статьей 41 Гражданского процессуального кодекса РСФСР было установлено, что прокурор имеет право вступить в дело не по определенным категориям дел, а в любое дело, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав и охраняемых законом интересов граждан. Кроме того данной статьей закреплена обязанность прокурора по даче заключения в случае, если участие прокурора по конкретному делу признана судом обязательным [6, ст.41].

Таким образом, законодательство ГПК РСФСР наделяло прокуроров большими возможностями по реализации правозащитной функции, в том числе в целях защиты интересов государства и общества путем вступления в процесс с дачей заключения по любым категориям дел.

Следует отметить, что законодательство Республики Беларусь сохранило преемственность законодательству Советского союза и в отличие от российского законодательства, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь содержит норму, аналогичную норме, закреплённой в статье 41 ГПК РСФСР [4, ст. 81], которая также наделяет прокуроров правом по вступлению в начатый процесс с целью дачи заключения по гражданскому делу.

Исходя из вышеизложенного, сотрудники прокуратуры РСФСР и Республики Беларусь при реализации, возложенных на них обязанностей, не ограничены исчерпывающим перечнем дел, по которым прокурор имеет право вступить в дело, что расширяет пределы полномочий прокурора в гражданском процессе и позволяет наиболее эффективно использовать предоставленные законом полномочия для выполнения задач, возложенных на органы прокуратуры.

Напротив, закрепление российским законодательством исчерпывающего перечня категорий дел, по которым прокурор вступает в дело и дает заключение, на наш взгляд не отвечает вызовам современного правового государства и общества и подлежит корректировке.

Так, прокурор, являясь профессиональным, беспристрастным участником гражданского процесса должен вступать в процесс по собственной инициативе, либо инициативе судьи. Вместе с тем, для недопустимости злоупотребления судьями правом по привлечению прокуроров в процесс, данный вопрос нуждается в дополнительной проработке, например, путем издания постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации [1, с.7].

Исходя из статистических данных, из 1996 дел, рассмотренных в судебном порядке с участием прокурора, решение по 1996 делам приняты в соответствии с позицией прокурора, что подчеркивает профессионализм и беспристрастность прокурора при даче заключений по делу.

Таким образом, полномочия прокурора в части наделения его правом по вступлению в процесс на любой стадии с целью дачи заключения, в случаях,

когда такое участие необходимо для защиты интересов государства и общества, подлежат корректировке и доработке.

Список использованных источников:

1. Власов А.А. Участие прокурора в гражданском и арбитражном судопроизводстве (по ГПК РФ и АПК РФ 2016 года): методическое пособие / отв. ред. В.Г. Бессарабов. — М., 2017. — 154 с.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2014 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2015. — № 4. — С. 17—32
3. Обобщение судебной практики Пермской области по рассмотрению гражданских дел с участием прокурора / [Электронный ресурс].— Режим доступа: URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SOJ&n=3709 &req=doc> (дата обращения: 23.01.2020).
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11.01.1999 № 238-З // НЦПИ от 1999 г., № 54, 2/56.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ от 2002 г., N 46, ст. 4532.
6. Постановление ВЦИК от 10.07.1923 «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р».
7. Бессарабов В.Г. Прокуратура в системе государственного контроля Российской Федерации: Автореф. дис. д-ра юр. наук. М., 2001. - 65 с
8. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть: Учебник / Г.Л. Осокина. - 3-е изд., перераб. - М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2013. - 626 с.
9. Шакарян М.С. Замечания и предложения к проекту ГПК РФ, подготовленному к третьему чтению // LEX RUSSICA: Науч. труды МГЮА. М., 2014. С. 125-128.

УДК 342.5

Кузьмина А.Ю.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ГАРАНТ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В данной статье рассмотрены основные направления в деятельности Конституционного Суда РФ по осуществлению гарантий основных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, Конституция РФ, конституционный контроль, основные права и свободы человека и гражданина.

Конституционный Суд Российской Федерации является одним из высших федеральных органов судебной власти, а именно конституционного контроля, осуществляющий правосудие путём конституционного судопроизводства.

Конституционный Суд, в процессе своего функционирования руководствуется различными нормативно-правовыми актами, регламентирующими его деятельность. Но на первом месте стоит Конституция

РФ, для которой, согласно статье 2: человек, его права и свободы является высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства [1]. Способом обеспечения этих прав и свобод является правосудие, которое подразумевает под собой деятельность, осуществляемую непосредственно судами, следовательно, перечисленные положения являются первостепенной целью деятельности Конституционного Суда РФ.

Основные принципы, на которые Конституционный Суд РФ опирается в процессе своей деятельности, закреплены в Федеральном Конституционном законе от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2]. К ним относятся: принцип независимости, коллегиальности, гласности, состязательности и равноправия сторон. Следует отметить, что Конституционный Суд играет большую роль обеспечения принципа законности, в защите прав граждан, а также организаций, что поясняет особую роль решений данного органа государственной власти.

В условиях новой российской государственности вопросы защиты прав и свобод личности сохраняют свою актуальность. В теории и федеральные, и региональные акты конкретизируют и уточняют конституционные нормы и порядок реализации прав и свобод на территории Российской Федерации. Это необходимо для достижения важнейшей цели – гарантирования государством конкретного конституционного права каждому. Вместе с тем, указанная конкретизация в ряде субъектов Федерации приводит к ограничению содержания конституционного права и замене гарантированных государством законодательных прав субъективным решением отдельных должностных лиц [3, с. 212; 4, с. 43]. Некоторые авторы отмечают, что «ограничение субъективных прав и свобод является необходимым элементом механизма правового регулирования общественных отношений, в том числе нормативно-правовыми актами, субъектов федеративного государства» [5, с. 14]. Мы не согласны с такой трактовкой механизма правового регулирования общественных отношений и поддерживаем позицию о невозможности согласованного функционирования описанного подхода с положениями ч. 3 ст. 55 Конституции РФ [3, с. 212].

Осуществляя свои полномочия, Конституционный Суд наполняет отечественную правовую систему более глубоким смыслом и содержанием, устанавливает, изменяет и отменяет правовые нормы, нарушающие баланс в осуществлении прав и свобод человека и гражданина. Не являясь законодательным органом, Конституционный Суд принимает важнейшие положения, трансформирующиеся впоследствии в полноценные нормы права, разъясняет и толкует законодательные положения, придавая им более точный и полный смысл [6, с. 62].

Правоприменительная деятельность органов государственной власти на всех уровнях должна основываться на правовых положениях Конституционного Суда даже при решении конкретных вопросов частного характера, а правотворческие органы должны осуществлять мониторинг правоприменительной практики с целью своевременного и эффективного

воздействия на законодательство посредством внесения необходимых изменений с учетом решений органа конституционной юрисдикции.

Конституционный контроль, который осуществляет Конституционный Суд, может быть особенно эффективным как превентивный, позволяющий внести ясность на начальном этапе рассмотрения дела. При этом следует учесть, что в случаях, когда Конституционный Суд будет осуществлять превентивный контроль к процедуре голосования в законодательном органе, то это повлияет на деятельность законодателя лишь положительно: законодатель, учитывая возможность следующего репрессивного контроля, будет стараться самостоятельно обеспечить соблюдение соответствия нормам Конституции, а Конституционный Суд не будет вмешиваться в законодательный процесс (будет сохраняться принцип разделения властей). Конституционный Суд может также обогатить парламентскую дискуссию по поводу тех вопросов, которые не урегулированы законом, законодатель может исправить самого себя, при этом сохранить свой авторитет.

Действующее законодательство прямо не предусматривает осуществления защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом. Однако это не означает, что этот орган не защищает права и свободы граждан. Его миссия как гаранта вытекает из задачи Конституционного Суда гарантировать верховенство Конституции на всей территории государства, т.е. обеспечивать приоритет ее норм относительно прав и свобод человека над иными нормативно-правовыми актами. Итак, проверяя конституционность того или иного закона или нормативного акта, Конституционный Суд выступает гарантом действия законов, которые не противоречат Конституции, тем самым отстраняет неправомерные акты, которые ограничивают или искажают права и свободы человека и гражданина.

Вместе с этим, нечеткость официального толкования Конституции и законов Конституционным Судом неоднократно приводило не к решению, а к обострению правовых конфликтов, создавало и продолжает создавать важные препятствия для нормального функционирования конституционного механизма защиты прав человека и гражданина. Невыполнение решений Конституционного Суда может быть обусловлено нечеткостью позиции, занятой Конституционным Судом в каждом конкретном случае, который закономерно приводит к повторному рассмотрению аналогичных по смыслу юридических дел.

Бесспорно, теория и практика осуществления органами конституционной юрисдикции своих функций в процессе гарантирования прав и свобод человека и гражданина, в каждом отдельно взятом государстве является уникальной, но исследование этой проблемы вне дальнейшего сравнения соответствующего отечественного и зарубежного опыта выдается невозможным. Судебная система государства является органической составной общества, продуктом его деятельности, воспроизведением его менталитета и уровня развития. При этом заимствование положительного опыта организации и функционирования судебной системы одним государством у другого может благоприятно сказываться на устранении ошибок, просчетов и отрицательных явлений,

которое имеет особую актуальность и значимость в сфере всестороннего обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва : Проспект, 2018. – 32 с.
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) "О Конституционном Суде Российской Федерации"
3. Теория и практика российского конституционализма: сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. / отв. Ред. В. И. Фадеев. – М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2013. – 432 с. С. 212.
4. Никитина Е.Е. Право на свободу собраний: соотношение федерального и регионального законодательства // Журнал российского права. 2006. №3. С. 43.
5. Должиков А. В. Ограничение основных прав законами субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2005. №2. С. 14.
6. Ломакина Л. А. Влияние правовых позиций Конституционного Суда РФ на развитие законодательства об административной ответственности // Журнал российского права. 2012. №2. С. 62.

УДК 314.08:35.087.43

Тенюта Е.С.

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

К ВОПРОСУ О ПЕНСИОННЫХ РИСКАХ ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Научная статья посвящена вопросу взаимосвязанности существующего демографического кризиса в Республике Беларусь на протяжении последних лет и пробелов в национальном пенсионном законодательстве. Автор раскрывает вопрос, является ли существующий в настоящее время порядок исчисления трудового стажа дискриминационным по отношению к отдельным категориям граждан и нуждается ли действующее пенсионное законодательство в реформировании.

Ключевые слова: гендерное равенство, стаж, пенсионное обеспечение, демографический кризис, гендерная дискриминация.

Согласно данным, представленным Национальным статистическим комитетом, с января по март 2019г. на территории Республики Беларусь было рождено 21 519 детей. В сравнении с прошлыми годами данный показатель, например, на 2 016, 8,6%, меньше, чем за аналогичный период 2018-го. Также стоит отметить, что число родившихся превысило количество умерших в первом квартале 2019г. только в Минском (+146 человек) и Наровлянском (+19 человек) районах, в то время как в остальных наблюдается обратная тенденция [1].

Подобные цифры свидетельствуют о существовании в Республике Беларусь демографического кризиса. Причины, по которым данная проблема может возникать, разнообразны. Однако в последнее время все больше специалистов стали отмечать, что в качестве одной из причин падения уровня рождаемости могут выступать пенсионные риски для женщины в связи с нахождением их в отпуске по уходу за ребенком до трех лет (далее – отпуск по уходу за ребенком).

Трудовой кодекс Республики Беларусь в статье 185 устанавливает, что работающим женщинам независимо от трудового стажа по их желанию наниматель обязан предоставить после окончания отпуска по беременности и родам отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. При этом часть вторая данной статьи предусматривает, что «отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет предоставляется по усмотрению семьи работающим отцу или другому родственнику, члену семьи ребенка в случае, если мать ребенка на территории Республики Беларусь вышла на работу (службу), учебу, проходит подготовку в клинической ординатуре в очной форме или является адвокатом, осуществляющим адвокатскую деятельность индивидуально, нотариусом ...» [2]. Следовательно, на уровне национального законодательства предусмотрена возможность нахождения в отпуске по уходу за ребенком как матери, так и отца, но для отцов он предоставляется только в силу невозможности матери находиться в отпуске по уходу за ребенком.

Однако, несмотря на существование подобной нормы, в 2019г. процент мужчин, которые ушли в отпуск по уходу за ребенком составил менее 1%. Традиционно именно женщина осуществляет уход за ребенком до 3-х лет. Нахождение в подобном отпуске играет важную роль в последующем исчислении трудового стажа и определении размера пенсии.

В законодательстве о пенсионном обеспечении предусмотрено разграничение понятий общий трудовой стаж и страховой стаж. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» (далее – Закон) общий трудовой стаж – это совокупная продолжительность трудовой, предпринимательской, общественной и иной деятельности, установленной законодательством. Он включает в себя:

1. трудовую деятельность;
2. военную службу;
3. отпуск по уходу за ребенком (не более 9 лет);
4. период временной нетрудоспособности;
5. период нахождения на инвалидности, а также отпуск по уходу за инвалидом и др. [3].

И другой правовой термин, играющий немало важную роль в сфере пенсионного обеспечения – это страховой стаж. Страховой стаж – это период работы лица на предприятиях, в учреждениях, в течение которого за него уплачиваются страховые взносы во внебюджетный государственный фонд (ФСЗН). Однако в страховой стаж, в отличие от общего трудового, не включается отпуск по уходу за ребенком, а также иные периоды, которые включаются в общий трудовой стаж.

Трудовые пенсии по возрасту в рамках общей пенсионной системы (при соблюдении иных требований пенсионного законодательства) назначаются при наличии минимального стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов (далее – взносы) в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь. Если говорить о иных требованиях кроме страхового стажа, то к ним в соответствии со ст. 11 Закона:

1. достижение общеустановленного пенсионного возраста. В 2020 году это 62 года для мужчин и 57 лет для женщин;
2. наличие определенного стажа работы: для мужчин — не менее 25 лет, для женщин — не менее 20 лет.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о наличии жестких критериев, которые должны быть соблюдены лицом для получения права на трудовую пенсию. При отсутствии требуемого страхового стажа по достижению, установленного Законом возраста, назначается социальная пенсия.

Положение пенсионного законодательства о не включении периода нахождения в отпуске по уходу за ребенком в трудовой стаж может рассматриваться в качестве примера косвенной дискриминации в отношении женщин. Подтвердить существование косвенной дискриминации можно с помощью следующего наглядного примера. Женщина уходит в декрет на три года, а если мы говорим о многодетной матери, то период нахождения в таком отпуске может продлиться до 9 лет. После выхода из декретного отпуска женщина должна за короткий период времени набрать необходимый стаж работы для получения пенсии, однако это очень проблематично.

Во-первых, это обусловлено более низким пенсионным возрастом женщин по сравнению с мужчинами, а для некоторых категорий работников пенсионный возраст установлен еще ниже, например, педагогических и медицинских работников (для женщин 51,6 лет).

Во-вторых, минимальный страховой стаж одинаковый для обоих полов, но при этом женщины выходят на пенсию на пять лет раньше, чем мужчины, а в период нахождения в отпуске по уходу за ребенком уплата страховых взносов не осуществляется.

Таким образом, для женщины возникает риск невыполнения установленных критериев для получения пенсии, и в конечном счете она может не получить трудовую пенсию, а лишь по достижению определенного возраста государство назначит выплату социальной пенсии, размер которой существенно отличается от размера трудовой. Подобная ситуация, по мнению многих социологов, может являться причиной отказа женщин от рождения детей, так как они обеспокоены своим экономическим положением, бояться отсутствия необходимого трудового стажа для получения впоследствии трудовой пенсии.

На сегодняшний день такой дискуссионный вопрос, как включение отпуска по уходу за ребенком в страховой стаж или нет, является открытым. Однако государство не рассматривает возможные пробелы в пенсионном законодательстве в качестве причины демографического кризиса,

существующего в государстве. Наоборот, оно стремится поднять уровень рождаемости путем установления различных льгот для многодетных семей, выплаты единовременных пособий при рождении ребенка, предоставления льготных кредитов для строительства жилья. Но все эти меры за все время своего существования не позволили повлиять на уровень рождаемости. Таким образом, мы считаем, что проблема пенсионных рисков для женщин остается актуальной, несмотря ни на какие льготы и поощрения.

В данной ситуации в действующее пенсионное законодательство Республики Беларусь необходимо вносить изменения, которые позволили бы сократить пенсионные риски для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

Государство может изменить требования к продолжительности минимального страхового стажа с учетом периодов нахождения в декретном отпуске. Норма может предусмотреть сокращение страхового стажа для женщин и мужчин, поскольку они равноправно могут находиться в декрете, в зависимости от количества рожденных и воспитанных детей. Практика применения подобной меры уже есть в Республике Беларусь. Так, например, для матерей, воспитавших 5 и более детей, законодатель сократил продолжительность страхового стажа до 5 лет, что в свою очередь снижает определенный риск для данной категории матерей остаться без пенсии.

Также мы изучили пенсионное законодательство России и Украины, в результате чего обнаружили, что страны-соседи имеют более прогрессивное законодательство в данной области. В обеих странах период нахождения женщины в отпуске по уходу за ребенком засчитывается в общий стаж и страховой стаж. Так, Закон Российской Федерации «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного пенсионного страхования» предусматривает, что в страховой стаж засчитывается период ухода одного из родителей за каждым ребенком до достижения им возраста 1,5 лет[4]. Следовательно, другой возможностью решения данной проблемы может быть включения периода нахождения одного из родителей в отпуске по уходу за ребенком в продолжительность трудового стажа. Законодателю необходимо будет решить вопрос с порядком включения данного периода в стаж, т.е. он будет полностью (3 года) включаться или частично (1,5 года), как, например, в Российской Федерации.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что проблема демографического кризиса в государстве не может быть обусловлена только определенными социальными или экономическими проблемами, существующими в конкретном государстве, но она может быть связана с наличием правовых пробелов в национальном законодательстве, в частности в сфере пенсионного обеспечения. Пробелы в пенсионном законодательстве, связанные с учетом периода нахождения лица в отпуске по уходу за ребенком могут рассматриваться как причина демографического кризиса в Беларуси. Государство должно думать не только о том, как стимулировать увеличение уровня рождаемости, но оно должно подумать о причинах, которые стоят за падением этого уровня. В то же время реформа пенсионного законодательства

может повлиять на уровень рождаемости, так как позволит сократить пенсионные риски для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

Список использованных источников

1. Численность населения в Республике Беларусь // [Электронный ресурс]. 2019. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/637218.html>. - Дата доступа: 29.03.2020
2. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. [Электронный ресурс] // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «ЭТАЛОН»: версия 6.5 / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2020
3. О пенсионном обеспечении: Закон Республики Беларусь от 17.апреля 1992 г. № 1596-ХП // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343

Черная С.Е.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Статья посвящена изучению понятия частная жизнь человека и определению пределов вмешательства в нее со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: права человека, гарантии прав человека, частная жизнь, пределы вмешательства.

Мировой опыт развития общества свидетельствует, что без признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека невозможно построить правовое государство. Этот принцип положен в основу Конституции Российской Федерации, которая содержит положение о том, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство защищаются государством, а утверждение и обеспечение прав и свобод – обязанность государства. Одним из фундаментальных прав человека, отражающим его свободу, является право на неприкосновенность частной жизни.

Сейчас общество характеризуется глобализацией мирового экономического пространства и высокими темпами научно-технического прогресса, а это в свою очередь порождает появление все новых угроз неприкосновенности частной жизни индивида со стороны как государства, так и отдельных лиц. Самый очевидный пример – проблема защиты персональных данных, их неприкосновенность в сети Интернет, создание кредитных историй и медицинских баз данных.

Именно поэтому все больше актуализируется потребность в осмыслении значимости права на неприкосновенность частной жизни и пределов вмешательства органов власти в нее.

Сегодня определено, что вмешательство в сферу частных интересов может осуществляться исключительно на основании и в рамках закона.

Следует обратить внимание, что важное значение приобретает решение вопросов, о достижении баланса между интересами частного и публичного характера, определение границ вмешательства оперативных и следственных подразделений в частную жизнь граждан.

В настоящее время с доступностью Интернета, автоматизированной обработки персональной информации, всевозможными телекоммуникационными и информационными технологиями, электронизацией документооборота в значительной степени стало проще нарушить пределы невмешательства в право на приватность[1, 208-214]. Программное обеспечение позволяет провести поиск целенаправленного характера, систематизацию и сопоставление имеющейся в сети любой информации о конкретном лице-пользователе, а именно: адреса, номера телефона, места рождения, профессии, обучения, места работы, вкусов и привычек лица, его высказываний, что ведет к повышению рисков, связанных с нарушением права на приватность.

Указанные общедоступные способы в своей работе используют и сотрудники правоохранительных органов. Соответственно важное значение здесь имеет определение границ вмешательства в частную жизнь граждан.

Интересно отметить, для примера, что в рамках программы PRISM «гиганты Интернета» передают данные о пользователях американским спецслужбам. В связи с этим TheWashingtonPost сообщает, что в программе принимают участие Apple, Microsoft, Facebook, YouTube, Google, PalTalk, Skype, Yahoo! и AOL, которые государственным органам обеспечивают специальный доступ, в частности, в данные электронной почты, персональных файлов, видеофайлов, фотографий, журналов авторизации, которые хранятся на серверах[2].

Также примером вмешательства государства в сферу частной жизни человека может быть информация интернет-издание Spiegel-Online (Германия) от 7 сентября 2013 года, которым, ссылаясь на секретные документы, была опубликована информация о том, что Агентство национальной безопасности США получило прямой доступ к персональным данным пользователей смартфонов, ведущих производителей. Это указывает на то, что в случае необходимости спецслужба может получить в свое пользование из смартфона записные книжки, списки контактов, SMS-сообщения, а также установить местонахождение смартфона[3,61-70].

Указанные обстоятельства указывают на глобальное нарушение права человека на приватность (секретность, интимность, уединение, личную жизнь).

В зарубежных странах под приватностью жизни человека понимается определенный аспект человеческой жизни, который находится под охраной

правовых норм от различных посягательств как государства, так и других лиц [4, 122-130].

Соответственно, под этим правом подразумевается возможность человека осуществлять контроль своего жизненного пространства, что выражается в праве быть свободным от необоснованных задержаний, арестов, обысков и возможных изъятий документов и/или имущества и т.п.; самостоятельно принимать решение о времени, способе и объеме информации о себе, которая может быть сообщена другим лицам; вести свою жизнь так, чтобы различные органы власти и посторонние лица не вмешивались в личные дела гражданина, без наличия достаточных к этому оснований [5, 12].

Следует отметить, что в отечественном законодательстве отсутствует понятие частной жизни и пределов вмешательства в нее.

Анализ судебной практики показал, что границы невмешательства в частную жизнь не раскрываются законодателем, соответственно следует понимать, что человек наделен правом на приватность, быть защищенным от публичности, жить по собственному желанию, и опять же, это неограниченный перечень.

Вместе с тем анализ ст. 9-13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации позволяет нам сделать вывод о том, что под категорией частная жизнь понимается: уважение чести и достоинства личности, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [6].

Следовательно, право на невмешательство в частную жизнь выступает обязанностью государства по обеспечению осуществления позитивного регламентирования права на частную жизнь, а также установление пределов автономии гражданина от общества и государства. Понятие «невмешательство» определяется как недопустимость необоснованного вмешательства посторонних лиц, в частности органов внутренних дел, в частную жизнь граждан.

Следует заметить, что отечественным законодательством допускается вмешательство правоохранительных органов в частную жизнь лица, в случаях, предусмотренных законом.

В частности, отечественное законодательство достаточно четко сформулировало случаи вмешательства в территориальную приватность граждан, способы и объем осуществления такого вмешательства. Согласно ст. 15 Федерального закона «О полиции» [7] никто не имеет права проникнуть в жилье или другое владение лица с любой целью, иначе как по добровольному согласию его владельца, или на основании постановления судьи.

УПК РФ и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ [8] регулируют также процессуальный порядок проведения как гласных, так и негласных действий в жилище или ином владении лица, к примеру, обыск (глава 25 УПК РФ), осмотр (глава 24 УПК РФ), следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ).

Коммуникационная приватность лица состоит в обеспечении конфиденциальности и безопасности, связанных с передачей информации одним лицом другому при помощи различных средств связи, тайне осуществления переписки, ведения телефонных разговоров, телеграфной и иной корреспонденции, а также других форм общения. Так, вмешательство в эту сферу отношений возможно только при наличии судебного решения и в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством – с целью выявления и предотвращения совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, установления его обстоятельств, лица, которое совершило преступление, в том случае, когда иным способом невозможно достижение этой цели.

Приватность информационной сферы включает в себя осуществление защиты персональных данных, в частности, устанавливает правила по сбору, обработке, использованию личной информации о лице и т.п. [9, 112-119]

Телесная приватность – это физическая неприкосновенность человека, заключающаяся в установлении запрета осуществления любого прикосновения к телу человека без наличия на это его согласия, а также причинение ему любого телесного вреда, нарушение приватности вещей, которые находятся при человеке, проведение проверки его физического состояния, к примеру, в случае употребления им наркотиков и обследования различных внутренних органов, получения информации биологического характера о человеке и т.п.

Как указывает А.А. Павлинов, такая приватность состоит в установленном запрете осуществления необоснованных тактильных (телесных) контактов и соответственно в запрете нарушать личное пространство гражданина (в таком случае интимная зона рассчитана до 0-45 см, личная зона от 45 см до 1,2 м) без его согласия и т.д. [10, 61-68]

Таким образом, в системе прав и свобод человека особое место занимает право лица на неприкосновенность частной жизни, поскольку государственное невмешательство в эту сферу отношений считается одним из принципов гражданского общества. Несмотря на рост числа случаев незаконного вмешательства в рассматриваемую сферу, в частности с использованием технических средств для незаконного сбора сведений о личной жизни, их последующего хранения, использования и распространения, указанный вопрос на современном этапе развития общества для Российской Федерации сохраняет свою актуальность.

Список использованных источников:

1. Хуазе А.Х. Механизм обеспечения права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации /А.Х. Хуазе //Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2017. – № 3. – С. 208-214.
2. Гаев Д.Г. Электронный концлагерь. – [Электронный ресурс] – Режим доступа – http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/KVM_archive/articles/2013/04/ - дата обращения 30 марта 2020.
3. Барщевский Н.Ю. Особенности развития законодательства о закреплении права на неприкосновенность частной жизни в США / Н.Ю. Борщевский // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 61-70.

4. Ткачева Н.В. Конституционный принцип неприкосновенности частной жизни / Н.В. Ткачева // Вестник Южно-Уральского университета. Серия Право. – 2018. – №. 4. – С. 122-130.
5. Дунаева М.С. Основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства в частную жизнь граждан: автореф. дис...канд.юрид. наук, специальность 12.00.09 / М.С. Дунаева. – Иркутск, 2012. – С.12
6. Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174–ФЗ. – URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481
7. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 16.10.2019). [Электронный ресурс]– URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/3ff2278c1111420030bcbebf40164cf760b700e/
8. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995г. № 144-ФЗ. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons>
9. Ельчанинова Н.Б. Обеспечение права на неприкосновенность частной жизни в условиях информатизации общества /Н.Б. Ельчанинова // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 3. – С.112-119.
10. Павлинов А.А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни / А.А. Павлинов // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 61-68.

УДК 342.722.1

Корогод А.В., Хожаева В.М.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Рассматривается проблема закрепления гендерного равенства мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества на примере зарубежных стран, таких как: Индия, Грузия, Армения, Казахстан, а также на примере Российской Федерации.

Ключевые слова: гендерное равенство, мужчина, женщина, права, дискриминация, демократическое общество.

В развитых странах в условиях достижения демократического общества не утрачивают своей актуальности вопросы гендерного равенства, а также потребность в закреплении и реализации принципа равенства прав и свобод мужчин и женщин на законодательном уровне многих зарубежных государств. Однако процесс реализации мер по достижению данной цели не всегда приводит к желанному результату.

Для более точного понимания сути проблемы, следует ознакомиться с такими терминами как: гендерное равенство, феминизм, маскулизм, сексизм.

Гендерное равенство - это концепция развитых стран, где основная идеология направлена на равное предоставление прав как мужчинам, так и женщинам.

Особый опыт исторического развития данного института в России. На Руси положение женщины еще до недавних времен считалось незавидным. Во времена существования Российской империи законы по-прежнему защищали в основном мужчин и до 1917 г. россиянки были лишены участия в важных государственных делах. Октябрьский переворот 1917 г. привел большевиков к власти и произошло реформирование отношений между полами.

В сентябре 1918 г. законодательная власть уравнила женщин с мужчинами в семейной сфере и на производстве. В 1980 г. Российская Федерация ратифицировала конвенцию, принятую ООН об уничтожении дискриминации в отношении женщины, но закон о гендерном равенстве в России не был принят, государственный аппарат апеллировал к Конституции, где уже есть ст. 19 Конституции РФ, в которой прописано, что независимо от пола каждый гражданин имеет равные права и свободу, защищаемые государством [1].

Гендерное равенство в современном обществе имеет корни в таком социальном феномене как феминизм, женщины заявили о себе в виде женского движения суфражисток в XIX в. – это была первая волна феминистического движения за право голосовать, затем с 1960 г. – вторая волна за социальное равноправие с мужчинами.

Ближе к 21 веку представители сильного пола, правда не столь активно, но начали высказывать недовольство однобокостью феминизма. Так, в 1960-х в США появилось мужское движение - маскулизм. Его представители борются за уравнивание прав мужчин и женщин.

В психологии, рассматривается такое понятие как сексизм - это различное отношение к людям на основании их биологического статуса как мужчины или женщины, т.е. дискриминация по признаку пола.

Понятие "сексизм" ввели феминистки на Западе в 60-е годы. Традиционно оно применяется именно в отношении женщин. Считается, что исторически у мужчин априори больше социальных привилегий.

На данный момент можно увидеть на примере деятельности международных организаций, что дискриминация представителей женского пола значительно превышает дискриминацию лиц мужского пола это проявляется во всех сферах жизнедеятельности, а именно: социальной, духовной, экономической и политической. Одним из примеров является деятельность ООН, а точнее организация «ООН-женщины» и комиссия по положению женщин, ставшие глобальными руководящими органами, которые занимаются исключительно вопросами гендерного равенства и улучшения положения женщин.

Если говорить о социальной дискриминации женщин, то это означает ограничение или лишение прав по признаку пола в любой сфере жизни

общества: трудовой, социально-экономической, политической, духовной, семейно-бытовой. Социальная дискриминация ведет к снижению социального статуса женщины и является одной из форм насилия над ее личностью[5].

В ч. 3 ст. 19 Конституции РФ закреплено положение о равенстве мужчины и женщины [1]. Суть идеи равноправия мужчин и женщин, их равных возможностей, состоит в том, что по своему интеллектуальному и физическому потенциалу женщина ни в чем не уступает мужчине, т.е. представители обоих полов могут на равных иметь доступ к образованию и здравоохранению, управлению и власти, имеют равные возможности достичь финансовой независимости, работая на кого-то или управляя собственным бизнесом, реализации своих личностных и профессиональных потребностей и интересов.

Что касается духовной сферы, то мы повсеместно сталкиваемся с проблемой гендерного неравенства, будь то наука, религия, искусство и т.д. Причиной этому являются традиционные и религиозные обычаи, а также устоявшиеся стереотипы.

Во второй половине XIX - начале XX века одним из важнейших требований женщин, борющихся за равенство, стала возможность получать равное с мужчинами образование. Это требование было небезосновательно-девушки действительно испытывали трудности с поступлением в университеты, а если им это все же удавалось, они сталкивались с другой проблемой-сокращенными и неполными «женскими» программами[2]. В России же право на высшее образование девушки получили лишь в 1917 году, а уже к 1950 году уровень образования фактически сравнялся с мужским.

В исламских странах под влиянием религии долгое время процветало беззаконное отношение к женщинам. Однако с ходом развития восточных государств и с возросшим уровнем образованности, все больше законов принимаются в поддержку прав женщин, например, в Бахрейне в 2002 году Женщины получили политические права.

В экономической сфере принцип гендерного равенства предполагает, что как мужчина, так и женщина имеют одинаковые права на любую должность в государственной или частной организации. Важным моментом здесь является возможность женщины получать заработную плату не меньшую, чем у мужчины, работающем в такой же сфере. На деле, гендерное равенство на рынке труда разных стран находится в разных стадиях развития. Данное равноправие лидирует в странах Евросоюза, а также среди стран СНГ – это Беларусь, Россия [7]. Страны с традиционным патриархальным укладом не поддерживают равенство должным образом.

Несмотря на положительную мировую тенденцию в закреплении политических прав женщин, статистика все еще остается удручающей: женщины занимают 10-20% управленческих и административных постов во всем мире, а среди глав государств женщины составляют менее 5%. Закрепление политических прав женщин действительно очень важны, ведь все больше стран вступают на путь более качественного развития демократического общества, а в таких условиях невозможно представить существование политического неравенства мужчин и женщин. Очевидно, что в

21 веке политика перестала быть исключительно мужской платформой деятельности, женщины играют значимую роль в политической жизни стран по всему миру и государство их в этом поддерживает, создавая акты, обеспечивающие возможность беспрепятственного участия в ней[6].

Однако не стоит отождествлять термин гендерное неравенство и дискриминацию женщин. В мировой истории также есть случаи ущемления прав и мужчин.

В одном из штатов Индии - Мегхалай, где проживает народ, носящий название этой местности существует проблема бесправия мужчин. В любой сфере жизни женщина обладает беспрекословной властью. Женщины находятся не только во главе правосудия племени, но и ведут все семейные дела.

В Российской Федерации не было и нет такой ситуации. Мужчина является главой и кормильцем семьи, ведёт активную жизнь в политике государства, так сложилось традиционно. Но на данный момент острой социальной проблемой в РФ является вопрос о выходе на пенсию по старости, ибо более 40% мужчин назвали дискриминацией выход на пенсию позже женщин. Согласно статистике 41% мужчин считают ущемлением своих прав в данной области, т.к. представители сильного пола выходят на пенсию по старости на пять лет позднее женщин. С такой точкой зрения согласились 28% девушек и женщин. Исследование проводилось среди россиян старше 18 лет из 340 населенных пунктов[4].

Безусловно, проблема гендерного неравенства не обошла стороной и территорию нашей страны. Сегодня мы можем сказать, что Россия попала в так называемую «постсоветскую ловушку». Стоит заметить, что политические квоты для женщин в советское время предусматривались, однако defacto не было не одной женщины-члена Политбюро. В современных реалиях женщины в России занимают менее четверти мест в парламенте, для сравнения во многих западных странах парламент состоит из 30% женщин, а в скандинавских почти наполовину. Важную, но не самую лучшую роль играет Русская православная церковь, которая пропагандирует традиционную роль женщины — по «Домострою». Так, например, патриарх Кирилл в 2011, 2015 и 2016 годах предлагал вывести из системы обязательного медицинского страхования аборт. Это является частью того консервативного подхода, который также включил в себя ужасающую по своей сути декриминализацию домашнего насилия. Во многих странах СНГ утверждены должности уполномоченных по правам женщин, а также, в таких странах как Казахстан, Армения и Грузия принят закон о государственном обеспечении гендерного равенства. В России же такие меры, к сожалению, не приняты.

На данный момент Правительство РФ занимается вопросом гендерного равенства. В результате был подписан документ - программа по защите прав женщин, которая называется «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022» [3], пока эта программа не усовершенствована. Хочется надеяться, что Правительство РФ примет все необходимые меры для урегулирования и решения всех вопросов, связанных с закреплением

гендерного равенства, а также будет бороться с проблемой ущемления прав женщин.

Таким образом, вопросы гендерного равенства в нашем государстве, не смотря на урегулирование этого вопроса в ст.19 Конституции РФ[1], требуют детального дальнейшего рассмотрения и законодательного урегулирования. Во-первых, для решения существующей проблемы, необходимо использовать агитацию, т.к. лица женского пола будут, таким образом, привлечены в политическую жизнь страны. Во-вторых, необходимо пересмотреть проект федерального закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в РФ» (с учётом поправок, рекомендованных в 18.10.2011 году ко второму чтению), который остался не принятым после первого чтения в 16.04.2003 г. В-третьих, усилить роль отца в жизни семьи, например, за счет дополнительных декретных отпусков, которые есть во многих странах Евросоюза, для того, чтобы у женщин было больше свободного времени для реализации своих идей. Хочется надеяться, что Правительство РФ примет все необходимые меры для урегулирования и решения всех вопросов, связанных с закреплением гендерного равенства, а также будет бороться с проблемой ущемления прав женщин.

Список использованных источников:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2018, N 15, ст.125
2. Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Мир русской женщины: образование, воспитание, судьба. XVIII – начало XX в. М., 2006
3. Правительство РФ распоряжение на утверждение «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017-2022» от 8 марта 2017 г. № 410-р
4. Рыбка С.«Тяжелая доля»: почему женщины выходят на пенсию раньше мужчин. [Электронный ресурс] / С. Рыбка //Газета.Ru. — 10.11.2016. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/2020/02/14/12960193.shtml> свободный. - Загл. с экрана. (дата обращения: 18.03.2020).
5. Автономов А.С. Права человек, правоохранительная и правозащитная деятельность. – М.: Фонд «Либеральная миссия», Новое литературное образование, 2009.
6. Бондарь Н.С. Гражданин и публичная власть: Конституционное обеспечение прав и свобод в местном самоуправлении. – М.: «Городец», 2004.
7. Соглашение о создании СНГ//Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». – 1992. - №1

УДК 342.7

Фоняков Р.В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФАКТИЧЕСКОЙ
ДИСКРИМИНАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Статья посвящена изучению современных причин возникновения фактической дискриминации. Рассматривается понятие дискриминации, факторы ее появления и виды через призму научных исследований разных периодов времени.

Ключевые слова: права человека, правовое государство, дискриминация, юридическая дискриминация, фактическая дискриминация.

Проблема дискриминации при ее юридическом отсутствии не теряет своей актуальности. [1]

Для точности исследования и его выводов следует разделить понятия «дискриминация» и «неравенство», так как существования неравенства по отношению к какой-либо установленной группе людей в силу определенных условий – не есть дискриминация, примером может послужить отбор при поступлении на службу в силовые структуры и аналогичные случаи. Дискриминация – наоборот, выражается в предвзятом отношении к конкретному лицу в следствие характерных признаков, которые в целом не влияют на профессиональные качества или иные навыки человека.

Изучение дискриминации, как явления в науке, начато недавно. Первые работы политологов, экономистов, социологов датируются пятидесятыми годами прошлого века. Первой фундаментальной работой стал труд Гари Стэнли Беккера, он, будучи лауреатом Нобелевской премии 1992 в области экономики, еще в 1955 году выделил три основных источника дискриминации, а именно: расовую неприязнь, политическое и идеологическое отношение человека к обществу [2].

Естественно, у Г. Беккера были соратники по «труду», это и Р.Дж. Эренбург, и Р.С. Смит, и М. Армстронг и другие. В исследование этого вопроса внесли свой вклад и российские ученые – С.Ю. Роцин, Т.О. Разумова, Н.А. Волгин и другие.

Проведя изучение их трудов, очевидно, что в качестве одного из основных факторов, влияющего на возникновение дискриминации, они называют раскрепощение общества и личности, вызванное появлением многочисленных форм собственности, созданием социальных движений, политических партий, свободой слова, идейным, эстетическим и этическим многообразием. Совместно с развитием полисоциальных взаимоотношений становятся возможны изменения консервативных морально-психологических норм, причем как социума, так и конкретных индивидов. Этот момент имеет две стороны, первая – действительно движение в сторону правового государства, в котором свобода человека признается главной ценностью для государства, а с другой стороны бесконтрольность, в том числе в деятельности СМИ.

Двадцать первый век был назван «веком технологий и интернета», именно интернет стал прогрессивным толчком к повышению общеобразовательного уровня населения, свободного выражения слова и мысли, дал возможность общению людей на расстоянии, причем дал эти возможности всем социальным классам. Вторая сторона – заключается в том, что накапливающаяся информация с годами в интернете (период с 1990-

2000гг.) и желание к общению получили свои начала в создании различного рода сайтов для знакомств/общения, а в дальнейшем, в появлении таких социальных сетей как «ВК», «Facebook», «Одноклассники» и иных. В данных социальных сетях постепенно формировались группы единомышленников, где определенные индивиды высказывали бесконтрольно свои идеи и находили своих единомышленников. Подымались различные темы, начиная от сексизма и заканчивая религиозными идеями. В процессе формирования определенных групп возникали конфликты между сформированными группами, что нередко выходило за пределы культурного общения. Стали появляться конфликты, возникающие из-за расовой, классовой, религиозной неприязни. Бесконтрольность и свобода действий давала индивидам право свободно пропагандировать различные идеи, в том числе унижающие честь и достоинство других людей. Данные конфликты зачастую переходили из всемирной сети в реальную жизнь и люди, которые никогда в реальности не задумывались, например, о расовом различии, начитавшись непонятной информации и комментариев из неустановленных источников уже совсем по-другому относились к представителям иной нации в реальной жизни, что и становилось причиной дискриминации.

В 2008 году государство приняло решение о создании специальной службы – «Роскомнадзор», в задачи которой вошли – надзор в сфере связи, информационных технологий и средств массовой информации, в том числе всемирной сети. Но объёмы «интернета» и тот факт, что до большинства серверов с информацией данная служба фактически не может добраться, а на ее запреты существует огромное количество обходов – данная служба выступает слабоэффективной в данном направлении. А ведь под самой обычной картинкой в интернете может начаться спор, повлияющий своими высказываниями сначала на мнения личности, а потом и на судьбы людей уже в реальной жизни.

Подводя итог, стоит отметить, что возникновение очагов дискриминации, в том числе и в интернете, есть не что иное, как результат недостаточности образования граждан и отсутствия профилактических (разъяснительных) мероприятий со стороны государства, в лице специально уполномоченных на то органов.

Список использованных источников:

1. В Госдуме ввели штрафы за дискриминацию социально уязвимых граждан – [Электронный ресурс] – URL: <https://iz.ru/983622/2020-03-05/v-gosdume-vveli-shtrafy-za-diskriminatciiu-sotcialno-uzavimyh-grazhdan> – дата обращения 01 марта 2020.

2. Becker G. The Economic Way of Looking at Life. Nobel Lecture, December 1992 – [Электронный ресурс] – URL: <https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/becker-lecture.pdf> – дата обращения 28 февраля 2020

УДК341.231.14

Сильванович Ю.Н.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В данной работе проведен анализ положений Конституции РФ и некоторых зарубежных государств по вопросу степени возможного ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайной ситуации. Также были выявлены наиболее удачные модели регламентации указанного вопроса в Основном законе государств и проведена сравнительная характеристика с последующим выявлением наиболее оптимального законодательного подхода.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, ограничение прав граждан, неотчуждаемые права, защита населения, публичный порядок

Для каждого развитого государства человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Объем сложных взаимоотношений, установленных между человеком и государством, выражается в совокупности прав и обязанностей, которые обычно формируют правовой статус гражданина. В современных условиях глобализации и повышения рисков возникновения ситуаций чрезвычайного характера (природного либо техногенного) особо актуальным видится вопрос последствий установления чрезвычайных режимов на территории государств, а также их отражение на комплексе прав и свобод граждан, подлежащих ограничению.

Целью исследования является анализ законодательного массива РФ и некоторых зарубежных государств в части правового регулирования вопросов ограничения прав и свобод граждан в условиях чрезвычайной ситуации, проведение сравнительной характеристики с последующим выявлением наиболее оптимального законодательного подхода.

Прежде всего, видится необходимым определить, что в себя включает понятие «чрезвычайная ситуация». Впервые данная категория была сформулирована профессором Б.Н. Порфирьевым, который утверждал что чрезвычайная ситуация- это «внешне неожиданная, внезапно возникающая обстановка, характеризующаяся неопределенностью, остроконфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительным социально-экологическим и экономическим ущербом, прежде всего человеческими жертвами, необходимостью быстрого реагирования (принятия решений), крупными людскими, материальными и временными затратами на проведение эвакуационно-спасательных работ, сокращение масштабов и ликвидацию многообразных негативных последствий (разрушений, пожаров и т.д.)»[1]. В дальнейшем, обобщив все существенные основные характеристики, свое определение предложил профессор С.А. Старостин: «это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате опасного явления социального, природного или техногенного характера, создающая реальную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства или уже повлекшая многочисленные жертвы, значительные материальные потери,

нарушение условий жизнедеятельности людей, ущерб окружающей природной среде и для ликвидации которой требуются неотложные и специальные меры правового, организационного и иного характера».

Из теоретического понимания определение переросло в законодательную плоскость в более обобщенной форме. Так, в Российской Федерации на данный момент оно зафиксировано в Федеральном законе N 68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (статья 1): «Чрезвычайная ситуация - это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей».

Таким образом, данный институт представляет собой набор стандартов, которые закладывают основу для введения чрезвычайного режима, его целей, процедур и возможных ограничений по ограничению прав человека. В связи с этим указанный режим можно рассматривать в двух аспектах: положительный - как способ защиты интересов общества и государства и отрицательный - отсутствие персонализации и ограничение свобод граждан в установленных пределах. В контексте негативного понимания этот процесс вызывает определенные проблемы и дискуссии.

Баланс государственных и частных интересов, существующих при нормальном функционировании государства и общества, в условиях чрезвычайной ситуации смещается в пользу государства, поскольку в таких условиях оно получает больший контроль и возможность влиять на поведение людей. Как правило, в большинстве стран процесс выражается в ограничении права на неприкосновенность личности и жилища, свободы передвижения и выбора места жительства, свободы слова, повышенной ответственности в сочетании с упрощенной процедурой судопроизводства.

В соответствии с основными положениями Конституции РФ «в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя ... могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия» [2]. При этом уточняется, что не могут быть ограничены права, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46 54 Конституции РФ. В указанных статьях зафиксированы основные права человека, такие как право на жизнь, честь и достоинство, свобода совести, вероисповедания и т.д. Также, в целях реализации правового регулирования отношений в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и полномочий органов государственной власти РФ в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций был принят специализированный Федеральный Закон № 68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

В контексте данного вопроса видится полезным проанализировать сложившуюся нормативно-правовую практику не только Российской

Федерации, но и зарубежных стран. На этой основе представляется возможным оценить уместность подхода, выбранного государством для защиты своего населения в случае возникновения чрезвычайной ситуации.

Так, Основной закон ФРГ, по аналогии с Конституцией РФ, установил определенные ограничения для своих граждан при чрезвычайных ситуациях(ст.19): «Поскольку согласно настоящему Основному закону какое-либо основное право может быть ограничено законом или на основе закона, этот закон должен носить общий характер, а не относиться только к отдельному случаю. Кроме того, в законе должно быть названо это основное право с указанием статьи. Существо содержания основного права ни в коем случае не должно быть затронуто» [3]. Исходя из этой ситуации, можно сделать вывод, что немецкий законодатель не имеет права устанавливать ограничения основных прав, но может определять конституционные ограничения лишь в случае необходимости.

Ч. 3 ст. 31 Конституции Республики Польша 1997 года: «Ограничения на осуществление конституционных свобод и прав могут налагаться только по закону и только в том случае, если они необходимы в демократическом государстве по соображениям общественной безопасности или порядка или защиты окружающей среды, общественного здоровья и нравственности или свобод и прав других лиц. Эти ограничения не могут противоречить сущности свободы и прав.»[4]. Таким образом, польский законодатель может, в принципе, без особых конституционных полномочий ограничивать использование конституционных свобод и прав, но в то же время он связан с целями ограничений, указанных в Конституции.

В отличие от Федеративной Республики Германия и Российской Федерации, в Конституции США практически не упоминаются возможности ограничения прав человека в исключительных ситуациях, за исключением положений ст. 2 разд. 3 в отношении полномочий Президента: «Президент в случае необходимости предоставляет Конгрессу информацию о положении дел в Союзе и рекомендует Конгрессу рассмотреть такие меры, которые, по его мнению, являются необходимыми и целесообразными; он может созывать обе палаты или одну из них при чрезвычайных обстоятельствах, и в случае разногласий между ними в отношении переноса заседаний он может откладывать их до тех пор, пока он считает это возможным». Однако, интерес представляет Декларация независимости Соединенных Штатов 1776 года, которая (по аналогии с Французской декларацией прав человека и гражданина) между естественными и неотъемлемыми правами человека, вместе с правом на свободу, собственность и безопасность определяет право на сопротивление угнетению. Это право также почти исключительно принадлежит конституционной системе Соединенных Штатов и Франции.

Французская Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. ст. 4 регламентирует: «Свобода состоит в способности делать все, что не причиняет вреда другим: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничивается только теми границами, которые предоставляют другим членам общества использование этих же прав».

Правовые ограничения - это «установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать; это есть сдерживание неправомерного поведения, создающее условия для удовлетворения интересов контрагента (в широком смысле слова) и общественных интересов в охране и защите».

В законодательстве зарубежных стран часто возникают оговорки об ограничении так называемых неприкосновенных прав граждан. «В частности, в части 1 статьи 33 Конституции Болгарии говорится: «Дом неприкосновенен. «Без согласия человека, который там живет, никто не может войти или остаться дома, кроме случаев, прямо предусмотренных законом». Таким образом, оговорка уполномочивает законодателя определять случаи, когда неприкосновенность жилища может не соблюдаться». [5].

Еще один интересный нюанс в вопросах управления чрезвычайными ситуациями в зарубежных странах напрямую связан с его нормативной консолидацией. Поэтому такой важный вопрос в большинстве государств регулируется Основным законом страны. В то же время, в отличие от Российской Федерации, во многих зарубежных странах конституционное регулирование этих вопросов можно охарактеризовать как очень детальное. В качестве примера можно назвать раздел X-а «Состояние обороны» в Основном законе ФРГ 1949 г. (ст. 273-277), ч. XVIII «Постановления о чрезвычайном положении» в Конституции Индии 1950 г. (ст.336-344), ч. X «Чрезвычайное положение» в Конституции Пакистана 1973 г. (ст.696-700), раздел XI «Чрезвычайные положения» в Конституции Польши 1997 г. (ст.728-730), гл. XI «Положения о чрезвычайных ситуациях» в Конституции Мьянмы 2008 г. (23 статьи). По мнению многих ученых, в частности А.Н. Домрина В.И. Лафицкий, включение правил, регулирующих деятельность института чрезвычайного положения, в тексты Основных законов, процедура внесения поправок в которых гораздо сложнее, чем процедура внесения поправок и дополнений в общие парламентские акты, является одним из гарантов против возможного злоупотребления исполнительной властью со стороны их исключительными полномочиями по произвольному и необоснованному экстренному применению [6, С. 13].

Таким образом, в мире существуют разные подходы к нормативному ограничению прав и свобод граждан в кризисных ситуациях. Российская Федерация относится к группе стран, в конституции которой перечислены те права и свободы, на которые не может быть наложено никаких дополнительных ограничений. На наш взгляд, подход стран, в которых Конституция устанавливает перечень прав и свобод, для которых могут быть введены дополнительные ограничения, является более эффективным. Это, в частности, Германия (рассмотренная ранее), Бразилия, Литва и т. Д. И другой, более успешный, на наш взгляд, подход - комбинированный. В этом случае конституция устанавливает, что в чрезвычайных условиях одни права и свободы не могут быть ограничены, а другие, наоборот, могут. Примером является ст. 137 Конституции Перу, где «право на свободу и личную безопасность, неприкосновенность жилища, свобода собраний, свобода передвижения и введение военного положения могут сопровождаться

декларацией основных прав, осуществление которых не ограничен и не приостановлен»[7].

Список использованных источников

1. Комовкина Любовь Сергеевна, Кропачева Анжелика Владимировна Понятие чрезвычайной ситуации: проблема Законодательного определения и теоретико-правовой анализ // Вестник экономической безопасности. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-chrezvychaynoy-situatsii-problema-zakonodatelnogo-opredeleniya-i-teoretiko-pravovoy-analiz> (дата обращения: 16.03.2020).
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398.
3. Основной Закон ФРГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения: 24.03.20).
4. Конституция Республики Польша [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/poland.pdf> (дата обращения: 24.03.20).
5. Екатерина Сергеевна Хозикова Особенности ограничения прав и свобод человека и гражданина в законодательстве зарубежных стран // Закон и право. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ogranicheniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran> (дата обращения: 24.03.2020).
6. Чрезвычайный правовой режим в России и за рубежом / под общ.и науч. ред. С.П. Щербы. — М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006.
7. Подмарев Александр Александрович Конституционное регулирование ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайных режимов в национальных правовых системах // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-regulirovanie-ogranicheniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-v-usloviyah-chrezvychaynyh-rezhimov-v-natsionalnyh> (дата обращения: 24.03.2020).

УДК 343.35

Романенко И.И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РФ

Статья посвящена выявлению некоторых аспектов противодействия коррупции в правоохранительных органах. Являясь одним из основных способов разрушения системы государственной власти, коррупция приводит к деформации общественного правосознания, а потому антикоррупционную функцию современного государства нужно выделять как одну из его базовых задач.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, правоохранительные органы.

Коррупция – одна из особенных проблем, которая существует в мире, и в том числе в нашем государстве. И, самое, что есть немаловажное для населения, это то, что коррупция подрывает доверие граждан к власти, которая в свою очередь должна регулировать все проблемы нашей страны, то есть является фактором снижения легитимности власти в государстве.

Одним из признаков коррупции является ее способность проникать во всевозможные институты и государственные учреждения, а также влиять на процесс принятия юридически-значимых решений не на основании установленных требований, а с учетом интересов определенных лиц. Поражения коррупцией не обошло и правоохранительные ведомства нашей страны, в частности органы внутренних дел. Поэтому, на наш взгляд, причины и условия, способствующие возникновению и существованию коррупции характерные для сотрудников отдельной государственного учреждения, следует отнести к особым условиям.

Зародилась коррупция еще с древних времен, когда появился особый привилегированный класс - власть, наделенная особыми полномочиями. И уже в то время появляются первые предпосылки противодействия коррупции.

Борьба с таким явлением как коррупция обуславливается рядом причин:

- во-первых, коррупция является нарушением Конституции Российской Федерации, а также прав и свобод граждан;
- во-вторых, коррупционные действия в стране значительно ухудшают государственный аппарат страны;
- в-третьих, коррупция широко распределяется в государственных структурах, тем самым может являться одной из предпосылок деградации демократического общества.

В правоохранительных органах Российской Федерации коррупция является серьезнейшим барьером функционирования всего государственного механизма.

Для более полной оценки опасности коррупции в стране, важно разграничить ее на виды. В научной литературе выделяют множество ее видов и подвидов, среди которых следует выделить такие как: верховая; низовая; вертикальная; судебная; политическая; административная и др. И контроль, являясь важнейшим инструментом общества, позволяет выявить ее и в последствии побороть.

Развитие в обществе неблагоприятного отношения к коррупции считается действующим механизмом, направленным для дальнейшего достижения борьбы с коррупционными действиями [1]. И на фоне этого, именно выявление актуальных проблем и методов эффективности борьбы, а так же, противодействия коррупционных действий в правоохранительных органах является одним из наиболее актуальных вопросов в современном российском государстве.

Коррупция в правоохранительных органах является общественной опасностью, так как именно эти органы и осуществляют противодействие в обществе противокоррупционных действий.

Для предотвращения, а также профилактики борьбы с коррупцией система МВД выработала комплекс мероприятий для граждан. Стоит отметить, что в оказании противодействия коррупции активно принимают участие и члены советов ветеранов органов внутренних дел. Осуществляется профилактическая беседа с молодым составом сотрудников МВД, направленная на упрочнение их антикоррупционной прочности и формирования антикоррупционного поведения.

По статистике МВД, в коррупционных действиях замечены сотрудники, стаж службы которых превышает десять лет. Интересно заметить то, что сотрудники ОВД совершившие коррупционные действия по семейному положению были не женаты.

Следует подчеркнуть, что коррупционные действия сотрудников ОВД являются корыстным преступлением, так как происходит злоупотребление должностными полномочиями для достижения своих целей. Однако, не всегда преступления совершаются из собственных корыстных побуждений, бывают случаи, совершения коррупции сотрудником из-за угрозы насилия.

Для продуктивного противодействия коррупции в ОВД следует точно разграничивать понятие «коррупция» от ее видов, а также, систему и поведение сотрудника нарушившего запрет и границу, установленную законодательством. Так, для точного регулирования стабильности системы борьбы с коррупцией, в каждом отделе и подразделении МВД находятся стенды, которые информируют сотрудников об неблагоприятных последствиях коррупционеров, которые нарушили установленные законодательством правила поведения.

Решение проблем, связанных с проблематикой коррупционных преступлений находят свое отражение в ряде аспектов, таких как:

- создание программы по профилактике борьбы с коррупцией;
- создание условий борьбы с коррупционными преступлениями;
- система предупреждений об опасности таких преступлений, их последствия;
- контроль;
- создание подразделений, которые будут заниматься борьбой с коррупцией;
- пресечение правонарушителей.

На МВД России возлагается огромная ответственность как можно быстрее уменьшить прирост коррупционных действий, а так же контролировать уровень и процент коррупции в России. Государство и общество требует защиты своих прав и интересов у правоохранительных органов, которые выполняют свой долг перед населением и государством, а именно: предотвращает преступное поведение, является главным информатором страны, пресекает неблагоприятные последствия, проводит профилактические беседы с лицами, у которых выявлен потенциал к совершению преступных действий.

Образовательные учреждения МВД России предусматривает современную подготовку будущих специалистов, в которую, кроме всего

прочего, включены профилактические беседы, направленные на формирование антикоррупционного поведения у молодого поколения правоохранителей.

Проблематика преступлений, связанных с коррупцией, требует научных разработок и своевременного законодательного регулирования, что позволит сократить прирост коррупционных преступлений со стороны правоохранительных органов.

Характеризуя коррупционные преступления в органах внутренних дел, стоит отметить, что на практике особое внимание направлено на профилактику таких действий.

Рассматривая конкретные причины появления коррупционной составляющей в правоохранительных органах, авторы высказывают различные мнения по поводу этого вопроса, но никто не может дать точной уверенности, почему же сотрудниками ОВД совершаются коррупционные преступления, ведь по своей специфике работа сотрудников направлена в том числе и на борьбу и защиту общества от коррупции.

Таким образом, необходимо отметить, что коррупция является одним из основных способов разрушения системы государственной власти и деформации общественного правосознания. Без постоянного противодействия коррупция будет расширяться, а потому антикоррупционную функцию современного государства нужно выделять как одну из его основных, базовых задач. Неуклонное соблюдение и безоговорочное выполнение законов и нормативных актов является общепризнанным принципом развития правоохранительной сферы в Российской Федерации. Противодействие преступности, в частности, должностное преступление в сфере деятельности органов исполнительной власти, на современном этапе, рассматривается как один из приоритетных.

Особенно актуальным является распространение коррупционных проявлений среди личного состава правоохранительных органов. Система МВД должна не только регулировать и контролировать такого рода преступления, но в первую очередь реализовывать профилактические меры по противодействию коррупционных проявлений среди своих сотрудников.

Список использованных источников

1. О противодействии коррупции. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 29.12.2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6228.
2. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 // Российская Газета. - 2009. - № 5031.
3. Смирных Д.А. Общая профилактика злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий / Д.А. Смирных // Вестник Воронежского института МВД России. Криминология. – 2011 – с. 1-4.

Окороков Э.С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Статья посвящена рассмотрению сущности и содержания права на свободу передвижения и его законодательного закрепления в современной России. Анализируя российское законодательство, автор обозначает наиболее актуальные (по его мнению) пути совершенствования нормативно-правового закрепления ограничения права на свободу передвижения в законодательстве РФ.

Ключевые слова: право, свобода, передвижение, место пребывания и жительства, право на свободу передвижения, регистрация граждан по месту жительства (пребывания).

Свобода – это в первую очередь возможность выбирать модель поведения по собственному усмотрению. При этом необходимо отметить, что свобода человека является природной, неотчуждаемой и существует независимо от государства и права. Однако государство и право необходимы не для признания свободы человека, а для ее обеспечения, а также ограничения в необходимом объеме, для того, чтобы все другие субъекты могли ее беспрепятственно реализовывать. Это также касается свободы передвижения и выбора места жительства, которое, как и другие свободы, может быть ограничено при наличии определенных оснований и условий. Существование подобного правового института стало объектом внимания множества научных деятелей и практикующих юристов.

Конституция Российской Федерации закрепляет право уполномоченных органов государства на фактическое ограничение прав и свобод человека «в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц...». Как мы видим, такая конструкция охватывает приведенные выше критерии о законности и обоснованности [1, Ст. 55]. При этом вопрос, связанный с регулированием ограничения права на свободу передвижения отдан на откуп множеству разрозненных нормативно-правовых актов.

Законом РФ №5242-1 «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» в ст. 1 закреплено, что право на свободу передвижения и выбор места жительства может быть ограничено только на основании закона, а в ст. 8 предусмотрен перечень оснований, к которым законодатель отнес пограничные зоны, зоны военных городков и административно-территориальных образований, а так же отдельные территории в случае введения чрезвычайного, военного положения или особых условий (режимов) проживания населения (в случае опасности распространения инфекционных и массовых неинфекционных заболеваний) [6].

Предложенный перечень соответствует положениям Конституции РФ и международно-правовых актов. Однако он не является исчерпывающим, поскольку основан только на территориальном принципе ограничения права на свободу передвижения. При этом анализ российского законодательства показывает, что ограничения на свободу передвижения могут быть также определены по субъективному признаку в зависимости от особенностей лиц, на которых они распространяются.

Одной из таких категорий являются ограничения, связанные с применением к лицу уголовно-процессуальных мер. Приведенный в ст. 98 УПК РФ перечень мер пресечения условно можно поделить на две категории:

1. ограничивающие право на свободу передвижения в полном объеме;
2. частично ограничивающие право на свободу передвижения [3].

В свою очередь Уголовным Кодексом РФ в ст. 44 предусмотрены следующие виды наказаний, связанных с ограничением свободы передвижения: арест, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы [2]. Из закона следует, что осужденные к лишению свободы лица, прямо ограничены в праве на свободу передвижения, что определено тем, что весь срок отбывания наказания они обязаны находиться в исправительном учреждении, покидать которое им категорически запрещено. При этом лица, помещенные в тот или иной вид исправительного учреждения, подвергаются двойному ограничению свободы: основному и дополнительному. Где первый характеризуется непосредственно самим помещением лица в соответствующее учреждение, а второй проявляется в ограничении возможности свободного передвижения внутри исправительного учреждения и нахождения осужденных в камерах.

Кроме этого существует ряд особенностей, связанных с ограничением права на свободу передвижения в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Так в ст. 31 Федерального Закона №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ» установлено, что иностранный гражданин может быть депортирован по решению органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, если он в установленный срок в отсутствие уважительных причин не покинул территорию российского государства [7]. Подлежащие депортации иностранные граждане помещаются в специальные учреждения на период, необходимый для принятия соответствующего решения. Также и лица, утратившие специальный статус беженца на основании ст. 13 Федерального Закона № 4528-1 «О беженцах» подлежат выдворению (депортации). Таким образом, в период нахождения указанных лиц в пунктах временного размещения, их право на свободу передвижения (как и свободный выбор места жительства) ограничивается [4].

Следующей категорией лиц, к которым могут применяться меры ограничения свободы передвижения – это лица, состояние здоровья которых препятствует полноценной реализации рассматриваемого права. Так, в Законе РФ от 02.07.1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» врачом может быть назначено психиатрическое

освидетельствование лица без его согласия (или его законного представителя) в случаях, когда индивид представляет непосредственную опасность для себя или окружающих[8]. Это возможно также в случаях, когда его [индивида] беспомощность предопределяет его невозможность удовлетворять собственные жизненные потребности или возможность причинить существенный вред своему здоровью.

Принудительное лечение также может применяться к лицам, страдающим наркоманией, больных заразными формами туберкулеза либо умышленно уклоняющиеся от обследования или лечения.

С одной стороны, данные ограничения могут рассматриваться, как такие, что ограничивают личные права человека, однако, возвращаясь к тексту ст. 55 Конституции РФ (и не только как к основному закону государства, а и как первому документу в отечественной практике, закрепившему широкий перечень прав и свобод человека [9, с. 70]) – такое ограничения является законным и необходимым для реализации своих прав иными индивидами, а так же защиты иных прав лица, к которому были применены ограничительные меры.

В праве на свободу передвижения за пределы границ Российской Федерации могут быть ограничены лица, занимающиеся определенным родом деятельности. Так, федеральным законодательством определено, что лица, проходящие военную (либо альтернативную) службу, сотрудники определенных государственных структур (к примеру, ФСБ) (в том числе на протяжении пяти лет с момента увольнения из указанных органов), а так же лица, для которых должностными обязанностями предусмотрен доступ к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, ограничен доступ на выезд за пределы Российской Федерации [5].

Основываясь на предложенном обзоре российского законодательства, считаем целесообразным дополнить ст.8 Закона РФ от 25.06.1993 №5242-1 «О праве граждан РФ на свободу передвижения...» следующими условиями ограничения права на свободу передвижения и выбор места жительства:

- в отношении лиц, к которым в соответствии с процессуальным законодательством применены меры пресечения, связанные с ограничением либо лишением свободы;

- в отношении лиц, которые по приговору суда отбывают наказание в виде лишения или ограничения свободы;

- в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и беженцев, которые не имеют законных оснований для нахождения на территории Российской Федерации;

- в отношении лиц, которые нуждаются в принудительной медицинской помощи, госпитализации и лечении;

- в отношении граждан, проходящих военную службу, службу в органах государственной безопасности или занимающих иную должность, для которой предусмотрен доступ к сведениям ограниченного доступа.

Таким образом, мы можем сделать выводы относительно того, что ограничения свободы передвижения и выбора места жительства в Российской

Федерации могут устанавливаться на основе территориального и субъективного признаков. Где первая группа включает в себя перечень территорий, строго определенный ст. 8 Федерального Закона №5242-1 «О праве граждан РФ на свободу передвижения...». Вторая группа при этом не имеет четко выраженного нормативного регулирования, и ее существование обусловлено наличием множества специализированных нормативно-правовых актов, которые содержат в себе основания для ограничения права на свободу передвижения, но не включены в вышеупомянутый Федеральный Закон. Во избежание конфликтных ситуаций предложено осуществить ряд законодательных преобразований, которые позволят упорядочить систему существующих ограничений права на свободу передвижения и минимизировать случаи его попираания.

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 18 февраля 2020 г) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г., № 25, ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. 18 февраля 2020 г.)// «Парламентская газета» от 22 декабря 2001 г. № 241-242.
4. О беженцах. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 (ред. 26 июля 2019 г.) // «Российская газета» от 20 марта 1993 г., № 54.
5. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (ред. 1 марта 2020 г.) // «Российская газета» от 22 августа 1996 г., № 159.
6. О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации. Закон РФ от 25 июня 1993 года № 5242-1 (ред. от 1 апреля 2019 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ, 1993, № 32, Ст. 1227.
7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. 1 марта 2020 г.) // «Парламентская газета» от 31 июля 2002 г. № 144.
8. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (ред. 19 июля 2018 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ, 20 августа 1992 г., № 33, ст. 1913.
9. Кисс С.В. Развитие концепции прав человека как предпосылка формирования социального государства в России. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2019. - №1 (34). - С. 67-72.

УДК 342.565.2

Муртазаева А.А.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

**ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

В ходе научного исследования автор проводит сравнительно-правовой анализ статуса и компетенций органов конституционного контроля в Российской Федерации и зарубежных странах. Рассматривая модели эффективного осуществления контроля автор формулирует общие критерии, которым должен соответствовать орган конституционного контроля Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция, конституционный контроль, органы конституционного контроля, Конституционный суд, Конституционный совет.

Как главный закон каждого государства, Конституция носит учредительный характер, то есть на основе ее норм строится вся система законодательства. При этом на практике часто оказывается, что нормативно-правовые акты, издаваемые государственными органами, могут носить противоречивый характер, в том числе, содержать нормы, не соответствующие основам, заложенным самой Конституцией. В целях ограничения такого произвола со стороны органов исполнительной и законодательной власти, а также, учитывая важность соблюдения норм Конституции, в каждом государстве учреждаются специальные органы конституционного контроля. Поэтому проблема создания эффективного механизма правовой защиты Конституции, а также всех условий для реализации норм основного закона страны актуальна не только для Российской Федерации.

На сегодняшний день в мире сложилось несколько моделей осуществления конституционного контроля, как и самих взглядов относительно того, какой орган должен его осуществлять. В большинстве стран такая роль отведена конституционным судам.

Цель настоящего исследования заключается в сравнительно-правовом анализе статуса и компетенций органов конституционного контроля в Российской Федерации и зарубежных странах, а также, в определении идеальной модели эффективного осуществления такого контроля.

В Российской Федерации действует судебный орган конституционного контроля - Конституционный суд Российской Федерации, который самостоятельно и независимо осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Основы деятельности Конституционного Суда закреплены в самой Конституции РФ (ст. 125) [1]. Также в нашем государстве действует специально принятый федеральный конституционный закон, регулирующий деятельность этого органа, - Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [2].

Для того, чтобы определить особенности «конституционного контроля», напомним, что такая деятельность отводится специально уполномоченным на то органам или должностным лицам по осуществлению надзора за соответствием нормативно-правовых актов, действий субъектов конституционно-правовых отношений Конституции.

В юридической литературе выделяют различные виды конституционного контроля в зависимости от оснований классификации, например, по времени осуществления - предварительный (проводится до вступления в силу решения,

до санкционирования и промульгации закона) и последующий (проводится в отношении действующих актов), по месту осуществления - внутренний (осуществляет сам издавший данный акт орган) и внешний (проводит другой орган) и многие другие. При этом также отмечается, что в мировой практике сложились две основные модели осуществления конституционного контроля. Это, так называемые, - американская и европейская модели. В частности, идея американской модели состоит в том, что конституционный контроль осуществляется судами общей юрисдикции, как в США и Аргентине, или только Верховными судами общей юрисдикции, как принято в Австралии и Индии. В государствах с такой моделью не предусмотрено создание специальных независимых конституционных органов. А в странах с европейской моделью функции по конституционному контролю осуществляют специализированные судебные органы, как, например, в Испании, или квазисудебные органы, как Конституционный совет во Франции [3].

Однако не всегда государства выбирают одну определенную модель. Интересная особенность есть в Португалии, где существует Конституционный Суд, но функции конституционного контроля выполняют также и суды общей юрисдикции. При этом Конституционный Суд по делам в сфере конституционного контроля выполняет функцию суда высшей инстанции.

М.М. Тхаркахо отмечает сравнительно широкие полномочия Федерального конституционного суда Германии. При этом автор подчеркивает сложность определения правовой природы такого суда: с одной стороны, это - высший конституционный орган федерации, а с другой, - это федеральный суд [4, с. 190].

В России предусмотрено создание органов конституционного контроля на уровне субъектов. Соответственно, Конституционный (уставный) суд субъекта создается субъектом РФ для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления субъекта РФ, а также для толкования конституции (устава) субъекта РФ. Эти суды относятся к общей судебной системе, их создание не является обязательным. Финансирование Конституционного (уставный) суда субъекта РФ осуществляется за счет средств бюджета соответствующего субъекта Федерации. Решение данного суда, принятое в пределах его полномочий, не может быть пересмотрено иным судом.

На наш взгляд, сложившаяся в Российской Федерации модель осуществления конституционного правосудия имеет большое количество преимуществ. Во-первых, имеет место возможность абстрактного конституционного контроля, во-вторых, органы конституционного контроля действуют самостоятельно и независимо от других государственных органов, а деятельность по такому надзору осуществляют судьи, соответствующие достаточно жестким критериям, установленным Конституцией и федеральными законами. Кроме того, предусмотренная возможность создания конституционных судов на уровне субъекта, усматривается нами также как положительный аспект. Но кроме сказанного, следует отметить и минусы

сложившейся модели. Так, один из них состоит в том, что по ее характеру исключается предварительная проверка конституционности закона до вступления его в силу, а она, в свою очередь, позволила бы искоренить все погрешности еще на этапе принятия нормативно-правового акта. Также можно отметить, что всех судей Конституционного суда РФ назначает один орган (Совет Федерации ФС РФ по представлению Президента РФ), когда во многих зарубежных странах активно применяется практика комплектования судей разными органами и даже разными ветвями власти. И наконец, важно отметить, что создание органов конституционного контроля субъектов хотя и зависит от воли самого субъекта, но так как финансирование его деятельности полностью производится из бюджета самого субъекта, а это приводит к нежеланию высших должностных лиц субъекта создавать дополнительный контроль над своей деятельностью, иметь лишние расходы по содержанию конституционных судов.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сложно назвать страну, в которой существует идеальная модель конституционного контроля. Сказанное относится, к сожалению, и к России. В свою очередь, считаем, что для совершенствования существующих на данный момент условий деятельности Конституционного Суда Российской Федерации законодателем должны быть учтены следующие критерии:

1) орган конституционного контроля должен включать в себя юристов-профессионалов в разных областях права, что обеспечивает разносторонний подход к рассмотрению НПА;

2) в формировании органа конституционного контроля должно быть задействовано больше субъектов конституционно-правовых отношений;

3) возможность обращения к органу конституционного контроля должна быть предоставлена всем субъектам права;

4) должен осуществляться предварительный конституционный контроль наряду с последующим;

5) создание конституционных органов субъекта должно быть обязательным, а его финансирование должно осуществляться из бюджета самого государства.

Список использованных источников

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2018, N 15, ст.125.

2. «О конституционном суде Российской Федерации» : Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/(дата обращения 22.03.2020г.).

3. Кормушкина Н.В. Конституционное право зарубежных стран / Н.В. Кормушкина // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://be5.biz/pravo/k038/05.html> (дата обращения 22.03.2020 г.).

4. Тхаркахо М.М. Зарубежные системы конституционного контроля /М.М. Тхаркахо // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2009. – № 3(50). – С. 189 – 192.

УДК 342.7 (351.751)

Митров А.В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ПУБЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Статья посвящена определению роли ограничения права на доступ к информации в информационно-коммуникационной сети «Интернет» как необходимой меры обеспечения безопасности государства.

Ключевые слова: право на доступ к публичной информации, Интернет, правосознание, информационное общество, политические права гражданина.

На сегодняшний день можно с уверенностью заявить о том, что современное общество перешло в век цифровых технологий, где основным ресурсом становится информация, как важный ресурс человечества[5,с.160]. Соответственно, это вынуждает государство реагировать на указанное явление, в первую очередь, в правовом поле, придавая информации определенное юридическое содержание и определяя порядок доступа граждан к ней. В контексте информационного общества ключевым пространством, содержащим неисчислимы массивы информации, а также которым в большинстве случаев реализовываются такие основополагающие права человека, как право на доступ к информации, стала информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет», правовое регулирование деятельности в которой становится одной из приоритетных задач каждого государства, в том числе и Российской Федерации.

Россия, выступая в качестве одного из ведущих субъектов правотворчества в сфере интернет-пространства, принимает достаточно большой массив правовых актов, направленных как на обеспечение всестороннего доступа общества к ресурсам сети «Интернет», так и на реализацию правовыми средствами и инструментами информационного правопорядка, целью которого является защита прав, свобод и законных интересов индивидов, общества и государства. Поскольку, одной из приоритетных задач российского государства является построение открытого

информационного общества, в котором каждый гражданин должен иметь свободный доступ к информации [5, с.161].

Очевидно, что информация, находящаяся в «Интернете» подлежит цензуре со стороны государства. Несмотря на необходимость правового регулирования информационных ресурсов, которая по большей части обусловлена общественной необходимостью, законотворческая деятельность органов государственной власти не всегда совпадает с реальными ожиданиями общества. И основная задача государства в данном аспекте заключается в выработке таких правовых средств регулирования интернет-пространства, которое в итоге обеспечило бы существование баланса между целями правового регулирования, которые ставит перед собой законодатель, и реализацией гражданами конституционных прав на информацию и защиту частной жизни.

С целью анализа соотношения реализации гражданами конституционных прав в информационной среде и государственными мерами, ограничивающими указанные права, необходимо обратиться к нормативно-правовой базе Российской Федерации в указанной сфере, проведя сравнительно-правовой анализ последней с мерами, принимаемыми в зарубежных государствах.

Основополагающим нормативно-правовым актом в указанной сфере является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который помимо общих положений, устанавливающих понятие информации и принципы работы с ней, характеризует ряд ограничительных мер в отношении информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Так, ст. 15.1 указанного Закона предусматривает административный и судебный порядок ограничения доступа к информации указанной нами ранее [1]. Характеризуя определение информации, запрещенной к распространению, С.А. Куликова высказывается, что таковой стоит признавать информацию, которая по своему содержанию и смыслу направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также такая информация, распространение которой может быть преследовано по уголовному или административному закону [6, с. 24].

Но практика показывает нам, что в состав так называемой «вредной» информации, содержащейся на просторах «Интернета», включается все больший перечень. Причем, само содержание такой информации может быть абсолютно приемлемой с точки зрения закона. Однако здесь необходимо говорить о нарушении авторских прав. В частности, указанное положение подтверждается решением Мосгорсуда, в соответствии с которым в 2016 году был заблокирован интернет-ресурс «Rutracker.org» ввиду нарушения авторских прав. Говоря об эффективности данной меры, общество высказывается неоднозначно: с одной стороны, данная мера является вынужденной реакцией государства на нарушение соответствующих авторских прав, но с другой – данный случай стал прецедентный для развития иных сервисов, который размещают информацию, полученную пиратским путем [7].

Таким образом, в данном случае мы можем наблюдать ограничение конституционных прав граждан на информацию с одной стороны, а также восстановление и защиту авторских прав с другой. Своеобразным политикоопределяющим документом для Российской Федерации в информационной сфере является принимаемая Президентом РФ стратегия развития информационного общества в РФ на соответствующий период времени. Рассматривая положения Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы стоит отметить, что особую роль в становлении и развитии всего информационного пространства отводится как раз гражданам, которые выступают как системообразующий элемент для его развития, а также интересы которых учитываются государством при определении государственной политики в области обеспечения информационной безопасности и развития информационной инфраструктуры России [2].

Таким образом, мы можем утверждать, что информационная политика РФ строится на сочетании общественных потребностей и способствования реализации прав граждан на информацию, а также применения с каждым годом все большего перечня правовым мер ограничительного характера, которые призваны ограничить доступ и распространение юридически и социально «вредной» информации.

Однако, для того, чтобы проанализировать, насколько политика нашего государства эффективна с точки зрения правового регулирования, необходимо обратиться к положительному опыту зарубежных государств, связанному с ограничением прав граждан на доступ к информации в сети «Интернет». Мировое сообщество в общем виде придерживается трех видов государственных политик в информационной сфере: политики саморегуляции сети «Интернет», методов жесткого контроля, а также сочетания указанных методов. В частности, до недавнего времени государственная политика США в сфере распространения информации в «Интернете» была связана с полной свободой граждан в части реализации права на информацию. Это регламентировала принятая в 1791 года поправка к Конституции, которая запрещала принимать законодательные акты, каким-либо образом ограничивающих право граждан на свободу слова и печати.

Естественно, что современные реалии развития информационного общества вынудили государственный аппарат США принимать меры к ограничению свободы распространения информации. Так, были разработаны и закреплены на внутригосударственном уровне запреты, связанные с доступом к таким ресурсам «Интернет», которые содержат информацию непристойного характера [8]. Но, так или иначе, государство предоставляет своим гражданам достаточно большую свободу реализации права на информацию.

Франция, напротив, еще с начала XXI века высказывалась о необходимости жесткого регулирования правового положения «Интернета», а также об обязанности обязательной регистрации всех пользователей указанной сети. Принятый в 2011 году закон, получивший название «Loppsi», дал толчок для введения большого ряда мер, направленных на

ограничение свободы доступа в сети «Интернет». Таковыми явились следующие: осуществление обязательной фильтрации сети Интернет для пресечения распространения информации запрещенной на территории государства, а также незамедлительного блокирования ресурсов по представлению МВД Франции без необходимости представления судебного решения; введение уголовной ответственности за кражу и использование персональных данных в сети «Интернет»; легализацию удаленной установки полицейскими подразделениями на компьютеры лиц, подозреваемых в совершении преступлений, специальных программ, позволяющих регистрировать и передавать в полицию данные о действиях, совершаемых пользователями персональных компьютеров (только по решению суда) [3].

Однако, рассматривая наиболее жесткую, с точки зрения ограничения права на доступ к информации в «Интернете», нельзя не упомянуть про Китай, выступающий в качестве лидера по наиболее суровым правилам цензуры, которая фактически идет в разрез с установленной конституционной нормой о свободе слова. В этой связи в Китае был создан орган со специальной компетенцией, призванный производить фильтрацию всей информации, которая, по мнению должностных лиц указанного ведомства, является социально опасной. Очень часто указанная фильтрация оборачивается для обычных граждан запретом на посещение различных интернет-ресурсов, в том числе поисковых сервисов и сайтов иностранных государств. Но вместе с тем, в Китае действует система поощрений, призванная сократить распространение запрещенной информации. Например, за своевременный сигнал о наличии информации порнографического характера, лицу выплачивается вознаграждение общей суммой от 500 до 2000 единиц местной валюты [4].

Таким образом, стоит подвести итог, что на современном этапе развития общественных отношений, законодательное регулирование оборота информации в сети «Интернет» является необходимой мерой для каждого государства. Соотношение конституционного права на доступ к информации реализация информационной политики государством должно происходить параллельно. Но, тем не менее, принимая во внимание опыт зарубежных государств, по-нашему мнению, приоритетным должна оставаться безопасность государства, в том числе информационная, для обеспечения которой государством могут вводиться ограничения права на доступ к публичной информации.

Список использованных источников:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 344.
2. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // Электронный ресурс [режим доступа]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения 20.03.2020).
3. Анисимова А.С. Анализ правотворческой политики зарубежных стран в сферерегулирования интернет-отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2014. - № 5.

4. Глазунов О.Н., Авдеенко В.В. Специфика правового регулирования сети Интернет в китайской народной Республике // Общество: политика, экономика, право. - 2017. - № 2. - Электронный ресурс [режим доступа]: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovogo-regulirovaniya-seti-internet-v-kitayskoj-narodnoj-respublike> (дата обращения: 21.03.2020).

5. Кисс С.В. Взаимодействие международного права и национальных правовых систем в условиях информационного общества // В сборнике: Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. - 2019. - С. 160-164.

6. Куликова С.А. К вопросу о классификации вредной информации в российском законодательстве // Информационное право. - 2015. - № 4. - С. 22-29.

7. Малько А.В., Солдаткина О.Л. Информационно-правовая политика в современном обществе: сравнительный анализ // Сравнительная политика. - 2019. - № 1. Электронный ресурс [режим доступа]: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnopravovaya-politika-v-sovremennom-obschestve-sravnitelnyu-analiz> (дата обращения: 18.03.2020).

8. Чарльз Барри о подходах США и НАТО в области международной информационной безопасности // Информационный интернет-портал d-russia.ru. - 2015. - Электронный ресурс [режим доступа]: <https://digital.report/charlz-barri-o-podhodah-ssha-i-nato-v-oblasti-mezhdunarodnoy-informatsionnoy-bezopasnosti/> (дата обращения 19.03.2020)

УДК 344

Маилов Т.М., Никитина К.С.

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

Рассмотрено несколько проблем в рамках наследования как подотрасли гражданского права, проанализирована судебная практика. На основании мнения специалистов в области наследственного права с учетом собственного мнения сформулированы предложения по совершенствованию норм законодательства.

Ключевые слова: наследование, наследство по закону, наследование по завещанию, наследники, очереди наследования, исковая давность, имущество.

Раздел V части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ (далее по тексту ГК РФ), содержит общие положения о регулировании права наследования в России. Право наследования в России гарантируется ч. 4 ст. 35 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 (далее по тексту Конституция РФ).

Институт наследования в рамках гражданского права РФ регулярно претерпевает изменения, что неизбежно связано с его развитием и необходимостью совершенствования правового регулирования ввиду наличия пробелов в праве.

В рамках настоящей работы мы рассмотрим наиболее часто встречающиеся проблемы, возникающие при реализации и защите гражданами своих наследственных прав.

Так, одной из проблем современного наследственного права исследователями считается «беспрецедентно широкий круг законных

наследников»[10, с. 42]. Так, положения ст. 1142-1145 ГК РФ предусмотрено семь очередей наследников по закону. В зарубежном регулировании очередности наследования практика достаточно неоднородна. Например, во Франции предусмотрено четыре очереди наследников, а в Германии – более пяти [9, с. 175]. Полагаем, что установление семи очередей наследования по всей видимости является излишним, поскольку увеличение очередей наследования ведет к тому, что вероятность того, что наследника соответствующей очереди скорее всего уже не будет в живых.

Однако следует отметить, что установление столь большого количества очередей наследования нельзя признать проблемой, поскольку это, скорее разумная предосторожность законодателя, попытка предусмотреть наихудший план развития событий.

Исследователи полагают, что ГК РФ противоречит Конституции РФ, которая провозглашает свободу наследования, а ГК РФ, в свою очередь, «устанавливает обязательную долю в наследстве, которая, фактически ограничивает свободу завещания» [8, с. 98].

Полагаем, что законодатель, фактически установив право на обязательную долю в наследстве для определенных групп наследников существенно понизил роль завещания, поскольку указал на возможность наследования «несовершеннолетними или нетрудоспособными детьми наследодателя, его нетрудоспособным супругом и родителями, а также нетрудоспособными иждивенцами наследодателя» [2] вне зависимости от содержания завещания.

Например, у умершей П.П.А. было четверо детей – Т., К., Б., Л. Завещанием П.П.А. завещала все одному из своих детей – Б. Однако, на момент смерти П.П.А. одному из ее детей – Т. исполнилось 62 года. Суд первой инстанции отказал в иске Т., заявленном ей к Б. о признании права собственности на долю в квартире в порядке наследства, однако судом апелляционной инстанции решение было отменено и по делу принято новое решение, которым требования Т. Были частично удовлетворены и в качестве обязательной доли в наследстве умершей П.П.А ей была выделена 1/16 доли жилого помещения [5].

Мы полагаем, что решение апелляционной инстанции принято с соблюдением норм законодательства, однако полагаем, что в целом само правило ст. ст. 1148-1149 ГК РФ противоречит общей концепции наследования по завещанию, делает его лишены смысла. При этом позиция Конституционного суда России, указанная им в одном из Постановлений 1995 года, принятом еще до разработки и вступления в силу действующего ГК РФ, видится расплывчатой. В Постановлении Конституционного суда указано, что «правило об обязательной доли в наследстве введено в гражданское законодательство для материального обеспечения отдельных категорий лиц, которые нуждаются в защите в силу возраста или состояния здоровья»[3].

Само по себе правило об обязательной доли в наследовании по завещанию перешло в действующий ГК РФ из предыдущего Гражданского кодекса РСФСР.

Мы полагаем, что правило об обязательной доле вопреки завещанию подлежит исключению из ГК РФ, поскольку, во-первых, оно непосредственно ограничивает права наследников по завещанию, а во-вторых, сама норма является достаточно непродуманной. Если брать во внимание приведенный пример из судебной практики, то право на наследование обязательной доли заявил один из совершеннолетних детей наследодателя, находящийся на пенсии. Но при этом семейное законодательство указывает только на то, что родители обязаны заботиться о своих несовершеннолетних детях. Относительно же отношений детей, достигших совершеннолетия и их родителей семейное законодательство умалчивает. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что родители, уже сами являющиеся пенсионерами, не обязаны материально обеспечивать своих детей, которые уже сами являются лицами пенсионного возраста.

Рассмотрим еще одну проблему – относительно сроков на обращение в суд с требованием о разделе наследственного имущества.

Общий срок исковой давности для отношений наследования равен трем годам [1]. При этом специалисты указывают на то, что фактически, данный срок является пресекательным, поскольку «четко определяет границы существования права» [7, с. 132]. Кроме того, даже совершение таких действий как получение свидетельства о праве на наследство, регистрация перехода права собственности не оказывают влияние на течение сроков исковой давности. Фактически, законодательно не предусмотрено никаких оснований для восстановления сроков исковой давности по данной категории споров.

Однако, В п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 года N 9 "О судебной практике по делам о наследовании" разъяснено, «что требования о восстановлении срока принятия наследства и признании наследника принявшим наследство могут быть удовлетворены лишь при доказанности совокупности следующих обстоятельств: наследник не знал и не должен был знать об открытии наследства или пропустил указанный срок по другим уважительным причинам и обращение в суд наследника, пропустившего срок принятия наследства, с требованием о его восстановлении последовало в течение шести месяцев после отпадения причин пропуска этого срока. К числу уважительных причин следует относить обстоятельства, связанные с личностью истца, которые позволяют признать уважительными причины пропуска срока исковой давности: тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т.п. (статья 205 ГК РФ), если они препятствовали принятию наследником наследства в течение всего срока, установленного для этого законом. Не являются уважительными такие обстоятельства, как кратковременное расстройство здоровья, незнание гражданско-правовых норм о сроках и порядке принятия наследства, отсутствие сведений о составе наследственного имущества и т.п.» [4].

Например, Ф. обратилась к Т. о признании права собственности на жилой дом в порядке наследования. Мотивировала требования тем, что после смерти отца в наследство на его $\frac{1}{2}$ доли в жилом доме вступили: она на $\frac{1}{6}$ доли, ее мать на $\frac{2}{3}$ доли и ее брат Т. – на $\frac{1}{6}$ доли. Вскоре мать Ф. и Т.

скончалась, и Т. единолично вступил в наследство, т.к. Ф. не знала о смерти матери. Считает, что ее права как законной наследницы нарушены нотариусом, который не установил круг лиц, которые обладают правом на наследование [6].

Суды первой и апелляционной инстанции отказали в удовлетворении требований Ф., поскольку она не смогла доказать уважительности причин пропуска срока исковой давности.

Полагаем, что использование общих сроков исковой давности равных трем годам в отношении наследования следует признать недостаточным. Полагаем, что они могут быть расширены, например, до пяти лет.

Наша позиция основана на том, что население нашей страны является, по большей части, юридически неграмотным, а Верховный суд России не признает юридическую неграмотность в качестве уважительных причин для восстановления пропущенных сроков исковой давности по делам о наследовании. Мы, в свою очередь, полагаем, что следует учитывать следующую совокупность причин, необходимых для восстановления пропущенных сроков исковой давности по делам о наследовании:

- наличие тяжелого заболевания или прохождение реабилитации у наследника;
- прохождение срочной воинской или иной службы;
- не информированность иными родственниками наследодателя о его смерти при отсутствии возможности получить эту информацию из других источников.

Кроме того, думаем, что нотариус, как лицо, выдающее документы подтверждающие право наследования, должен принимать меры по установлению круга наследников при отсутствии завещания.

Таким образом, рассмотрев в настоящей работе несколько проблем, связанных с наследованием в Российской Федерации, полагаем, что необходимо продолжать совершенствовать законодательство о наследовании для того, чтобы ликвидировать не только проблемы, которые мы выделили в рамках настоящей статьи, но и другие, выделяемые специалистами.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019)//КонсультантПлюс:Законодательство.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. От 18.03.2019)//КонсультантПлюс: Законодательство.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 17.05.1995 N 31-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гриши Георгия Владимировича"//КонсультантПлюс:Судебная практика.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 23.04.2019) "О судебной практике по делам о наследовании"//КонсультантПлюс:Судебная практика.
5. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 23.11.2016 по делу N 33-13809/2016//КонсультантПлюс:Судебная практика.
6. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 28.03.2018 по делу N 33-4137/2018//КонсультантПлюс:Судебная практика.

7. Попова, Т.А. Наследственные споры: судебная практика о реализации преимущественного права при разделе наследства/Т.А. Попова//Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4.
8. Путилина, Е.С. Проблемы реализации права наследования в Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук/Е.С. Путилина. Ростов-на-Дону. 2008.
9. Рыбакова, С.А. Сравнительный анализ наследственного права России и ряда зарубежных стран/С.А. Рыбакова//Марийский юридический вестник. 2005. № 4.
10. Старкова, Т. В. Проблемы наследственного права в современной России/Т.В. Старкова // Молодой ученый. 2018. №46.1.

УДК 344

Ларукова Е.И.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ КАК ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Статья посвящена анализу правовых проблем и коллизий, возникающих в законотворческом процессе Республики Коми как институте конституционного права на примере административного законодательства.

Ключевые слова: конституционно-правовой институт, административное законодательство, административная ответственность, законотворческие полномочия, федеральное законодательство.

Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин относительно конституционно-правового института высказывают следующее. Рамки вышеуказанного понятия могут обозначать и достаточно узкую группу однородных, близких по содержанию норм, и значительно более широкую их группу, вплоть до максимально крупных правовых образований, рассматриваемых как основные элементы системы отрасли конституционного права. Главный критерий объединения норм в правовой институт – однородность регулируемых ими отношений, что влечет за собой и правовое единство соответствующих норм, объединенных в институт, общую для них правовую специфику [1, с. 12 – 13].

Правовые проблемы и коллизии, возникающие в законотворческом процессе Республики Коми как институте конституционного права рассмотрим на примере административного законодательства.

Так, согласно пункту к) статьи 72 Конституции Российской Федерации от 12.12.1993 административное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [2, ст.4398].

Определение «правового поля» законодательного регулирования на каждом из уровней – и на федеральном, и на уровне субъектов Федерации – одна из острейших и серьезнейших проблем современности. Возникает необходимость соблюдения баланса централизации и децентрализации при закреплении за каждым из уровней своего, принадлежащего ему по праву «правового поля», т.е. массива цельных предметов ведения, а также полномочий по отдельным предметам ведения.

Так, Распоряжением Государственного Совета Республики Коми от 26.12.2017 № 72 создана рабочая группа по подготовке предложений по совершенствованию норм Закона Республики Коми «Об административной ответственности в Республике Коми», в которую вошли представители Государственного Совета Республики Коми, представители прокуратуры Республики Коми, юстиции Республики Коми.

Проанализировав административное законодательство, выявляем проблему определения пределов границ законотворческих полномочий субъекта в сфере законодательства об административных правонарушениях.

Так, Решением Верховного Суда Республики Коми от 12.07.2013 по делу N 3-11/2013 установлено следующее [3].

Верховным судом Республики Коми получено заявление и.о. прокурора Республики Коми о признании несоответствующими федеральному законодательству и недействующими некоторых норм Закона Республики Коми от 30.12.2003 № 95-РЗ «Об административной ответственности в Республике Коми» [4, ст.3171]. Так, например, это вопросы, касающиеся административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды и природопользования, вопросов в части осуществления регионального государственного экологического надзора и т.д.

И.о. прокурора указал на существующую административную ответственность за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность, например, за передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка, в том числе нарушения при проведении публичных мероприятий, также по вопросам пожарной безопасности в условиях особого противопожарного режима. Определено, что всё вышеуказанное не принадлежит к компетенции субъекта нашей страны.

Рассмотрим, как закреплён в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ вопрос в части установления административной ответственности на федеральном и региональном уровнях [5, ст.1].

Подпункт 3 пункта 1 статьи 1.3 КоАП РФ устанавливает, что к ведению Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится установление административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе административной ответственности за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Подпункт 1 пункта 1 статьи 1.3.1 КоАП РФ устанавливает, что к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится в том числе установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

Подпункт 39 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [6, ст.5005] закрепляет положение о том, что органы государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения решают вопросы, например, установление административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, организации производства по делам об административных правонарушениях и т.д.

Таким образом, наблюдаем зависимость законотворческих полномочий субъектов от федерального уровня.

Административная ответственность за нарушение законодательства в области пожарной безопасности устанавливается законодательством Российской Федерации (так, например, это статьи 8.32, 11.16, 20.4 КоАП РФ). Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ [7, ст.3649] устанавливает принадлежность полномочий в области пожарной безопасности федеральным органам государственной власти, субъект же не вправе осуществлять регулирование по данному вопросу.

Заявление прокурора о признании несоответствующими федеральному законодательству некоторых норм Закона Республики Коми от 30.12.2003 № 95-РЗ «Об административной ответственности в Республике Коми», например, вопросов, касающихся административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и других, подлежит удовлетворению, впоследствии данные нормы являются несоответствующими федеральному законодательству.

Таким образом, отмечаем, что Государственный Совет Республики Коми превысил свои полномочия в данной части. Обращаем внимание на необходимость осуществления деятельности, направленной на приведение законодательства Республики Коми в соответствие с федеральным законодательством.

Проанализировав вышесказанное, отмечаем, что возникает необходимость уделения особого внимания повышению эффективности законодательной деятельности, дальнейшей унификации законодательного процесса, решению проблемы своевременного и качественного приведения законодательства Республики Коми в соответствие с федеральным законодательством.

Список использованных источников

1. Козлова, Е.И., Кутафин, О.Е. Конституционное право России / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин // Москва. – 2006. – С. 12-13.
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
3. Решение Верховного Суда Республики Коми от 12.07.2013 № 3-11/2013 «О признании недействующими части 1 статьи 4, части 4 статьи 4 в части слов «часть 1», части 5 статьи 8(1), части 1 статьи 15(1) в части слов «часть 5 статьи 8(1)», пункта 1 части 2 статьи 15(1) в части слов «частью 5 статьи 8(1)», пункта 10 части 1 статьи 16 в части слов «часть 5 статьи 8(1)», пункта 14 части 1 статьи 16 в части слов «частью 5» Закона Республики Коми от 30.12.2003 № 95-РЗ «Об административной ответственности в Республике Коми» (в ред. от 03.07.2012). // Республика. – 2013. – № 197.
4. Об административной ответственности в Республике Коми: закон Республики Коми от 30.12.2003 № 95-РЗ // Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми. – 2004. – № 5. – Ст. 3171.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч.1). – Ст.1.
6. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 42. – Ст.5005.
7. О пожарной безопасности: федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 35. – Ст.3649.

УДК 342.571

Кудренко Е.А.

УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»

ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается институт публичных обсуждений проектов нормативных правовых актов как способ реализации права граждан на участие в управлении делами государства. Особое внимание уделяется нормативному закреплению данного института в Республике Беларусь. Также производится сравнительный анализ способов проведения публичных обсуждений в Беларуси и отдельных странах постсоветского пространства. В статье предлагаются варианты совершенствования законодательства Республики Беларусь, в частности, закрепление обязательного перечня нормативных правовых актов, подлежащих публичному обсуждению, а также установление механизма реализации предложений, поступивших в ходе публичных обсуждений.

Ключевые слова: право участвовать в управлении делами государства, публичное обсуждение, общественное обсуждение, профессиональное обсуждение, информационно-коммуникативные технологии.

Право граждан участвовать в управлении делами государства юридически обеспечивает включение граждан в сферу принятия и осуществления государственных решений, в политическую сферу государства.

Данное право закрепляется статьей 25 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года, суть которой состоит в следующем: гражданину предоставляется право принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей, голосовать и быть избранным на периодических выборах, допускаться на условиях равенства к государственной службе [1].

Статья 37 Конституции Республики Беларусь предусматривает право граждан Республики Беларусь участвовать в решении государственных дел как непосредственно, так и через своих представителей. Непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законом способами. В порядке, установленном законодательством, граждане Республики Беларусь принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях и референдумах [2].

Государство, ставящее перед собой цели повышения демократичности и прозрачности нормотворческого процесса, нуждается во взаимодействии со своим народом как носителем государственного суверенитета. Во многих современных юрисдикциях такое взаимодействие обеспечивается посредством общественно-государственных форумов, правового лоббизма (США, Канада, Великобритания и др.), гражданских жюри (Дания, Польша, Российская Федерация, Япония и др.), общественных экспертиз, публичных слушаний, соседских советов (Великобритания, Италия), консультирования с общественностью (Литва, Латвия, Молдова, Эстония), обсуждений проектов нормативных правовых актов (далее - НПА) в глобальной компьютерной сети Интернет.

Относительно Республики Беларусь отметим, что из всех перечисленных способов обеспечения контакта между государством и гражданами является институт публичного обсуждения проектов НПА. По мнению Кряжкова В.А., данный институт представляет собой особый вид государственно-правовых отношений, которые возникают между органами публичной власти и гражданским обществом в связи с нормотворчеством, в рамках которого гражданам официально предлагается в установленном порядке выразить свое мнение [3, с. 19].

В Республике Беларусь институт публичного обсуждения проектов НПА получил закрепление в ранее действовавшем Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» от 10.01.2000 г. № 361-З, которым предусматривалось 3 вида публичного обсуждения проектов НПА: всенародное, общественное и профессиональное. Также рассматриваемый институт регулировался Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20.03.2012 г. № 247 «О некоторых вопросах организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства».

На сегодня нормативную основу института публичных обсуждений проектов НПА составляют Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 года № 130-З (далее - Закон о НПА) [4] и Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56, которым утверждено Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов (далее - Положение) [5]. Данными нормативными правовыми актами предусмотрено 2 вида публичного обсуждения проектов НПА: общественное и профессиональное.

Первый вид обсуждения – *общественное* – представляет собой общегражданское обсуждение проектов НПА, участниками которого являются отдельные граждане, органы местного самоуправления, политические партии, некоммерческие общественные организации, общественные учреждения, религиозные организации и т.д. Так, например, в период с 21 ноября по 6 декабря 2019 года на Правовом форуме Беларуси осуществлялось общественное публичное обсуждение проекта Закона Республики Беларусь «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», направленного на оптимизацию ряда требований, предъявляемых при создании и ликвидации бизнеса, максимальное использование информационного обмена между государственными органами.

В свою очередь, *профессиональное* обсуждение предполагает обсуждение проектов с участием определенного круга лиц, осуществляющих профессиональную, образовательную, научную или общественную деятельность в сфере регулирования общественных отношений обсуждаемого проекта НПА. Субъектами данного вида публичного обсуждения являются представители научного сообщества, общественно-консультативных (экспертных) советов при государственных органах. Например, проект изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О нотариате и нотариальной деятельности» целесообразно обсуждать с участием Белорусской нотариальной палаты.

Указанные выше Положение и Закон о НПА также содержит перечень проектов НПА, подлежащих публичному обсуждению, который носит рекомендательный характер и является открытым.

Таким образом, подобный институт существует в Беларуси уже два десятилетия, однако количество НПА, подвергаемых публичному обсуждению, составляет незначительный процент от общего числа принимаемых актов. Стоит отметить, что в последние годы институт публичного обсуждения проектов НПА стал чаще применяться на практике, о чем свидетельствует статистика. Так, если в 2016 году на сайте «[Правовой форум Беларуси](#)» было размещено для обсуждения только 22 нормативных правовых акта, то в 2019 году их было почти в 8 раз больше – опубликовали более 170 законодательных документов различных видов и тематики.

Следует также заметить, что за период, истекший с начала 2000-х годов, когда общественное обсуждение проектов НПА было закреплено законом впервые, изменилась и ситуация, в которой проводятся обсуждения. Из всех способов информационного обеспечения публичных обсуждений (организация

специализированного официального интернет-портала, использование официальных интернет-порталов государственных органов – разработчиков проектов НПА, СМИ) отечественный законодатель избрал наиболее эффективный, а именно, проведение обсуждений на специализированном сайте «Правовой форум Беларуси». На сегодняшний день на данном сайте открыто 8 проектов НПА, подлежащих публичному обсуждению (по состоянию на 29 марта 2020 года).

Для сравнения, относительно использования информационно-коммуникативных технологий (далее - ИКТ) в проведении публичных обсуждений проектов НПА отметим, что многими государствами постсоветского пространства накоплен значительный опыт в использовании ИКТ в рассматриваемой сфере. Так, например, в Азербайджане обеспечена возможность обсуждения в социальной или профессиональной среде проектов НПА, подготовленных Кабинетом Министров Азербайджанской Республики и центральных органов исполнительной власти с помощью портала «Электронное правительство», на котором создан специальный раздел «Проект нормативных правовых актов». С 2016 года единой площадкой Республики Казахстан для обсуждения разрабатываемых НПА является портал «Открытые нормативные правовые акты» (далее – интернет-портал) [6]. В Российской Федерации в 2012 году был создан Федеральный портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов НПА и результатов их общественного обсуждения. Любой посетитель портала имеет возможность принять участие в обсуждении проекта НПА, размещаемого ведомствами, и направить в удобной для него форме (электронной или письменной) предложения по его улучшению.

Таким образом, публичное обсуждение проектов НПА с использованием ИКТ постепенно становится неотъемлемой частью нормотворческого процесса. Применение ИКТ в публичном обсуждении проектов НПА обеспечивает возможность всем заинтересованным сторонам принимать непосредственное участие в разработке национального законодательства и формировать проводимую государством правовую политику.

В соответствии с Законом о НПА публичное обсуждение проектов НПА в Республике Беларусь также может осуществляться путем парламентских слушаний, в средствах массовой информации и иными способами, не противоречащими законодательству, в том числе посредством проведения заседаний научных, консультативных, общественных советов при государственных органах [4].

Таким образом, мы выяснили, что институт публичного обсуждения проектов НПА затрагивает значительные стороны взаимоотношений личности, общества и государства как призванный к установлению равновесия между их интересами. Анализ правового регулирования публичных обсуждений проектов НПА в Республике Беларусь позволил выявить определенные пробелы, нуждающиеся в дальнейшем совершенствовании. В частности, на сегодня в Республике Беларусь отсутствует перечень НПА, публичное обсуждение которых будет обязательным этапом для их принятия. Учитывая опыт

некоторых государств (например, Российской Федерации, где Постановлением Правительства в 2012 году был утвержден перечень НПА и иных документов, которые не могут быть приняты без предварительного публичного обсуждения), решение данного вопроса может быть осуществлено путем придания обязательного характера рекомендательному перечню проектов НПА, подлежащих публичному обсуждению. Исходя из этого предлагаем из пункта 2 части 1 статьи 7 Закона о НПА и пункта 2 части 1 Положения о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов исключить словосочетание «как правило», изложив их в следующей редакции:

«Публичному обсуждению подлежат:

проекты законодательных актов и постановлений Совета Министров Республики Беларусь, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан и юридических лиц и устанавливающие новые либо принципиально изменяющие существующие подходы к правовому регулированию определенной сферы общественных отношений;

проекты актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности;

проекты актов законодательства, не указанные в абзацах втором и третьем настоящей части, по поручению Президента Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, Администрации Президента Республики Беларусь либо по инициативе организатора публичного обсуждения» .

На наш взгляд, также целесообразным является нормативное закрепление механизма реализации предложений, поступивших в ходе публичного обсуждения. Исходя из опыта стран постсоветского пространства (Казахстан, Азербайджан, Кыргызстан), где по результатам проведения публичного обсуждения проекта НПА готовится обоснование принятия либо отклонения общественного мнения, считаем необходимым в институте публичных обсуждений предусмотреть обязанность организатора публичного обсуждения публиковать информацию об учтенных и отклоненных предложениях, высказанных в процессе публичного обсуждения.

Ввиду этого предлагаем пункт 16 Положения о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов изложить в следующей редакции:

«В целях оформления итогов рассмотрения поступивших в ходе публичного обсуждения замечаний и (или) предложений, в том числе позиций государственных органов (организаций), организатором публичного обсуждения должна быть составлена сводная таблица замечаний и (или) предложений согласно приложению. В сводной таблице указываются сведения об учете либо неучете замечаний и (или) предложений по проекту нормативного правового акта».

Список использованных источников:

1 Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] / Организация объединенных наций в Беларуси. – Минск, 2020. – Режим доступа: <http://un.by> – Дата доступа: 01.03.2020.

2 Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.

3 Кряжков, В. А. Общественное обсуждение проектов законов и иных важных решений в Российской Федерации (конституционно-правовые вопросы) / В. А. Кряжков // Журнал конституционализма и прав человека. – Вильнюс, 2013. – № 1. – С. 18–23.

4 О нормативных правовых актах: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года, № 130-З [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 01.03.2020.

5 Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов: утверждено Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 01.03.2020.

6 План нации – 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева // Министерство юстиции Республики Казахстан. – Режим доступа: <http://www.adilet.gov.kz/ru/articles/100-shagov-po-5-institucionalnym-reformam>. – Дата доступа: 01.03.2020

УДК 342.7

Исаков Д.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ

Статья посвящена изучению основных форм и методов деятельности ОВД по обеспечению прав и свобод человека и гражданина в России. Учитывая, что уровень гарантированности прав человека государством является критерием его развитости, сегодня крайне важно изучение существующего опыта других государств в этом направлении.

Ключевые слова: права человека, гарантии прав человека, формы деятельности ОВД, методы деятельности ОВД

Одним из критериев уровня развития ответственности государства перед гражданами является гарантированность защиты прав и свобод при их нарушении. Конституцией РФ закреплена как охрана прав потерпевших при злоупотреблениях власти (ст. 52), так и право каждого человека получить возмещение вреда, в случае его причинения незаконными действиями (бездействием) государственных органов власти или должностных лиц (ст. 53). К основным гарантиям охраны прав и свобод личности относятся: выявление наличия нарушений прав и свобод человека; юридическая ответственность за нарушение прав и свобод; закрепленные в законе средства для восстановления прав и свобод человека; законные процедуры защиты прав и свобод; меры пресечения деяний, которые либо нарушают права и свободы личности, либо создают угрозу их нарушения[1, 21].

Защиту прав и свобод человека и гражданина обеспечивают самые разные субъекты, а основная роль в этом отводится государству и

государственным органам. Центральным субъектом политической системы является государство, оно же является гарантом правового статуса человека и гражданина, включающим в себя права и обязанности человека. Это подтверждается и положениями ст. 2 Конституции РФ, что в обязанность государства входит признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина.

Органам внутренних дел принадлежит особое место в механизме гарантировании прав и свобод человека и гражданина. Итогом реформирования российских органов внутренних дел является принятие в 2011 г. федерального закона «О полиции»[2], ст. 1 которого называет основным назначением полиции – защиту прав и свобод человека, что и определяет главное направление её деятельности.

Полиция в своей деятельности реализует полномочия, предоставленные должностным лицам, исходя из четкого соблюдения норм закона. Это является одним из проявлений соблюдения прав и свобод человека полицией.

Можно согласиться с П.В. Анисимовым, что полиция, играя важнейшую роль в механизме реализации и защиты прав и свобод человека, обязана предотвращать споры и противоречия, возникающие при нарушении прав человека, принимая меры профилактики для их недопущения, а также разрешать возникающие конфликты при реализации прав и свобод человека[3, 72].

Особенностью полиции, отличающей ее от других органов исполнительной власти, является широкое применение принудительных мер, влекущих значительное ограничение прав и свобод, поэтому законодатель выделил в качестве основных принципов её деятельности соблюдение и уважение прав человека[4, 51-54].

Сотрудники полиции реализуют полномочия, которыми их наделило государство. Их содержание определяет форму деятельности полиции. Каждая форма является компонентом целостной системы деятельности полиции, среди них следует выделить следующие:

- правоохранительную;
- правоприменительную;
- воспитательную;
- организационная.

В механизме реализации гарантий прав и свобод человека на место полиции значительно влияют методы ее деятельности, которые включают средства и способы воздействия, используемые для выполнения возложенных задач. Как органы внутренних дел, так и другие органы государственного управления, используют методы убеждения и принуждения.

Убеждение относится к методу воздействия, который заключается в передаче представлений интеллектуального, нравственного, эмоционального характера от одних субъектов к другим.

В деятельности полиции убеждение состоит в воздействии на интеллектуальный и волевой компоненты человека для его мотивирования к осознанному правомерному поведению, не совершению противоправных

действий, четкому следованию правовым предписаниям, особенно уголовного и административного характера. Выражается данное воздействие в правовом воспитании человека. Метод убеждения используется для повышения правовой культуры населения, объединения сил общества и полиции в поддержании правового порядка.

Важным методом в деятельности полиции, как силового органа, без которого невозможно полноценно гарантировать права и свободы человека, является принуждение.

Таким образом, формы и методы деятельности полиции по обеспечению прав и свобод человека, их тесная связь и взаимозависимость помогают достижению поставленных целей. В результате общественного развития формы деятельности полиции также меняются и развиваются, наполняются новым содержанием, а характер задач, стоящих перед полицией, обуславливает выбор форм. Сегодня органы внутренних дел России реализуют правоохранительную функцию государства посредством соблюдения, охраны и защиты прав и свобод личности. Это дает возможность сделать вывод, что любая концепция, направленная на улучшение общественных отношений, должна все задачи преломлять через человека, его права и свободы – основной индикатор его развития. Для правового государства и гражданского общества, непрерывное развитие личности, ее прав и свобод, обладает приоритетом.

Список использованных источников

1. Доцкевич М.В. Защита прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел как способ предупреждения правонарушений / М.В. Доцкевич // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 1. – с. 20-26.
2. О полиции. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2011, N 7, ст. 900.
3. Анисимов П.В. Соблюдение прав человека как элемент правовой культуры сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – Н.Новгород, 1993. – 156 с.
4. Одина Н.В. Соблюдение прав и свобод человека в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации /Н.В. Одина // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 2. – С. 51-54.

УДК 349.3

Гуцко П.А.

Белорусский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАЖА КАК СУБИНСТИТУТА ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Выявлены особенности профессионального стажа как субинститута права социального обеспечения. Установлены различия в субъектах правоотношений, входящих в предмет данного субинститута.

Ключевые слова: профессиональный стаж, трудовой стаж, субинститут права социального обеспечения, правоотношения по установлению профессионального стажа.

Профессиональный стаж является новой категорией права социального обеспечения, малоизученной, требующей дополнительного исследования, в частности актуальным остается вопрос о его значении в системе отрасли права.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о значении профессионального стажа в системе права социального обеспечения, необходимо обратиться к общетеоретическим положениям о системе отрасли права.

По мнению Т.А. Постоваловой, система отрасли права социального обеспечения представляет собой «организованную совокупность подотраслей, институтов, субинститутов и правовых норм, которая объективно отражает социально-обеспечительные отношения в нашей стране» [1, с.109]. Отрасль права социального обеспечения традиционно делится на общую и особенную части. Особенная часть права социального обеспечения как отрасли также, как и общая, продолжает еще формироваться, однако уже сейчас можно выделить в ее структуре институты, нормы которых имеют собственный предмет регулирования. Как правило институты определяются в зависимости от вида социального обеспечения.

Вопрос об элементах системы права социального обеспечения является дискуссионным в юридической науке. Одни ученые выделяют подотрасли в праве социального обеспечения (М.Л. Захаров, В.П. Галаганов, Г.В. Сулейманова, Д.А. Никонов, Т.А. Постовалова, А.В. Стремоухов и др.). Другие ученые высказывают противоположное мнение, что основным элементом системы отрасли являются институты, выделение подотраслей не характерно для права социального обеспечения (Е.Н. Доброхотова, М.В. Филиппова, В.Ш. Шайхатдинов, М.А. Янтураева). М.Л. Захаров, К.В. Добромысов, Е.Е. Мачульская, Э.Г. Тучкова, А.Л. Благодир выделяют «комплексные» институты, которые состоят из самостоятельных институтов. Наличие разногласий по поводу количества институтов, возможности выделения подотраслей, выделения институтов в зависимости от видов социального обеспечения или организационно-правовых форм, а также отсутствие единого мнения по поводу системы отрасли права социального обеспечения в целом негативно сказывается на формировании отрасли права.

Несмотря на отсутствие единства взглядов на систему отрасли права социального обеспечения, все ученые выделяют трудовой стаж как институт отрасли. Справедливо, на наш взгляд, И.В. Гуцин, А.Л. Благодир определяют трудовой стаж как функциональный институт. [2, с. 62, 66-67; 3, с. 39]. Исходя из общей теории права, функциональный институт призван обеспечить «сквозное» регулирование различных отношений по поводу предоставления гражданам социальных благ. Особое значение для целей понимания сложной структуры отрасли права имеет исследование функциональных институтов, при котором нужно учитывать содержание предметных институтов. Вместе с тем у

функционального института, если рассматривать его изолированно, есть свой предмет правового регулирования.

Институты особенной части права социального обеспечения делятся на субинституты, трудовой стаж не исключение. Субинститут – это «органическое образование относительно самостоятельного характера, формирующееся внутри институтов». Правовые институты, в которых выделяются субинституты, называются сложными, поэтому институт трудового стажа не только функциональный, но и сложный, обладающий собственной структурой.

В.С. Андреев впервые отметил сложную структуру института трудового стажа, включающую в себя общие нормы, нормы об общем суммированном стаже, нормы о непрерывном стаже, нормы о специальных видах стажа, выделяемых по различным основаниям [4, с. 43-44].

В настоящее время институт трудового стажа продолжает формироваться и развиваться. С изменением и развитием общественных отношений образуются новые группы нормативных предписаний, которые выделяются из общего объема нормативного материала, в частности, нормы о профессиональном стаже.

Профессиональный стаж как субинститут трудового стажа имеет свои особенности.

1. Нормы, регулирующие профессиональный стаж, не сгруппированы в каком-то одном нормативном правовом акте, а содержатся в многочисленных нормативных правовых актах разного уровня.

В Законе Республики Беларусь от 5 января 2008 г. «О профессиональном пенсионном страховании» закреплена определение понятия профессиональный стаж, круг лиц, у которых формируется профессиональный стаж, продолжительность профессионального стажа, необходимая для назначения профессиональных пенсий. Постановление правления Фонда социальной защиты министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь «О некоторых вопросах заполнения и приема-передачи форм документов персонифицированного учета» от 19 июня 2014 г. № 7 определяет периоды, которые включаются и не включаются в профессиональный стаж. Условия формирования профессионального стажа четко не закреплены в законодательстве, но вместе с тем могут быть систематизированы при исследовании норм законодательства о профессиональном пенсионном страховании. Порядок подтверждения профессионального стажа регулируется Законом Республики Беларусь от 6 января 1999 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного социального страхования» и Правила индивидуального (персонифицированного) учета застрахованных лиц в системе государственного социального страхования, утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 июля 1997 г. № 837 и т.д. Порядок исчисления профессионального стажа установлен Положением о порядке исчисления профессионального стажа для определения права на досрочную профессиональную пенсию, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 октября 2008 г. № 1488 (далее - постановление № 1488). Наряду с общими нормами также

присутствуют нормы, предусматривающие особенности исчисления разных категорий работников.

Многообразие нормативных-правовых актов порождает сложности в правоприменении и становлении данного субинститута. С целью частичного разрешения данной проблемы предлагаем первоначально уточнить определение понятия «профессиональный стаж», предусмотрев особенности его формирования, и усовершенствовать нормы постановления № 1488. В постановление № 1488 необходимо включить, на наш взгляд, ряд принципиально важных вопросов, которые не нашли своего отражения: периоды, включаемые в профессиональный стаж, периоды, не включаемые в профессиональный стаж; порядок расчета профессионального стажа с целью исключения проблем у правоприменителей; особенности исчисления профессионального стажа отдельных категорий работников, а именно, работников, занятых работой под водой, подземных работников и работников гражданской авиации. Включение указанных вопросов в постановление № 1488 будет способствовать целостности порядка исчисления профессионального стажа.

2. Предмет правового регулирования общественных отношений, образующих рассматриваемый субинститут, составляют, в первую очередь, процедурные отношения по подтверждению и исчислению профессионального стажа. Состав структурных элементов данных правоотношений различен. Остановимся подробнее на различиях в субъектах.

Одной из сторон в данных правоотношениях выступает Фонд. Другая сторона является особым субъектом – страхователь. Страхователь – это работодатель, который предоставляет работу в особых условиях труда по трудовым договорам и уплачивает взносы на профессиональное пенсионное страхование. В первом правоотношении страхователь выступает в интересах застрахованного лица, что в последующем способствует реализации права на пенсию. Само застрахованное лицо не участвует в правоотношении. Важно отметить, что данные отношения нельзя отождествлять с административными в связи с тем, что страхователь содействует реализации гражданами права на пенсию и только один из субъектов правоотношений является специальным государственным органом. Во втором правоотношении страхователь имеет право обратиться за получением информации о профессиональном стаже застрахованного лица, в частности для подготовки представления к назначению пенсии. В данном случае субъекты процедурного правоотношения будут не совпадать с субъектами материального правоотношения. Вместе с тем в отличие от первого в правоотношении по исчислению профессионального стажа субъектом может быть физическое лицо, за которое уплачиваются (уплачивались) взносы на профессиональное пенсионное страхование, а именно застрахованное лицо. Застрахованное лицо может обратиться с заявлением о назначении профессиональной пенсии либо с заявлением о получении информации, содержащейся в индивидуальном лицевом счете. В первом и втором случаях возникнет процедурное правоотношение. Однако, второе правоотношение в отличие от первого не порождает материальное

правоотношение, так как застрахованное лицо в любое время может обратиться за получением информации о его профессиональной части индивидуального лицевого счета, в том числе определении профессионального стажа.

3. При толковании, применении, исследовании нормативных предписаний о профессиональном стаже, входящих в состав функционального института, важно учитывать содержание предметных субинститутов. Профессиональный стаж как субинститут функционального института трудовой стаж взаимодействует с такими субинститутами, как профессиональные пенсии, трудовые пенсии по возрасту за работу с особыми условиями труда, трудовые пенсии за выслугу лет и др.

Профессиональный стаж имеет особое значение для определения права гражданина на досрочное пенсионное обеспечение и наряду с иными фактами входит в юридический состав, необходимый для возникновения права на досрочные пенсии. При отсутствии у гражданина профессионального стажа либо при его недостаточности, но при наличии иных, необходимых юридических фактов, юридический состав считается неполным и пенсионное правоотношение не возникает, а гражданин не приобретает право на досрочную пенсию. Профессиональный стаж является юридическим фактом, который в совокупности с иными фактами порождает юридические последствия, определяемые в виде права на профессиональную пенсию. В первую очередь на досрочную профессиональную пенсию, которая может быть назначена, если у работника есть половина и более профессионального стажа, предусмотренного ст. 11 Закона о профессиональном пенсионном страховании. Кроме того, продолжительность профессионального стажа влияет на размер досрочной профессиональной пенсии. Пенсия зависит от суммы пенсионных сбережений (уплаченные взносы за период с учетом суммы доходности): чем больше продолжительность профессионального стажа, тем больше период, за который уплачивались взносы, тем больше сумма пенсионных сбережений и выше размер пенсии [1-А, с. 76; 17-А, с. 281]. Соответственно, размер пенсии взаимосвязан с продолжительностью профессионального стажа.

Определяя взаимосвязь профессионального стажа с различными видами пенсий, следует выделить еще один критерий классификации профессионального стажа: значение профессионального стажа для различных видов пенсий. Профессиональный стаж является основанием возникновения права на досрочные пенсии: досрочную профессиональную пенсию, трудовую пенсию по возрасту за работу с особыми условиями труда, трудовую пенсию за выслугу лет; а также основанием возникновения дополнительной профессиональной пенсии. При этом продолжительность профессионального стажа влияет на возникновение права на досрочную профессиональную пенсию и на ее размер. Для остальных видов пенсий не имеет значение его продолжительность, а только сам факт наличия.

Таким образом, профессиональный стаж как субинститут трудового стажа представляет собой совокупность правовых норм, которые регулируют общественные отношения, возникающие между застрахованным лицом, страхователем, страховщиком, по подтверждению и исчислению

профессионального стажа. Вместе с тем в этот субинститут включаются нормы, регулирующие общие элементы отдельных видов общественных отношений, в основе возникновения которых в качестве самостоятельного юридического факта содержится требование о наличии профессионального стажа.

Профессиональный стаж как субинститут права социального обеспечения имеет свои особенности, которые заключаются в следующем. Профессиональный стаж выступает функциональным субинститутом, нормы которого содержатся в различных нормативных правовых актах. Он характеризуется особым предметом правового регулирования, специальными субъектами, особой связью с иными субинститутами отрасли права. Учитывая то, что происходит дальнейшее становление и развитие данного субинститута, существует необходимость в совершенствовании норм, регулирующих формирование, подтверждение и исчисление профессионального стажа.

Список использованных источников

1. Постовалова, Т. А. Право социального обеспечения Республики Беларусь / Т. А. Постовалова. – Минск : Пересвет, 2013. – с. 654
2. Право социального обеспечения: курс лекций / И. В. Гуцин [и др.] ; под общ. ред. И. В. Гуцина. – Минск : Амалфея, 2013. – 656 с.
3. Благодир, А. Л. Система права социального обеспечения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05 / А. Л. Благодир ; Моск. гос. юрид. ун-т имени О. Е. Кутафина. – М., 2014. – 50 с.
4. Андреев, В. С. Социальное обеспечение в СССР / В. С. Андреев. – М. : Юридическая литература, 1987. – 80 с.

УДК 342.5

Городулина К. О.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

МЕСТО ПРОКУРАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА

Статья посвящена рассмотрению правовой природы прокуратуры в Российской Федерации, а также определению ее места в системе государственных органов.

Ключевые слова: прокуратура, государственно-правовой институт, разделение властей, ветви власти, механизм государства, надзор.

Под механизмом государства принято понимать систему государственных органов, призванных осуществлять государственную власть, задачи и функции государства [1, с. 165]. Ст. 10 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция) содержит положение о том, что государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную, каждая из которых самостоятельна [2]. Из закрепленных в Конституции государственных органов

и должностных лиц, ни к одной из ветвей не относятся лишь Президент и прокуратура. При этом, из анализа полномочий Президента можно констатировать его относительное тяготение к исполнительной власти. Прокуратура же представляет собой поистине автономный государственно-правовой институт.

Учреждена прокуратура была еще в 1722 году Петром I в качестве контрольно-надзорного органа. На протяжении почти трехсот лет функции данного органа неоднократно менялись: одни добавлялись, ряд – исключался. В настоящее время, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», прокуратура Российской Федерации – единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Указанный закон провозглашает независимость, а также категорично устанавливает недопустимость вмешательства в осуществление прокурорского надзора и воздействия в какой-либо форме на прокурора. В целях обеспечения соблюдения законности прокуратура обладает широкими полномочиями, в том числе в отношении ветвей власти, а именно: координация деятельности по борьбе с преступностью (исполнительной), внесение в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов (законодательной), участие в рассмотрении дел судами (судебной). Кроме того, прокурор проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и может участвовать в заседаниях органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В зарубежных государствах компетенция прокуратуры значительно уже в сравнении с российской, помимо этого, как правило, она отнесена к одной из ветвей власти. Так, в Греции прокуратура организационно входит в систему судебной власти, в ряде государств, таких как Бельгия, Германия, Италия, Дания, она рассматривается звеном органов исполнительной власти, в США и Канаде Генеральные прокуроры являются министрами юстиции. Фактически зарубежом прокуратура не осуществляет контроль и надзор за законностью в государстве, ее роль в большей степени сводится к поддержанию государственного обвинения [4, с. 701].

Прокуратура представляет собой единую федеральную централизованную систему, возглавляемую Генеральным прокурором. Однако, назначение на должность Генерального прокурора Советом Федерации Федерального Собрания и представление импалатам Федерального Собрания ежегодного отчета о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации нельзя рассматривать как подотчетность [4, с. 400]. Таким способом происходит информирование органов государственной власти и населения о выполненной в отчетном периоде работе и, соответственно, реализуется принцип гласности.

Генеральный прокурор Российской Федерации фактически единолично формирует всю систему прокуратуры, устанавливая штатную численность, структуру и полномочия подчиненных органов и организаций, что опять же указывает на независимость прокуратуры и ее самостоятельность.

В юридической литературе существует мнение, что любой орган государственной власти должен вписываться в одну из ветвей власти. Однако, не смотря на включение положений о прокуратуре в один раздел Конституции с судебной властью, отправление правосудия прокуратура не осуществляет, а, соответственно, не входит в систему судебной власти. Основываясь на функции государственного обвинения, в настоящее время высказываются предложения о ликвидации прокуратуры как системы в целом и создании вместо нее департамента при Министерстве юстиции. Поддержание государственного обвинения является одной из многочисленных функций прокуратуры, к которой не следует сводить всю ее деятельность. Еще одна точка зрения предлагает отнести прокуратуру к числу президентских органов. Строится данное предложение на ст. 80 Конституции, в части положений о том, что Президент является ее гарантом, а также прав и свобод человека и гражданина. Предполагается, что именно прокуратура своими функциями позволит добиться должной эффективности в деятельности Президента, направленной на реализацию указанных положений. Следует не согласиться с данной позицией, так как Президент обладает собственными, особыми полномочиями, специализированными органами и механизмами обеспечения соблюдения Конституции и иных нормативных правовых актов. Сторонники отнесения прокуратуры к законодательной власти руководствуются тем, что, поскольку, последняя издает законы, то должна активно участвовать в обеспечении их реализации, именно с помощью прокурорского надзора [5, с. 1]. Однако для обеспечения исполнения законов в системе органов исполнительной власти предусмотрена горизонталь служб, осуществляющих надзор в отдельных сферах, например, Роспотребнадзор, Ространснадзор и т.п.

Таким образом, на основе анализа современной доктрины, зарубежной практики, следует подчеркнуть, что прокуратура в Российской Федерации является государственным органом с особым статусом, так как осуществляет особый вид государственной деятельности. Функции прокуратуры обусловлены именно ее местом в механизме государства. Должный контроль и надзор возможно осуществлять лишь находясь вне подконтрольной системы, а, поскольку, надзорная деятельность распространяется на все ветви власти, прокуратура обосновано представляет собой самостоятельную структуру в государственном механизме, и отнесение ее к той или иной ветви приведет к низкой эффективности ее основной деятельности.

Список использованных источников:

1. Теория государства и права: Учебник / Пиголкин А. С., Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А., Саидов А. Х.; Под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрайт-Издат. 2006. – 613 с.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/> (23.03.2020)

3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.consultant.ru/> (23.03.2020)
4. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2007. - 784 с.
5. Алехина Ю. Н. Место прокуратуры в системе органов государственной власти / Ю. Н. Алехина // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2012. – С. 1-5.

УДК 342.72/.73

Мощная Ю.Н

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНОЙ МЕДИЦИНЫ

В статье исследуются основные виды геномной медицины. Выделены общие направления деятельности геномной диагностики и геномной терапии. Определены ключевые права человека, непосредственно связанные с данной отраслью.

Ключевые слова: геномная медицина, Конституция РФ, геном, права человека, правовой статус личности.

В настоящее время достижения геномной инженерии в значительной мере влияют на многие сферы жизни человека. Уже ни для кого не секрет, что она активно используется в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, в целях увеличения урожайности, устойчивости растений к вредителям, увеличения сроков хранения, борьбы с мировым голодом; фармакологии – для создания инсулина, жизненно-необходимого для людей, страдающих сахарным диабетом, современных антибиотиков, для борьбы с новыми штаммами вирусов. Так же её методы очень часто применяются и в медицине.

Геномная медицина — это в первую очередь область медицины, наука, которая изучает явления наследственности и изменчивости в различных популяциях людей, особенности проявления и развития нормальных и патологических признаков, зависимость заболеваний от генетической предрасположенности и условий окружающей среды.

Задачей геномной медицины является выявление, изучение, профилактика и лечение наследственных болезней, разработка путей предотвращения воздействия негативных факторов среды на наследственность человека[1,с.20].

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года[2] является основой для формирования любых направлений деятельности в РФ, в том числе для такой узконаправленной под отрасли медицины. Естественно

конституционно-правовое регулирование не содержит в себе непосредственных норм, касающиеся диагностики и редактирования генома человека, однако в ней заложены основы для осуществления данной деятельности, не нарушающие закрепленные права человека. Главной нормой, защищающей людей, является ст. 2 Конституции РФ, определяющая человека, его права и свободы - высшей ценностью и возлагающая на государство обязанность их сохранять, а также ст. 20, гарантирующая человеку право на жизнь. Из данных статей можно сделать вывод, что на первое место при осуществлении редактирования генома человека должна ставиться в первую очередь жизнь человека, над которым проводятся генные изменения.

Развитие геномной медицины связано с двумя направлениями: генодиагностика и генотерапия[3, с.265]. Если генодиагностика связана с генетическими тестированиями и не вносит никаких изменений в геном человека, то генотерапия направлена в первую очередь на такую трансформацию.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим генную инженерию, в принципе, является Федеральный Закон от 5 июля 1996 г. №86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [4]. В свою очередь, он содержит в себе только определение генной терапии, и не устанавливает никаких ограничений на использование ее методов, в отличие от многих других стран, где законодательство очень детально регулирует эту область медицины.

В связи с изменением структуры человеческого генома генотерапия имеет непосредственное отношение к правовому статусу человека - системе признанных и гарантируемых государством прав, свобод и обязанностей человека.

Известно, что геном человека лежит в основе изначальной общности всех представителей человеческого рода, а также признания их неотъемлемого достоинства и разнообразия. Он знаменует собой достояние человечества. Всеобщая декларация прав человека и ч. 1 ст. 21 Конституции России гарантирует каждому человеку право на уважение его достоинства, а конституционное положение «Ничто не может быть основанием для его умаления» помимо прочего означает, что таковыми не могут выступать и генетические характеристики человека.

Многие на сегодняшний день считают генотерапию неприемлемой, в связи с тем, что ее сущность дает возможности для развития евгеники - искусственное улучшение наследственных свойств человека. Однако генная терапия, является частью медицины и ставит целью в первую очередь лечения пациентов, тогда как редактирование генома половых клеток и эмбрионов в евгенических целях лечением не является. Результатом последнего будет новый человек с predetermined генетическими характеристиками, которые будут наследоваться его потомками. 1 января 2012 года в силу вступила статья 55 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», п. 4 которой гласит: «При использовании вспомогательных репродуктивных технологий выбор пола будущего ребенка не допускается, за

исключением случаев возможности наследования заболеваний, связанных с полом»[5]. Таким образом на Федеральном уровне, в РФ запрещена евгеника.

Редактирование зародышевых линий создает будущих детей, лишая их и грядущие поколения выбора, соглашаться ли на модификации их ДНК, что нарушает преамбулу Конституции Российской Федерации, которая возлагает на россиян ответственность за будущие поколения. Несмотря на то, что большинство клинических испытаний свидетельствует об относительной безопасности генно-терапевтических методов, требуется время для окончательного доказательства их эффективности и отсутствия влияния на будущие поколения.

В связи с тем, что генодиагностика призвана распознавать генетические заболевания, она может включать в себя хранение ДНК умерших для лечения их потомков. В первую очередь лицо, желающее сохранить свой геноматериал после смерти, при жизни пишет согласие, согласност. 9 Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» [6] об обработке персональных данных, тем самым давая согласие на такую процедуру. Однако следует учитывать, что геном человека является не только его личной собственностью, но и достоянием всех его потомков. Таким образом, давая согласие на сбор, хранение и исследование своего биоматериала, нарушаются права на неприкосновенность частной жизни, живущих родственников, которые в свою очередь не давали такого разрешения. Тем самым нарушается ст. 24 Конституции РФ запрещающая сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, а также ограничивается их конституционное право на частную жизнь, личную и семейную тайну, закрепленную в ст. 23 Конституции РФ.

До недавнего времени генотерапия рассматривалась лишь как возможность предотвращения наследственных заболеваний. Однако на сегодняшний день она считается перспективной в использовании для лечения онкологических и инфекционных заболеваний, внося тем самым огромный вклад в развитие здравоохранения, что поощряется Российской Федерацией согласно п. 2 ст. 41 Конституции РФ. Таким образом, с развитием науки методы геномной медицины могут появиться в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения уже не как экспериментальный метод лечения, а как бесплатная медицинская помощь, представляющаяся, согласно п. 1 ст. 41 Конституции, бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений.

Развитие науки в области генома человека ставит новые вопросы относительно юридических последствий ее результатов, которые могут, как положительно повлиять на будущие поколения (лечение генетических заболеваний), так и оказать отрицательное влияние (евгеника, клонирование). В связи с этим законодатель должен идти в ногу с прогрессом устанавливать ограничения на недопустимые методы воздействия на генетические данные человека, ведь они касаются, прежде всего, сферы его прав и свобод, основополагающей ценностью государства. На основании вышесказанного, можно понять, что геномная медицина непосредственно связана с правовым

статусом человека, затрагивает его личные права и свободы связанные с достоинством личности (ст. 21), личной неприкосновенностью (ст. 22), а также личной и семейной тайной (ст. 23). Следовательно, требует детального внимания законодателя в процессе работы над данной отраслью медицины.

Список использованных источников:

1. Ляхович В.В., Вавилин В.А., Гришанова А.Ю., Гуляева Л.Ф., Коваленко С.П. Геномная медицина и новые подходы к диагностике и лечению онкозаболеваний / В.В. Ляхович, В.А. Вавилин, А.Ю. Гришанова, Л.Ф. Гуляева, С.П. Коваленко // Сибирский научный медицинский журнал. -2004. С.20-26.

2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства РФ. 2014. 4 августа. № 31.

3. Романовский Г.Б. Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. С. 260-271.

4. Федеральный закон от 5 июля 1996г. (ред. от 03.07.2016) № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 28.

5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011.

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31.

СЕКЦИЯ 4 -5

Глобалистика и национальные интересы государства. Региональные интеграционные процессы и их влияние на право Проблемы сосуществования национального и международного права в глобальном мире: формирование, развитие, обеспечение

УДК 341.232

Клименко Е. П.

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории
государства и права

Таврическая академия (структурное подразделение)

Клименко П. М.

доктор медицинских наук, профессор кафедры детской хирургии с
курсом урологии

Медицинская академия (структурное подразделение),

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО БОРЬБЕ С КОРОНАВИРУСОМ

Данная статья посвящена вопросу организации и правового регулирования международного сотрудничества государств по борьбе с новой коронавирусной инфекцией COVID 19. Авторами с помощью теоретических методов исследования описан процесс становления и развития межгосударственной работы по выработке совместных мер как по профилактике, так и лечению вируса. Кроме того, в работе приведены статистические данные по распространению заболевания, а также анализируется проект Декларации солидарности в борьбе с коронавирусом.

Ключевые слова: коронавирус, COVID 19, международное сотрудничество, ООН, ВОЗ, пандемия.

Актуальность исследования связана со сложной эпидемиологической обстановкой, которая сегодня развивается во всем мире. Коронавирус больно затронул каждого в нашей стране, унося жизни и здоровье людей, ограничивая движение и работоспособность, нанес ощутимый удар бизнесу и экономике, образованию и культуре.

Научных исследований, посвященных проблематике международного сотрудничества по борьбе с коронавирусной инфекцией, на сегодняшний день не выявлено. Однако в ряде своих трудов мы анализировали становление и развитие межгосударственной помощи по борьбе с другими инфекционными заболеваниями, например, ВИЧ/СПИД, туберкулез, холера, грипп птиц [1 – 4]. Кроме того, вопросами сотрудничества в области здравоохранения, занимались такие авторы, как Н. Г. Фрейберг, Н. Экк, В. С. Михайлов, Н. П. Сильченко, Н. И. Пристанскова, В. Ю. Смоленский, А. Е. Симонова, Л. С. Сандахчиев, Р. А. Мартынюк, А. И. Горлинский, М. А. Медведева, Д. Г. Бартенев. Вторую группу представляют зарубежные ученые: Д. П. Фидлер, Н. Говард-Джонс, А. Клифф, У. Ф. Байнам, Н. Эрсой, О. Аджинам, Дж. Роузен, Л. Гостин, С. Гоцуляк, В. В. Орленко и др.

Согласно статистическим данным исследовательского Университета Джона Хопкинса в г. Балтимор (штат Мэриленд, США) на 30 марта 2020 г., из общего числа 724 000 подтвержденных случаев заболевания коронавирусом насчитывается 538 000 активных случаев заболевания, 152 000 случаев выздоровления и 34 000 случаев смерти [5].

30 января 2020 г. генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) объявил вспышку COVID 19 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение в соответствии с международными медико-санитарными правилами (ММСП), следуя рекомендациям Комитета по чрезвычайным ситуациям. Генеральный директор и Чрезвычайный комитет вынесли временные рекомендации Китайской Народной Республике и другим странам [6].

11 марта ВОЗ объявила COVID-19 пандемией, указав на более чем 118 000 случаев заболевания коронавирусом в более чем 114 странах и территориях по всему миру и устойчивый риск дальнейшего глобального распространения [7].

Всемирная организация здравоохранения приняла Стратегический план обеспечения готовности и реагирования. В нем изложены меры в области общественного здравоохранения, которые международное сообщество готово предоставить для оказания поддержки всем странам в подготовке и реагировании на COVID 19. В этом документе содержится научная информация о вирусе, и эти знания преобразуются в стратегические действия, которые могут направлять усилия всех национальных и международных партнеров при разработке национальных и региональных оперативных планов с учетом конкретных условий.

Согласно Стратегическому плану обеспечения готовности и реагирования, на реализацию критически важных мероприятий в наиболее нуждающихся странах до конца апреля 2020 г. потребуется 675 млн долл. США. По мере развития вспышки потребности в финансировании скорее всего будут расти[8].

В связи с этим, Фонд ООН и Швейцарский благотворительный фонд учредили фонд солидарности для поддержки ВОЗ и партнеров в их масштабных усилиях, направленных на оказание странам помощи в организации профилактики, выявления и ведения случаев заражения новой коронавирусной инфекцией и особенно тем из них, которые испытывают наибольшие трудности.

Фонд помощи в связи с пандемией COVID-19 – безопасный способ, которым могут воспользоваться отдельные граждане, благотворительные организации и частные компании для материального участия в финансировании осуществляемых под руководством ВОЗ мер по реагированию на текущую пандемию.

Создание фонда позволяет:

- обеспечить поставки важнейших расходных материалов, таких как средства индивидуальной защиты, для обеспечения ими медицинских работников, действующих в непосредственном контакте с больными;

- обеспечить наличие во всех странах возможностей для мониторинга и выявления заболеваемости путем укрепления потенциала в области лабораторной диагностики посредством обучения кадров и закупки оборудования;

- обеспечить доступ работников здравоохранения и населения во всем мире к новейшей научной информации о том, как защитить себя от инфекции, о профилактических мерах и порядке оказания помощи больным;

- ускорить работу по созданию жизненно необходимых вакцин и диагностических и лекарственных средств.

25 марта 2020 г. ООН запустила Глобальный план гуманитарного реагирования COVID-19 в размере 2 миллиардов долларов США в 51 стране Южной Америки, Африки, Ближнего Востока и Азии.

Глобальный подход – это единственный способ борьбы с COVID-19, говорится в заявлении ООН.

Правительства настоятельно призвали взять на себя обязательство в полной мере поддерживать глобальную гуманитарную деятельность; план реагирования при сохранении финансирования существующих гуманитарных проектов.

Глобальный план – это совместные усилия членов Межведомственного Постоянного комитета (МПК), включая ООН, другие международные организации и неправительственные организации, имеющие гуманитарный мандат по анализу и реагированию на прямые и косвенные немедленные гуманитарные последствия пандемии, особенно для людей в странах, уже столкнувшихся с другими кризисами.

В нем обобщаются связанные с COVID-19 призывы и материалы, поступившие от Всемирной продовольственной программы (ВПП), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Международной организации по миграции (МОМ), Программы развития ООН (ПРООН), Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), Программы ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат), Агенства ООН по делам беженцев (УВКБ), Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) и неправительственных организаций, а также дополняются другими программами, разработанными международным движением Красного Креста и Красного Полумесяца.

Глобальный План определяет наиболее пострадавшие и незащищенные группы населения в приоритетных странах, включая страны с действующим Планом гуманитарного реагирования, Планом реагирования на беженцев или многострановым/субрегиональным планом реагирования, а также страны, обратившиеся за международной помощью, такие как Иран.

План сформулирован вокруг трех стратегических приоритетов:

1. Сдержать распространение пандемии COVID-19 и снизить заболеваемость и смертность.
2. Снизить ухудшение положения в области прав человека, социальной сплоченности и средств к существованию.
3. Защита, оказание помощи и отстаивание интересов беженцев, внутренне перемещенных лиц, мигрантов и местных общин, особенно уязвимых к этой пандемии.

С каждой приоритетной задачей связано несколько конкретных целей с подробным изложением результатов, на достижение которых нацелен План. Они подкрепляются рядом стимулирующих факторов и условий.

План реагирования основывается на гуманитарных принципах, а также на принципах инклюзивности, гендерного равенства, защиты и вовлечения сообщества. Подчеркивается важность привлечения и поддержки местных организаций с учетом той ключевой роли, которую они играют в этом кризисе, который все чаще характеризуется ограниченной мобильностью и доступом международных участников.

Координаторы-резиденты ООН и страновые группы ООН будут оказывать поддержку странам всего мира в решении социально-экономических последствий этой пандемии, что потребует соответствующего механизма финансирования.

Потребности в финансировании Глобального Плана в течение девяти месяцев (апрель– декабрь 2020 г.) оцениваются в 2,012 млрд. долл.США. Это предварительная оценка объема финансирования, необходимого для обеспечения дополнительных потребностей, вызванных пандемией COVID-19 во всех регионах, но без учета гуманитарных мер по чрезвычайным ситуациям, вызванных COVID-19 [9].

26 марта 2020 г. Российская Федерация внесла на рассмотрение Генассамблеи ООН инициативу о принятии Декларации Генассамблеи ООН о солидарности в борьбе с коронавирусом.

Проект основан на принципе Устава ООН о сотрудничестве государств, отраженном в Декларации ООН о принципах международного права 1970 г. Иницилируемая Россией декларация, в частности, предусматривает признание лидирующей роли ВОЗ в борьбе с пандемией, согласие государств сотрудничать между собой и с ВОЗ, в том числе для выработки способов борьбы с распространением и лечением болезни COVID-19, оказывать помощь наиболее пострадавшим государствам, особенно развивающимся странам, отказаться от торговых войн и применения односторонних санкций, принятых в обход Совета Безопасности ООН, не допускать дискриминации государств, народов и физических лиц в связи с пандемией, противодействовать финансовым спекуляциям с товарами первой необходимости, признать необходимость распространения достоверной и научно-обоснованной информации о пандемии. Российская делегация приступила к сбору комментариев к своей инициативе [10].

В этот же день, 26 марта 2020 г., состоялся Экстренный саммит лидеров «Группы двадцати», на котором было принято Заявление по новой коронавирусной инфекции COVID 19.

В документе прежде всего отмечается, что участники твёрдо намерены приложить все усилия как по отдельности, так и коллективно в целях:

- защиты жизни людей;
- сохранения рабочих мест и уровня доходов населения;
- восстановления уверенности в завтрашнем дне, сохранения финансовой стабильности, возобновления экономического роста и его дальнейшего ускорения;
- минимизации сбоев в торговле и глобальных производственно-сбытовых цепочках;
- оказания помощи всем нуждающимся в содействии странам;
- координации мер в области общественного здравоохранения и финансов.

В заявлении отмечены следующие ключевые блоки: 1. Борьба с пандемией, 2. Сохранение жизнеспособности мировой экономики, 3. Противодействие сбоям в международной торговле, 4. Активизация глобального сотрудничества.

Страны-участники договорились о том, что будут представлять своевременную и прозрачную информацию, обмениваться эпидемиологическими и клиническими данными и делиться материалами, необходимыми для исследований и разработок, а также укреплять системы здравоохранения во всём мире, в том числе посредством содействия осуществлению в полном объёме Международных медико-санитарных правил ВОЗ. Группа двадцати подчеркнула важность ответственной подачи информации для общественности во время глобального кризиса в области здравоохранения. А также поручила нашим министрам здравоохранения проводить встречи по мере необходимости для обмена успешным национальным опытом и в ходе министерской встречи в апреле 2020 г.

разработать комплекс неотложных действий «Группы двадцати» для совместной борьбы с пандемией.

Страны также обязались совместно работать над расширением финансирования научных исследований и разработок вакцин и медикаментов, задействованием цифровых технологий и укреплением международного научного сотрудничества [11].

Исходя из вышеизложенного, можно подвести следующие итоги данного исследования. Правовое регулирование международного сотрудничества по борьбе с коронавирусом COVID-19 осуществляется посредством принятия ряда актов, прежде всего Организацией Объединенных Наций, а также Всемирной организацией здравоохранения. Помимо этого, международные организации также скоординировано участвуют в подобной деятельности. Так, в частности, «Группа двадцати», G20, в которую входит Россия, приняла Заявление, направленное на совместную организацию борьбы с пандемией и разработку ряда медицинских, социальных, экономических, финансовых и производственных мер. В добавлении к этому, российскими представителями в ООН предложена на рассмотрение Генассамблеи резолюция, в которой прописаны меры по борьбе с болезнью.

Список использованных источников:

1. Клименко Е. П. Международно-правовое регулирование борьбы с ВИЧ/СПИДом в конце XX вв. // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». – 2014. – Том 27 (66), № 4. – С. 190 – 197.
2. Клименко Е. П. Международное сотрудничество в области борьбы с холерой (1851 – 1894 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – № 1. – С. 262 – 271.
3. Клименко Е. П. Договорное сотрудничество государств в сфере борьбы с туберкулезом в XXI в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 3. – С. 16 – 33.
4. Клименко Е. П. Деятельность СНГ в борьбе с гриппом птиц в 2006 – 2007 гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы и проблемы правового регулирования общественных отношений» (г. Днепропетровск, 4 – 5 апреля 2014 г.). – Днепропетровск: ООО «Правовой мир», 2014. – С. 137 – 139.
5. Coronavirus: A visual guide to the pandemic [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/news/world-51235105> (дата обращения: 30.03.2020)
6. Statement on the second meeting of the International Health Regulations (2005) Emergency Committee regarding the outbreak of novel coronavirus (2019-nCoV) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.who.int/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-\(2019-ncov\)](https://www.who.int/news-room/detail/30-01-2020-statement-on-the-second-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-outbreak-of-novel-coronavirus-(2019-ncov)) (дата обращения: 30.03.2020)
7. WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19-11 March 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 30.03.2020)
8. Strategic preparedness and response plan [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/User/Desktop/srp-04022020.pdf> (дата обращения: 30.03.2020)

9. Global Humanitarian Response Plan Covid-19 [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/User/Desktop/Global-Humanitarian-Response-Plan-COVID-19.pdf> (дата обращения: 30.03.2020)

10. Инициатива о принятии Декларации Генассамблеи ООН о солидарности в борьбе с коронавирусной инфекцией COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://russiaun.ru/ru/news/covid19_270320 (дата обращения: 30.03.2020)

11. Экстренный саммит лидеров «Группы двадцати». Заявление по новой коронавирусной инфекции COVID 19 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5485> (дата обращения: 30.03.2020)

УДК 341.41

Скворцова О.В.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии,

Мухина М.С.

«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Рассматриваются основные вопросы и направления международного сотрудничества в области противодействия компьютерным преступлениям. Обосновываются предложения по совершенствованию международно-правового регулирования данного вопроса и повышению уровня эффективности международного взаимодействия по противодействию киберпреступности.

Ключевые слова: информационные технологии, киберпреступность, компьютерные преступления, информационные преступления, международное сотрудничество, информационная безопасность.

Киберпреступность (преступность в сфере информационных технологий) является международной проблемой, так как злоумышленники в своей деятельности редко придерживаются принципа территориальности, главной их целью является получение выгоды любым путем и с использованием любых мошеннических схем. Основными причинами развития киберпреступности специалисты считают эволюцию и доступность хакерских инструментов, неправильную оценку рисков при построении систем защиты. На смену традиционным видам преступности приходят новые – информационные преступления, которые совершаются с помощью использования компьютерных технологий, например, взломы сетей, хищение денег с банковских карт, кражи в интернет – банках, пиратство, кибершпионаж, кибертерроризм. Появляются новые преступные ИТ – профессии, например, вирусписатели, кардеры, дидосеры, дропперы, фишеры и др. На данный момент, по мнению специалистов, киберпреступность становится все более глобальной и опасной,

чем традиционная организованная преступность. Вирус-шифровальщик WannaCry в 2017 году атаковал 200 тыс. компьютеров в 150 странах мира. Атаке вируса подверглись университеты в Китае, автомобильные заводы Renault во Франции и Nissan в Японии, телекоммуникационная компания Telefonica в Испании и железнодорожный оператор DeutscheBahn в Германии. Общий ущерб от атак оценили в минимум в 1 млрд. долларов. Эксперты страхового рынка Lloyd's of London подсчитали, что общий ущерб от глобальной кибератаки может превысить 121 млрд. долларов.

Следует отметить тот факт, что законодательство стран в области противодействия киберпреступности десинхронизировано, эффективно противодействовать трансграничным преступлениям в сфере компьютерной информации ни одно государство в одиночку не сможет. Потому особое внимание следует уделить международному сотрудничеству в сфере информационной защиты, так как обычно атаки хакеров направлены не на конкретную страну, а на ряд государств. Подобные группировки финансируются, в частности, Северной Кореей (Lazarus), Китаем, США, Пакистаном, Россией (Silence, MoneyTaker), Украиной и Ираном.

Одним из ключевых международно-правовых документов в области информационной безопасности является Конвенция Совета Европы «О киберпреступности» (была открыта для подписания 23 ноября 2001 года в Будапеште и вступила в силу в 2004 году). Изначально Российская Федерация в 2005 году высказала намерение присоединиться к указанной конвенции, но в 2008 году Россия отказалась от ратификации Конвенции. Данная позиция была обоснована несогласием РФ с рядом положений Конвенции, в частности с п. b ст. 32, где указывалось на возможность получения санкционированного доступа уполномоченных органов одного государства-участника к компьютерным данным, хранящимся на территории другого государства, без получения предварительного согласия последней стороны. Данное положение, по мнению представителей российской стороны, ограничивает государственный суверенитет, так как, по сути, пункт 32b открывает доступ третьих лиц в информационные сети государства.

Немаловажную роль играет Европейский центр борьбы с киберпреступностью, созданный в январе 2013 года на базе Европола (полицейской службы Европейского союза). Деятельность центра направлена на оказание оперативной и аналитической поддержки в борьбе с киберпреступлениями. Центр имеет успешный опыт борьбы с мошенничеством, совершаемым посредством сети «интернет», взломом финансовых сайтов, распространением детской порнографии.

Каждое государство пытается выработать свою собственную систему по противодействию киберпреступникам. Так, например, в США в составе Вооруженных сил действуют Центр национальной безопасности (National Cyber Security Center) и Объединенное кибернетическое командование (Unified U.S. Cyber Command). Данные организации подконтрольны Совету национальной безопасности США. В Великобритании реализуются программы по созданию кибероружия для противодействия угрозам в сфере

информационной безопасности. В Австралии создана группа координации безопасности электронной почты (ESCG).

Международное сотрудничество в сфере противодействия киберпреступлениям осуществляется по нескольким направлениям. Первостепенной задачей является создание соответствующей нормативно-правовой базы, выработка методических рекомендаций и внедрение эффективных моделей организационного взаимодействия между государствами. В 2011 году была разработана концепция Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности. Документ закрепляет основные угрозы международному миру и безопасности в информационном пространстве, устанавливает принципы обеспечения информационной безопасности. Современной тенденцией в области международного противодействия киберпреступности является расширение сферы взаимодействия государств. Актуальным становится оперативное сотрудничество правоохранительных органов по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Интерпол, Европол, Евроюст).

20 сентября 2013 года в Санкт-Петербурге было подписано Соглашение о сотрудничестве государств-членов СНГ в области обеспечения информационной безопасности. Так, с учетом нынешнего уровня информационной угрозы, целесообразным является организация сетевого мониторинга террористических техногенных угроз международного уровня, унификация и стандартизация сетевых протоколов и средств криптозащиты от несанкционированного проникновения в сетевое пространство стран СНГ. Одной из перспективных задач является создание на межгосударственном уровне Центра (или соответствующего подразделения), действующего на постоянной основе по предупреждению киберпреступлений, в компетенцию которого, в частности, следует включить выработку мер предупреждения компьютерных преступлений, а также методов их предупреждения и пресечения.

Важным аспектом является принятие организационных мер по унификации национального законодательства стран-участников СНГ. Также немаловажным направлением сотрудничества является обучение и подготовка квалифицированных специалистов для обеспечения качественного противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации.

В качестве основных задач в рамках механизма совместных действий правоохранительных органов государств-участников СНГ следует определить: проведение комплексного анализа и прогнозирование криминогенной обстановки; основные направления противодействия преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий; мониторинг законодательных и ведомственных нормативных правовых актов по проблемам противодействия рассматриваемым преступлениям; межведомственное взаимодействие и международное сотрудничество по вопросам противодействия преступлениям в указанной сфере [1].

Так, на данный момент уже есть определенный положительный опыт в сфере международного взаимодействия по противодействию

киберпреступности. В 2018 году во время совместной операции, проведенной сотрудниками испанской полиции, при поддержке правоохранительных органов Румынии, Тайваня и Республики Беларусь был задержан лидер хакерской группы Cobalt (Carbank или Anunak). Также, в качестве примера эффективного противодействия преступлениям в области компьютерной информации следует назвать успешное совместное расследование Германии, Южной Кореи, Саудовской Аравии, ОАЭ и Чешской республики, по результатам которого, была пресечена деятельность ресурса под названием «Welcometovideo» по распространению в даркнете детской порнографии. В ходе расследования было изъято более 8 терабайт видео (примерно 250 000 видеофайлов), демонстрирующего сексуальную эксплуатацию детей. В США и еще 11 странах мира уже арестовано 337 человек, которые были связаны с деятельностью данного ресурса, им предъявлены обвинения. Британскими правоохранительными органами было проведено 18 расследований, по результатам которых 7 человек привлечены к уголовной ответственности. Один из осужденных приговорен к тюремному заключению на срок 22 года за изнасилование 5-летнего мальчика и выгрузку видео на ресурс. Создатель сайта – 23-летний житель Южной Кореи ЧонВу Сон в настоящее время отбывает наказание в тюрьме Южной Кореи, также ему были предъявлены соответствующие обвинения и правоохранителями США. Преступники монетизировали сексуальную эксплуатацию детей, используя биткоины. За период с 2015 по 2018 гг. через сайт прошло примерно 370 тыс. долларов в криптовалюте. Специалисты называют данную операцию одной из крупнейших в своем роде [2].

Рассмотрев основные вопросы международного сотрудничества в области противодействия компьютерным преступлениям, можно прийти к выводу, что на сегодня международно-правовое регулирование данного вопроса нуждается в доработке, так как в настоящее время нет единого нормативно-правового акта, которым бы регламентировались вопросы противодействия киберпреступлениям. Но ввиду того, что создание какого-либо единого кодекса по противодействию киберпреступлениям является затруднительным и на практике данную инициативу реализовать будет проблематично, так как при создании документа необходимо учитывать не только вопросы сотрудничества правоохранительных органов государств в данной области, но и национальные права стран, особое внимание следует уделить региональному законодательству.

Также следует отметить, что уже существующие международные соглашения в данной области нуждаются в корректировке, так как некоторые из них в определенных аспектах устарели и нуждаются в дополнениях. При этом мы солидарны с позицией, что обеспечить унификацию международного законодательства в данном направлении будет достаточно сложно, так как в некоторых моментах принимаемые законы могут ограничить суверенитет государств, ввиду того, что информационная безопасность затрагивает обеспечение, в том числе, государственной безопасности.

Однако обеспечение международного сотрудничества в указанном направлении является достаточно актуальным вопросом, так как киберпреступность не знает территориальных границ. Необходимо совершенствовать деятельность действующих организаций в данной области, упростить процедуру взаимодействия государств при борьбе с компьютерными преступлениями.

Список использованных источников:

1. Совершенствуя противодействие киберпреступлениям [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ormvd.ru/pubs/103/improving-the-combat-cybercrime/> (дата обращения: 31.03.2020).
2. Правоохранители закрыли крупный сайт с детским порно. Арестовано более 300 человек. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://hacker.ru/2019/10/17/welcome-to-video/> (дата обращения: 31.03.2020).

УДК 342.41

Регушевский Э.Е.

к.ю.н., доцент кафедры истории и теории государства и права,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

ОСНОВНОЙ ЗАКОН ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена основным направлениям становления гражданского общества и роли в этом процессе Конституции государства.

Ключевые слова: конституция, гражданское общество, государство, структуры гражданского общества, личность.

Становление демократического конституционного строя предполагает формирование развитых структур гражданского общества, а всесторонний анализ роли Конституции в этом процессе, несомненно, остается одним из важнейших направлений изучения проблематики теории и практики конституционализма. Являясь Основным Законом не только государства, но и общества, Конституция устанавливает основы функционирования не только власти и всего государственного механизма, но и определяет направления развития общества. Несмотря на то, что устройство общества тяготеет к саморегулированию, конституционные нормы должны помогать становлению дееспособных структур гражданского общества, обеспечивать условия взаимодействия государства и общества, закреплять обязанности социального, демократического, правового государства по отношению к обществу и личности, служить интересам человека и гражданина, обеспечивать высокий статус юридически признанных институтов гражданского общества.

Обладая самодостаточностью, высокой степенью абстракции и качеством системности, Конституция РФ позволяет выразить всю смысловую глубину ее содержания, приобретая всеобщий, универсальный, надотраслевой характер. В конституции РФ выражена государственная идеология и политика во всех областях общественной и государственной жизни, отвечающие достигнутому уровню общемирового прогресса [1, с. 89].

Конституцией урегулированы вопросы взаимодействия государства с главными институтами гражданского общества. Среди важнейших институтов гражданского общества, урегулированных на конституционном уровне, следует выделить: собственность, права и свободы человека и гражданина, семью, политические партии, общественные и религиозные организации, средства массовой информации, местное самоуправление и т. д.

Тесная взаимосвязь гражданского общества и государства является обязательным условием существования демократического конституционного строя. Государство же наделяет граждан широким комплексом свобод, наряду с доступом к участию в политическом процессе и возможностью законными способами защищать свои интересы в государственных институциях. Гражданское общество проникает в сферу деятельности государства, участвуя в его формировании и контроле за его функционированием, государство же влияет на отношения в сфере гражданского общества. И прежде всего это происходит путем осуществления правового регулирования.

Однако нельзя контролировать власть (а речь идет о государственно-властных институтах), не обладая для этого необходимыми полномочиями. Поэтому, вне всякого сомнения, частью гражданского общества являются институты политической власти, которые участвуют в формировании государственной власти и контроле за ее деятельностью. Речь идет о важнейших составляющих структуры политической системы и гражданского общества, которыми являются политические партии, избирательные объединения, ассоциации граждан, группы лоббирования и иные публично-правовые негосударственные ассоциации граждан, правовой статус которых регламентируется Конституцией и законами государства.

Демократия, как сложный и многогранный феномен, не может укрепляться без наличия гражданского общества. Становление демократии и гражданского общества проходит сложно и противоречиво, под влиянием широкого комплекса факторов экономического, политического, социального, духовно-культурного и международного характера. Именно от содержания конституционных норм зависит динамика и наполнение всего комплекса факторов жизни общества и государства.

Взаимодействие государства и гражданского общества объективно необходимо, прежде всего, в целях обеспечения прав человека и гражданина и в условиях реформирования социальных связей на современном этапе целесообразно обеспечить тесное взаимодействие государственных и негосударственных институтов. В центре внимания и государства, и гражданского общества должна быть личность, с ее частными и публичными интересами. Конституция должна быть препятствием необоснованного вмешательства государственной

власти в частную жизнь личности, в развитие демократических основ самоуправления, должна закреплять гарантии невмешательства государства в ассоциативную жизнь человека и общества. Конституция закрепляет обязанность государства по обеспечению социально-экономической безопасности граждан, реализации их основных прав и свобод. Задача государства помогать становлению гражданского общества в целях обеспечения прав человека и гражданина, достижения социального консенсуса. Велика роль в этом – претворение Конституционных положений на практике. Конституция предусматривает механизмы сдержек и противовесов между властными структурами, некоторые процедуры разрешения возникающих конфликтов, определяет уровень взаимодействия и влияния для государственных и негосударственных организаций. Одной из актуальных проблем остается повышение эффективности влияния норм Конституции на формирование всего комплекса правовых и не связанных с правом условий для всестороннего развития гражданского общества.

В Конституцию и конституционное законодательство должны быть заложены более весомые механизмы защиты прав человека и гражданина в условиях становления гражданского общества, в условиях, при которых нормы Конституции и законов способствовали бы оптимальному взаимодействию государства и структур гражданского общества.

Список использованных источников:

1. Теория и практика российского конституционализма: сборник докладов научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. / отв. Ред. В.И. Фадеев. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2013. – 432 с. С. 89.

УДК 343.352.3

Заброда Д.Г.

кандидат юридических наук, доцент,

КФ ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЮ КОРРУПЦИИ

В публикации рассмотрены вопросы влияния глобализации на развитие транснациональной коррупции. Определены черты глобализации, которые создают условия для развития коррупционных отношений как объективной закономерности интенсификации международных бизнес-процессов. Выделены признаки коррупционных преступлений в сфере международной коммерческой деятельности. Сформулировано авторское понятие «транснациональная коррупция».

Ключевые слова: глобализация, коррупция, транснациональные корпорации (ТНК), транснациональная коррупция.

Трансформация мироустройства, обусловленная построением нового глобального универсума, напрямую связана с потребностью обеспечения сохранения и развития российского цивилизационного уклада. Реализация этого важнейшего России историко-социального задания, предусматривает формирование демократического, правового, социального государства, в котором обеспечивается баланс между публичными и частными интересами.

Необходимо констатировать, что социальному прогрессу в нашей стране длительное время препятствует ряд негативных факторов, среди которых коррупция и сопутствующие ей явления, оказывают наиболее существенное влияние. Её распространение в мире чрезвычайно широко. Так, в опубликованном в 2017 г. международной организацией TransparencyInternational «Барометре мировой коррупции» указывалось, что почти каждый четвертый житель планеты давал взятки при обращении за государственными услугами (в России в коррупции признались – 34% респондентов)[1].

Одной из сфер, которая продолжает активно коррумпироваться являются международные коммерческие отношения, основным участником которых выступают транснациональные корпорации (далее - ТНК).

Специалисты отмечают, что уже более 50-ти лет ТНК находятся в арьергарде глобализационных процессов, создавая основу для интеграции и кооперации в экономике, политике, научно-техническом прогрессе и информатизации общества.

В частности, ТНК не только формируют основные тенденции мировой экономики, но фактически определяют политику распределения финансовых и других ресурсов в отдельных регионах планеты. Например, в некоторых исследованиях указывается, что 52 из 100 наиболее развитых национальных экономик – это экономики транснациональных корпораций, на долю которых приходится до 50% общемировой торговли [2]. Распределяя от 25% до 30% своих активов за рубежом, ТНК с одной стороны, обязаны их обезопасить, применяя меры, препятствующие проникновению коррупции в реализуемые ими бизнес-процессы, а с другой принимают национальные «правила игры», включая убытки от коррупции в число транзакционных затрат.

Необходимо обратить внимание и на то, что ТНК: стремясь к получению сверхприбыли, осуществляют свою деятельность в наиболее доходных сферах (торговле, банковской деятельности, нефтегазовой отрасли и энергетике, фармацевтике, компьютерных технологиях и др.), не обращают внимание на развитие социально-ориентированных отраслей; могут снижать экологические стандарты производства в странах размещения филиалов; создают механизмы для уклонения от налогообложения, уводя часть из них из бюджета страны базирования; создавая рабочие места за рубежом, создают вакуум для работников в своей стране.

Одним из негативных аспектов глобализации выступает и транснациональная экономическая преступность, развивающаяся благодаря глубокому проникновению через коррупционные связи в экономику и финансовую систему, устранению конкуренции для монополизации сфер производства и распределения товаров, лоббированию корпоративных интересов в органах власти различного уровня, вовлечению доходов, полученных преступным путём, в легальный оборот и др.

Следует согласиться с мнением А.С. Капто, указывающего, что транснациональная коррупция представляет особую опасность для: международной безопасности, в первую очередь, для создания, поддержания и развития финансовой основы терроризма; контроля над вооружениями, путем создания условий для беспрепятственной незаконной торговли оружием; снижения уровня бедности через разворовывание чиновниками соответствующих денежных ресурсов; юстиции, демократии и прав человека, создавая условия для нарушения принципов справедливости, равного доступа к правосудию и механизмам защиты прав и свобод человека; справедливой торговли, обеспечивая монополизацию рынков, подавляя конкуренции, создавая условия для непрозрачности конкурсных процедур[3].

С целью конкретизации содержания общественных отношений, связанных с коррупцией, в международных правовых актах и документах: определено понятие «коррупция» и осуществлена классификация её проявления, в том числе и осуществлено выделение транснациональной коррупции, отмечена связь организованной преступности, преступного отмыывания доходов, полученных преступным путём, и коррупции; уточнены особенности статуса физических и юридических лиц, как субъектов коррупционных преступлений и связанных с ними деяний; изложены рекомендации, касающиеся совершенствования правовых и организационных механизмов борьбы с коррупцией в коммерческих операциях и т.д.

При определении критериев признания того или иного деяния к транснациональной коррупции учитываются подходы к определению понятия «транснациональная преступность», изложенные в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи № 55/25 от 15 ноября 2000 г. В частности к ним отнесены деяния, которые совершаются в: более чем одной стране; одном государстве, но значительная часть их подготовки, планирования, руководства или контроля осуществлялась в другом; одном государстве, но при участии преступной группы, которая осуществляет свою деятельность в более чем одном государстве; одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом.

В связи с этим, предлагается выделить следующие признаки транснациональной коррупции: она является самостоятельной разновидностью или формой транснациональной организованной преступности; её субъектами могут быть как физические лица (национальные должностные лица и должностные лица публичных международных организаций), так и юридические лица; основными способами её совершения выступают подкуп,

вымогательство, принятие неправомερных преимуществ, злоупотребление влиянием; направленность на получение сверхприбыли.

Таким образом, под транснациональной коррупцией можно понимать корыстную преступную деятельность должностных лиц отдельных государств и должностных лиц публичных международных государств, направленную на противоправное получение неправомερных преимуществ или незаконного вознаграждения для себя или другой стороны, причиняющего вред интересам организаций или граждан более чем одного государства [4].

С целью преодоления влияния транснациональной коррупции на экономические и социальные процессы необходимо: внедрять в национальное законодательство единые подходы к пониманию транснациональной коррупции как тяжкого преступления; развивать и совершенствовать деятельность специализированных международных и национальных антикоррупционных институций, в том числе и неправительственных организаций; создавать условия для внедрения корпоративных механизмов выявления и преодоления коррупционных рисков (антикоррупционных политик, антикоррупционного комплаенса, этических стандартов и др.); использовать информационные технологии для раннего выявления признаков коррупции при совершении международных коммерческих операций; применять меры государственного принуждения, исключающие повторность совершения коррупционных деяний должностными лицами и организациями, путем создания условий социальной и экономической невыгодности таких деяний (штрафов, многократно превышающих размеры незаконного вознаграждения (полученной от коррупционной сделки прибыли), дисквалификации на длительный срок, конфискации имущества, приобретенного незаконным путем, внесение лиц, допустивших в «черные списки», ограничение возможности кредитования, занятия предпринимательством, ликвидация организации и др.).

Список использованных источников

1. Рекордный показатель зафиксировали в Йемене [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://korrespondent.net/world/3907547-Transparency-pochty-kazhdyi-chetvertyi-zhytel-planety-daval-vziatku> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).
2. Все о ТНК — транснациональных компаниях Йемене [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ubiznes.ru/finansy-termin/vse-o-tnk-transnacionalnyh-kompaniyax.html> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).
3. Капто А.С. Международная коррупция как одна из опаснейших глобальных угроз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conf.stavsu.ru/conf.asp?ReportId=452> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).
4. Забрoда Д.Г. Правовые и организациoнные основы международного сотрудничества в сфере противодействия транснациональной коррупции. – Днепропетровск: ДГУВД, 2009. – 100 с.

УДК 341.17

Шармоянц А.Н.

к.ю.н., доцент кафедры истории и теории государства и права
«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Работа посвящена вопросу развития региональных, межрегиональных и глобальных интеграционных процессов в мире в контексте глобализации. Рассматриваются проблемы, присущие интеграционным процессам на разных уровнях их реализации, и тенденции в сфере интеграционных процессов в современном мире. На примере Всемирной Торговой Организации анализируются основные недостатки правового регулирования и механизмов, заложенных в деятельность Органа по разрешению споров (ОРС) при ВТО, рассматриваются варианты их разрешения.

Ключевые слова: интеграция, региональная интеграция, межрегиональная интеграция, глобализация, национальные интересы, ВТО.

Сам термин «интеграция» происходит от латинского *integratio* – восстановление отдельных частей в единое целое. Рассматривая же данный термин в отношении интеграционных процессов в контексте глобализма, его можно рассматривать как термин, обозначающий процесс, направленный на установление на различных уровнях устойчивых институциональных связей между государствами, направленный на расширение сотрудничества в ключевых для государств сферах.

В последние десятилетия, в контексте глобализации, планету охватили многочисленные интеграционные процессы на региональном, межрегиональном и глобальном уровнях, которые охватывают самые разнообразные сферы, от экономики, политики, безопасности до культуры и экологии.

К региональным интеграционным процессам относят объединительные процессы, которые проходят в рамках одного географического региона. Учитывая, что такая интеграция проходит между соседними или географически близко расположенными государствами, в них уже, как правило, существуют необходимые объективно сложившиеся факторы, благоприятствующие интеграции. К таким факторам можно отнести близкие исторически сложившиеся социальные, культурные, экономические, правовые связи между государствами. Среди межгосударственных объединений, сложившихся в рамках региональных интеграционных процессов, необходимо отметить Совет Европы, Африканский союз, Южноазиатскую зону свободной торговли, Североамериканское соглашение о зоне свободной торговли (НАФТА), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и многие другие. Российская Федерация является активным участником интеграционных процессов регионального характера и на начало 2020 года состоит в Союзном государстве России и Беларуси, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийском Экономическом сообществе, Таможенном союзе, Содружестве Независимых Государств (СНГ), Евразийском союзе и др.

К межрегиональным интеграционным процессам относят объединительные процессы, которые проходят между государствами, расположенными в разных регионах и континентах. К объединениям в рамках межрегиональной интеграции можно отнести зону свободной торговли между США и Южной Кореей, договор Канады и ЕАСТ (Европейская ассоциация свободной торговли), и др.

К глобальным интеграционным процессам относят те, в которых участвует большинство государств мира. Примером такого интеграционного объединения служит Всемирная Торговая Организация (ВТО), созданная первого января 1995 года с целью либерализации международной торговли и регулирования торгово-политических отношений государств-членов. В настоящее время в ВТО входит, по имеющимся данным, 164 государства мира, а с 2012 году и Российская Федерация [1]. Таким образом, в состав ВТО входит около 80 процентов государств мира.

Как видно из перечня существующих на разных уровнях интеграционных процессов в мире, Российская Федерация является активным участником многих из них. В тех же интеграционных процессах, в которых она прямо не участвует, в той или иной форме РФ активно взаимодействует с ними, что, безусловно, также порождает необходимость изучению этих процессов в качестве задела на будущее, для налаживания взаимовыгодного сотрудничества и отстаивания национальных интересов государства.

Рассматривая современные проблемы и перспективы интеграционных процессов в мире на региональном, межрегиональном и глобальном уровнях, необходимо отметить наиболее общие типичные проблемы, с которыми сталкиваются государства. К таким проблемам следует отнести:

- недостаточную политическую волю к созданию условий и разработке механизмов для реализации необходимых решений, неспособность структур и институтов реализовать на практике принятые решения;
- недостаточно продуманную интеграционную модель;
- наличие серьезных неразрешенных противоречий между государствами в политической, территориальной и в других важных для интегрирующихся государств сферах;
- в интеграционном процессе отсутствует стратегии сотрудничества;
- недостаточность финансовых ресурсов для реализации запланированных задач;
- низкий уровень развития инфраструктуры и обусловленная этим невозможность реализовать поставленные задачи;
- игнорирование в интеграционном объединении интересов одной из стран;
- в результате участия стран интеграционного объединения в нескольких международных группировках могут возникнуть противоречия между международными обязательствами, вытекающими из их участия;
- ориентация стран, входящих в интеграционное объединение, только на реализацию своих национальных интересов в ущерб договоренностям в рамках

объединения, возникновение «конфликтов интересов» при реализации стратегии (модели);

- слишком сильная дифференциация участвующих в интеграции государств в экономическом и социальном развитии, игнорирование этих различий, несовместимость внутренних и внешнеполитических приоритетов [2];

- проблемы, связанные с недостаточным уровнем правового регулирования и регламентирования интеграционного процесса в межгосударственных соглашениях;

- несоответствие или неоправданное затягивание приведения норм национального законодательства в соответствие с обязательствами, необходимыми для реализации интеграционного процесса и др.

Конечно, кроме типичных проблем, в современном мире появляются и новые вызовы времени, решение которых не столь очевидно. Рассматривая современное состояние интеграционных процессов в мире, следует отметить, что их интенсивность за последние несколько лет существенно снизилась, а в некоторых сферах и вовсе приобрела обратный характер и сменила направление на противоположное. Наиболее заметны такие изменения на уровне глобальных и некоторых межрегиональных интеграционных процессов и объединений. Так, не получило своего дальнейшего развития Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство между США и Европой, переговоры по которому шли с 2013 по 2016 год, так ничем и не закончившись. С началом 2020 года единство Европейского союза поставила под угрозу эпидемия вируса, в результате которой страны Евросоюза перекрыли границы и практически прекратили межгосударственное взаимодействие и сотрудничество.

На глобальном уровне, в результате злоупотребления западными странами своим доминирующим положением в информационной, технологической и политической сферах, под угрозой оказались сами принципы, заложенные в деятельности ВТО, как организации, призванной либерализовать международную торговлю. Основной задачей ВТО, в соответствии с принятыми учредительными документами, является постепенное сокращение и, в дальнейшем, «полная ликвидация барьеров, препятствующих свободной международной торговле». За последние несколько лет волна санкционных ограничений «всех против всех» прокатилась по всей планете и парализовала деятельность ВТО. Как отмечают Карлик А.Е., Глюткова В.А. и Галяткина С.А., в рамках сложившихся санкционных взаимоотношений, наиболее значимым является принуждение к уступке геополитических позиций на основе воздействия экономическими методами [3, С. 14].

В рамках ВТО предусматривается механизм компенсации за вред, причинённый санкциями, в соответствии с которым после обращения в Орган по разрешению споров (ОРС) заявитель может получить право на причинение такого же вреда, какой был нанесен ему мерой, успешно оспоренной в ОРС ВТО. Итоговый размер разрешенных ответных санкций не должен быть больше

установленного размера вреда, причиненного оспоренной мерой. Таким образом, такая мера носит скорее компенсационный характер, а не является наказанием. Многие ученые отмечают неэффективность, а в некоторых аспектах и нецивилизованный характер такого рода ответных мер [4, С.73]. Другой проблемой в применении таких ответных компенсационных мер в рамках ВТО является сложившаяся практика затягивания рассмотрения споров и превышение предусмотренных Договорённостью предельно допустимых сроков рассмотрения дел в ОРС, что в результате не лучшим образом сказывается на эффективности данного механизма [4, С.74]. Предусмотренные механизмы в рамках ВТО не позволяют разрешить проблему с санкциями, применение которых в последние годы приобрело лавинообразный характер.

Таким образом, очевидно, что существующие модели интеграционных процессов и механизмов их правового регулирования, действующие в мире, при возникновении серьезных трудностей или политического контекста перестают функционировать и не обеспечивают интересы сторон. Существующие правовые механизмы не создают условия, при которых, в рамках интеграционных процессов, будет обеспечено равенство сторон участников, а странам будет не выгодно злоупотреблять своим положением или не выполнять обязательства. Отсутствуют эффективные механизмы принуждения. Требуется новые подходы в моделях правового регулирования ответственности сторон за злоупотребления и нарушения своих обязательств. Например, в рамках ВТО, возможно, было бы целесообразно создать условия, при которых спорящие стороны не будут оставаться один на один друг с другом (так как экономический потенциал сторон может отличаться кратно, как это было между США и Антигуа в 2005 году), а против стороны нарушителя будут выступать все члены ВТО с правом введения (если это не противоречит их экономическим интересам) ответных санкций. Предусмотреть кратность ответных мер и четко ограничить и обеспечить соблюдение сроков рассмотрения споров в ОРС.

Открытыми еще остаются вопросы по обеспечению независимого и объективного судопроизводства при разрешении споров в рамках региональных, межрегиональных и особенно глобальных интеграционных объединений, устранения или хотя бы минимизации политической составляющей на данную деятельность и многое другое. Очевидно, что перед научным сообществом в настоящее время стоят сложные задачи, решение которых возможно только совместными усилиями всего мирового сообщества.

Возможно, большинство этих и других проблем в интеграционной деятельности удастся более эффективно решить в условиях активно складывающейся системы многополярного мироустройства.

Список использованных источников

1. Интеграционное право. Учебник / В. В. Блажеев, С. Ю. Кашкин, П. А. Калиниченко и др.; отв. ред. С. Ю. Кашкин. – Москва : Проспект, 2017. – 720 с

2. Анализ стратегий интеграционного сотрудничества (моделей реализации интеграционного потенциала) наиболее известных интеграционных объединений мира / Евразийская Экономическая Комиссия. – Москва. – 33 с.
3. Карлик А.Е., Хлутков В.А., Галяткин С.А. ВТО и санкции: был ли смысл восемнадцать лет ждать присоединения? / Экономические науки. М.: 2018. – № 4 (161). – С. 8 – 14.
4. Исполинов А.С. Санкции в ВТО: специфика и практика применения / Законодательство. М.: 2014. – № 10. – С. 66 – 76.

УДК 341

Гуменюк Е.В. ,

аспирант кафедры истории и теории государства и права,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье указаны основные источники правового регулирования кибербезопасности государств, раскрыты основные положения Будапештской конвенции по борьбе с киберпреступностью, рассмотрены действия Российской Федерации в части усовершенствования правового регулирования данной сферы. Автором выделены основные проблемы правового регулирования института кибербезопасности и предложены пути решения данных проблем.

Ключевые слова: глобализация, киберпреступление, кибербезопасность, информационная безопасность, Будапештская конвенция

Современный этап развития человечества – этап глобализации, борьбы за существование в мире государственной конкуренции в политической и экономической сферах. Социальное пространство указывает на неизбежные трансформационные процессы, которые порождаются и корректируются процессами глобализации. И право на данном этапе не может не затрагивать вопрос регулирования глобальных проблем современности.

На сегодняшний день Всемирная сеть интернет обусловила коренную трансформацию нашей повседневной жизни в сторону ее упрощения и рационализации, между тем, она, как и любое другое изобретение, имеет ряд скрытых или явных опасностей, а именно новую особенную форму преступности – киберпреступность.

Вопрос кибербезопасности является важным аспектом информационной безопасности, и, непосредственно, в силу того, что киберпреступления представляют собой угрозу не только для безопасности физических и юридических лиц, а и для инфраструктуры государств, как субъектов международного права, требует международно-правового регулирования на универсальном уровне.

По определению Международного Союза Электросвязи «кибербезопасность — это набор средств, стратегии, принципы обеспечения безопасности, гарантии безопасности, руководящие принципы, подходы к управлению рисками, действия, профессиональная подготовка, практический опыт, страхование и технологии, которые могут быть использованы для защиты киберсреды, ресурсов организации и пользователя. Кибербезопасность состоит в попытке достижения и сохранения свойств безопасности у ресурсов организации или пользователя, направленных против соответствующих угроз безопасности в киберсреде»[1].

Мировое сообщество впервые осознало перспективы преступного использования компьютерных технологий в начале 60-х годов прошлого столетия, когда и появился термин «киберпреступность».

Киберпреступность – это преступность, которая реализуется через корыстное и противоправное использование сети интернет (где компьютер – предмет преступления, а информационная безопасность – объект преступления), при этом компьютер является орудием или способом преступления против собственности, авторских прав, общественной безопасности, морали и так далее.

На национальном уровне государства включают правовые нормы относительно предупреждения преступлений в киберпространстве в уголовное законодательство.

В Российской Федерации, например, Глава 28 Уголовного кодекса предусматривает ответственность за преступления в сфере компьютерной информации.

В настоящее время существует всеохватывающей международно-правовой базы по обеспечению кибербезопасности.

На универсальном международном уровне в качестве источников права по защите кибербезопасности можно рассматривать лишь ряд резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН), которые содержат указания на необходимость совершения определенных действий, однако не создают международно-правовых обязательств для государств и исполнение их положений не является юридически обязательным. В частности: Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей ООН №A/RES/55/63 от 04.12.2000 г. и №A/RES/56/121 от 19.12.2001 г. «Борьба с преступным использованием информационных технологий», №A/RES/57/239 от 20.02.2002 г. «Создание глобальной культуры кибербезопасности», №A/RES/64/211 от 21.12.2009 г. «Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур» [2] и другие.

На сегодняшний день на региональных уровнях действуют два международных договора, действие которых направлено на обеспечение кибербезопасности государств участников, а именно: Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации, которая принята в 2001-м году в Будапеште, так называемая Будапештская конвенция по борьбе с киберпреступностью (не ратифицирована Россией), с дополнительным протоколом к ней, который касается криминализации действий расистского и ксенофобского характера, совершенных через компьютерные системы 2003-го года, а также Соглашение о сотрудничестве государств участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001-го года (Ратифицировано Россией Федеральным законом РФ от 1 октября 2008 года N 164-ФЗ).

Будапештская конвенция по борьбе с киберпреступностью определяет четыре следующие группы преступлений, относительно установления уголовной ответственности за которые Договорные Стороны обязуются осуществлять меры на национальном уровне:

1) «преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем»: противозаконный доступ (ст.2), неправомерный перехват (ст.3), воздействие на данные (ст.4), воздействие на функционирование системы (ст.5), противозаконное использование устройств (ст.6);

2) «правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств»: подлог с использованием компьютерных технологий (ст.7), мошенничество с использованием компьютерных технологий (ст.8);

3) «правонарушения, связанные с содержанием данных»: правонарушения, связанные с детской порнографией (ст. 9);

4) «правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав»: правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав (ст.10) [3].

Необходимость определённой уровневой, а не только предметной классификации преступлений в киберсреде, представленной в Будапештской конвенции, обусловлена, прежде всего, возможностью существования разных целей таких правонарушений.

Невозможно ставить в один уровень, например, нелегальное вмешательство в данные физического или юридического лица, которое приводит к нарушению прав на конфиденциальность с вмешательством в системы данных высших государственных органов иностранного государства. При определённых условиях (если такое преступление было совершено по решению представительских органов государства) оно должно непосредственно расцениваться как нарушение принципа невмешательства, который является одним из основных норм *juscogens*.

Таким образом, уже возникает вопрос об ответственности государства за нарушение норм общего международного права при условии приравнивания вмешательства в базы данных государства иностранного государства к нарушению принципа невмешательства государством-нарушителем.

Ярким примером такого вмешательства является кибер-атака иностранных хакеров на Эстонию в 2007-м году (повод – снос российского памятника), вследствие которой были выведены на несколько недель из работы сайты высших органов государства Эстонии, средства массовой коммуникации, системы банковских учреждений [4]. После этих событий в Таллине был создан центр НАТО по кибербезопасности.

Отношения между государствами в киберсреде, при наличии которых возникает угроза государственной безопасности, до настоящего времени четко не урегулированы международным правом и находятся на этапе своего формирования.

Российской Федерацией в 2011 году была представлена концепция Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. В отличие от Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года, которая больше направлена на защиту физических и юридических лиц от киберпреступлений, конвенция Российской Федерации носит более глобальный характер, так как в ней закреплена триада угроз военно-политического, террористического и криминального характера в сфере международной информационной безопасности. В основу противодействия этим угрозам в проекте положена взаимосвязанная система мер, опирающаяся на общепризнанные принципы и нормы международного права, а также меры укрепления доверия в этой области [5].

Кроме того, Российской Федерацией в 2017 году был предложен Проект Конвенции о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. Проект конвенции является новаторским. Он предусматривает широкий понятийный аппарат, криминализацию ряда противоправных деяний – новые составы преступлений, техническое содействие, порядок оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам в данной области, подготовку кадров и механизм претворения в жизнь положений Конвенции [6].

Учитывая вышеизложенное, в аспекте правового регулирования кибербезопасности государств, как субъектов международного права можно определить следующие проблемы: 1) отсутствие универсального международно-правового акта относительно регулирования института кибербезопасности; 2) отсутствие определённого аппарата правовых категорий относительно предмета правового регулирования; 3) недостаточная согласованность позиций государств и аспект политического противостояния в принятии универсальной конвенции; 4) объективно существующая срочная необходимость установления международно-правового регулирования кибербезопасности в связи с интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий и повышением потенциала кибер-оружия государств и, соответственно, угрозы их применения.

Борьба с киберпреступностью требует совместных действий различных государств и активизации международного сотрудничества с целью создания наиболее действенных методов и концепций по борьбе с киберпреступностью. Имеющиеся механизмы сотрудничества государств в сфере информационной безопасности, по нашему мнению, не используют весь возможный

глобализационный потенциал совместной работы и совместной борьбы с киберпреступностью. Каждое государство по отдельности, не имея единого наднационального координационного органа, не способно эффективно и оперативно реагировать, предотвращать, выявлять, пресекать и расследовать киберпреступления.

Подводя итог вышеизложенному, для решения проблем киберпреступности в современном мире с учетом всех глобализационных процессов, необходимо создание и принятие всеми государствами единого универсального международного документа, детально регламентирующего институт кибербезопасности, в котором будет четко определен понятийный аппарат предмета правового регулирования, а также четко урегулирован механизм взаимодействия и сотрудничества различных государств в сфере кибербезопасности.

Список использованных источников

1. Определения и терминология, связанные с укреплением доверия и безопасности при использовании информационнокоммуникационных технологий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.itu.int/net/itunews/issues/2010/09/20-ru.aspx>.
2. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/development/ict/res.shtml>
3. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/4089723/>.
4. HeliTiirmaa-Klaar. CYBER SECURITY THREATS AND RESPONSES AT GLOBAL, NATION-STATE, INDUSTRY AND INDIVIDUAL LEVELS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sciencespo.fr/ceci/sites/sciencespo.fr/ceci/files/art_htk.pdf.
5. К вопросу о представлении концепции Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/191650.
6. О презентации российского проекта универсальной конвенции о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/mezdunarodnaa-informacionnaa-bezopasnost/-/asset_publisher/UsCUTiw2pO53/content/id/2375819.

УДК 341.41

Зоз В.А.

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники,

Чехун А.Ф.

слушатель 6 курса факультета заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации

Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Об особенностях применения оперативно-розыскного законодательства при осуществлении незаконному распространению наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров посредством использования сети Интернет. Рассмотрены способы совершения наркопреступлений в сети Интернет и их разделение на типы, способы незаконного использования современных технологий наркоторговцами. Предложены мероприятия по оперативно-розыскному противодействию наркопреступлений в сети Интернет.

Ключевые слова: противодействие, наркопреступность, наркотики, сеть Интернет.

Значительное ухудшение криминогенной ситуации в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России, существенный рост связанной с этим преступности, повышение уровня распространения наркомании и наркобизнеса актуализировали важность исследования проблем совершенствования системы противодействия незаконному обороту наркотиков и наркомании с отображением концептуального понимания этой проблемы.

Оперативно-розыскная деятельность является одним из самых действенных средств в противодействии преступности. Данную деятельность регулирует оперативно-розыскное законодательство, в частности Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 года №144 [4]. Однако современная наркопреступность постоянно видоизменяется, используя современные технические средства маскировки и противодействия правоохранительным органам. Одно из главных преимуществ Интернета в случае незаконного распространения наркотиков - сложность проведения оперативных мероприятий по выявлению и задержанию преступников и возможность быстро и анонимно действовать в киберпространстве.

Использование преступниками в противоправной деятельности сети Интернет, в частности, во время незаконного распространения наркотических веществ, приобрело масштабные негативные тенденции. Преступниками сразу были оценены технические возможности использования в противоправной деятельности такой связи, прежде всего возможность в любом месте страны и в любое время связаться с соучастником, при этом сохраняя анонимность абонентов-пользователей сети Интернет. В отличие от сотовой телефонной связи, компьютер (ноутбук) не всегда можно запеленговать и определить его местонахождение (соответственно, и пользователя), поскольку для выхода в Интернет могут использоваться портативные устройства в различных местах, где есть возможность подключения к сети, что намного упрощает совершение противоправных деяний и внедрение в преступную деятельность таких средств связи. В последнее время все чаще сеть Интернет стала использоваться преступниками также как средство платежа за совершение различных

противоправных деяний, в том числе для оплаты при приобретении наркотических веществ.

Соответственно, перед правоохранительными органами, в том числе и перед оперативными подразделениями ОВД, четко поставлена задача выявлять и изобличать лиц, распространяющих наркотики с использованием инфокоммуникационных технологий. На практике решению этой задачи препятствует ряд обстоятельств, среди которых особо выделяется необходимость привлечения к указанной деятельности значительного количества сил и средств, главным образом со стороны подразделений, осуществляющих оперативно-технические мероприятия.

Характерной особенностью таких противоправных операций является их межрегиональный характер: лицо, которое заказывает наркотики, может находиться в одном районе (города или региона), лицо, которое делает закладки наркотических веществ – в другом районе (города или региона), а процесс легализации полученных от незаконного оборота этих средств – в третьем. Таким образом, преступники понимают, что, находясь в разных регионах, разоблачение их противоправной деятельности весьма затруднительно, поскольку чаще всего их личность не известна покупателям наркотических веществ. Указанное обстоятельство сводит на нет фиксацию таких фактов преступной деятельности органами внутренних дел, так как отсутствует так называемый непосредственный контакт между продавцом наркотических средств и покупателем.

Как правило, создание преступниками преступной схемы по бесконтактному сбыту наркотических веществ с использованием сети Интернет осуществляется через создание и регистрацию в российском или иностранном сегментах Интернета сайтов-фантомов под вымышленными именами. «Виртуальные» участники сбыта наркотических веществ, пользуясь бесконтрольностью интернет-сегмента со стороны правоохранительных органов, предлагают приобрести эти товары в виртуальном магазине. В связи с этим четко прослеживается переманивание клиентов с рынка традиционного контактного сбыта, где встречаются продавец и покупатель, на рынок виртуального бизнеса, где никогда не встретятся участники соглашения (продавец и покупатель) при непосредственном физическом контакте, что нивелирует риски уголовного преследования и задержания правоохранителями.

Можно выделить определенные стадии распространения наркотических средств через Интернет, а именно:

- i. создание, регистрация интернет-страницы и размещение на ней информации о сбыте наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Осуществляется с применением вербальной информации (специальные словоформы, эмоционально окрашенная лексика, жаргоны преступников и пользователей). Отметим, что во время общения между покупателем и продавцом могут использоваться заранее определенные символы, жаргоны, условные обозначения, шифры и т.д., что делает невозможным, в случае контроля Интернет-трафика работниками органов внутренних дел, установить цель разговора, а также места закладок.;

ii. организация сети (мест) закладок наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, характеризуется переходом от рекламы к действиям. Обсудив все детали о приобретении наркотических средств, их сбытчик предлагает перечислить определенную сумму денег путем пополнения счета телефона, электронного кошелька и т.п. Только получив подтверждение, что денежные средства перечислены на определенный счет, продавец сообщает лицу, желавшему получить запрещенные средства, место их закладки через Интернет или по телефону. Такое сообщение может одновременно подтверждаться фотографией определенного места закладки.

Преступниками могут создаваться системы соответствующих закладок наркотических веществ. При этом преступниками избираются такие места, где сразу заметно присутствие посторонних лиц (например, на просторной лесной поляне, расположенной на окраине города, на пустырях, заброшенных строительных площадках, с целью выявления подозрительных лиц

iii. стадия конвертации и легализации средств, полученных от бесконтактного сбыта наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; спецификой и определяющим признаком легализации «грязных денег» в данном случае является то, что сбытчик получает от покупателя денежные средства путем перевода чистой наличности на счет торговца.

Как правило, оперативные сотрудники работают с информацией, которую им предоставляют электронные платежные системы. Чаще всего в незаконном обороте наркотических средств в силу своей доступности и популярности используются QIWI Кошельки. Однако, в рамках оперативно-розыскных мероприятий оперативные сотрудники получают доступ не ко всем данным [2].

Для правоохранительных органов является насущной проблемой разработка новых оперативных методов для выявления и документирования наркопреступности в киберпространстве без нарушения прав и свобод граждан, например, права на неприкосновенность частной жизни, и соблюдение требований действующего оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства.

Также при разработке оперативных мероприятий необходимо учитывать и технические аспекты. Новейшие технологии позволяют злоумышленникам избежать отслеживания их местонахождения. Наиболее распространенный способ избежать отслеживания - использовать компьютеры с общим доступом в интернет-кафе, библиотеках и пр.

В целях более эффективного выявления наркопреступлений в сети Интернет предлагается проводить оперативно-розыскной мониторинг сетевого информационного пространства, который предполагает сбор, обработку и анализ информации о явлениях криминального плана, представляющих интерес для ОРД, оценку и прогноз изменения оперативной обстановки под воздействием криминогенных факторов [3].

Сегодня наиболее распространенным способом избежать установление места нахождения является использование анонимайзеров и TOR-сети. При использовании Интернета в противоправной деятельности в основном задержать преступников возможно только с помощью оперативных

мероприятий. Так, при использовании TOR-сетей определить местонахождение конечного компьютера довольно сложно, поэтому в целях профилактики можно размещать сайты-ловушки для установления лиц, интересующихся приобретением наркотиков, а также делать контрольные закупки.

Для достижения эффективности оперативной работы в сети Интернет правоохранительные органы должны широко взаимодействовать с различными учреждениями, например с интернет-провайдерами - для обмена конфиденциальной информацией. Необходимо представлять изначально, какую оперативно значимую информацию требуется получить и возможно ли это технически. Для успешного решения таких задач, равно как и тактики использования аппаратуры СОРМ (подготовки заданий для подразделений бюро специальных технических мероприятий), необходимо обладать специальными техническими знаниями [1]. Такое сотрудничество должно быть процессуально закреплено, что способствовало бы проведению эффективной профилактической работы правоохранительными органами.

В случае с распространением наркотиков через сеть главным является процесс доставки товара к потребителю. Доставка может быть организована через собственного курьера или официальными почтовыми операторами. Поэтому тесное сотрудничество с почтой является также необходимым.

Таким образом, следует выделить следующие пути совершенствования деятельности оперативных подразделений по противодействию наркопреступности в сети Интернет: наделить субъектов оперативно-розыскной деятельности правом создания интернет-сайтов для выявления лиц, причастных к незаконному обороту наркотических средств; осуществлять постоянное совершенствование тактических приемов, направленных на обнаружение интернет-ресурсов, созданных для сбыта наркотических средств; внедрять в практическую деятельность современные технические средства, способные решать задачи, связанные с выявлением лиц, связанных с незаконным оборотом наркотических средств через Интернет.

Список использованных источников

1. Молоков В.В. Использование систем анализа ресурсов сети Интернет и медиа в вопросах противодействия информационным террористическим угрозам // Национальный и международный уровни противодействия наркоугрозе и взаимодействие в сфере реабилитации и ресоциализации наркопотребителей. - Красноярск: СибЮИ МВД России, 2015. С. 56-60

2. Молоков В.В., Галушин П.В. Специальные технические знания, необходимые для эффективного раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. - 2016.- № 2 (23). -С. 138-142.

3. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. — 3-е изд., перераб. и доп. - М.: ИНФРА-М., 2014. — С. 332

4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. №144 (в действующей редакции).

УДК 342

Баранов Д.А.*Белорусский государственный университет*

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПЕРСПЕКТИВНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ ГОСУДАРСТВ- ЧЛНОВ ЕАЭС

В настоящей статье говорится о проблемных вопросах связанных с интеграцией на постсоветском пространстве. Раскрываются причины правового, экономического и политического сдерживания развития интеграции в рамках ЕАЭС. В статье также предлагается комплекс мер направленных на укрепление интеграционного взаимодействия в сфере агропромышленного комплекса. В завершении статьи автор указывает на необходимость углубления интеграционных процессов между странами ЕАЭС.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, интеграционные процессы, национальная экономика, наднациональное законодательство, гармонизация законодательства

На современном этапе развития мировой экономики региональный аспект международного сотрудничества становится одним из важных моментов для решения глобальной проблемы конкурентоспособности агропромышленного комплекса в экономиках национальных государств. Эффективное функционирование региональных интеграционных объединений все в большей мере влияет на результативность экономической деятельности каждого из участников таких образований. Можно сказать, что проводимая в Республике Беларусь государственная политика отдает огромное значение развитию агропромышленного комплекса.

Сегодня Республика Беларусь является участником многих интеграционных образований. Одной из важнейшей моделью экономической интеграции на постсоветском пространстве в настоящее время является Евразийский экономический союз. В этой международной организации в которую входят страны как Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана и России развитие агропромышленного комплекса является одним из ключевых направлений в интеграции. Подтверждением этому было подписание 29 мая 2013 года Президентами Беларуси, Казахстана и России Концепции согласованной (скоординированной) агропромышленной политики государств-членов ТС и ЕЭП (Концепция). Концепция стала первым в истории Союза комплексным отраслевым документом по вопросам интеграционного взаимодействия в агропромышленном секторе. Важное значение имело принятие на уровне глав правительств на заседании Высшего Евразийского экономического совета 21 ноября 2014 года Плана мероприятий по реализации этой Концепции.

Вторым важнейшим этапом развития региональной интеграции на территории стран членов Таможенного союза стало подписание 29 мая 2014 года в Астане договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который официально вступил в силу с 1 января 2015 года и говорит о создании одной из крупнейших региональных организаций и качественно новых отношений между странами участницами. Найважнейшие положения Концепции и Соглашения о единых правилах государственной поддержки сельского хозяйства были заложены в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (Договор). Основной целью согласованной агропромышленной политики, которая проводится странами является эффективная реализация ресурсного потенциала государств-членов для оптимизации объемов производства конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка, а также наращивания экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия [1, с.49].

Сегодня стоит остро вопрос по решению задач определенных в Договоре, для реализации которых необходимо преодолеть массу проблем, которые по нашему мнению сдерживают интеграционные процессы в рамках ЕАЭС, особенно в сфере АПК. Если проводить анализ основных нормативно-правовых документов, регулирующих аграрную сферу (специальные законы республиканского/федерального уровня и госпрограммы развития сельского хозяйства) стран — членов ЕАЭС, однозначно можно сделать вывод на приоритет национальных интересов над союзными. При этом многие из них составлены с полным игнорированием того, что закреплено в международных нормативных документах. Исходя из этого, можно указать на следующие причины такого разбалансированного правового регулирования, это - различные экономические подходы в ценообразовании, стоимости кредитных ресурсов, налоговой нагрузки, уровне цен на энергетические ресурсы, устаревшая производственная и технологическая база и т. д. В результате сильно отличаются объемы и направления государственной поддержки агропромышленного комплекса в странах-участницах, которые существенно влияют на конкурентоспособность с/х продукции. Также у всех стран прослеживается тенденция о приоритетности импорто замещения в рамках национальных экономик и направленности к поддержанию отечественного АПК, но не об общем аграрном рынке государств ЕАЭС. Еще одним препятствием в развитии интеграционного союза является серьезные различия в странах в нем участвующих в уровне экономического развития, ресурсного потенциала, климатических условий и др. Проблемой остается неравномерное развитие подходов к формированию системы органов по управлению отраслями с/х и правового регулирования в рамках стран участниц ЕАЭС и стремление каждого из субъектов государств защитить свои собственные интересы и нежелание договариваться. Все это указывает на слабую ориентированность стран ЕАЭС в проведении единой аграрной политики. Поэтому для достижения стратегических целей государств участников ЕАЭС и нахождения путей решения своих внутренних проблем

необходима унификация всех компонентов, создание единых управленческих механизмов в рамках интеграционных образований и равных условий для всех участников.

Решение задач согласованной агропромышленной политики предполагает использование механизмов межгосударственного взаимодействия по следующим основным направлениям, таким как прогнозирование в АПК, государственная поддержка отрасли, регулирование общего аграрного рынка, развитие экспорта сельскохозяйственной продукции, научное и инновационное сотрудничество в АПК, информационное обеспечение агропромышленного комплекса, формирование единых требований в сфере производства и обращения продукции и продовольствия. [1, с.50].

Одним из ключевых направлений согласованной агропромышленной политики, закрепленном в Договоре о Союзе, является прогнозирование и мониторинг. Принятая методология по составлению прогнозных показателей спроса и предложения государств-членов Евразийского экономического союза по сельскохозяйственной продукции недостаточно отражает использование потенциала сторон и развития взаимной торговли сельскохозяйственной продукцией. На основании мониторинга нужно выработать четкие рекомендации по повышению эффективности нормативного регулирования государств-участников ЕАЭС, из-за которого сегодня во многом существуют проблемы во взаимодействии участников союза, которые не позволяют создать более предсказуемые условия для торговли сельскохозяйственной продукцией между государствами – членами.

Что касается направления государственной поддержки агропромышленного сектора осуществляемой в государствах союза, к сожалению существует ряд проблем, связанных с обеспечением равных условий для всех без исключения участников союза и надлежащего исполнения решений международного суда, в том числе и ЕЭК. По нашему мнению одним из решением этой проблемы может стать наделение Суда ЕАЭС правом принимать решения по данным вопросам, в том числе о возможности наложения штрафных санкций и иных обеспечительных мер на уполномоченный орган государства-члена за неисполнение решений ЕЭК по устранению препятствий на внутреннем рынке. Помимо введения дополнительных гражданско-правовых и процедурных механизмов, этот вопрос требует серьезной проработки и в административной плоскости, вплоть до введения административных механизмов контроля(ограничений) к странам нарушающим установленный правовой порядок в рамках ЕАЭС, с расширением компетенции в этой части Департамента агропромышленной политики, включением в его структуру специального органа (подразделения) по расследованию нарушений международных нормативных актов и наделением его правом обращения в суд Союза о наложении ограничительных мер в части экспортных поставок, финансирования и др.

Сегодня необходимо более ускоренными темпами адаптировать систему агропромышленного комплекса стран ЕАЭС к рыночным условиям экономик. Развитие специализации, кооперации в агропромышленном

производстве должны стать основой в сфере агропромышленного производства, чего сегодня категорически не происходит. Фактически государства - члены ЕАЭС не ориентируются на кооперацию в рамках стратегических программ развития АПК, что приводит к усилению противоречий между участниками интеграционного объединения, направлению национальных бюджетных и иных ресурсов на внутрисоюзную конкуренцию. Результатом указанных негативных тенденций является ухудшение структуры внешней торговли сельскохозяйственным сырьем и продовольствием. Поэтому создание новых организационно-производственных структур - сельскохозяйственных кластеров, позволяющим всем участникам совместной деятельности получать прибыль, эквивалентной их производственным затратам, несомненно, имеет большое экономическое и социальное значение для всех участников союза.

Совсем слабо выглядит такое важное направление как совместное развитие экспорта сельскохозяйственной продукции и продовольствия. По существу пока это декларация. Сегодня все еще сохраняется положение, когда все страны-участницы сами в одностороннем порядке принимают решение о запрете экспорта какого-либо товара или импорта без всяких согласований с членами Союза. Необходимо усилить согласованную политику в этом направлении и рассмотреть возможность создания общих управленческих структур по курированию отдельных направлений агропромышленного комплекса – создание наднациональных институтов на подобии с ЕС передав им часть национальных компетенций. На начальном этапе уже сейчас можно было рассмотреть возможность создания рабочих групп по экспорту мясо-молочной продукции, продукции растениеводства и др. с включением в них представителей государственных структур и производителей данных товаров.

Недостаточными темпами по нашему мнению развивается такое направление как регулирование общего аграрного рынка, т.к. его сложно оторвать от направления «господдержки», являющейся как раз одним из основных инструментов регулирования рынка. На наш взгляд в этом направлении должна быть проведена серьезная масштабная работа по созданию общих финансовых, правовых, страховых инструментов. Решением может стать создание единой агропромышленной карты в которой предусмотреть весь комплекс практических шагов по ее реализации. Карта позволит посмотреть, где необходимо изменить «компетенции», где надо развивать производство мясо-молочной продукции, где усилить или увеличить производство растениеводческой продукции, где развивать совместные инновационные институты и так далее.

Ключевым направлением в рамках развития АПК является инновационное сотрудничество. Одной из главных проблем сегодня в странах участниках ЕАЭС является низкий технологический уровень производства в с/х, что сказывается на низкой производительности труда, качестве продукции и ее конкурентоспособности. Улучшить инновационный фон можно путем создания совместных программ по развитию бизнеса, кредитно -

финансовых институтов, которые будут финансировать проекты в сфере АПК. Необходимо создавать новые формы организации и управления в АПК, методы выработки решений, например в виде инновационно-консультативных систем в сфере научно-технической деятельности. Важно, что такая система позволит повысить качество и оперативность принятия управленческих решений, анализировать рынок союза в интерактивном режиме, оценивать потенциал новых рынков. Создание специальной рабочей группы или органа по развитию инновационного направления, а также разработка общего нормативно- правового документа регулирующего данную сферу в рамках союза смогло бы положительно повлиять на улучшение сотрудничества в данной сфере.

Подводя итог, можно сказать, что все вышеперечисленные проблемы предопределяет объективную целесообразность более глубокой социально-экономической интеграции между странами ЕАЭС в вопросах устойчивого развития регионального агропромышленного производства и рынка. Сегодня необходима разработка эффективной системы нормативно – правового регулирования в сфере АПК ЕАЭС, формирование соответствующих наднациональных управленческих структур с наделением их соответствующей компетенцией и принятием обязательных решений для всех стран участников, а также разработкой эффективных механизмов по обеспечению их исполнения всеми сторонами ЕАЭС. Должна вестись серьезная идеологическая работа. Отсутствие ментального ощущения жизни в рамках союза народов их государств присутствует, поэтому вовлечение институтов гражданского общества в систему межгосударственных отношений окажет только положительный эффект.

Список использованных источников:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 в ред. 11.04.2017 / Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. [Концепция согласованной \(скоординированной\) агропромышленной политики государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства](#) [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 340.1

Амбарцумян Г.А.

«Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В работе автор рассматривает один из основополагающих принципов международного права о невмешательстве во внутренние дела государств, а также на

основе мнений ученых рассматривает сомнительную с точки зрения международного права практику некоторыми государствами, направленную на нарушение данного принципа в современных международно-правовых отношениях.

Ключевые слова: суверенитет, невмешательство, нестабильность, мягкая сила.

Принципами международного права считаются основополагающие нормы международного права, которая имеет наибольшее значение для решения главных проблем сложившихся международно-правовых отношениях [1]. Определение принципа международного права содержится в главе 3 ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, где под принципами международного права понимаются императивные нормы общего международного права, которые принимаются и признаются международным сообществом в качестве таковых и отклонение от которых недопустимо.

Г.В. Игнатенко считает, что в мире нет международно-правового акта, в котором давался бы перечень таких императивных норм. Можно сказать, что нет общего согласия всех субъектов международного права относительно не только перечня, но и определения конкретных принципов или норм, которые носят императивный характер [2]. Ярким примером сложившейся ситуации является тот факт, что даже Комиссия международного права ООН при принятии окончательного проекта будущей Венской Конвенции о праве международных договоров в 1966 году отказалась дать перечень императивных норм в силу сложного характера вопроса и различия позиций государств [1]. Тогда возникает вопрос, какие все же нормы мы можем считать основными принципами международного права и в каких международно-правовых актах они содержатся? К таким актам, закрепляющим основные принципы, необходимо отнести Устав ООН. Закрепленные в нем принципы сформулированы кратко и их содержание не раскрывается в полной мере. Кроме того, 24 октября 1970 г. в рамках ООН была проведена работа по формулированию содержания основных принципов, которая завершилась принятием Генеральной Ассамблеей Декларации о принципах международного права, где были закреплены и раскрыты семь основных принципов [3]. Еще три принципа были зафиксированы в Заключительном акте Хельсинского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 года.

Закрепленный в приведенном источнике принцип невмешательства во внутренние дела государств содержится в п. 7 ст. 2 устава ООН, который говорит о том, что ООН не имеет права на вмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства [4]. Далее в декларации 1970 года о принципах международного права раскрывается содержание данного принципа. В соответствии с положениями Декларации, запрещается любого рода вмешательство во внутренние дела любого государства, а также угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его экономических, политических, культурных интересов [5]. В.С. Иваненко основываясь на вышеуказанных положениях говорит об основном

содержании принципа невмешательства следующее: ни одно государство или группа государств не имеют права: 1) Вмешиваться прямо или косвенно во внутренние и внешние дела друг друга; 2) Поощрять и применять экономические, политические и иные меры для подчинения себе другого государства в целях получения от них каких-либо преимуществ; 3) Организовывать, разжигать, финансировать, подстрекать или допускать подрывные, террористические или вооруженные действия в другом государстве, а также вмешиваться во внутреннюю борьбу; 4) Применять силу в целях лишения народов их национальной самобытности, нарушения их неотъемлемых национальных прав; 5) Препятствовать реализации каждым государством его неотъемлемого права самому выбирать себе политическую, экономическую, социальную, культурную и правовую системы без какого-либо вмешательства извне. Вмешательство может быть прямым или косвенным, где прямое вмешательство – навязывание своей воли одним государством по отношению к другому государству с целью совершения вторым определенных действий в пользу первого. В свою очередь косвенное вмешательство – применение вышеназванных мер принуждения, осуществляемое не самим государством, а находящимся под его контролем лицами или организациями [6].

Разобрав теоретическое содержание объекта нашего исследования, мы можем приступить к рассмотрению предмета исследования, которым является ответ на следующий вопрос – в каком виде в современных международно-правовых и политических отношениях происходит нарушение данного принципа?

В результате выработки основных принципов международного права, на мировой арене возникла ситуация, которая позволяет государствам применять данные принципы исключительно в своих интересах. Субъекты международного права, оказывающие влияние на государства, обходят принцип невмешательства во внутренние дела, используя такие инструменты, как права человека, гуманитарная интервенция, ответственность по защите. Возникновение данной ситуации обуславливается желанием экономически сильных государств распространить свое политическое влияние на все мировое сообщество. В связи с чем, эксперты пришли к выводу, что происходит попытка ввести новую норму в международное право, которая позволила бы более сильным государствам вмешиваться во внутренние дела суверенного государства, если международное сообщество посчитает, что правительство данной страны не способно выполнять свои обязанности на должном уровне и данный факт является угрозой международной безопасности [7].

Соответственно у заинтересованной стороны в нарушении данного принципа возникает возможность обходить нормы и принципы международного права, легально вмешиваться во внутренние дела других государств. Ярким примером таких действий служат действия Соединенных Штатов Америки в отношении других субъектов международного права. Можно предположить, что Агентство США по международному развитию,

создано именно для целей, которые разными способами в обход международно-правовых норм, оказывают влияния на внутренние дела других государств. Путем значительной финансовой поддержки для осуществления внешнеполитических действий. Не скрывая направленности своей активности, АМР на своем официальном сайте указывает, что основная деятельность в Европейском и Евроазиатском регионах реализуется в таких государствах как Украина, Грузия, Босния и Герцеговина, Косово, Армения, где в свою очередь мы наблюдаем нестабильную политическую обстановку. Однако, проследить конкретную связь между поддержкой и возникающей нестабильностью достаточно сложно. Кроме того, США создают и используют неправительственные некоммерческие организации, которые работают в государствах и разворачивают там не прозрачную деятельность. Примером данной ситуации является группа некоммерческих организаций «Открытое общество», в которую входит осуществляющий деятельность на территории Украины Международный фонд «Возрождение», оказывающий поддержку протестному движению в Украине.

Рассмотрим механизмы вмешательства во внутренние дела государства на территории Российской Федерации. В 2017 году в ходе 420-го заседания Совета Федерации был представлен доклад временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ. Комиссией выявлено десять основных направлений вмешательства извне во внутренние дела РФ, результатом которой может провоцироваться внутривнутриполитическая нестабильность государства и общества. Отметим их:

- создание или поддержка некоммерческих организаций (НКО), иных подобных структур, прямо или косвенно участвующих в политической деятельности в интересах зарубежных государств и оказывающих воздействие на институты гражданского общества в целом;
- работа с образовательными учреждениями, школьниками, студентами, финансирование образовательных программ с целью дальнейшего контроля этой сферы, ее трансформация в направлениях, которые выгодны нашим политическим конкурентам;
- использование СМИ и социальных сетей для дискредитации страны, институтов власти, политических лидеров и в целом для формирования определенных стереотипов общественного мнения;
- дискредитация Русской Православной Церкви и разжигание межрелигиозной розни;
- стимулирование протестной повестки и вовлечение в протестные акции молодежи;
- вмешательство в российские выборы на федеральном и региональном уровнях;
- разжигание межэтнических противоречий, конфликтов, инспирирование протестных акций на национальной почве;
- все виды антироссийских санкций как инструмента нажима на политические власти и общество;

– очернение на мировой арене российской политической и социально-экономической жизни с последующим использованием этой информации внутри России;

– целенаправленная и грубая политизация спорта высоких достижений в антироссийских целях [8].

По мнению экспертов, Российская Федерация ощущает на себе непрерывное воздействие извне с момента возникновения. В целом ряде случаев оно принимает форму прямого вмешательства во внутренние дела государства.

На данном примере мы видим основные завуалированные механизмы и направления вмешательства иностранных государств во внутренние дела Российского государства, которые позволяют избегать ответственности за нарушение рассматриваемого нами принципа.

Рассмотрев теоретическую составляющую объекта нашего изучения, конкретные примеры и способы нарушения данного принципа, мы можем прийти к следующим выводам. Уровень современного международно-правового регулирования принципа невмешательства не допускает лишь явные, открытые и очевидные действия заинтересованных государств. В свою очередь данные государства используют «мягкую силу» для завуалированного вмешательства посредством некоммерческих организаций, финансирования определенных проектов на территории государства, чье право на невмешательство и соответственно суверенитет нарушаются. Важно отметить тот факт, что наблюдается тенденция экономически сильных государств закрепить на международно-правовом уровне легальное основание, позволяющие вмешиваться во внутренние дела других государств. Одним из ключевых вопросов на сегодняшний день остается вопрос юридического определения термина внутренней и внешней компетенции государства, его классификация, являющаяся необходимой для решения ряда последующих проблем. Кроме этого стоит отметить несогласованность позиций представителей мирового сообщества по обозначенным вопросам, что осложняет процесс правового регулирования данной проблемы и достижения согласия между государствами.

Список использованных источников:

1. Международное право общая часть : учебник / А.Х. Абашидзе, Е.М. Абайдельдинов, С.Ж. Айдарбаев и др. – Вор. Наука-Юнепресс, 2013. – 652 с.
2. Курс международного права : в 7. Т. 2 Основные принципы международного права / Г.В. Игнатенко. – М. : Наука, 1989.
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, от 24 октября 1970 г. Действующее международное право. В 3-х томах. Составители: Ю.М. Колосов. Т. 1. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. – 858 с.

4. Устав Организации Объединенных Наций. / Действующее международное право. В 3-х томах. Составители: Ю.М. Колосов. Т. 1. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1996. – 858 с.
5. Лайтман В.И. Принцип невмешательства во внутренние дела государств в международном праве / В.И. Лайтман // Отраслевые юридические проблемы законодательства – 2020. – № 14. С. – 467-470.
6. Международное право : учебник / А.Х. Абашидзе, Е.С. Верещетин, С.А. Егоров. – 3-е издание, переработ. – М. НОРМА ИНФРА-М, 2010 – 720 с.
7. Ашавский Б.М. Принципы невмешательства во внутренние дела государства и уважения и соблюдения основных прав и свобод человека : границы дозволенного в процессе их взаимодействия // Международные пакты о правах человека: ценностные характеристики: материалы Международно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова. – М. 2016. – 73-81 с.
8. Ежегодный доклад комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации [Электронный ресурс] // Совет Федерации: – URL: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/90141

УДК 342.7

Шустова Ю.В.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

В статье рассматривается и анализируется понятие и необходимость общественного контроля для развития правового государства и гражданского общества.

Ключевые слова: общественный контроль, государственная система, местное самоуправление, общественные палаты, муниципальная реформа

Общественный контроль – одно из перспективных и актуальных направлений современного этапа развития гражданского общества в Российской Федерации. В свою очередь, определение механизма осуществления общественного контроля – одна из наиболее важных задач современного этапа развития государства. В Конституции Российской Федерации провозглашается приоритет гражданских прав и свобод, но осуществление их на практике в полном объеме не представляется возможным.

Совершенствование и развитие системы контроля за государственными и муниципальными органами связывают с развитием непосредственно институтов гражданского общества, которые призваны уравновешивать власть государства. В условиях экономической и политической свободы граждане, а также их объединения, способны обеспечивать реальный, эффективный и независимый контроль в сфере управления. Исходя из этого, считается оправданным рассматривать общественный контроль через призму контрольной деятельности институтов гражданского общества и отдельных граждан.

В юриспруденции контроль рассматривается как функция управления или как стадия управленческого цикла, который имеет свои особенности.

Можно выделить отличительные признаки контроля:

- главной целью выступает проверка законности;
- проверка целесообразности деятельности подконтрольного субъекта (т.е. возможность вмешательства контрольного органа в оперативную деятельность). Данное положение регламентируется Федеральным Законом от 21 июля 2014 г. № 212 «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Объект контроля стоит рассматривать в нескольких аспектах. В области теории контроля и контрольной деятельности специалисты выделяют двойной объект. Данная позиция обуславливается несколькими критериями:

1. – у подконтрольного субъекта существует свой объект управления;
2. – контролирующий субъект проверяет деятельность подконтрольного субъекта по отношению к его объекту управления.

В данном положении объектом общественного контроля выступает деятельность подконтрольного субъекта по отношению к его объекту воздействия.

На основании ст. 33 Конституции Российской Федерации [1] можно считать, что конституционной основой общественного контроля является закрепление за гражданами права обращения в органы государственной власти и местного самоуправления.

Создание основы для осуществления общественного контроля берет свое начало в период реформы системы государственной системы. Главной задачей было создание с целью обеспечения прозрачности службы, форм участия гражданского общества в контроле за осуществлением деятельности муниципальных и государственных служащих.

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ развивает конституционную реформу. Также его можно принять в качестве основы для функционирования общественного контроля. Государственной власти предоставлена двойственная роль :

- во-первых, она закрепляет правовую основу общественного контроля;
- во-вторых, устанавливает определенные ограничения для его реализации.

Особое внимание стоит обратить на два положения Закона:

1. – ч. 2 ст. 2 Федерального закона № 212-ФЗ указано, что названный акт не распространяется на ряд сфер (оборона, безопасность, правопорядок, деятельность полиции и т.д.) [2].

2. – ч. 6 и 7 ст. 3 Федерального закона № 212 – ФЗ указывает, что общественное объединение могут наделяться дополнительными полномочиями по осуществлению общественного контроля [3].

Исходя из указанного, можно сделать вывод, что общественное объединение и общественный контроль не всегда являются взаимосвязанными.

В Российской Федерации проведены ряд успешных реформ, направленных на развитие общественного контроля.

Особенностью современного местного самоуправления является наличие широкого спектра форм участия населения в его осуществлении.

Муниципальная реформа значительно расширила возможность непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления. По мнению Н. С. Бондаря, «важное место в конституционном механизме политической институционализации гражданского общества, равно как и в развитии и углублении свободы личности, реальном обеспечении и гарантировании прав и свобод человека и гражданина, принадлежит системе местного самоуправления, выступающей институциональным средством реализации гражданского общества» [4, с.57].

Основной целью данной реформы является демократизация деятельности институтов местного самоуправления.

Если рассматривать главу 5 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», законодатель закрепил основные формы непосредственного осуществления местного самоуправления населением, а также предусмотрел, что наряду с этими формами в уставе муниципального образования могут закрепляться и иные формы.

В связи с этим в Российской Федерации создаются муниципальные формирования, которые по своей природе аналогичны Общественной палате Российской Федерации [5, с.123]. Выделяют следующие муниципальные формирования:

- общественные палаты (советы) – формируются при главе муниципального образования, либо при администрации муниципального образования. Основными формами работы являются пленарные заседания и комиссии. Также предусматривается возможность создания совета общественной палаты.

Основными целями их деятельности является:

- а) обеспечение взаимодействия граждан, проживающих на территории данного муниципального образования, с органами местного самоуправления;
- б) систематизация общественно значимых законных интересов граждан;
- в) защита прав и свобод граждан при реализации муниципальной политики по наиболее важным вопросам развития муниципального образования;
- г) достижение общественного консенсуса при решении важнейших вопросов местного значения.

Общественные палаты осуществляют общественный контроль в форме проверки соответствия потребностям граждан действий органов местного самоуправления, а также по оценке эффективности реализации ими правовых актов [6, с.193]. На основании результатов данной проверки принимается решение, в котором выражается мнение общественной палаты о законности отдельных действий конкретных органов местного самоуправления.

У общественного контроля есть все основания на развитие как одного из перспективных и неотъемлемых институтов гражданского общества. Без самоорганизации разнообразных гражданских инициатив невозможно

эффективное функционирование социальных механизмов, их естественное развитие и реформирование.

Список использованных источников:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. Федеральный закон "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" от 21.07.2014 N 212-ФЗ (последняя редакция).
3. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации".
4. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2009. С. 57.
5. Тимофеев Н. С. Местное самоуправление в системе государственных и общественных отношений. История и современность. Опыт России. М., 2005. С. 123.
6. Муниципальная реформа в РФ: правовое и экономическое исследование/под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. С. 193.

УДК 342.41

Осташ А.В.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

**КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОБЪЕКТ
ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОЙ
ЗАКОННОСТИ.**

В данной статье рассматривается особая роль Конституции РФ для обеспечения правовой охраны и законности.

Ключевые слова: конституция, правовая охрана, законность, государство, конституционность.

Конституция Российской Федерации от 1993 принималась в сложный исторический период – период сложных политико-правовых условий, становления нового демократического и правового государства, основанного на конституционной законности. Конституционная законность содержит в себе свойство всеохватываемости: ее распространение по всем аспектам, в равной мере на органы публичной власти и их должностных лиц, на институты гражданского общества и граждан. К свойствам конституционной законности можно отнести ее гарантированность и устойчивость. Все эти и иные свойства конституционной законности под силу обеспечить Конституционному Суду РФ[1, с.42].

Для обеспечения стабильности Конституции РФ необходим особый правовой механизм ее охраны. Правовая охрана подразумевает совокупность юридических средств, с помощью которых обеспечивается соблюдение норм Конституции и поддержание конституционности в стране.

Конституционный Суд обладает особым правовым положением, которое обуславливается его функциональным предназначением. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. «О Конституционном суде Российской Федерации»[2], он является судебным органом конституционного контроля, осуществляющий судебную власть независимо и самостоятельно, посредством конституционного судопроизводства. Роль Конституционного суда в охране Конституции и конституционной законности, определяющаяся функциональным предназначением, проявляется в основных направлениях воздействия органов конституционного судебного контроля на защиту конституционных норм, восстановлении нарушенных прав, совершенствовании российского законодательства. Исходя из этого, можно обозначить особенности компетенции Конституционного Суда: во-первых, конституционный контроль осуществляется особым видом судопроизводства; во-вторых, призван обеспечивать конституционность деятельности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов, а также разрешение споров между ними; в-третьих, официальное толкование Конституции и выдвижение обвинения Президенту в государственной измене или в ином тяжком преступлении.

Для обеспечения своего функционирования Конституционный Суд наделяется полномочиями, в соответствии с которыми предусмотрена возможность принятия решений о несоответствии нормативного правового акта Конституции. После чего данный акт утрачивает свою юридическую силу. Также, к числу особенностей юридической природы решений Конституционного Суда следует отнести практику изложения правовых положений, правовых выводов и правовых позиции, зафиксированных в мотивировочной части, так и окончательные выводы, закрепленные в резолютивной части решения Суда.

Органы конституционного контроля играют важную роль в разрешении политических конфликтов различных уровней. При разрешении политических вопросов Конституционный Суд обязан выбрать правильную правовую позицию: поддержать одну сторону (политическую группу) и опровергнуть другую (признать их действия неконституционными). Исходя из этого, нельзя не согласиться с профессором Шварцем, который считает, что «своими решениями Конституционный Суд очерчивает рамки действия властей, их компетенцию, защищает права граждан, решая дело в пользу одной из спорящих сторон. Поэтому всегда будет кто-то недоволен его решением...»[3] Достаточно часто проигравшая сторона истолковывает решения Конституционного суда как неправомерные, даже если не проявляется тенденция поддержки одной политической группы. Также в данном контексте,

решения Конституционного Суда можно рассматривать как своеобразный институт «сдержек и противовесов» в правовом государстве.

Конституционность состоит в том, что органы публичной власти, должностные лица не только сами выполняют требования Конституции, но и выявляют нарушения в законодательной, правоприменительной деятельности, восстанавливают нарушенные права и свободы, привлекают виновных к ответственности. Конституционность поэтому обязательно предполагает наличие механизмов охраны и защиты конституционных установлений [4, с.248].

Судебная власть реализует особые государственно значимые функции, обеспечивающие конституционную законность. Как справедливо отмечает В.М. Лебедев «существует объективная необходимость в том, чтобы все суды стремились к обеспечению конституционности в функционировании, развитии правовой базы Российской Федерации и в ее применении. Обеспечение верховенства Конституции – задача всей судебной власти»[5].

Судебная власть Российской Федерации базируется на принципах независимости, несменяемости, неприкосновенности, гласности, состязательности и равноправия. Таким образом, она призвана способствовать соблюдению конституционных норм и обеспечивать неприкосновенность конституционно-правового пространства государства.

В систему правовой охраны Конституции Российской Федерации входит:

1. официальное толкование Конституции РФ
2. обеспечение прямого применения Конституции РФ
3. судебный конституционный контроль

Официальное толкование Конституции гарантирует точное уяснение конституционных норм, что в свою очередь гарантирует их правильное применение органами публичной власти. Это позволяет устранить возможные противоречия и неопределенность в правоприменительной практике. Также способствует совершенствованию конституционного законодательства.

Конституционный Суд по собственной инициативе не вправе толковать нормы Конституции. Право обращения с соответствующим запросом имеют: Президент РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство РФ, органы законодательной власти субъектов.

Основанием к началу рассмотрения дела о толковании Конституции является обнаружившаяся неопределенность и неоднозначность норм, которая препятствует нормальному функционированию правотворческой и правоприменительной деятельности.

Таким образом, целью официального толкования является необходимость выявить подлинный смысл конституционных норм, их конкретизация. В.Д. Зорькин, называя Конституционный Суд РФ защитником и хранителем Конституции, указывает, что Конституция РФ – не застывший на бумаге текст, а живой развивающийся организм, приобретающий с течением времени более глубокое собственное содержание и одновременно раскрывающийся в реальной жизни через текущее законодательство и правоприменительные акты [6].

Прямое применение Конституции является императивной установкой. Суть прямого действия конституционных норм заключается в непосредственном применении как федеральными судами, так и судами субъектов Российской Федерации. При противоречии законодательства или наличии новой сферы общественных отношений суды вправе прямо сослаться на нормы Конституции РФ.

Общие условия прямого применения Конституции РФ судами обозначены в решениях высших судов. Так, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 31 октября 1995 г. № 8 – П «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» отметил, что судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию РФ в качестве акта прямого действия [7].

Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации осуществляют конституционный контроль на уровне субъектов Российской Федерации и не могут вторгаться в деятельность Конституционного Суда РФ. Эти суды наравне с судами общей и арбитражной юрисдикции могут обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности законов и иных нормативных актов, подлежащих применению в конкретном деле, в соответствии с ч.2 и 4 ст. 125 Конституции РФ [8].

Рассматривая вопрос о предназначении уставных судов субъектов можно выделить две основные функции: – приведение регионального законодательства в соответствие с собственными основными законами; – приведение всего регионального законодательства в соответствие с Конституцией РФ.

Федеративное устройство России объективно ставит проблему двух уровней судебного конституционного контроля – уровня Федерации и уровня субъектов Федерации[1].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод: что точное уяснение конституционных норм, а также непосредственное применение конституционных установлений при рассмотрении конкретных дел, осуществление конституционного контроля способствуют обеспечению правовой охраны Конституции РФ. Ценность такой деятельности состоит в единообразном толковании норм Конституции, повышения качества судебных решений, укреплении гарантий защиты конституционных прав и свобод, что приводит к установлению режима конституционной законности.

Список использованных источников

1. Конституционная законность и реализация принципа разделения властей на примере Российской Федерации: учебное пособие / коллектив авторов под руководством доктора юридических наук, профессора В.В. Комаровой. – Москва: Проспект, 2015. – 200 с., С. 42.

2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 N 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) "О Конституционном Суде Российской Федерации"
3. Профессор Герман Шварц (США). Конференция о Конституционном Суде (Варшава)
4. Витрук Н.В. Верность Конституции: Монография. М., 2008. С. 248
5. Лебедев В. М. Обеспечение верховенства Конституции РФ – задача всей судебной власти // Судья. 2011. № 10
6. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в 21 веке. Взгляд с Ильинки. М.: Норма, 2007
7. Постановление Пленума Верховного Суда от 31 октября 1995 № 8
8. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва : Проспект, 2018. – 32 с.

УДК 34.03

Лагун Д.А.

Белорусский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются вопросы закрепления и правовой защиты национальных интересов государства в условиях глобальной нестабильности, анализируется законодательство Республики Беларусь, направленное на обеспечение национальных интересов.

Ключевые слова: национальные интересы, глобальная нестабильность.

Мировое сообщество, вступив в новое тысячелетие, тем не менее, не только не избавилось от локальных и региональных очагов политической, экономической, социальной, военной и иной напряженности, но столкнулось с новыми вызовами, носящими общепланетарный характер. С этими объективными реалиями современного миропорядка вынуждены считаться в своей внешней и внутренней политике как государства-лидеры, так и малые государства.

Фактор нестабильность становится одним из доминирующих, определяющих тактику и стратегию развития государства, его законодательства, правовой системы в целом, и требует выработки адекватных мер реагирования с целью обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан государства, его социальных институтов, мирного сосуществования различных религиозных, этнических, профессиональных, социальных и других групп на одной территории, под одним суверенитетом.

Представляется, что глобальная нестабильность в настоящее время выступает трудно устранимым силами одного и даже нескольких государств

условием их жизнедеятельности, а в контексте сравнительно небольшого временного отрезка может рассматриваться как неустранимый фактор, с которым государство не столько должно вести борьбу на предмет ее ликвидации (то есть достижения ситуации глобальной стабильности), сколько должно выработать меры противодействия, направленные на балансировку процессов внутри собственной юрисдикции. При этом, безусловно, не следует отказываться от совместных усилий в рамках глобальных и региональных интеграционных процессов, имеющих своей целью погашение конфликтов, угрожающих безопасности мирной жизни на планете.

Республика Беларусь не может оставаться в стороне от происходящих в мире процессов, не может игнорировать фактор нестабильности, как не имеющий актуальности для белорусского государства, несмотря на то, что собственно признавать нестабильность как сущностную реальность функционирования белорусского государства в настоящее время оснований нет.

Основополагающими нормативными документами, отражающими позицию Республики Беларусь к событиям и явлениям, влекущим для государства угрозу нестабильности, являются Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994г. [1], Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. №60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями) [2], Закон Республики Беларусь 20 июля 2016 г. № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями) [3], а также Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. №575 (с изменениями и дополнениями) [4].

Так, Законом «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [2] предусмотрено, что одним из основных принципов внутренней политики белорусского государства выступает стабильность конституционного строя, а среди важнейших задач указывается содействие построению стабильного, справедливого, демократического миропорядка, базирующегося на общепризнанных принципах международного права.

Принятый в 2016 году Закон «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» [3] содержит широкий перечень дестабилизирующих факторов, связанных с военными опасностями, относя к ним в том числе: наличие значительных арсеналов ядерного и других видов оружия массового уничтожения; расширение военных блоков в ущерб военной безопасности Республики Беларусь; организованная преступность; стремление отдельных государств (их коалиций) решать конфликты с применением военной силы; ведение боевых операций с участием частных военных компаний и незаконных вооруженных формирований; деятельность международных террористических и экстремистских организаций по

подготовке вооруженных формирований и ведению боевых операций, провоцирование этнической, расовой напряженности, экстремизма, разжигание религиозной вражды.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [4] отмечает, что мир вступил в стадию кардинальных экономических, общественных, военно-политических и иных изменений, характеризующихся высокой интенсивностью и динамичностью, а фактически – нестабильностью, что порождает множественные конфликты интересов, попытки формирования и навязывания идеологии глобализма, призванной подменить или исказить традиционные духовно-нравственные ценности народов.

Одновременно обращается внимание, что угрозы национальной безопасности Республики Беларусь, ее стабильности носят комплексный и взаимосвязанный характер. К ним, в частности, относят: навязывание не отвечающего национальным интересам Республики Беларусь политического курса; дестабилизация национальной финансовой системы, потеря стабильности национальной денежной единицы; депопуляция; проявление экстремизма и религиозной вражды; деструктивное информационное воздействие на личность и др.

Термин «национальный интерес» является неотъемлемым элементом современной политико-правовой мысли и активно используется для обозначения притязаний государств при осуществлении ими своего суверенитета.

Национальный интерес можно определить, как мотивированное стремление, притязание государства к достижению значимого для себя результата, основанное на исторически сформированной системе ценностей соответствующего общества и направленное на устойчивое и стабильное его развитие.

Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь [4], национальные интересы понимаются, как совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Республики Беларусь.

По степени значимости вводится дифференциация национальных интересов на стратегические и основные. К первым относят интересы, которые связаны с обеспечением независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя; устойчивым экономическим развитием и высокой конкурентоспособностью белорусской экономики; достижением высокого уровня и качества жизни граждан. Ко вторым – такие, которые имеют важное значение для Республики Беларусь и их реализация будет способствовать достижению стратегических интересов государства;

По сфере реализации основные национальные интересы можно классифицировать на:

- политические (соблюдение конституционных прав и свобод человека; устойчивое развитие государства; развитие гражданского общества с учетом национальных традиций и особенностей и др.);

- экономические (повышение конкурентоспособности белорусской экономики, сохранение устойчивости национальной финансовой систем; поддержание продовольственной безопасности и др.);

- научно-технические (формирование инновационной экономики; развитие инновационных и опережающе-технологическое обновление традиционных секторов экономики; развитие национального рынка интеллектуальной собственности и др.);

- социальные (обеспечение общественной безопасности; гарантии занятости населения, достойный уровень зарплаты; гармоничное развития межэтнических и религиозных отношений и др.);

- демографические (рост численности белорусской нации; повышение уровня здравоохранения, охрана здоровья матери и ребенка; пропаганда и укрепление института традиционной семьи и др.);

- информационные (формирование и развитие информационного общества; эффективное информационное обеспечение государственной политики и др.);

- военные (воспитание чувства патриотизма, готовности к защите Родины; защита независимости, территориальной целостности, суверенитета республики и др.);

- экологические (создание благоприятных условий жизнедеятельности человека; преодоление негативных последствий радиоактивного загрязнения территории страны; рациональное использование природно-ресурсного потенциала и др.).

Угроза национальным интересам может быть вызвана объективными и субъективными, внешними и внутренними факторами. К таковым относятся произвольное отношение к международному праву, насильственное вмешательство в суверенную политику государств, слабую конкурентоспособность белорусской экономики; одностороннюю энергетическую зависимость; рост внешнего долга; отрицательную динамику численности населения; рост безработицы; снижение доверия граждан к государственным институтам и пр.

Защита национальных интересов в условиях глобальной нестабильности становится одной из первоочередных задач для государства, желающего сохранить свою неприкосновенность и территориальную целостность.

Безусловно, подход к решению данного вопроса должен носить комплексный, системный характер и реализовываться во всех сферах жизнедеятельности общества, включая правовую.

К мерам правовой защиты национальных интересов можно отнести следующие:

- совершенствование системы законодательства и иерархии нормативных правовых актов и иных источников права;

- повышение уровня авторитетности, независимости и самостоятельности судебной власти, а также социально-юридических институтов (адвокатуры, нотариата, уполномоченного по правам человека) как основы гражданского общества;

- пересмотр модели соотношения международного и национального права с выработкой оперативных механизмов отказа от исполнения либо неприменения международных договоров, несущих угрозу национальной безопасности и территориальной целостности государства;

- устранение избыточных административно-правовых барьеров, преград в национальной экономике (в том числе, отмена необоснованного лицензирования, аттестации, сертификации, упрощение механизмов налогообложения, либерализация процедуры ликвидации, оптимизация уголовно-правовых и административно-правовых санкций за правонарушения в экономической сфере и их объективная зависимость от причиненных убытков, снижение числа контролирующих органов и количества проверок (контрольных мероприятий) и др.);

- совершенствование системы правовых гарантий и льгот в отношении субъектов, обеспечивающих своей деятельностью реализацию и защиту национальных интересов;

- выработка правовой модели реагирования на деятельность государств, международных интеграционных образований и организаций, осуществляющих недружественную политику по отношению к Республике Беларусь.

Чрезвычайная важность и интенсивность международных и внутринациональных процессов, в которые вовлечена Республика Беларусь, требует безусловной необходимости учитывать их влияние на современное и будущее страны. При этом первостепенное значение приобретает задача научно обоснованной актуализации системы знаний в области права с целью эффективной адаптации предложенных теорией и философией права доктрин и концепций (и в первую очередь, теории правового демократического государства и концепции прав человека) к реалиям действительности с сохранением содержательной их составляющей либо выработки новых социально-правовых концептов развития человечества на основе мирного и безопасного существования человека в условиях добрососедства и взаимного уважения прав и свобод.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994г. (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.– Дата доступа: 26.02.2020.
2. Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. №60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями)[Электронный ресурс] : // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.– Дата доступа: 26.02.2020.
3. Закон Республики Беларусь 20 июля 2016 г. № 412-З «Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.– Дата доступа: 26.02.2020.
4. Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. №575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] : // Эталон. банк данных правовой информ Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.– Дата доступа: 26.02.2020.

УДК341

Шевко Н.М.

Белорусский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

В статье рассматривается право на образование детей с инвалидностью через призму международно-правовых норм и стандартов. Анализируются положения основных международных договоров, направленных на защиту и эффективную реализацию права на образование детьми с инвалидностью наравне с другими. А также отражены отдельные проблемы, с которыми продолжают сталкиваться дети с инвалидностью в процессе реализации их права на образование на современном этапе.

Ключевые слова: право на образование, дети с инвалидностью, дискриминация, инклюзивность, маргинализованная группа.

Право на образование является универсальным и не допускает каких-либо форм исключения или дискриминации. Тем не менее, все страны сталкиваются с проблемами, гарантирующими равные возможности для всех в доступе к образованию и в рамках систем образования. Маргинализованные группы часто остаются в стороне от национальной политики в области образования, которая лишает многих людей права на образование [1]. В этой связи, люди с инвалидностью являются одной из наиболее маргинализованных и отчужденных групп населения, которым постоянно отказывают в реализации их права на качественное образование [2, с. 292]. В свою очередь, дети с

инвалидностью особенно уязвимы: многие из них не посещают школу; у них ниже вероятность поступления в школу; у детей с инвалидностью более низкие показатели продолжения обучения и перехода в следующий класс, а также обнаруживается значительный разрыв в показателях получения законченного образования [3, с. 12].

Дискриминация в области образования является нарушением права на образование. Так, Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 г. (далее Конвенция) подтверждает, что образование – это не роскошь, а основное право человека. Положения Конвенции указывают на необходимость устранения всякой дискриминации в области образования и поощрения всеобщего равенства возможностей и равного ко всем отношения в области образования [4]. В целях ликвидации или предупреждения дискриминации государства в том числе обязаны: развивать и проводить в жизнь общегосударственную политику, использующую соответствующие национальным условиям и обычаям методы для осуществления равенства возможностей и отношения в области образования; сделать начальное образование обязательным и бесплатным; сделать среднее образование в различных его формах всеобщим достоянием и обеспечить его общедоступность; сделать высшее образование доступным для всех на основе полного равенства и в зависимости от способностей каждого [4, ст. 4]. Вместе с тем, дети с инвалидностью вдвойне находятся в неблагоприятном положении – их маргинализируют и подвергают дискриминации как по возрасту, так и по инвалидности.

В рамках Организации Объединенных Наций (далее ООН) приняты две основные конвенции, которые содержат подробные руководящие принципы в отношении детей с инвалидностью, а также закрепляют право на равное и качественное образование. Так Конвенция о правах ребенка 1989 года (далее КПР) признает право ребенка на образование и достижение этого права на основе равных возможностей [5, ст. 28]. Положения КПР не допускают дискриминацию в том числе по состоянию здоровья или в силу рождения, а также каких-либо иных обстоятельств [5, п. 1 ст. 2]. Важно отметить, что КПР «...признает особые нужды неполноценного ребенка ...и имеет целью обеспечить неполноценного ребенка эффективным доступом к услугам в области образования... таким образом, который приводит к наиболее полному, по возможности, вовлечению ребенка в социальную жизнь и достижению развития его личности, включая культурное и духовное развитие ребенка» [5, п. 3 ст. 23]. В свою очередь, государства-участники КПР с целью постепенного достижения осуществления права на образование на основе равных возможностей обязаны: ввести бесплатное и обязательное начальное образование; обеспечить доступность среднего образования для всех детей; обеспечить доступность высшего образования для всех на основе способностей каждого с помощью всех необходимых средств; обеспечить доступность информации и материалов в области образования и профессиональной подготовки для всех детей [5, п. 1 ст. 28].

В дополнение к КПР еще одним международным договором в области защиты права на образование детей с инвалидностью является Конвенция о правах инвалидов 2006 года (далее КПИ). Согласно положениям КПИ государства-участники принимают все необходимые меры для обеспечения полного осуществления детьми-инвалидами всех прав человека и основных свобод наравне с другими детьми [6, п.(r)]. КПИ признает право инвалидов на образование без какой-либо дискриминации и на основе равенства возможностей [6, п.1 ст. 24]. При реализации права на образование не допускается исключение детей с инвалидностью из системы бесплатного и обязательного начального образования или среднего образования [6, п.2 (а) ст. 24]. Важно отметить, что в КПИ затрагиваются интересы детей, которые являются слепыми, глухими или слепоглухими. Их обучение должно осуществляться с помощью наиболее подходящих для индивида языков и методов, и способов общения и в обстановке, которая максимальным образом способствует освоению знаний и социальному развитию. [6, п.3 (с) ст. 24]. С тем, чтобы содействовать обеспечению реализации этого права необходимо принимать надлежащие меры для привлечения на работу учителей, в том числе учителей-инвалидов, владеющих жестовым языком и/или азбукой Брайля [6, п. 4, ст. 24]. Однако, недостаточно хорошее владение навыками жестового языка учителями, работающими с глухими детьми, и отсутствие в школах доступных условий лишают таких детей возможности получить образование, что в свою очередь считается дискриминацией [7, стр. 15]. Определенная преемственность положений КПИ, в том числе в отношении детей с инвалидностью, прослеживается в Целях в области устойчивого развития (далее ЦУР). Так согласно КПИ «государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды могли иметь доступ к «...обучению в течение всей жизни без дискриминации и наравне с другими». [6, п. 5 ст. 24]. В свою очередь созвучно главному принципу Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее Повестка дня) «никто не будет забыт», ЦУР 4 направлена на «обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех» [8]. Государства-участники признают право на образование за всеми людьми, включая инвалидов, детей и молодых людей, особенно находящиеся в уязвимой ситуации [8, п. 25]. Обеспечение качественного инклюзивного и равноправного образования, а также создание обстановки, благоприятствующей полной реализации прав и возможностей детей и молодежи - это то, к чему должны стремиться все государства [8, п.25]. Выделяя ЦУР 4 необходимо отметить, что с одной стороны она содержит отдельные задачи, которые направлены на: обеспечение равного доступа к образованию и профессионально-технической подготовке всех уровней для уязвимых групп населения [8, п.4.5]; создание и совершенствование учебных заведений, учитывая интересы детей, особые нужды инвалидов [8, п.4.а]; обеспечение безопасной, свободной от насилия и социальных барьеров и эффективной среды обучения для всех [8, п.4.а]. С другой стороны, ЦУР 4 является преобразующей и универсальной целью, в основе которой «лежит гуманистическая концепция образования и развития,

основанная на осознании значимости прав и достоинства человека, социальной справедливости, инклюзивности...а также общественной ответственности и подотчетности» [9, стр. 1-2]. В продолжении необходимо отметить, что согласно Инчхонской декларации «Образование 2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни» новая концепция образования заключается в преобразовании жизни людей с помощью образования, признавая важную роль образования в качестве основной движущей силы развития и в достижении других предлагаемых ЦУР. В рамках данной концепции государства признают необходимость сосредоточить все усилия на работе в области доступа, равноправия и инклюзивности, качества и результатов обучения в рамках обучения на протяжении всей жизни [9, п. 5].

Исходя из всего вышеуказанного можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то, что за всеми детьми признается право на образование, дети с инвалидностью продолжают сталкиваться с различного рода нарушениями и ограничениями в реализации их права на образование, и представляют наиболее уязвимую группу лиц в сфере образования.

2. Дети с инвалидностью особо нуждаются не только в эффективной защите их права на образование и обеспечении соблюдения этого права (как на международном, так и на национальном уровнях), но и в устранении любых барьеров, которые препятствуют их полноценному участию наравне с другими в образовательном процессе.

3. Участие детей с инвалидностью в образовательном процессе наравне с другими детьми является важной и неотъемлемой частью их эффективного включения в жизнь общества. Посредством этого у таких детей появляется больше шансов и возможностей раскрыть свой потенциал, свои способности и таланты, и в перспективе стать полезными этому обществу.

4. Ратификация КППР и КПИ большинством государств не может не свидетельствует о том, что мировое сообщество признает необходимость улучшения ситуации с правом на образование детей с инвалидностью, а также стремится принять все необходимые меры, направленные на реализацию и защиту этого права.

5. Несмотря на то, что новая концепция образования до 2030 года (включая ЦУР 4) «не забывает о детях с инвалидностью», мировая статистика свидетельствует о том, что все еще 50% детей с инвалидностью не посещают школы в развивающихся странах [10, с. 28]. А образование для детей с инвалидностью зачастую означает лишь присутствие ребенка с инвалидностью в классе без обеспечения необходимых приспособлений, которые позволили бы ему получить качественное образование [11].

Список использованных источников

1. Marginalised groups [Electronic resource] : Right to education. – Mode of access: <https://www.right-to-education.org/marginalised-groups>. – Date of access: 11.03.2020.
2. Всемирный доклад по мониторингу образования «Образование в интересах людей и планеты: построение устойчивого будущего для всех» // ЮНЕСКО [Электронный

- ресурс]. – UNESDOC Цифровая библиотека. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245752_rus. – Дата доступа : 11.03.2020.
3. Всемирный доклад об инвалидности // Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – ВОЗ. – Режим доступа : https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/summary_ru.pdf. – Дата доступа : 11.03.2020.
4. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования [Электронный ресурс]: принят. 14 дек. 1960 г. Ген. конф. ООН по вопр. обр.-ния, науки и культ. на 11 сес.-и // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml. – Дата доступа : 11.03.2020.
5. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : принят. резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи, 20 нояб. 1989 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 12.03.2020.
6. Конвенция о правах инвалидов [Электронный ресурс] : принят. резолюцией 61/106 Генер. Ассамблеи, 13 дек. 2006 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа: 12.03.2020.
7. General comment (2018) on equality and non-discrimination // UN [Electronic resource]: - United Nations Digital Library. - Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/1626976?ln=en>. - Date of access: 12.03.2020.
8. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] : резолюц., прин. Генер. Ассам.-ей, 25 сент. 2015 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=R. – Дата доступа: 12.03.2020.
9. Инчхонская декларация «Образование - 2030: обеспечение всеобщего инклюзивного и справедливого качественного образования и обучения на протяжении всей жизни» // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – UNESDOC Цифровая библиотека. – Режим доступа : https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000233137_rus. – Дата доступа : 12.03.2020.
10. «Every child learns» UNICEF Education Strategy 2019–2030 [Electronic resource] : UNICEF. – Mode of access: <https://www.unicef.org/media/60301/file/UNICEF-education-strategy-2019-2030-exec-summary.pdf>. – Date of access: 12.03.2020.
11. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – УВКПЧ. – Режим доступа : <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/InclusiveAndQualityEducation.aspx>. Дата доступа : 13.03.2020.

УДК 341.6

Хаустов И.О.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ:
СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ**

На современном этапе развития человеческой цивилизации наибольшую опасность для личности, государства, международного сообщества представляют вооруженные

конфликты. Понимание причин, сущности и возможных способов их разрешения является необходимым условием преодоления этой угрозы.

Ключевые слова: международный конфликт, стадии международного конфликта, разрешение международного конфликта, международный арбитраж.

На современном этапе развития человеческой цивилизации наибольшую опасность для личности, государства, международного сообщества представляют вооруженные конфликты. Понимание причин, сущности и возможных способов их разрешения является необходимым условием преодоления этой угрозы.

Прежде всего, необходимо определиться с классификацией конфликтов. Например, Н.А. Баранов предлагает разграничивать вооруженные конфликты в соответствии со следующими критериями [1, с. 141]:

1) Территориальные конфликты, в основе которых лежат пространственные притязания, связанные с захватом чужих или освобождение своих земель;

2) Конфликты между государствами с различными общественными укладами и системами ценностей;

3) Конфликты, основой для которых послужила борьба за власть, когда повстанческие группировки выступают за свержение действующего правительства в связи с его неэффективностью, коррумпированностью или в связи с идеологическими соображениями;

4) Межэтнические конфликты, возникающие в регионах, где не сформировалась национальная идентичность народов, например, территория бывшей Югославии;

5) Религиозные конфликты между приверженцами той или иной веры или же внутри одного религиозного направления;

6) Конфликты между государством и террористическими группировками, действующих внутри государства или объединившихся в транснациональную структуру, являются одной из наиболее острых проблем современного арабского мира.

Возникновение причин будет являться первой стадией вооруженного конфликта. На этом этапе также происходит формирование политических разногласий, возникающих на основе как объективных, так и субъективных противоречий между сторонами. Как следствие, дипломатические отношения между странами-участницами принимают конфликтную форму, что также влечет за собой изменение, в первую очередь, экономических и военно-стратегических отношений, а также правовых и идеологических. Данную фазу принято называть латентной.

Вторая стадия – актуализация конфликта. Участники определяют свои интересы, цели, способы и методы, необходимые для их достижения. При этом каждая сторона должна учитывать собственный потенциал и возможность применения мирных и немирных способ разрешения конфликта, оценить сложившуюся обстановку и учесть мнение мирового сообщества по данному поводу.

На третьей стадии стороны начинают использовать имеющиеся в их распоряжении средства для отстаивания собственных интересов, будь то политические, экономические, идеологические, религиозные, дипломатические или иные рычаги давления. Вместе с тем участники конфликта пытаются вовлечь в борьбу другие государства – индивидуально, через договоры, через блоки и альянсы. Это называется активацией конфликта.

Началом четвертой стадии принято считать момент, когда борьба достигает наиболее острого политического кризиса, в который могут быть вовлечены помимо непосредственных участников и соседние государства, мировые державы, международные организации и т.д., и допускает применение военной силы с целью оказания давления, демонстрации силы.

Пятая стадия – непосредственно сам вооруженный конфликт, который может начать развиваться с ограниченного применения военной силы и достигнуть более высокого уровня вооруженной борьбы с применением новейших достижений военной техники, привлечением союзников, захватом территорий.

Шестая стадия предусматривает разрешение конфликта. Р. Акофф разрешение конфликта рассматривает как один из возможных исходов конфликта и под этим понятием подразумевает использование сторонами условий, порождающих борьбу и мотивирующих стремление к реализации собственных интересов, что обычно усиливает конфликт до тех пор, пока одна сторона не победит другую [3, с. 475].

Он же выделяет еще два возможных исхода конфликта:

- урегулирование, которое предусматривает принятие сторонами условий, явившихся причинами спора, и поиск компромисса, т.е. приобретений и уступок, способных удовлетворить все противоборствующие стороны; такой исход возможен в том случае, когда все участники считают предложенное распределение выгоды и убытков справедливым;

- устранение противоборства, заключающееся в изменении порождающих конфликт условий таким способом, что он затухает. Такого результата можно добиться путем смены обстановки или состава участников борьбы.

На наш взгляд, в данный список следует добавить такой пункт, как «предупреждение вооруженного конфликта», который бы предусматривал ряд превентивных мер, направленных на пресечение еще на стадии зарождения конфликтной ситуации с целью не допустить ее трансформации в открытое военное столкновение, а также создание таких условий жизни общества в той стране, где обстановка начинает накаляться, которые позволили бы снизить уровень напряженности.

Ст. 33 Устава ООН предлагает нам целый ряд путей разрешения споров. Сюда входит: переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство, обращение к региональным органам или соглашениям, или иные мирные средства по своему выбору. Однако в этой же статье указано, что стороны, которые являются участниками борьбы, «должны прежде всего стараться разрешить спор» тем или иным путем. Таким образом, данная норма имеет скорее диспозитивный, нежели императивный характер,

поскольку напрямую не обязывает стран-участниц действовать тем или иным образом, а лишь призывает их к определенной модели поведения в рамках международных отношений.

Можно сформулировать этапы урегулирования конфликта:

1. Предупреждение кризисной ситуации путем создание таких условий жизни в наиболее нестабильных регионах и во всем мире в целом, которые, если не полностью, то хотя бы частично искоренили причины возникновения вооруженных конфликтов;

2. Быстрая и адекватная оценка сложившейся ситуации, за которой следует оперативное принятие решения;

3. Этап оперативных действий, главной целью которых является вернуть ситуацию в докризисное состояние, заморозить факторы, из-за которых конфликт стал возможен или свести их к нулю, дать сторонам время и возможность, чтобы они разработали стратегию дальнейших действий уже в некризисном режиме.

4. Устранение последствий борьбы, проведение мероприятий, направленных на недопущение скорейшего возобновления конфликта, принятие мер в отношении лиц, которые выполняли руководящие функции той или иной стороны.

Анализ существующих концепций, определений, характеристик и классификаций позволяет нам выявить два основных подхода к урегулированию вооруженных конфликтов: ненасильственное урегулирование и урегулирование путем применения военной силы.

Действенным способом ненасильственного разрешения кризиса выступают политические и дипломатические методы. Среди них одними из наиболее распространенных выступают такие способы и процедуры, как переговоры, посредничество, примирение и др. Большинство из этих методов предусматривают обращение к третьей стороне, у которой отсутствует собственный интерес в споре и задача которой – развести стороны и облегчить достижение ими согласия.

Метод посредничества глубокими корнями уходит в историю и неразрывно связан с концепцией урегулирования вооруженных конфликтов. Так, в древние века в качестве третьей стороны выступали наиболее уважаемые представители общества, в Европе времен Средневековья важнейшую роль при разрешении каких-либо споров между странами играл папа римский [3, с. 237]. Если говорить о более современной истории, то следует обратить внимание на Гаагские мирные конференции, проводившиеся в 1899 и 1907 гг. В 13 конвенциях и декларациях этих конференций впервые провозглашалась система международно-правовых средств мирного разрешения споров, возникающими между государствами. Гаагские конвенции дали толчок созданию такого механизма, как комиссия по расследованию, задача которой – установить факты и причины, послужившие фундаментом для кризисной ситуации, проанализировать аргументы сторон конфликта и доложить их стороне-посреднику. Стоит отметить, что некоторые положения данных

конвенций применяются и в наше время, они включены в комплекс норм международного гуманитарного права.

Международный арбитраж также активно используется при разрешении кризисной ситуации, отличаясь от названных ранее методов урегулирования юридической силой своих решений, которые, несмотря на то, что могут восприниматься сторонами конфликта как несправедливые, идущие в разрез с их интересами, должны быть соблюдены всеми участниками спора.

Переговоры являются самым древним способом разрешения спорной ситуации между странами, их можно считать одним из наиболее традиционных методов, которые знает мировая практика урегулирования конфликтов. К ним, как правило, прибегают в том случае, когда одна из сторон-участниц понимает, что продолжение военных действий нецелесообразно, поскольку это не поможет достигнуть желаемой цели и только нанесет еще больший ущерб. Переговоры иницируются или сторонами конфликта, или предлагаются извне, и проводятся в несколько этапов: согласие сторон на проведение переговоров; приостановление или полное окончание военных действий; начало и дальнейшее развитие переговорного процесса; принятие конечного решения по вопросам, поднимавшимся на переговорах; реализация достигнутых результатов.

Данный метод может применяться как для урегулирования вооруженного конфликта, так и для его предупреждения. В случае, когда участники спора понимают, что ухудшение сложившейся обстановки способно привести к вооруженному столкновению, путем частичных договоренностей они могут избежать осложнения в развитии конфликта, не решая его в принципе.

Немаловажным фактором урегулирования вооруженных конфликтов являются также неофициальные контакты между конфликтующими сторонами. Таковыми могут выступать, в первую очередь, средства массовой информации (газеты, журналы, телевидение, сеть «Интернет»), деятельность которых будет направлена главным образом на население, во-вторых, их роль могут играть видные политические деятели, чье мнение высоко ценится в мировом сообществе и чей высокий авторитет может помочь при разрешении конкретного вопроса в сфере международных отношений. Неофициальные контакты, по мнению В.Ф. Заемского, способствуют преодолению стереотипа врага и установлению доверия между сторонами, вовлеченными в конфликт, являются важнейшим источником информации о политической и дипломатической позициях участников спора, каналом обмена мнениями и разработки вариантов разрешения кризисной ситуации [2, с. 285].

Значимое место в урегулировании вооруженных конфликтов занимают межправительственные организации универсального типа. Деятельность таких организаций, участвующих в разрешении спорной ситуации, весьма разносторонняя: доставка гуманитарной помощи, собирание информации о реально сложившейся обстановке, помощь в установлении контактов между участниками конфликта, направленная на переориентацию населения с враждебного поведения на поиск согласия, восстановление разрушенной в ходе боевых действий инфраструктуры. Волонтеры часто находят поддержку со

стороны мирового сообщества, работая с местным населением, они могут располагать более детальной информацией с мест событий, нежели официальные лица, прибывшие для сбора информации.

Урегулирование путем военной силы применяется в том случае, когда разрешения спора не удалось добиться ни одним из ранее названных способов, а сама ситуация накалилась до стадии вооруженного столкновения между конфликтующими сторонами. В таком случае применяется один из составляющих элементов современного миротворчества – принуждение к миру. Такое миротворчество носит военизированный характер и предусматривает подавление субъектов конфликта, вмешательство во внутренние дела сторон-участниц с целью решительного и быстрого разрешения конфликта. Достигается это путем проведения боевых операций или угрозой применения силы. Стоит отметить тот факт, что принуждение к миру рассматривается мировым сообществом как крайняя мера при урегулировании вооруженного конфликта, необходимость применения которой возникает лишь тогда, когда иными способами и средствами деэскалации конфликта добиться не представляется возможным.

Список использованных источников:

7. Баранов Н.А. Политология. Современная демократия: учеб.пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. –217 с.
8. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество: курс лекций. – 2-е изд. – М.: Международные отношения, 2012. – 326 с.
9. Котляров И.И. Международное гуманитарное право / Котляров Иван Иванович. - М.: Юрлитинформ, 2016. – 871 с.

УДК 341.645

Коновалов Р.А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Участие России в международных правозащитных механизмах демонстрирует ее приверженность мировым стандартам прав человека. Однако, как особенности данных механизмов, так современные тенденции в международных отношениях, влияющие на реализацию их деятельности, затрудняют исполнение их решений. Индикатором этих процессов в полной мере выступает специфика сотрудничества России и Европейского суда по правам человека.

Ключевые слова: Российская Федерация, Европейский суд по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Подписав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Россия, как и другие члены Совета Европы, взяла на себя обязательства исполнять окончательные постановления Суда по любым делам, в которых она является стороной. Но, к сожалению, вопрос исполнения решений ЕСПЧ так и остается открытым.

Необходимо обратить внимание на такую сторону отношений между Страсбургским Судом и Российской Федерацией как полный отказ последней выполнять некоторые постановления, вынесенные против нее. Это происходит в случаях, когда наблюдается коллизия между судебным актом ЕСПЧ и Конституцией Российской Федерации. Например, в деле Анчугов и Гладков против России от 04.07.2013 г. Европейский Суд по правам человека определил, что Россия должна изменить свое законодательство в плане предоставления избирательных прав лицам, содержащимся в местах лишения свободы по приговору суда[1]. Это требование идет вразрез с положением п. 3 ст. 32 Конституции РФ, в которой предусмотрено лишение указанной категории лиц права участия в выборах.

Конституционный Суд Российской Федерации по запросу группы депутатов Государственной Думы вынес постановление от 14.07.2015 № 21-П, в котором предусмотрел возможность не исполнять судебные акты международных судов, в том числе и ЕСПЧ, если они противоречат Конституции Российской Федерации. Многими этот акт был воспринят как поворот от примата международного права, к верховенству права внутригосударственного.

В этой связи 14 декабря 2015 года были внесены изменения в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»[5]. Эти поправки предоставили Конституционному Суду право по запросу федерального органа исполнительной власти решать вопрос о возможности исполнения некоторых решений международного органа по защите прав и свобод человека, в том числе постановлений Страсбургского Суда. В 2016 году КС РФ своим постановлением впервые признал невозможность исполнения отдельного постановления, в котором ЕСПЧ потребовал предоставить избирательные права заключенным [2]. Это стало переломным моментом в вопросе, признает ЕСПЧ Россия, не признает, в какой части, и на каком основании. В 2017 году Конституционным судом было заблокировано решение ЕСПЧ по «делу ЮКОСа» в части выплаты компенсации в размере €1,866 млрд.

Дело «Анчугов и Гладков против России» и «дело ЮКОСа» – это, конечно, значимые прецеденты. Однако, анализ практики показывает, что в основном Россия исполняет решения ЕСПЧ. Учитывая количество удовлетворённых ЕСПЧ жалоб, исполненных решений и тех, которые исполняются сейчас, два дела – непоказательны. Вряд ли практика отмены решений ЕСПЧ Конституционным судом будет иметь массовый характер. Тем более что основание, по сути, только одно – противоречие Конституции РФ.

Напряженность двусторонних отношений между Российской Федерацией и Европейским Судом по правам человека привела к тому, что возникает

неясность и неопределенность перспектив и направлений дальнейшего сотрудничества.

Данный кризис двусторонних отношений привел к переоценке российскими властями и некоторыми исследователями роли и значения Страсбургского Суда. Последнее время стали появляться критические замечания по поводу членства России в Совете Европы. Среди исследователей и государственных деятелей активизировалась дискуссия о том, каким образом поступить России в данной ситуации: одни настаивают на сохранении России в качестве члена Совета Европы, другие высказываются о необходимости выхода Российской Федерации из состава данной международной организации.

Те, кто ратуют за добровольный выход России из-под юрисдикции ЕСПЧ, обычно ссылаются на то, что Суд перестал должным образом выполнять свои задачи. Увеличение числа постановлений против России, повышение размера компенсаций потерпевшим вызывают ожидаемое противодействие со стороны некоторых специалистов, которые воспринимают это повышенное внимание как способ политического давления на Российскую Федерацию. Появляются утверждения, что Страсбургский суд выходит за пределы своих компетенций, вторгаясь в суверенитет государств, а его постановления часто являются политизированными. В дополнение к этому отмечают, что «Суд отказывается учитывать особенности российской правовой системы и нормы международного права и зачастую прибегает к практике «двойных стандартов»[7].

Поэтому появлялись также предложения создать собственный Суд по правам человека в рамках Содружества Независимых Государств. Такой институт, по мнению сторонников данной меры, будет в большей степени соответствовать культурным и правовым особенностям России. К тому же, такой Суд может способствовать дальнейшему объединению стран постсоветского пространства.

На построение взаимодействия с Европейским Судом по правам человека оказывает негативное влияние также ухудшение отношений с другими органами Совета Европы. Например, после того как в 2014 году делегация из Российской Федерации была лишена права голоса в Парламентской Ассамблее, Россия не смогла участвовать в назначении новых судей Страсбургского Суда. По этому поводу, председатель Совета Федерации России В. И. Матвиенко заявила, что «без участия в ПАСЕ Россия может отказаться признавать решения ЕСПЧ» [4], при этом она в то же время отметила обязательность их исполнения для России.

Однако, в июне 2019 года Парламентская ассамблея Совета Европы после почти девяти часов обсуждения приняла резолюцию, которая позволяет российской делегации вернуться к работе в ПАСЕ [8]. Документ поддержали 118 депутатов, 62 проголосовали "против", 10 человек воздержались. Принятая резолюция вносит поправки в регламент ПАСЕ и исключает возможность лишать любую делегацию права голоса. Они также не могут быть лишены права на выступление и представительство в ассамблее и относящихся к ней структурах.

По мнению экспертов, практически между всеми субъектами международных отношений возникают конфликты и разногласия. А.Г. Олейнов отмечает, что «природа международных отношений, с экономической точки зрения, конфликта» [6]. Страсбургский Суд в этом плане не исключение. Как указывает А. И. Ковлер «у ЕСПЧ были и есть проблемы почти со всеми», а также «угрозы в адрес ЕСПЧ звучали потом из Швейцарии, Швеции, Голландии» [9]. Напряженные отношения с ЕСПЧ в недавнем прошлом были также и у Великобритании [3]. Между тем во взаимодействии двух сторон все же присутствуют позитивные моменты. На это указывает увеличение количества закрытых Комитетом Министров дел против России. Постепенно уменьшается число поступающих исков в Страсбургский Суд, а также число накопившихся в Суде жалоб. На наш взгляд, сохранение данных тенденций способно оказать позитивное воздействие на дальнейшее построение конструктивного сотрудничества двух сторон.

Таким образом, несмотря на наличие серьезных проблем во взаимоотношении Европейского Суда по правам человека и Российской Федерации, существуют и определенные позитивные тенденции в этом взаимодействии. Членство в Совете Европы Российской Федерации позволило последней выйти на новый уровень в защите прав и свобод человека. Исполнение решений ЕСПЧ в России является гарантией соблюдения прав и свобод человека. Такая практика положительно влияет на систему отечественного судопроизводства, воплощает возможность пересмотра решения, принятого национальным судом на основании решений Европейского Суда по правам человека, предусматривает применение индивидуальных мер защиты. Многие эксперты отмечают, что положительный эффект от деятельности Страсбургского Суда в правозащитной сфере перевешивает над всеми недостатками, присущими его природе. Кроме того, Совет Европы является авторитетной площадкой для более плотного и действенного взаимодействия между членами организации.

Тем не менее, необходимо и дальше осуществлять реформу контрольного механизма, предусмотренного Конвенцией, в целях увеличения эффективности и пропускной способности Европейского суда по правам человека. Российской Федерации следует качественно изменить подход к исполнению постановлений ЕСПЧ. Признание Россией их обязательности должно проводиться последовательно и без исключений, что вытекает как из самой Конвенции, так и из международного права. Также должны предприниматься меры не только по решению конкретных проблем заявителей и выплаты им компенсации, но и по приведению законодательства и судебной практики Российской Федерации в соответствие европейским стандартам прав и свобод человека.

Следует учитывать, что само по себе принятие решений ЕСПЧ в отношении России не свидетельствует о плачевном состоянии обеспечения и защиты прав человека, а выполняет коррекционную роль для национального правозащитного механизма. Участие России в международных правозащитных механизмах демонстрирует ее приверженность мировым стандартам прав человека. Однако, как особенности данных механизмов, так и современные

тенденции в международных отношениях, влияющие на реализацию их деятельности, затрудняют исполнение их решений. Индикатором этих процессов в полной мере выступает специфика сотрудничества России и Европейского суда по правам человека. Россия не единственное государство европейского региона, которое утверждает верховенство своей конституции над политизированными решениями международных органов. Однако Россия не отказывается от сотрудничества и стремится урегулировать имеющиеся разногласия.

Список использованных источников:

10. Case of Anchugov and Gladkov v Russia [Электронный ресурс] // HUDOC [сайт]. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["\"CASE OF ANCHUGOV AND GLADKOV v. RUSSIA\""\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-122260"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{)
11. Human rights in Russia. No light at the end of the tunnel [Электронный ресурс]. С. 2. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2016/589768/EPRS_BRI%282016%29589768_EN.pdf
12. Lauri Mälksoo. Russia and European Human-Rights Law : The Rise of the Civilizational Argument. – Boston., 2014. P. 220.
13. Матвиенко исключила выход России из Совета Европы [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/12/2017/5a2be2799a79476bf85e4ffe>
14. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федер. конст. Закон Рос. Федерации от 14 дек. 2015 г. № 7-ФКЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 51. – Ст. 7229.
15. Олейнов А. Г. Анализ международных отношений с позиций экономической теории // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1. С. 23.
16. Политолог прокомментировал возможный выход РФ из Совета Европы из-за ЕСПЧ [Электронный ресурс] // РИА новости [сайт]. URL: https://ria.ru/radio_brief/20180301/1515533795.html
17. Простить и принять? Почему Россия возвращается в ПАСЕ [Электронный ресурс] // Радио Свобода [сайт]. URL: <https://www.svoboda.org/a/30016850.html>
18. Россия и Европейский Суд по правам человека: что дальше? [Электронный ресурс] // Развитие правовых систем [сайт]. URL: http://echr.today/articles/rossiya_i_evropeyskiy_sud_po_pravam_cheloveka_chno_dalshe/

УДК 341.1/8

Скляр Е.М.

*КрФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
правосудия»*

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО
ВРЕДА ВСЛЕДСТВИЕ ПЕРЕКРЫТИЯ СЕВЕРО-КРЫМСКОГО
КАНАЛА**

В статье рассматриваются международно-правовые аспекты режима использования Северо-Крымского канала (наравне с иными подобными водотоками) и юридические последствия его перекрытия в части возникновения обязательств украинской стороны по полному возмещению вреда и ответственности за нарушение её международно-правовых обязательств.

Ключевые слова: Северо-Крымский канал, трансграничный вред, водоток, опасные виды деятельности, международно-правовые обязательства, международно-правовая ответственность.

Как известно, Крымский полуостров находится на стыке умеренного и субтропического пояса со средиземноморским типом климата. При этом, на полуострове во все времена наблюдался дефицит пресной воды. В первую очередь это обусловлено здешними климатическими условиями. Как отмечают учёные-географы, в теплый период года в Крыму наблюдается сухая и жаркая погода, а в холодный период - выпадает основная масса осадков [8, с. 25; 10]. На этом фоне можно говорить о том, что засушливый климат является главной причиной недостатка пресной воды в регионе, что обуславливает необходимость антропогенного воздействия для поддержания здесь водного баланса. Следовательно, любое изменение степени антропогенного воздействия на экосистему в Крыму может вызвать существенные сдвиги. Таким изменением можно считать перекрытие Северо-Крымского канала (далее – СКК) в 2014 году. Данное действие со стороны Украины затронуло своими последствиями различные аспекты жизнедеятельности общества, включая естественные права человека, экологические и экономические условия жизни на полуострове.

Правомерность указанных действий, их последствия и являются объектом рассмотрения в данной статье. Актуальность их изучения диктуется наличием реальных нарушений прав человека и интересов общества на Крымском полуострове, в связи с ограничением доступа населения к основному, на тот момент, источнику пресной воды, в то время как ЕЭК ООН отмечает, что вопросы водоснабжения являются основой Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Цель 6) [4].

Прослеживается причинная связь между сложившимися в Крыму обстоятельствами и действиями по перекрытию канала, что обуславливает возможность призыва к ответственности виновного субъекта. Но для начала, необходимо уяснить – каков правовой режим Северо-Крымского канала и иных аналогичных сооружений с точки зрения международного права.

Следует отметить, что в мире уже возникали подобные ситуации, когда в силу политических и территориальных изменений, государства вынуждены были урегулировать режим ирригационных водотоков, разграничивая свои правомочия путём заключения международных договоров. Ярким тому подтверждением является, например, спор о реке Инд, возникший в результате раздела Индии и создания Пакистана. В середине XX в. в указанном регионе сложилась следующая ситуация: в результате проведения границ между Пакистаном и Индией Пенджаб был разделен на восточные и западные районы.

Восточный, и Западный Пенджаб в 1947 году пришли к выводу о том, что положение, существующее на момент разделения, должно остаться неизменным, а воды должны быть распределены равномерно. Но уже в 1948 году Индия, претендующая на абсолютный суверенитет, в одностороннем порядке закрыла каналы на своей территории в Рави и Сутледже, перекрыв подачу воды в Пакистан [14]. Окончательно рассматриваемый вопрос в указанном регионе был урегулирован после длительных переговоров только в 1960 г.. Был заключён двухсторонний договор между Индией и Пакистаном, который разграничил сферы влияния двух государств в отношении бассейна реки Инд и притоков.

Но как поступать в случае, если одна из сторон «водного» конфликта не готова к сотрудничеству? В таком случае у нас, с одной стороны, отсутствуют какие-либо положения, определяющие режим трансграничного ирригационного сооружения, а с другой стороны, - нет универсальных международных норм, которые прямо регулируют данный аспект.

Проблема заключается в том, что оросительные каналы, как правило, не имеют международно-правового регулирования либо их режим, как было указано ранее, определяется локально двухсторонними соглашениями, затрагивающими интересы лишь их сторон. Однако нет общепризнанной единой, универсальной модели, по которой возможно было бы определить общий режим такого объекта. Мы полагаем, что с этим, в частности, связано возникновение «водных» конфликтов в различных регионах мира. Безусловно, такие разногласия характеризуются своей уникальностью в силу особенностей различных регионов, и каждое государство обладает свободой в заключении международных договоров, однако мы полагаем, что опора при таком урегулировании на обобщающие нормы универсального характера позволила бы сократить периоды времени, затрачиваемые государствами на поиск компромиссов в водных вопросах.

Обратимся к *Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озёр*. Предварительно следует отметить, что в названии и в тексте данного международного акта используются обобщающие категории «водотоки», «воды» без конкретизации. Это позволяет расширительно толковать данные термины, и, исходя из этого, в рамках указанного документа рассматривать в их содержании не только реки, но и иные поверхностные или подземные направленные водные потоки, которые обозначают, пересекают границы между двумя или более государствами или расположены на таких границах. Таким образом, в силу отсутствия конкретизации, общепринятым на универсальном уровне можно считать тот факт, что трансграничным характером может обладать любой водоток (естественного или искусственного происхождения). Следовательно, оросительный канал, если он пересекает границу между хотя бы двумя государствами, вполне отвечает признакам трансграничного водотока.

Кроме того, фактически, канал является неотъемлемой частью основной реки и представляет её продолжение. Мы полагаем, что с естественной точки зрения нельзя рассматривать канал, как отдельный от реки объект. Это неправильно и

с логической стороны, ведь канал – это искусственно созданное продолжение русла реки, содержащее в себе её же воды. Нет объективной возможности для того, чтобы разделять воды канала и воды реки. Так, складывается ситуация, при которой канал сущностно отождествляется с рекой, и его наличие, по сути, расширяет её территориальную протяжённость.

Исходя из высказанной нами позиции, такая часть реки, да и сама река, пересекающая границу между хотя бы двумя государствами, является трансграничным водотоком и приобретает международный характер. Это относится непосредственно и к реке Днепр, воды которого наполняли некогда функционирующий Северо-Крымский канал.

Необходимо отметить, что в силу вышеуказанной Конвенции по трансграничным водам 1992 г. использование трансграничных водотоков прибрежными государствами должно быть рациональным и базироваться на взаимном сотрудничестве и обмене информацией. Это означает, что любые односторонние действия в отношении изучаемого нами объекта являются недопустимыми. Кроме того, прибрежные государства должны заключать двусторонние или многосторонние соглашения, приходиться к иным договоренностям в тех случаях, когда таковых еще не имеется, с тем, чтобы «определить свои взаимоотношения и поведение в области предотвращения, ограничения и сокращения трансграничного воздействия»[2].

Интересно, что в отношении р. Днепр Россия и Украина не заключали подобных договорённостей. Оба государства имеют право использовать водные ресурсы реки, не причиняя, при этом, трансграничного вреда граничащему государству. Исходя из этого, ни одно из них не вправе в одностороннем порядке ограничивать объёмы водотока, его поступление на территорию другого государства, ведь это напрямую нарушает положение взятой нами за основу Конвенции. Следовательно, перекрытие Украиной Северо-Крымского канала в 2014 г. с правовой позиции являлось нарушением её международно-правовых обязательств.

На этой основе, мы можем прийти к общему выводу о том, что наилучшим вариантом урегулирования водного конфликта является международное сотрудничество и заключение межгосударственных соглашений. Кроме того, режим трансграничного водного канала вытекает, прежде всего, из универсальных норм и принципов международного права. Если соглашение касаясь такого объекта не достигнуто, стороны не вправе отступать от универсальных международно-правовых норм. В противном случае государство может нести ответственность за принятые односторонние решения и их негативные последствия.

Так, на международном уровне закреплены нормы и принципы, препятствующие осуществлению таких действий, которые способны повлечь за собой трансграничный вред. При этом, думается, что в основу такого закрепления положен принцип предосторожности. В его контексте недопустимо осуществление какой-либо деятельности, если не может быть доказано, что она не нанесет существенного вреда окружающей среде [13, с. 97-98].

Например, *Всемирная хартия природы 1982 г.*, закрепляя данный принцип, указывает: если возможное негативное воздействие деятельности, таящей в себе потенциальную опасность для природы, четко не установлено, она не должна осуществляться [1]. Аналогично, вышеуказанный принцип прослеживается и в положениях *Конвенции по трансграничным водам 1992 г.*, положения которой обязательны как для России, так и для Украины [5].

Очевидным является факт того, что решение о перекрытии СКК вовсе не учитывало возможных экологических последствий, не говоря уже о правах человека. Действия со стороны Украины повлекли за собой негативные экологические последствия (засоление зал. Сиваш [7], опреснение морских вод около северо-западного побережья Крыма), проявляющиеся на территории Крыма, а также в водах, подпадающих под суверенитет Российской Федерации. Именно поэтому, здесь целесообразно говорить о «трансграничном воздействии». Рассматриваемые односторонние действия являлись несогласованными, были осуществлены без учёта возможных негативных последствий, что свидетельствует о нарушении Украиной положений обязательной для неё Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер, принятой в 1992 г. К тому же, данный вред был причинён в силу естественных, физических последствий перекрытия СКК, что является необходимым условием наступления ответственности за причинение трансграничного вреда [3].

При этом перечень опасных видов деятельности, которые могут привести к трансграничному вреду, нигде не закреплён. Мы считаем такой подход вполне обоснованным, так как подобный список потенциально не может охватить всех случаев осуществления такой деятельности со стороны государства. Всё это позволяет прибегнуть к расширительному толкованию категории опасных видов деятельности и расценивать действия по перекрытию СКК в качестве таковых, поскольку воды р.Днепр, которые наполняли рассматриваемое ирригационное сооружение, всегда оказывали физическое воздействие на прилегающие территории и не предвидеть негативные естественные изменения вследствие прекращения работы объекта было невозможно.

Всё вышеупомянутое указывает на наличие оснований для возникновения обязательств украинской стороны по полному возмещению вреда, что справедливо может выражаться в форме компенсации [9], не говоря уже об ответственности за нарушение её международно-правовых обязательств в соответствии с Конвенцией 1992 г.

Список использованных источников

1. Всемирная хартия природы 1982 г (Принята [резолюцией 37/7](#) Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1982 года) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (Дата обращения: 27.12.2019).
2. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17.03.1992 г.) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercourses_lakes.shtml (Дата обращения: 27.12.2019).

3. Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии (1 мая–9 июня и 3 июля–11 августа 2006 года)// Ежегодник Комиссии международного права. 2006 г. – Т. II, Ч. 2. – Гл. V. – С.72. // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2006_v2_p2.pdf (Дата обращения: 23.12.2019 г.).
4. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Резолюция 70/1, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. – 2015 г.// URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (Дата обращения: 10.01.2020)
5. Закон України «Про приєднання України до Конвенції про охорону та використання транскордонних водотоків та міжнародних озер / Відомості Верховної Ради України (ВВР), 1999, N 34, с.282 .
6. Международные договоры и соглашения с участием Минприроды России// URL: http://www.mnr.gov.ru/activity/international_agreements/ (Дата обращения: 10.01.2020).
7. Минэкологии: экосистема Черного моря страдает из-за блокады Крыма.// РИА Новости Крым. - 21.09.2015. // URL: <https://crimea.ria.ru/society/20150921/1101035484.html> (Дата обращения: 20.12.2019 г.)
8. Ена, Ал. В., Ена, Ан. В. Перевалами горного Крыма: науч.-попул. очерк-путеводитель [Текст] /Ал. В. Ена, Ан. В. Ена //Симферополь: Бизнес-Информ. – 2005. – С. 281;
9. Кроуфорд, Дж. Статьи об ответственности государств за международнопротивоправные деяния [Электронный ресурс] /Дж. Кроуфорд // URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/rsiwa/rsiwa_r.pdf (Дата обращения: 09.01.2020 г.).
10. Олиферов, А.Н. Реки и озёра Крыма / А.Н. Олиферов, З.В. Тимченко— Симферополь: Доля, 2005. — С. 216.
11. Позаченюк, Е.А. О методах оценки современного состояния акватории залива Сиваш в условиях перекрытия Северо-Крымского канала в 2014 году [Электронный ресурс]/ Е.А. Позаченюк, Е.Е. Совга, Т.В. Хмара, Л.В. Харитоновна, Е.С. Щурова // Экологическая безопасность прибрежной и шельфовой зон моря. – 2016.– вып.4.– С.41-49. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27721355_77091805.pdf (Дата обращения: 14.09.2019);
12. Совга, Е.Е., Ерёмина, Е.С., Хмара, Т.В. Водный баланс залива Сиваш в условиях изменчивости природно-климатических и антропогенных факторов./ Е.Е.Совга, Е.С. Ерёмина, Т.В. Хмара // Морской гидрофизический журнал. – 2018 г. – N 1 (199). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vodnyy-balans-zaliva-sivash-v-usloviyah-izmenchivosti-prirodno-klimaticheskikh-i-antropogennyh-faktorov> (Дата обращения: 14.09.2019).
13. Bernie P., Boyle A. International Law and the Environment.//Oxford, 2009, P.888.
14. Uprety K., Salman M. A. Salman. Legal aspects of sharing and management of transboundary waters in South Asia: preventing conflicts and promoting cooperation // Hydrological Sciences Journal, 2011, V. 56:4, P. 641-661, DOI: 10.1080/02626667.2011.576252.

УДК 343.97

Абисова К.С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

**ДЕТЕРМИНАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В ИНТЕРВАЛЕ
КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Современный терроризм относится к основным угрозам национальной безопасности. Негативные явления в экономике способствуют укреплению финансово-экономической базы террористических организаций. Нейтрализация финансовых основ терроризма и его воздействия на экономику лежит в основе создания системы противодействия угрозам экономической безопасности в условиях террористической активности.

Ключевые слова: терроризм, детерминация, экономические процессы, кризисные явления, мировая экономика, механизм воздействия.

«Историю любой страны можно оценивать и как череду событий,
происходящих в экономике»

Историческая реальность сложна и являет собой комплекс разнообразных явлений, событий и фактов, которые непосредственно связаны и находятся в прямой корреляции друг к другу, однако отдельное внимание отводится экономическим процессам как внутри стран, так и на международном рынке. Глубина кризисных явлений в международной экономике, их фундаментальные причины и последствия имеют непосредственное отражение на социально-политических процессах.

В новом мироустройстве именно контроль товарооборота, денежных масс, экономических процессов в целом, а следом и геополитических стал главным оружием. Мы считаем необходимым рассматривать экономические процессы и явления в неразрывной связи с геополитическими интересами как комплексный фактор, способствующий детерминации современного терроризма. Циклический характер развития мировой экономики, позволяет выявить факторы детерминации кризисных явлений, к ним следует относить: торговые войны, разрушение устоявшихся экономических связей, геополитическое противостояние стран, борьба за ресурсы, сокращение ликвидности банков и т.п.

Кризисные явления имеют два пути зарождения –искусственный и естественный. Естественный путь зарождения являет собой объективные причины, ввиду того, что экономика живой и чувствительный организм и неверные управленческие решения, порой высказывания отдельных личностей, имеющих вес на мировой арене могут сказываться неблагоприятным образом. Однако и естественный кризис можно поощрять и взращивать.

Искусственный путь зарождения кризисных явлений непосредственно связан с экономическими, политическими, геополитическими амбициями стран мирового сообщества. Примером тому служат торговые войны. Специфика торговых войн проявляется в их неукоснительном отражении на общемировой рынок и политическую конъюнктуру. Анализируя современную ситуацию, торговые войны между США и Китаем, США и Европой, геополитическое противостояние США, России и Китая стали прибыльным для террористических организаций направлением– заказные проекты крупных международных корпораций, заинтересованных либо в устранении конкурентов, разорении стран, либо в изменении бизнес-климата в определенных регионах мира с помощью диверсионных акций[2, С. 158]. Современный терроризм является инструментом манипуляции для «не

согласных» с проводимой политикой. Террористические группировки используются для достижения экономических целей в отдельных регионах. Примером служат события во Франции, когда вследствие снижения цен на продукты, вызванного продовольственным эмбарго, французские фермеры вывалили массу навоза и гнилых овощей перед зданием мэрии, после чего обороты набирает Европейский миграционный кризис, во Франции многократно увеличивается поток беженцев и нелегальных мигрантов. Вышеуказанное свидетельствует о наличии слаженного механизма для подавления не согласных с такой экономической политикой, с заранее оговоренными рынками сбыта, с ситуацией когда строго очерчивается кто продаёт и кто покупает, возвращённый механизм воздействия в виде террористических организаций.

Терроризм как явление давно трансформировался из отдельных радикальных преступных действий, направленных против личности, общества в масштабную угрозу международной безопасности, в способ достижения социальных, экономических, геополитических целей ограниченного круга лиц.

Свой вклад в развитие терроризма внесла и экономическая глобализация, неравномерность социально-экономического развития стран, что наиболее ярко проявилось в прямом ухудшении условий существования основной части человечества за счет ускорения развития и роста благосостояния его абсолютного меньшинства [1, С.100]. Глобализация диктует свои правила, ввиду чего терроризм приспособливается, приобретает новые черты и особенности.

Говоря об особенностях, следует упомянуть государственный характер терроризма. Отдельные страны используют политику насилия, шантажа, государственного переворота в других странах с целью корректировки и направления в необходимую сторону внутренних процессов, преследуя при этом исключительно геополитические цели. Речь идёт о поддержании радикалов, спонсировании «обиженных и униженных». Страны, находящиеся в зависимости от влиятельных игроков международной арены, подвержены искусственным мерам экономического вынуждения террористической угрозы. К числу стран, чьи ресурсы и территории были разыграны на геополитической карте мира следует отнести: Югославию, Ирак, Ливию, Сирию, Украину.

К целям, преследуемым при искусственном создании кризисных явлений в международной экономике следует отнести: ресурсы, рынок, уничтожение конкурентов. Всё это представляет взаимосвязанные элементы, при достижении которых появляется возможность неограниченного использования, установления своих правил, получения потоков денежных масс.

Геополитическое противостояние стран в регионах с повышенным уровнем интереса ввиду обладания природными ресурсами протекает при помощи механизмов экономического воздействия. Арктика - общее достояние человечества, однако за её ресурсы ведут борьбу две крупнейшие экономики мира, США и Россия. Ввиду богатого экономического потенциала Арктики, мировое сообщество меняет геополитические стратегии. С данной целью национальная стратегия России должна иметь долгосрочный характер в аспекте

отстаивания и освоения территории, по причине активности других государств в данном вопросе. Однако есть несколько факторов, которые могут кардинально поменять ситуацию обладания: экономическая дестабилизация России и активизация деятельности террористических организаций с целью ослабления национальной безопасности.

Терроризм будет использован исключительно как инструмент геополитики и экономики, с целью устрашения и «наведения порядка» путём передачи прав международным организациям. Ф. Фукуяма утверждает: «Мировая политика будет вращаться вокруг глобальной экономики, сокрушающей все виды барьеров между нациями. А главные международные разграничительные линии будут проходить не между цивилизациями, а теми, кто либо отверг ее (как, скажем, Северная Корея), либо, по той или иной причине, оказался неспособным играть по ее правилам (как Россия или Египет, или Эквадор)»[3].

Рассматривая вклад экономической науки в изучение проблемы терроризма, следует отметить, что экономический анализ помогает понять социально-экономические корни терроризма и определить меры, направленные на устранение (или хотя бы ограничение) экономических условий его развития.

Список использованных источников

1. Алиев И. М. Проблема терроризма в социально-политических процессах: политологический анализ // Евразийский юридический журнал, 2009. № 7 (14). – С. 100.
2. Грачёв С.И., Корнилова А.А. Экономическая составляющая терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007. № 5. – С. 158.
3. Fukuyama F. The Troubles with Names // Foreign Policy. Summer 2000.

УДК. 341.01

Кошман В.А., Паламарчук А.В.

Крымский филиал «Российский Государственный Университет Правосудия»

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМУ НАЦИОНАЛЬНОГО

В статье рассматривается проблематичный аспект подходов к пониманию сущности международного права и его взаимосвязь с вопросом урегулирования примата международного права над государственным. В ходе анализа различных аспектов указанной проблемы формируется более акцентуированная модель взаимодействия национального и международного права с учетом ряда устоявшихся мировых практик.

Ключевые слова: международное право, национальное право, jus cogens.

На данный момент в науке и практике сложилось несколько противоречивых взглядов на то, каким образом должно вступать в действие международное право в случае противоречия с национальным. Это порождает не только академические споры, но и поднимает важные вопросы практики. В связи с планируемыми изменениями в Конституцию РФ этот вопрос вновь стал на злободневную повестку дня.

На наш взгляд, центральным вопросом проблемы соотношения внутреннего, т.е. национального права с положениями международного является само понимание его сущности и отношение к нему. Ярким примером такой ситуации является его восприятие сквозь призму истории унижительных договоров и методов воздействия стран Западной Европы и Северной Америки на внутренние дела самой страны. Такой нигилистический подход предопределил отсутствие положений в Конституции КНР о роли международного права, а с другой стороны очень специфический подход к его имплементации в виде выборочности [6]. То есть, международное право тут рассматривается, в первую очередь, как совокупность обязательств самих государств, которые они берут на себя, то есть оно носит характер межгосударственного права, и соответственно, зависит от обязательств, которые взяли на себя государства и насколько они их выполняют. С другой стороны, такая позиция может показаться крайне обоснованной, однако тогда это искусственно ограничивает сферу его действия. В частности, существует большое количество институтов, которые действуют без какого-либо государственного вмешательства, и осуществляют исполнительную деятельность, равно как и судебную – ВТО, НАТО, Всемирный банк и др. Они являются самостоятельными органами и функционируют вне зависимости от каких-либо взятых на себя обязательств государствами. Кроме того, сюда стоит отнести деятельность международных судов, в частности Международного суда ООН и Европейского суда по правам человека. Это заставляет нас указать на то, что международное право ушло в своем развитии от модели, заложенной в Вестфальском договоре 1648 года, равно как и концепт суверенитета, выраженный в нем.

Также часто в качестве особого института международного права приводится Европейский союз, однако, на наш взгляд, оно таковым являться не может, потому что речь идет об уровне интеграции государств за рамками, характерными для других международных организаций. Однако это поднимает вопрос об абсолютности суверенитета государства на современном этапе, как раз-таки из-за существования подобных организаций, равно как и необходимости международной кооперации, очередной исторический этап которой подается как «глобализация».

Стоит отметить одну весьма важную деталь, которая тем более заметна в историческом разрезе: государства в своей риторике предпочитают выставлять какие-либо международные обязательства, как навязывание своей воли другими государствами, либо их организациями. Так, в российской и китайской среде распространена идеологема о навязывании своей воли странами «Запада», в тоже время в США, где за между прочим действует такая же концепция восприятия международного права, как и в Китае, подается как влияние Европы, либо же воздействие авторитарного Китая, к примеру, в рамках ВТО. Это позволяет провести параллель с таким совершенно неправовым, но крайне похожим явлением как восприятие того, у какого

племени сильнее магия. По данным этнографов XIX-XX веков, изучавших аборигенные племена с простой материальной культурой и низкой сложностью общества, магия соседнего, а тем более враждебного племени всегда была сильнее. Соответственно, если исходить из понимания международного права только как обязательств государства, мы рискуем обострить в нем компоненту политических вопросов сквозь призму одного из примордиальных концептов восприятия человеческого общества – проблему «свой-чужой». Потому признать такой подход удовлетворительным нельзя.

Тем не менее и само международное право в виду своего преимущественно договорного характера не способствует разрешению данного вопроса. В частности, Венская Конвенция 1969 года в ст. 27 содержит следующее правило: «Участник не может сослаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора». Данное положение закрепляет приоритет обязательств, закрепленных в международных договорах над национальным правом. Однако на практике оно сталкивается с проблемой его соотношения с положениями «живой Конституции», то есть сложившейся практики трактования положений высшего закона государства, обычно в рамках решений суда конституционной юрисдикции. Стоит отметить, что данные решения в национальных системах права, исходя из их приоритета над законами де-факто стоят между Конституцией и законами. Тем самым вопрос о соотношении решений конституционных судов и Конституции с международным правом обходится молчанием в нормах международного права. Точно такую же проблему представляют собой и решения международных судов, которые чаще всего и становятся теми случаями, при которых происходит столкновение норм международного и национального права при исполнении первых. Эта проблема следует также из самой природы норм международного права, которые сформулированы точно также, как и абстрактные нормы закона, а потому при правоприменении, когда возникает большое количество деталей становится невозможным всегда и в точности соблюдать нормы, отсюда и формируется «живое право», которое является сочетанием содержания норм права, традиций и доктрин правоприменения. Это позволяет указать на центральную роль деятельности международных судов при трактовке высокоабстрактных положений международных конвенций, тем самым создавая конкретные прецеденты, которые содержат данные нормы по различным вопросам их применения. Исключения составляют лишь более конкретные положения, по типу ИНКОТЕРМС, однако в ряде основополагающих международно-правовых актов, а в особенности в положениях, касающихся прав человека, превалируют нормы первого типа. Это вызвано тем, что они направлены на общее регулирование, и, по своей сути, выступают руководящими идеями права. Отсюда проистекает другая проблема природы.

В своих положениях международное право крайне близко понятию конвенциональной истины - истинно то, что признается другими в общественной практике. Основанием истинности таких положений является, по своей сути традиция, то есть «так принято и потому так надо делать». С учетом договорного характера международных прав и возможности использования говорок, эта позиция, на наш взгляд, лучше всего отражает его сущность, хотя и принадлежит к постмодернистской традиции. Однако, избегая ловушек

указанной традиции мы укажем на то, что тогда по своей сути международное право это, то что составляет не только его нормы, но и стандарты его применения. Соответственно, усилия международного сообщества должны выступать именно как кооперация, с целью выработки единых стандартов прав человека с такой точностью, какая только возможна. При этом следует избегать и чрезмерно детализированного регулирования. Из этого следует проблема чрезмерной неточности, при применении в разных странах. Это игнорирует совершенно разные условия в странах, в частности реализация стандартов прав человека напрямую зависит от экономического благополучия, и, само собой, не может быть решена строго правовыми методами. Опять же, само право носит идеальный характер, поэтому даже самый конкретизированный акт правоприменения под час не может быть исполнен и отражает ровным счетом идеальное урегулирование ситуации. В силу указанных обстоятельств мы перейдем уже к конкретному формированию модели взаимоотношения международного и национального права, которое могло бы избежать данных ограничений.

В качестве экстремумов следует привести два утверждения: национальное право имеет приоритет над международным и наоборот. Двигаясь от них к большей конкретике, мы определяем наше видение так, что международное право имеет приоритет перед национальным правом, в виде его законов и других источников права, которые ниже по силе конституции государства, и, при наличии, решений суда конституционной юрисдикции. Далее встает вопрос о том, какой именно объем международных прав и в каких случаях должен иметь приоритет. Исходя, из того, что практически все виды общественных отношений урегулированы международным правом, то следует признать его в полном объеме. Однако тогда встает вопрос, о том, как оно должно действовать и какие правила его применения. Тут опять же вступает в противоречие практика с самими положениями права, а точнее - мозаичность их от страны к стране. Существует две основных модели: 1) это действие норм международного права напрямую; 2) действие их в качестве модели инкорпорации в национальное право. Соответственно, нормы международных договоров, ратифицированных государством с учетом всех оговорок, является тем объемом, которое действует на территории страны. Модель прямого действия имеет преимущество именно для приоритета имплементации, в то время как инкорпорация в национальное право позволяет полностью четко определить место национального права и придать ему однозначную силу[5]. Однако у последней есть и существенный недостаток: временной промежуток между принятием такого закона и его подписанием может быть сколь угодно долгим, равно как и нет механизмов, чтобы принудить орган законодательной власти к его принятию. Поэтому, на наш взгляд стоит отдать модели прямого действия. В тоже время, с целью гармонизации модели ее следует акцентировать – нормы принципов международного права (*jus cogens*) и международных договоров должны обладать прямым действием в том случае, если соответствующий закон не был принят. Такая модель позволяет снять противоречие между моделями, и, позволяет напрямую судам применять нормы международного права. То есть в случае, если имеется пробел национального права, либо оно противоречит правилу, закрепленному в норме международного права, будут применяться положения последнего. Но здесь

есть небольшой нюанс соотношения между решениями международных судов и национальным правом. Стоит отметить, что и в Италии, и Германии, и США и других странах является приемлемой практикой несогласие суда конституционной юрисдикции с таковым решением, что влечет за собой его отмену [7, с.507,509]. Другим подходом является пример Китая, где еще на этапе подписания договоров им были заявлены оговорки под деятельностью практически всех видов международных инстанций. С нашей точки зрения оба метода являются приемлемыми, с другой стороны, сочетание обоих методов было бы наиболее релевантно. Это позволяет высказать о том, что государству необходимо иметь некий определенный подход к тому, какой объем международного права оно не приемлет. Весьма удачным вариантом является формулировка установления более высокого стандарта прав человека, как пример в ст.31 Конституции Венесуэлы. То есть, это позволяет установить приоритет, не затрагивая строго вопросы внутренней политики государства.

В итоге нашу модель можно сформулировать следующим образом: Нормы международных принципов (*jus cogens*) и международных договоров, ратифицированных государством с учетом всех оговорок, заявленных государством, имеют приоритет над правилами, установленными актами органов государственной власти и другими источниками национального права, которые ниже по своей силе действия конституции государства и актов органа конституционной юрисдикции. Нормы международных принципов (*jus cogens*) и международных договоров, ратифицированных государством с учетом всех оговорок, заявленных государством, вводятся в национальное право и являются его частью. В случае отсутствия соответствующих решений после ратификации со стороны законодательного органа они имеют силу прямого действия. Решения международных инстанций данные нормы обладают приоритетом над решениями органов государственной власти и другими источниками норм права, в том случае, если они устанавливают более высокий стандарт прав человека, за исключением решений о привлечении к ответственности за совершение преступлений против человечества. Решения международных инстанций могут быть признаны не имеющими силу для национального права исключительно на основании решения органа конституционной юрисдикции в случае особых обстоятельств.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (в ред. от 30.12.2014 г.) // Российская газета. 1993.25 декабря.
2. Constitution of the Bolivarian Republic of Venezuela 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.venezuelaemb.or.kr/english/ConstitutionoftheBolivarianingles.pdf>
3. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.)
4. Венская Конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.)
5. André Nollkaemper, The Duality of Direct Effect of International Law, *European Journal of International Law*, Volume 25, Issue 1, February 2014, Pages 105–125, <https://doi.org/10.1093/ejil/cht085>
6. Chen Yifeng (2017) International law as mere obligations, *Peking University Law Journal*, 5:2, 285-308, DOI: 10.1080/20517483.2017.1427141

7. Palombino, F. M. (2015). Compliance with international judgments: between supremacy of international Law and national fundamental principles. Heidelberg Journal of International Law, 75, 501-529

УДК 343.3/.7:343.97

Головенчик М.Г.

Белорусский государственный университет

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Рассмотрены современные международно-правовые соглашения, заключенные в сфере предупреждения международной киберпреступности и противодействия ей. Проведена классификация таких договоров, рассмотрены основные моменты, касающиеся их содержательно-нормативной части.

Ключевые слова: международная преступность, киберпреступность, международное сотрудничество, борьба с компьютерными преступлениями, информационная безопасность

Трансграничные преступления, совершаемые с использованием информационных телекоммуникационных технологий, устройств и сетей, на сегодняшний день являются одним из наиболее опасных проявлений преступной деятельности, поскольку их совершение может быть сопряжено с возможным причинением вреда охраняемым правам и законным интересам не только какого-либо отдельно взятого лица, но значительной группы таких лиц, государственным и общественным интересам. Современные кибератаки способны саботировать работу многих государственных органов, ключевых предприятий, обеспечивающих функционирование электросетей, систем водоснабжения, учреждений здравоохранения, банковской сферы и т.д. Известны факты несанкционированного доступа к компьютерным системам военных ведомств, вплоть до Пентагона [1].

Осознавая опасность подобных преступных проявлений, государства всего мира пытаются противостоять данному явлению, объединяя для этого свои усилия, разрабатывая международные нормативные акты, которые регулировали бы вопросы ответственности за рассматриваемые деяния, определяли порядок и условия сотрудничества правоохранительных органов различных стран, направленного на предупреждение указанных опасных форм преступного поведения и борьбу с ним.

Следует отметить, что международные нормативные документы, так или иначе регламентирующие вопросы противодействия киберпреступности, особенно активно стали приниматься в последнее десятилетие. Такие документы носят как глобальный, так и региональный характер, а в целом представляется возможным выделить пять основных групп таких правовых актов:

- правовые акты, принятые под эгидой Организации Объединенных Наций;
- нормативные акты, разработанные и внедренные в рамках Совета Европы;
- нормативные акты, принятые на территории Содружества Независимых государств либо Шанхайской организации сотрудничества;
- конвенционные и межправительственные африканские соглашения в области борьбы с киберпреступлениями;
- правовые акты, действующие в рамках Лиги арабских государств.

В то же время все названные группы нельзя рассматривать только лишь обособленно друг от друга, поскольку они зачастую используют одни и те же термины, базовые понятия, а основные отличия состоят лишь в отдельных процедурных вопросах, что обусловлено особенностями регионального применения. Так, основные дефиниции, представленные в Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации [2], обнаруживаются и в иных документах, относящихся к другим подгруппам. Однако различия между рассматриваемыми правовыми актами все же прослеживаются. В первую очередь, следует отметить их неодинаковую юридическую силу. Так одни заключенные международные соглашения накладывают на участвующие в них государства определенные обязательства. В их числе можно выделить Соглашение СНГ о борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации [3], Соглашение Шанхайской организации сотрудничества по вопросам обеспечения информационной безопасности [4], Конвенцию Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий [5] и др. Прочие же договорные акты (как правило, Типовые законы, разработанные в том или ином регионе) не влекут таких юридических последствий и носят рекомендательный характер, выступая в качестве некоего эталонного образца, который следует учитывать при разработке норм внутреннего национального законодательства.

Следующим разграничительным качеством необходимо назвать географическую протяженность, а иными словами – территорию, на которую распространяется действие того или иного нормативного документа. В тех случаях, когда речь идет о международно-правовых соглашениях, носящих обязательный характер, их территориальная распространенность, как правило, совпадает с границами деятельности той международной организации, под эгидой которой данный нормативный акт был разработан и внедрен. В частности, отдельные нормы, ограничивающие границы действия нормативных положений, можно обнаружить в Преамбуле Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации, Преамбуле Соглашения государств-членов СНГ и проч. В то же время известны случаи, когда не все государства, входящие в то или иное экстерриториальное межгосударственное образование, ратифицируют принятое соглашение. С другой стороны, есть и обратные примеры, подразумевающие, что в разработанном международном соглашении могут принимать участие в том числе и иные государства, не

входящие в это межгосударственное образование. Так, подобное положение можно обнаружить в ст. 36 Конвенции Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации, где устанавливается, что «Конвенция открыта для подписания государствами-членами Совета Европы и не являющимися его членами государствами, которые участвовали в ее разработке». Кроме того, предложение о присоединении к данной Конвенции может быть направлено Комитетом Министров Совета Европы любому иному государству, которое не является членом Совета Европы и не принимало участия в разработке Конвенции, если на это будет получено единогласное согласие всех участников Конвенции. Сходные нормы обнаруживаются также и в называвшихся ранее Соглашении государств-участников СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, а также Соглашении Шанхайской организации сотрудничества.

Наиболее широкую территориальную распространенность традиционно имеют международно-правовые соглашения, разработанные под эгидой Организации Объединенных Наций. В частности, можно отметить Конвенцию о правах ребенка [6], а также Факультативный протокол к ней, регулирующий вопросы противодействия торговле людьми, детской проституции и детской порнографии [7]. Эти соглашения являются открытыми для подписания любым государством, а потому являются фактически полностью экстерриториальными.

Далее в качестве разграничительного признака нормативных документов в исследуемой области следует назвать их содержательную составляющую.

Среди международных соглашений, регламентирующих вопросы противодействия киберпреступности, можно выделить два основных направления, характеризующих их содержательно-нормативную часть. Первая группа содержит преимущественно нормы, касающиеся установления уголовной ответственности за совершение киберпреступлений. К числу таких международно-правовых актов можно отнести, например, Конвенцию Совета Европы о киберпреступлениях, Соглашение, заключенное в рамках Содружества Независимых Государств, Конвенцию Лиги Арабских государств. Вторую же группу составят международные договоры, которые в большей степени направлены на урегулирование процедурных вопросов международного сотрудничества в области противодействия киберпреступности. Сюда следует отнести, например, Соглашение, заключенное в рамках Шанхайской организации сотрудничества, Конвенцию Африканского союза и др. В то же время нельзя однозначно утверждать, что в нормах международных соглашений первой группы отсутствуют положения, которые касались бы вопросов уголовно-процессуального (процедурного) характера и взаимодействия между государствами. Равно как и в документах, отнесенных ко второй группе так или иначе содержатся формулировки киберпреступлений и иных деяний, которые соотносимы с ними.

Наибольшее признание среди международно-правовых соглашений в сфере противодействий киберпреступности, подтвержденное количеством присоединившихся государств-участников, получила Конвенция Совета

Европы о преступности в сфере компьютерной информации, подписание которой состоялось в 2001 году в г. Будапеште.

В качестве целей принятия данной Конвенции, нашедших свое отражение в ее Преамбуле, указаны осуществление совместных действий, направленных на формирование единой уголовно-правовой политики, которая была бы направлена на обеспечение кибербезопасности; разработка и реализация международных договоров обеспечивающих и облегчающих сотрудничество государств в рассматриваемой сфере; комплексная деятельность по противодействию посягательствам, создающим угрозы для конфиденциальности, целостности и доступности компьютерной информации, компьютерных систем и сетей. Предполагается, что такая деятельность должна реализовываться через установление преступности и наказуемости соответствующих деяний, а также наделение правоохранительных органов действенными полномочиями, достаточными для их эффективной работы в указанном направлении. От государств-участников Конвенции требуется оказывать максимальное содействие расследованию и судебному рассмотрению преступлений данной группы, причем такое содействие должно быть обеспечено как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

Осуществляя работу на внутригосударственном уровне, государства-участники, в первую очередь, должны привести свое законодательство в соответствие с положениями Конвенции, отразив в уголовных законах наказуемость посягательств на информационную безопасность, конфиденциальность, целостность и доступность информации, нарушения в сфере авторского права, распространение материалов, содержащих детскую порнографию. В нормах Конвенции предписывается разрешить вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, что, однако, противоречит уголовной политике многих государств. В частности, именно это положение является одной из причин, по которой отдельные государства принимают решение о невозможности присоединения к положениям рассматриваемой Конвенции.

Анализ норм Конвенции позволяет сделать вывод о том, что в них не содержится дефиниции «киберпреступление». В то же время из содержания части первой Конвенции представляется возможным выделить несколько групп характерных преступных деяний, совокупность которых и создает предпосылки для рассмотрения этого термина как общей родовой категории. Так, разработчики Конвенции посчитали необходимым обязать государства, ее ратифицировавшие, включить в свое внутреннее уголовное законодательство группу преступлений, посягающих на конфиденциальность, целостность и доступность информации, группу правонарушений, совершение которых предполагает использование компьютерных средств, группу правонарушений, предметом которых выступает специальная информация (медийные материалы, связанные с детской порнографией), а также группу правонарушений, сопряженных с нарушением авторских и смежных прав. Сходную позицию в отношении классификации киберпреступлений можно обнаружить и в образовательном модуле «Введение в киберпреступность», подготовленном

Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. По мнению специалистов этого управления, всю совокупность киберпреступлений следует разделить на две большие группы – киберзависимые преступления и преступления, совершаемые посредством кибертехнологий. При этом в первой группе оказываются такие преступные деяния, которые посягают на «триаду КИЦД» (конфиденциальность, целостность, доступность). Иными словами, это такие преступления, для которых модификация или иное воздействие на цифровую информацию является непосредственной целью преступления. Вторая же группа преступлений включает в себя все прочие преступления, в которых компьютерная техника и цифровые технологии являются орудием или средством их совершения [8]. Как видно, во вторую группу специалисты названного управления отнесли три последних группы, обозначенных в части первой Конвенции.

Следует отметить, что, спустя чуть более года после принятия Конвенции, был принят также Дополнительный протокол к ней [9], в котором отдельные противоправные деяния получили специальную регламентацию ввиду их повышенной общественной опасности в связи с возможностью причинения вреда человечеству или значительной его части. Так, в указанном Дополнительном протоколе уделено внимание таким правонарушениям как распространение расистских и ксенофобских материалов, угроза расизма и ксенофобии, расистское и ксенофобское оскорбление, одобрение либо оправдание геноцида или иных преступлений против человечества. Учитывая же специфику данного Дополнительного протокола, указанные выше правонарушения должны быть совершены с использованием компьютерных систем или сетей.

Таким образом, на сегодняшний день существует достаточно широкий перечень международно-правовых соглашений, регламентирующих вопросы противодействия киберпреступлениям и их отдельным проявлениям. Наиболее часто встречаются международные соглашения регионального характера, нормы которых разрабатываются с учетом специфики отдельных областей и межгосударственных образований. В то же время проведенный анализ показал, что многие нормы, на которых основывается международно-правовая регламентация борьбы с киберпреступностью, в настоящее время утрачивают свою актуальность ввиду стремительного развития технического прогресса, появления новых информационно-коммуникационных средств и систем связи. Актуальность же самой проблемы существования киберпреступлений не только не утрачивается, но с каждым годом все более возрастает.

Как видится, государства проявляют недостаточную активность в рассматриваемой области. Их поведение чрезмерно инертное, а необходимые положения если и принимаются, то требуется значительное время для прохождения различных бюрократических процедур, после чего эти нормы получают непосредственное действие. В то же время преступная деятельность в сфере высоких технологий постоянно совершенствуется, а значит при отсутствии адекватных и своевременных мер реагирования мы в скором

времени можем столкнуться с ситуацией правового вакуума, когда будет очевидным факт причинения вреда, однако действенных норм, позволяющих привлечь виновное лицо к необходимой и справедливой юридической ответственности, будет недостаточно.

Список использованных источников

1. Экс-глава генштаба США: в 2015 году «русские хакеры» взломали Пентагон // РИА Новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20161216/1483758089.html>. – Дата доступа: 29.03.2020.
2. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185) (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) // Консультант Плюс: Международные правовые акты [Электронный ресурс]. – Мн.: ЮрСпектр, 2020.
3. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Заключено в г. Минске 01.06.2001) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. – № 1(37). – С. 138-145.
4. Соглашение между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (Заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 1. – С. 13-21.
5. Arab Convention on Combating Information Technology Offences // Asian school of cyber laws [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asianlaws.org/gclid/cyberlawdb/GCC/Arab%20Convention%20on%20Combating%20Information%20Technology%20Offences.pdf>. – Дата доступа: 06.02.2020.
6. Конвенция о правах ребенка (Заключена 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI. – М., 1993. – С. 242-257.
7. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (Принят в г. Нью-Йорке 25.05.2000 Резолюцией 54/263 на 97-ом пленарном заседании 54-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 6. – С. 8-15.
8. Введение в киберпреступность // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/e4j/Cybercrime/Cybercrime_Module_1_Introduction_to_Cybercrime_RU.pdf. – Дата доступа: 24.01.2020.
9. Дополнительный Протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем (ETS N 189) (Подписан в г. Страсбурге 28.01.2003) // Консультант Плюс: Международное право [Электронный ресурс]. – Мн.: ЮрСпектр, 2020.

СЕКЦИЯ 6

Юридическая практика и правовые технологии в юридической науке в условиях современного государства

УДК 340.1

Березина Е.А.

к. ю. н., доцент кафедры теории государства и права,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»

ПРАВОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК МЕХАНИЗМ КООРДИНАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

В работе исследуются проблемы взаимодействия национальных правовых систем в рамках Европейского Союза. Анализируется роль координационных правовых технологий, обеспечивающих данное взаимодействие, единство и целостность мирового сообщества.

Ключевые слова: правовая система, национальная правовая система, правовая технология, координационная правовая технология, персонцентристский тип правовой культуры.

В настоящее время, когда мировое сообщество лицом к лицу столкнулось с глобальными вызовами и опасностями (терроризмом,

распространением вирусов, экологическими катастрофами и др.), наблюдается две прямо противоположные тенденции развития правовых систем. С одной стороны, правовые системы разных государств стремятся к интеграции, взаимному сближению, унификации законодательства, с другой стороны, все чаще появляются черты дезинтеграции, разобщения, стремления подчеркнуть особенности национального правопорядка. И недавний пример разобщенности как европейских государств, так и государств всего мира в борьбе с вирусом Covid-19, вызывающим пневмонию нового типа, наглядно продемонстрировал эту тенденцию: перед лицом угрозы страны ЕС и всего мира не объединяются, а наоборот, закрывают границы, отменяют авиарейсы, изолируются друг от друга [1, 2, 3].

Например, Италия просила у других стран Европы маски, резиновые перчатки, пластиковые очки, которые помогают построить простейший барьер против коронавируса, но ее просьбы так и остались без ответа, Франция и Германия запретили экспорт этих товаров. «Это важный урок, который мы никогда не забудем: когда эпидемия закончится, больше ничего не будет, как прежде», — считает заместитель главного редактора итальянской газеты La Repubblica Джанлука Ди Фео [4]. Аналогичного мнения придерживаются и российские журналисты, анализирующие ситуацию в Италии, говоря, что «страны "единого дома под названием ЕС" закрываются — в борьбе с пандемией каждый сам за себя. О глобализации уже и не вспоминают, наступила другая эпоха — разобщенности» [5].

М. Массари, представитель Италии в ЕС, еще в начале марта 2020 года говорил, что пришло время для ЕС выйти за рамки взаимодействия в виде консультаций, что нужно перейти к реальным оперативным эффективным действиям. Он подчеркнул, что нельзя оставлять Рим справляться с этим кризисом в одиночку; помимо национальных мер, кризис требует глобального и, в первую очередь, европейского ответа. Коронавирус тестирует ЕС на сплоченность, его можно победить только посредством подлинной солидарности и координации действий всех государств ЕС. Европа должна действовать по принципу взаимной защиты и помогать тем членам, безопасность которых находится под угрозой. «Если мы будем смелыми и сплоченными, мы победим. Если мы эгоистичны и разделены, мы проиграем» [6].

После окончания эпидемии перед мировым сообществом встанет вопрос о необходимости создания новых механизмов, обеспечивающих взаимодействие между национальными правовыми системами, в том числе и во время глобальных кризисов, а не только во время нормального функционирования общества. Кроме того, можно предвидеть, что представители современных государств заговорят о необходимости создания новой системы международной безопасности, которая будет обеспечивать взаимодействие разных стран между собой.

Отвечая на вопрос: «Что должно предпринять человечество для того, чтобы в будущем с большей степенью надежности, чем это демонстрируется сейчас, защитить себя от потенциальных угроз?», — можно предложить целую

систему организационных, экономических, политических, социальных мер, среди которых, конечно, первое место будет отводиться правовым мерам. Именно право, как универсальный регулятор общественных отношений, свойственный всем видам общественных систем, способно выполнить эту задачу, обеспечив гармоничное развитие и сосуществование различных правовых систем.

При этом существенное значение для взаимодействия правовых систем будет иметь не только нормативно-регулятивный элемент правовой системы, но и иные ее элементы, в частности интеллектуально-психологический и социально-результативный [7, с.291-292].

Действительно, нормативно-правовая основа у всех государств правовой системы ЕС является общей, но это не позволило во время опасности обеспечить единство функционирования ЕС как целого структурного образования.

Так, в Европейском Союзе еще в 2001 г был создан Механизм гражданской защиты, который, согласно ч.1 ст.1 Решения Европейского парламента и Совета ЕС от 13 декабря 2013 года № 1313/2013 / ЕС «О Механизме гражданской защиты ЕС», должен быть нацелен на укрепление сотрудничества между Союзом и государствами-членами и содействие координации в области гражданской защиты с целью повышения эффективности систем предотвращения, подготовки и реагирования на природные и техногенные катастрофы». Союзный механизм содействует солидарности между государствами-членами посредством практического сотрудничества и координации. (ч.3.ст.1 Решения). П. «с» ч.1 ст. 3 Решения указывает в качестве одной из целей существования Механизма гражданской защиты ЕС содействие быстрому и эффективному реагированию в случае бедствий или неизбежных бедствий [8].

Италия просила активировать Механизм гражданской защиты ЕС, чтобы обеспечить снабжение Италии медицинским оборудованием, но ни одно из государств-членов Европейского Союза не отреагировало на ее призыв. Помог только Китай. «Это не означает ничего хорошего для европейской солидарности», - сделал вывод представитель Италии [6].

Перед лицом появившейся реальной угрозы тенденция сепаратизма стала преобладающей. Возможно, это произошло потому, что для стран ЕС не было характерно единство правового сознания, а также юридической практики. Нормы права, закрепленные в Решении Европейского парламента и Совета ЕС № 1313/2013 / ЕС, без их воплощения в жизнь, без претворения их на практике потеряли свой смысл и не выполнили своей регулятивной функции, так же, как они не выполнили своей функции из-за отсутствия готовности им подчиняться, строить свое поведение в соответствии с этими нормами.

Юридическая наука в правосознании традиционно выделяет 3 элемента – информационный, оценочный и ценностно-ориентационный. Представляется, что именно единой системы ценностей и готовности действовать определенным образом, рассматривая совокупность национальных правовых систем государств ЕС как единую правовую систему и вырабатывая отношение к

остальным гражданам ЕС, имеющим также и национальное гражданство другого государства, входящего в ЕС, как «к своим», так и не сложилось. В итоге в современной объединенной Европе господствует принцип «каждый сам за себя». Можно предположить, что принадлежность к персонцентристскому типу правосознания и правовой культуры [9, с. 86-94], характерная для Запада, сыграла в этом отрицательную роль. Персонализация произошла как на уровне отдельной личности, так и на уровне всей нации. Будучи целостным политическим объединением в течение довольно длительного времени, ЕС тем не менее не смог обеспечить единство интеллектуально-психологической составляющей правовой системы, а также координацию деятельности государственных органов государств-членов ЕС и граждан ЕС.

Именно на обеспечение взаимодействия национальных правовых систем, единства и целостности мирового сообщества, его защиту и охрану, должно быть направлено использование новых правовых технологий, среди которых одно из ведущих мест должны занимать координационные правовые технологии, под которыми понимается «система ... действий и операций компетентных и уполномоченных ими органов, связанная с установлением наиболее целесообразного соотношения между различными видами юридической деятельности, в ходе которой наиболее оптимально используются необходимые ресурсы, средства, приемы, способы, методы и правила, процессуальные формы и конкретные виды контроля и надзора за координационной деятельностью ее участников в целях получения общественно полезных результатов» [10, с. 61]. Координационные правовые технологии подразумевают не только деятельность по созданию правовых норм, а, прежде всего, оптимальное соотношение юридической деятельности различных видов, в том числе и правоприменительной, и контрольно-надзорной, которые в приведенном выше примере не были осуществлены. Для достижения планируемого результата необходимы как закрепление правил поведения в источниках права, так и система средств, обеспечивающих их реализацию, поскольку только в своей взаимосвязи все элементы механизма правового регулирования позволяют выполнить главное предназначение права – быть регулятором общественных отношений. Именно механизм правового регулирования позволит представить явления правовой действительности «в работающем, системно-воздействующем виде» [11, с. 364].

Необходимость использования именно координационных правовых технологий в регулировании отношений между государствами, в частности, в нашем примере – отношений между государствами-членами ЕС, обосновывается тем, что государства в них выступают как равные субъекты, правоотношения между которыми строятся на добровольных началах и диспозитивном методе правового регулирования, что характеризует объективную обусловленность координационных правовых технологий. Кроме того, для данного вида правовых технологий характерна их универсальность [12, с. 24-27], возможность использования не только во взаимоотношениях между государствами, но и между иными субъектами права.

В качестве философского обоснования применения координационных правовых технологий можно использовать работы И. Канта, который рассматривал право как «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [13, с. 139]. Правовое регулирование осуществляется самими участниками данных отношений на паритетных началах, субъекты правотворчества (а нашем случае Европейский парламент и Совет ЕС) лишь закрепляют в своих решениях сложившиеся между субъектами правила взаимодействия, координируя его. Но характеристика координационных правовых технологий будет неполной, если не сказать о том, что в случаях, установленных самими сторонами и выраженными в текстах решений правотворческих органов, необходимо, в том числе, и принудительное взаимодействие, которое обеспечивает выполнение этих решений. Как отмечает И. Кант, для права характерна «обязательность» [13, с. 136] и принудительность. Таким образом, право, с одной стороны, определяет ту черту, где совмещаются свобода взаимодействующих субъектов, с другой стороны, гарантирует выполнение тех договоренностей, которые были сторонами достигнуты. Философские технологии согласования воли субъектов права могут быть с успехом использованы в юридической практике.

В системе самих координационных правовых технологий также нужно определить оптимальное сочетание правовых технологий разных видов: технологий предупреждения и ликвидации последствий кризисов; технологий взаимодействия и взаимопомощи в критических ситуациях в научной, производственной и иных сферах; технологий привлечения к ответственности лиц, которые не выполняют взятых на себя международных обязательств; технологий контроля; правовых технологий мониторинга ситуации и т.д.

Но решение практических задач осложняется отсутствием единообразного понимания того, что собой представляет правовая технология. Необходимо на доктринальном уровне разработать теорию правовой технологии. В отечественной юриспруденции существует несколько подходов к определению этого понятия. Часть ученых рассматривают правовую технологию в узком смысле как часть юридической техники, включая ее в последнюю наряду с правовой стратегией и правовой тактикой. Представляется, что такой подход сильно обедняет исследовательский и методологический потенциал этой правовой категории. Более предпочтительным представляется широкий подход к пониманию правовой технологии, представленный, например, такими авторами, как В.Н. Карташев, Т.Я. Хабриева, и включающий в себя в том числе и юридическую технику, в рамках которого правовая технология выступает в качестве особого вида социальной технологии, представляющего собой «систематически осуществляемую в особом процессуальном порядке с помощью специальных юридических средств юридическую деятельность, направленную на преобразование правовой действительности и достижение определенного правового результата» [14, с. 10].

Список использованных источников

1. Редактор LaRepubblica: Европа бросила Италию один на один с коронавирусом //EurAsiaDaily. 17 марта 2020 // Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2020/03/17/redaktor-la-repubblica-evropa-brosila-italiyu-odin-na-odin-s-koronavirusom>(дата обращения: 19.03.2020).
2. Сальседо А. Коронавирусные ограничения на поездки по всему миру. NewYorkTimes. 18 марта 2020 г.//Режим доступа: <https://www.nytimes.com/article/coronavirus-travel-restrictions.html>. (дата обращения: 19.03.2020).
3. Обновления о путешествиях и коронавирусе: в каких странах действуют ограничения? //TheGuardians. 19 марта 2020 г. Режим доступа:<https://www.theguardian.com/travel/2020/mar/18/coronavirus-latest-travel-updates-countries-restrictions-bans-fco-warnings> (дата обращения: 19.03.2020).
4. Di Feo G. Coronavirus: «Français, ouvrez les yeux sur le drame que vit l'Italie, livrée à elle-même!» //Le Figaro. 15 mars 2020. Режим доступа:<https://www.lefigaro.fr/vox/monde/coronavirus-francais-ouvrez-les-yeux-sur-le-drame-que-vit-l-italie-livree-a-elle-meme-20200315>(дата обращения: 19.03.2020).
5. А. Лисицын, Г. Ибрагимова."Обиду не забудем". Европа готовится сводить счета после карантина. // РИА Новости, 18 марта 2020// Режим доступа: https://ria.ru/20200318/1568747300.html?rcmd_alg=collaboration2&rcmd_id=1563114346 (дата обращения: 20.03.2020).
6. MaurizioMassari Италии нужна помощь Европы// Politico, 11.03. 2020// Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/coronavirus-italy-needs-europe-help/> (дата обращения: 19.03.2020).
7. Теория государства и права: Учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004.- 496.
8. Decision 1313/2013/EU of the European Parliament and of the Council of 17 December 2013 on a Union Civil Protection Mechanism // Official Journal of the European Union . SeriesL 347/924 . 20.12.2013
9. Семитко А.П. Персоноцентристский подход к праву и правовой культуре. // Вестник Гуманитарного университета. 2013. № 1 (1). С. 86-94.
10. Максуров А.А. Координационная юридическая технология как способ минимизации правовых рисков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 4 (23). С. 58-62.
11. Алексеев С.С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. — М. : Статут, 1999. — 712 с.
12. Максуров А.А. Координационная юридическая технология и проблемы ее эффективности. - Москва :ЭкООнис, 2011. - 493 с.
13. Кант И. Соч.: в 6 т. : [пер. с нем.] Т. 4, ч. 2. Москва : Мысль. - 1965. – 477с.
14. Березина Е.А. Правовая технология как условие оптимизации государственно-правового строительства // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4. С. 7-13.

УДК 342.7

Мокрушин В.И.

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

ПОЛОЖЕНИЯ СТАТЕЙ 145, 148 УПК РФ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

В статье анализируются положения норм уголовного процесса в части отсутствия правового механизма реализации конституционного права лица, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела, на ознакомление с материалами проверки и получение копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела

Ключевые слова: право на доброе имя, отказ в предоставлении информации о проверке в порядке ст.145 УПК РФ, отказ в предоставлении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в порядке ст.148 УПК РФ.

Действующим законодательством предусматривается возможность обращения в следственные органы по вопросу совершения преступления иным лицом. Часто в результате проведенной проверки органом внутренних дел выясняется, что ни факта, ни события, ни состава преступления не имеется.

Как правило, лицо, в отношении которого проводилась соответствующая проверка по вопросу совершения преступления, знает о проводимой проверке и соответствующем обращении «доброжелателя». В процессе проводимой проверки такое лицо может предъявлять доказательства своей невиновности.

Знакомиться с материалами проверки в таких случаях лицу, в отношении которого проводится проверка, следственные органы не позволяют не только в момент проведения самой проверки, что вполне логично и разумно, но и после проведения проверки, что вызывает определенные вопросы. При этом правоохранительные органы ссылаются на нормы УПК РФ, которыми данный вопрос не урегулирован.

Как правило на требование лица, относительно которого проводилась проверка, о результатах такой проверки, правоохранительный орган сообщает, что это лицо не имеет статуса подозреваемого и в соответствии с п.1 ч.4 ст.46, ч.2 ст.145, ч.4 ст.148 УПК РФ такая информация, в том числе постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, ему предоставлена быть не может [2].

В соответствии со ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении про принятое решение уведомляется заявитель. Ему разъясняется право обжаловать такое решение и указывается порядок обжалования. В указанной статье отсутствует положение о необходимости направления такого решения лицу, в отношении которого проводилась проверка.

Статья 148 УПК РФ также содержит аналогичные требования о направлении постановления при отказе в возбуждении уголовного дела заявителю. Указанная статья также не содержит положений о необходимости направления постановления лицу, которое подверглось проверке.

Такое правоприменение, на наш взгляд, не соответствует Конституции Российской Федерации и прямо нарушает конституционные права граждан.

Правоприменительный орган, не предоставляя лицу постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, которое в данном случае касается его непосредственно, ограничивает право такого лица быть своевременно уведомленным о факте и правовых последствиях принятия этого постановления.

В соответствии со [ст.1](#), [2](#), [17](#), ч.1 ст.23, [ст.52](#), ч.3 ст.55, [п.«В»](#), [«О»](#) ст.71, ч.1 ст.76 Конституции Российской Федерации [1], человек, его права и свободы являются высшей ценностью, Российская Федерация признает, соблюдает и защищает права и свободы человека и гражданина, охраняет достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого.

В соответствии с ч.2 ст.24 Конституции Российской Федерации обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

На основании указанной конституционной нормы любая информация, за исключением сведений, содержащих государственную тайну, сведений о частной жизни, а также конфиденциальных сведений, связанных со служебной, коммерческой, профессиональной и изобретательской деятельностью, должна быть доступна гражданину, если такие документы или материалы затрагивают его права и свободы, при условии, что статус такой информации специально не защищен.

Таким образом, правоохранительные органы, разрешая вопрос возможности или невозможности предоставления копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела лицу, в отношении которого принято постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, либо которое непосредственно касается такого лица, обязаны исходить из не из того, что нормами уголовно-процессуального кодекса направление такого постановления не предусмотрено, а из того, какая информация содержится в этих документах.

И, если статус такой информации специально не защищен, обязаны в силу конституционных норм, предоставить лицу, в отношении которого проводилась проверка, копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 26.03.2020)
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 26.03.2020)
3. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 № 661-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_146937 (дата обращения: 26.03.2020)
4. Определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2014 № 1309-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154532 (дата обращения: 26.03.2020)

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 года N 3-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325 (дата обращения: 26.03.2020)
6. Определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2000 года N 191-О. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28471 (дата обращения: 26.03.2020)
7. Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 № 269-О. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=533594#00948880998709365> (дата обращения: 26.03.2020)
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 г. № 3-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325 (дата обращения: 26.03.2020)

УДК 342

Зырянов И.В. кандидат юридических наук, доцент,
Амолинш Р.М.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, КАК ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

В условиях глобализации различных социально-экономических преобразований в государстве повышается потребность в обеспечении надежного качества уровня жизни граждан, что опосредованно невозможно без создания механизма, регулирующего сферу охраны общественного порядка. Вытекающие из этого закономерные процессы развития социальных норм позволяют сформировать в общественном сознании новые демократические взгляды, которые в свою очередь положительно влияют на качество обеспечения правопорядка.

Ключевые слова: общественный порядок, правонарушения, государственная система, государственные органы, социальные нормы

Законодательное определение юридической категории общественный порядок в нашем государстве не закреплено, поскольку данная категория постоянно трансформируется исходя из воздействия различных внешних факторов начиная от экономических и заканчивая экологическими. В связи с чем существует огромное многообразие мнений исследователей по этому поводу, на основе которых осуществляется правоприменительная практика в данной сфере.

Таким образом, категории общественного порядка и общественной безопасности характеризуют взаимосвязанные явления, направленные на достижение общей единой цели - такого состояния общества, которое делает

невозможным или делает минимально возможным возникновение опасностей как перед обществом, так и перед отдельными гражданами.

Часть российских ученых конца XX-го века рассматривали вопрос об объединении понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность»; другие ученые выступали с мнением о замене понятия «общественный порядок» на понятие «общественная безопасность». Среди них и ученый И.А. Кулиев, который считал, что «безопасность» имеет более узкое и конкретное значение, в отличие от абстрактного «порядок» [4, с.31].

На наш взгляд при проведении нормативно-правовых исследований юридической категории общественный порядок в целях определения сферы образующих его общественных отношений, кроме рассмотрения регулирующих его социальных норм, возникает необходимость во введении и «дополнительных критериев». Так, М.И. Еропкин как «дополнительные критерии» вводит место и цель образования общественных отношений. Эти общественные отношения складываются зарождаются и протекают в местах общего пользования граждан, где и следует осуществлять государственную правоохранительную деятельность в целях охраны жизни, здоровья, чести, достоинства и других прав граждан, обеспечения общественного порядка, создания нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций [2, с.14].

На данный момент времени следует поддержать мнение о том, что в общем виде под обеспечением общественного порядка, следует также понимать образование и поддержку в необходимых пределах конструктивных организационно-функциональных характеристик систем управления с помощью воздействия и упорядочения всего арсенала юридических средств (норм права, правоотношений, прав и обязанностей, актов и др.). Сфера правового обеспечения - это совокупность прав и свобод граждан, которую можно и нужно регулировать с помощью норм права и правовых средств. При этом к указанной сфере могут принадлежать только отношения, поддающиеся правовому регулированию.

По мнению Ф.Е. Колонтаевского, содержанием общественного порядка является система общественных отношений, которые складываются в результате соблюдения и выполнения норм права, морали и других социальных норм. Реальный общественный порядок составляют не установленные социальные нормы, а фактические общественные отношения, возникающие на их основе. В зависимости от норм, которые регулируют эти отношения, они могут быть правовыми и неправовыми [3, с.13].

Надлежащее обеспечение конституционных прав и свобод человека в своей совокупности приводит к стабильному общественному порядку в государстве. Нарушение общественного порядка чаще всего сопровождается повреждением и уничтожением имущества, которое находится в частной собственности. Право на собственность обеспечивается статьей 35 Конституции РФ. Согласно содержания этой статьи незыблемость права частной собственности является общим принципом, на основании которого

Законами РФ предусматриваются конкретные нормы и механизмы, обеспечивающие действенность этих гарантий.

Незыблемость права собственности имеет широкий смысл и означает провозглашение невмешательства любого, в том числе государственных органов, в осуществление собственником своих полномочий, невозможность проявления произвола в отношении частного владельца и его прав, недопустимость любых нарушений его власти над своим имуществом, а также действий вопреки интересам владельца, его воли и пр.

Поэтому, защищая это право, государство должно принимать меры, по усилению мер в сфере обеспечения общественного порядка. Среди прав, обеспечение которых связано с охраной общественного порядка следует назвать и право на труд и право на отдых. Статья 37 Конституции РФ гласит, что каждый человек имеет право на труд. В свою очередь, государство должно обеспечивать это право и создавать справедливые и благоприятные условия труда. Работник, находящийся на рабочем месте, защищен государством от противоправных посягательств не только от работодателя, но и от унижения чести и достоинства человека, хамства, препятствования нормальному режиму работы предприятия, учреждения и организации. Например, совершение действий, направленных на препятствование работе учреждения, унижение достоинства рабочих этого учреждения, совершение массовых незаконных действий, повлекшее прекращение работы учреждения на длительное время, квалифицируется как грубое нарушение общественного порядка и является уголовным правонарушением - хулиганством.

Непосредственно с правом на труд связано право на отдых, предусмотренное статьей 37 Конституции РФ. Проведение досуга, отдых связаны с пребыванием людей в общественных местах, на площадях, скверах, на массовых мероприятиях. Государство обеспечивает право граждан на отдых, защищает граждан, пользующихся правом на отдых, от противоправных посягательств в общественных местах. Кроме конституционных норм обеспечение общественного порядка в РФ гарантируется нормами отраслевого законодательства, которые конкретизируют права и обязанности граждан, закрепленные в Конституции.

Административно-правовая охрана общественного порядка понимается как исполнительно-распорядительная деятельность органов государственного управления, которая состоит из установленных обязательных правил поведения, создания необходимых условий для их исполнения, а также осуществления административного надзора и применения мер воздействия. В данном контексте отдельно следует выделить деятельность отдельных субъектов, направленную как на нормативное регулирование данной сферы, так и на выявление причин и условий, способствующих дивергентному поведению.

Следует поддержать в данном аспекте мнение С.А. Воронцова, который отмечал, что органы государственной власти обеспечивают общественный порядок в стране, прежде всего, путем создания политических, правовых, экономических, организационных и других условий, позволяющие

поддерживать надлежащий общественный порядок и осуществлять его охрану [4,с.42].

Аналогичного мнения придерживается и В.В. Гордиенко, который также связывал охрану общественного порядка с сознательной и управляемой деятельностью не связанных между собой индивидов, процессом функционирования государственных органов и их должностных лиц, которые представляют собой составные части единой системы правоохранительных органов [1,с.153]. К числу субъектов охраны общественного порядка ученый причисляет не только лиц, профессиональной обязанностью которых является рассматриваемая деятельность, но и различные общественные формирования, которые занимаются этой деятельностью на добровольных началах.

Подводя итог, следует конкретизировать само понятие общественный порядок. По своей сути данная юридическая категория представляет собой конгломерат, состоящий из совокупности нормативных правовых актов, направленных на восстановление и защиту социальных общественных отношений, в том числе норм права, а также надлежащего функционирования всех социально-значимых гражданских институтов и субъектов трудовой деятельности.

Список использованных источников

1. Воронцов С.А. Правоохранительные органы Российской Федерации: история и современность.- Ростов-на-Дону: Феникс, 2014.- С. 42
2. Еропкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. Москва :Юриздат, 1965. - С.14-30.
3. Колонтаевский Ф.Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях :автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. Москва, 1996. - С.13
4. Кулиев И.О. Органы местного самоуправления в осуществлении общественного порядка (анализ нормативного регулирования, проблематика) / И.О. Кулиев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2001. – № 3. – С. 31.
5. Организация деятельности служб и подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности / под ред. В. В. Гордиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. С. 153

УДК 342.95

Цындра В.Н.

кандидат юридических наук,

*КФ ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»*

**ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

В публикации рассмотрены вопросы разработки проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Приведены аргументы в пользу ускорения завершения работы над ним. Обобщены основные замечания и недостатки этого законопроекта. Предложены меры по уменьшению временных затрат на завершение разработки проекта нового КоАП РФ.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, Кодекс российской Федерации об административных правонарушениях, законопроектная деятельность, общественное обсуждение законопроекта.

Одним из приоритетных направлений развития современной административно-правовой науки является совершенствование административно-деликтного механизма защиты общественных отношений. При этом, приведение норм института административной ответственности в соответствие с запросами и вызовами современной действительности, определено руководством нашего государства важной составляющей проводимых в России реформ, в первую очередь, административной и контрольно-надзорной деятельности.

В связи с этим, разработку нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях необходимо рассматривать как неотложное государственное задание, решение которого требует максимальной консолидации усилий научного сообщества, парламентариев и практиков.

Необходимость ускорения создания нового КоАП обуславливается также и определением срока его введения в действие и вступления в силу иных законодательных актов Российской Федерации в рассматриваемой сфере - 1 января 2021 года, необходимостью соблюдения установленных законодательством сроков законопроектной работы, а также Планом мероприятий по кодификации законодательства об административных правонарушениях, утвержденным Заместителем председателя Правительства Российской Федерации - Руководителем Аппарата Правительства Российской Федерации К. Чуйченко 06.08.2019 № 7206п-П4.

С этой целью была осуществлена следующая работа: образована межведомственная рабочая группа по подготовке нового КоАП РФ и утвержден её состав, регулярно проходят её рабочие совещания) [1-4]; разработана Концепция нового КоАП (одобрена решением совещания у Председателя Правительства Российской Федерации 5 июня 2019 года) [5]; Министерством юстиции России подготовлены проекты нового КоАП РФ и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (30.01.2020) [6-7]; прошло общественное обсуждение этих законопроектов (завершено 27 февраля 2020 г.), продолжается обсуждение текущих проектов законов о внесении изменений в действующий КоАП, учитывающих требования концепции проекта нового КоАП [8] и др.

Несмотря на проведённую Минюстом России в 2019-2020 гг. значительную работу, представленный проект КоАП РФ неоднократно

подвергался критике. На существующие в нём недостатки указывают парламентарии, представители органов власти, российские омбудсмены, адвокаты и правозащитники, а также представители научного сообщества.

В частности отмечается: наличие положений, которые были ранее отклонены в ходе рассмотрения аналогичных законопроектов (например, все ещё большое число составов административных правонарушений (около 1666); оставление значительного числа норм без изменений; неоправданное усиление административной репрессии (например, увеличение размера административного штрафа за совершение административных правонарушений в области дорожного движения, в сфере экономики, нарушение действующих санитарно-гигиенических правил индивидуальными предпринимателями, должностными лицами; применение предупреждение только при отсутствииотягчающих обстоятельств, расширение применения конфискации); увеличение сроков давности привлечения к административной ответственности; отсутствие признаков «грубых административных правонарушений», критериев отнесения того или иного риска причинения правонарушением вреда к низкому, умеренному, среднему и значительному; закрепление перечня органов административной юрисдикции в «материальном» кодексе, а не в соответствующем процессуальном акте; некорректные формулировки отдельных понятий (в том числе и названия самого Кодекса), используемых в проекте, а также неточность сформулированных в нём диспозиций статей и др.

В целом основные замечания сводятся к излишне репрессивному подходу к определению размеров административных штрафов за правонарушения в сфере дорожного движения, а также недостаточному учету мнения общественности при формулировании специфики административной ответственности физических, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере предпринимательства.

Следует согласиться с мнением специалистов, о том, что разработка такого значимого и объемного нормативного правового акта, как КоАП, не может обойтись без детального критического рассмотрения его проекта, а наличие тех или иных замечаний - демонстрирует заинтересованность и не безразличие общественности к будущему институту административной ответственности, новеллы которого будут касаться интересов большинства российских граждан.

В тоже время, учитывая установленные Правительством России сроки, реальное состояние разработанного проекта КоАП, формирования график законопроектной работы, большой объем текста этого акта, необходимо ускорить разработку текста проекта нового КоАП, который может быть направлен на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации для обеспечения соблюдения процедуры его рассмотрения и принятия.

Для уменьшения временных затрат на «форматирование» рассматриваемого проекта нами предлагается: разработать календарный план работы по устранению замечаний и недостатков, представленных на рассмотрение рабочей группы; провести (возможно, в режиме

видеоконференции) внеочередное заседание рабочей экспертной группы (с участием представителей Государственной Думы, Верховного Суда РФ, Генеральной Прокуратуры РФ, руководителей соответствующих министерств и ведомств), на котором определить части проекта КоАП РФ: не требующие значительной доработки; требующие согласования с субъектами нормотворчества, представившими существенные замечания; доработка которых требует дополнительного изучения; создать на базе интернет-портала Минюста РФ онлайн-платформу для оперативного размещения информации о предложениях, поступающих от общественности, а также результатах их рассмотрения; обеспечить аккумулировать предложения, поступающие от различных общественных организаций и сообществ, их основными объединениями, активисты которых высказывали конструктивные предложения в проект КоАП, общественным советам при органах государственной власти, федеральным и региональным омбудсменам по направлениям, с дальнейшим представлением обобщенных предложений в Минюст России; предусмотреть возможность представление на рассмотрения соответствующего комитета Государственной Думы РФ отдельных частей проекта КоАП (например, его отдельных глав).

Список использованных источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 года № 631-р «Об образовании межведомственной рабочей группы по подготовке нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и утверждении ее состава» // Доступ из справ.- правовой системы «Гарант».
5. Рабочая группа Чуйченко определилась с Общей частью нового КоАП (27 сентября 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legal.report/rabochaja-gruppa-chujchenko-opredelilas-s-obshhej-chastju-novogo-koap/> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).
6. Заместитель Председателя Правительства – Руководитель Аппарата Правительства Константин Чуйченко провёл очередное заседание межведомственной рабочей группы по подготовке нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/37961/> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).
7. Разработчики нового КоАП попросили отложить на два месяца сроки внесения законопроектов (19.02.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/696031> (дата обращения: 20 марта 2020 г.).
2. Об утверждении Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: распоряжение Правительства 46 Российской Федерации от 5 июня 2019 г. №. 1199 // Доступ из справ.- правовой системы «Гарант».
3. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020) // Доступ из справ.- правовой системы «Гарант»
4. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.01.2020) // Доступ из справ.- правовой системы «Гарант».

8. Размещен сводный отчет о проведении оценки регулирующего воздействия проекта федерального закона «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/novosti/razmeshchen-svodnyy-otchet-o-provedenii-ocenki-reguliruyushchego-vozdeystviya-proekta>(дата обращения: 20 марта 2020 г.).

УДК 342

Зырянов И.В., к.ю.н., доцент, Боглаев Д.Ю.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Первые десятилетия XXI века в нашем государстве зародились и укоренились поположительнее тенденции в таком важном социальном направлении, как противодействие преступности, которые связаны с возрождением государственной системы профилактики предупреждения девиантного поведения, разрушенной в постперестроечный период развития государства. Становление и развитие обновленной системы предупреждения девиантного поведения происходит в условиях реформирования всех политических институтов государства, включая и правоохранительные органы. Причем ключевые позиции в данном аспекте занимает помимо государственного и общественный контроль в данной социальной сфер.

Ключевые слова: профилактика, правонарушения, охрана общественного порядка, криминогенная ситуация, орган внутренних дел.

В условиях продолжающегося осложнения оперативной обстановки на улицах и в других общественных местах, роста тяжких преступлений, групповых хулиганских и иных антиобщественных проявлений значительно возрастает роль подразделений полиции в укреплении правопорядка и борьбы с преступностью, обеспечении личной безопасности граждан. Ухудшилась криминогенная обстановка в подростковой среде. Среди несовершеннолетних распространены пьянство и наркомания, идет процесс вовлечения их в занятие криминальным бизнесом, вымогательством, проституцией. Массовый характер приобрели жестокое обращение с детьми, их беспризорность.

Российская правоохранительная система играет особую роль в обеспечении национальной безопасности государства. Министерство внутренних дел Российской Федерации входит в государственную систему профилактики предупреждения девиантного поведения и обладает широкими полномочиями в данной сфере, а также осуществляет сотрудничества со всеми заинтересованными субъектами правоохранительной деятельности. Министерство внутренних дел России как субъект государственной безопасности, обеспечивающий личную безопасность граждан принимает меры по профилактике правонарушений и преступлений. В данном контексте следует исследовать наиболее значимые нарушения общественного порядка, где как раз

и проявились недостатки в профилактической работе правоохранительных органов.

В Москве 6 мая 2012 года, на Болотной площади, прошла акция протеста "народный марш", в которой, по официальным данным, приняли участие около 8 тысяч человек, а по неофициальным данным – около 25 тысяч человек. Во время мероприятия один из участников бросил бутылку с зажигательной смесью, которая перелетела через кордон и вызвала возгорание брюк у случайного прохожего. Некоторые протестующие во время скандирования бросали в полицейских различные предметы. В результате сотрудники правоохранительных органов разогнали акцию, активно применяя силу и спецсредства. По официальным оценкам, было задержано 656 участников акции. Одним из организаторов мероприятия стал член общественного движения "Левый фронт" Сергей Удальцов.

В акции протеста также принял участие помощник депутата Госдумы РФ Леонид Развозжаев. Несмотря на то, что митинг был заранее согласован с властями, правоохранительные органы возбудили против них обоих уголовные дела по обвинению в организации массовых беспорядков. В отношении Сергея Удальцова была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, а позже она была заменена домашним арестом. Леонид Развозжаев объявлен в федеральный розыск [1].

Так, сотрудники полиции 1 февраля 2020 года задержали трех человек на Сенатской площади в Петербурге, где проходили одиночные пикеты против поправок в Конституцию. В общей сложности в автозаки увели семерых активистов. Возобновила пикеты пожилая женщина, которая не вызвала вопросов у сотрудников. Остальных пикетчиков задерживали спустя минуту после раскрытия плакатов либо на пути в сторону от Сенатской площади. В Петербурге на Сенатскую площадь 1 февраля вышли активисты, недовольные предложением президента по поправкам в Конституцию. Задержания начались спустя полчаса после начала мероприятия. Сотрудники полиции предупредили о нарушении законодательства и об ответственности за массовые беспорядки [2].

В минувшем году значительные силы и средства правоохранительных органов сосредоточены на предупреждении попыток совершения противоправных деяний экстремистской направленности и террористического характера, а также массовых нарушений общественного порядка. Чёткая организация межведомственного взаимодействия позволила не допустить серьёзных инцидентов.

Удалось в целом повысить уровень безопасности в общественных местах, в том числе на улицах. Сократилось как общее количество совершённых преступлений, так и тяжких, и особо тяжких. Улучшению ситуации способствовала и скоординированная работа полиции и Росгвардии [3].

В прошедшем году нарядами патрульно-постовой службы раскрыто более 63 тысяч преступлений, задержано свыше трёх тысяч лиц, находившихся в розыске.

К охране общественного порядка привлекалось около 2300 тысяч граждан, членов различных общественных формирований. С их участием задержано 6,5 тысячи лиц, совершивших преступления, пресечено 348 тысяч административных правонарушений.

В целях снижения количества преступлений и правонарушений в России развивается АПК «Безопасный город», который функционирует почти в 1200 населённых пунктах страны.

Решению выше обозначенных проблемных аспектов позволит создание в рамках государственной системы профилактики девиантного поведения, определенные правоохранительные формирования по опосредованные территориальному принципу, функционирующие исходя из региональных особенностей (традиций, обычаев и т.д.). Это прежде всего связано с тем фактором, что в подавляющем большинстве случаев подразделения полиции дислоцируются в крупных населенных пунктах, тем самым в виду их малочисленности они технически и физически не могут обеспечить надлежащее качество общественного порядка на обслуживаемой территории, таким образом у граждан нет уверенности в том, что они надежно и надлежаще защищены от преступных и иных противоправных посягательств.

В настоящий момент развития нашего общества огромный массив нормативных законодательных актов во многом ориентирован на возрождение превентивной политики государственных правоохранительных органов в сфере борьбы с девиантным поведением отдельных граждан, особое внимание при этом уделяется раннее осужденным лицам, не вставшим на путь исправления и несовершеннолетним с негативно отклоняющимся поведением. Продолжение поступательного движения в данном направлении позволит создать в будущем образцовое правовое государство.

Список использованных источников:

1. См. электронный ресурс: ЕСПЧ выявил многочисленные нарушения в уголовном деле Сергея Удальцова и Леонида Развозжаева. https://www.advgazeta.ru/novosti/espch-vyyavil-mnogochislennye-narusheniya-v-ugolovnom-dele-sergeya-udaltsova-i-leonida-razvozzaeva/?sphrase_id=63234(дата обращения: 01.03.2020)
2. См. электронный ресурс: На Сенатской площади в Петербурге продолжают жесткие задержания на пикетах (фото). <https://www.rosbalt.ru/piter/2020/02/01/1825721.html>(дата обращения: 01.03.2020)
3. См. электронный ресурс: Заседание коллегии МВД России. <http://kremlin.ru/events/president/news/62860>(дата обращения: 01.03.2020)

УДК 34.05

Шукурова Э.Н.

аспирант кафедры истории и теории государства и права,

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ШВЕЙЦАРИИ И В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Республика Крым, выступая одним из субъектов Российской Федерации с 2014 года, имеет свою Конституцию, которая закрепляет три государственных языка, однако, судебное разбирательство по арбитражным делам ведётся на одном из государственных языков, что негативно сказывается на положении участников судебного процесса и приводит к нарушению принципов процессуальных норм права. В мире насчитывается небольшое количество стран, где государственными выступают одновременно два или более языков. Одним из таких примеров выступает Швейцария, конституция которой закрепляет на законодательном уровне одновременно действие четырёх государственных языков, а стороны судебного процесса имеют право самостоятельно выбрать язык судопроизводства, реализуя одновременно ряд основных принципов арбитражного процесса.

Ключевые слова: арбитражный процесс, язык судопроизводства, арбитражный суд, государственный язык, Швейцария, Республика Крым, коллизии норм права, конституция, принципы судопроизводства.

Республика Крым принята в состав Российской Федерации на основании Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов в соответствии с положениями Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя». С указанного времени на территории Республики Крым действуют законодательные и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Руководствуясь положением ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык. Частью 2 вышеуказанной статьи установлено, что республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Данная норма распространяется также и на Республику Крым.

11 апреля 2014 года Государственным советом Республики Крым была принята в новой редакции Конституция Республики Крым, на основании ст. 10 которой государственными языками Республики Крым являются русский, украинский и крымско-татарский языки.

Одним из основных документов, регулирующих ведение арбитражного процесса на территории Российской Федерации, в том числе в части реализации принципа языка судопроизводства, является Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 12 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судопроизводство в арбитражном суде ведётся на русском языке - государственном языке Российской Федерации.

Несмотря на это, вопреки нормам Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Крым, судопроизводство в Арбитражном суде Республики Крым, как в единственном органе государственной власти, осуществляющим правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности путём разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесённых к их компетенции Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, на территории Республики Крым, ведётся исключительно на русском языке, что формирует одну из самых основных для субъекта Российской Федерации коллизий норм права.

В данном случае, автор считает необходимым обратить внимание на одну из самых развитых европейских стран - Швейцарию. Принятая в 1999 году Союзная конституция Швейцарской конфедерации также, как и все основные законы большинства стран мира (за исключением семи стран), закрепляет положения о государственном языке.

В соответствии со ст. 4 Союзной конституции Швейцарской конфедерации языками страны являются французский, итальянский, немецкий и ретороманский. Статья 18 Конституции указывает на то, что свобода употребления языков гарантируется. На основании ст. 70 Конституции официальными языками Союза являются французский, немецкий и итальянский. В отношении с лицами ретороманского языка официальным языком Союза является также ретороманский. Также ст. 70 Конституции устанавливает, что кантоны определяют свои официальные языки. Для того, чтобы сохранить взаимопонимание между языковыми сообществами, они уважают традиционный языковой состав территорий и принимают во внимание коренные языковые меньшинства.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими арбитражное судопроизводство на территории Швейцарии, является Швейцарский регламент Международного арбитража и Швейцарский закон о внутреннем арбитраже, который представлен в третьей части Гражданского процессуального кодекса Швейцарии.

Согласно ст. 17 Швейцарского регламента Международного арбитража с учётом соглашения сторон, состав арбитража незамедлительно после его формирования решает вопрос о языке или языках, которые будут использоваться в ходе арбитражного разбирательства. Это решение применяется к исковому заявлению, отзыву на исковое заявление, к любым дополнительным письменным заявлениям или слушаниям. Состав арбитража может распорядиться о том, чтобы любые документы, приложенные к исковому заявлению или к отзыву на исковое заявление, а равно любые дополнительные

документы или доказательства, представленные в ходе разбирательства на языке, отличном от языка или языков, согласованных сторонами или определённых составом арбитража, должны сопровождаться переводом на этот язык или языки.

Таким образом, стороны самостоятельно определяют один или несколько государственных языков, на которых будет вестись судопроизводство.

Как уже отмечалось выше, в Республике Крым, как в одном из субъектов Российской Федерации, действует три государственных языка, а арбитражный процесс ведётся на одном из государственных языков полуострова, что негативно сказывается на соблюдении закреплённых Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации принципов: принципа равенства (ст. 7) и равноправия участников судебного процесса (ст. 8), принципа состязательности сторон (ст. 9) и непосредственности судебного разбирательства (ст. 10).

По мнению автора, выявленную проблему языка судопроизводства следует решать на законодательном уровне путём разработки определённой концепции модели усовершенствованного арбитражного процесса на территории субъектов Российской Федерации, в том числе, но не ограничиваясь, на территории Республики Крым, и внедрения данной концепции в арбитражных судах. При этом, необходимо отметить следующие параметры, которые делают реализацию предложенной концепции на практике затруднительной: отсутствие подготовленных кадров-судей, владеющих государственными языками субъекта Российской Федерации; финансирование всей процедуры внедрения государственных языков в арбитражный процесс путём выделения денежных средств из федерального бюджета; необходимость в переводе нормативно-правовых актов на государственные языки субъекта Российской Федерации и т.д.

Список использованных источников:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ).
2. "Конституция Республики Крым" (принята Государственным Советом Республики Крым 11.04.2014).
3. "Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019).
4. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 N 6-ФКЗ (ред. от 27.12.2019) "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя".
5. Союзная конституция Швейцарской конфедерации. - http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/swiss/swiss--r.htm.
6. Швейцарский регламент Международного арбитража. - https://www.swissarbitration.org/files/837/SwissRules2012_Russian_2019.pdf.
7. Швейцарский закон о внутреннем арбитраже. - https://www.swissarbitration.org/files/35/Swiss%20Domestic%20Arbitration%20Law/cpc_part_3_english.pdf.

УДК 344

Сердюк Р. Д.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: МЕХАНИЗМ, ПРЕИМУЩЕСТВА, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье раскрываются преимущества цифровой экономики при проведении государственных и муниципальных закупок в форме электронных торгов. Такая форма проведения закупок играет важную роль как в экономии бюджетных средств, так и в противодействии коррупции. Проводится обзор преимуществ применения цифровизации в системе государственных закупок, проанализированы ключевые поправки в сфере государственных закупок. Рассмотрены проблемы государственных закупок в условиях цифровой экономики, даны пути их решения. Систематизированы факторы, определяющие развитие государственных закупок

Ключевые слова: государственные закупки, цифровая экономика, электронные торги, цифровые платформы, электронные закупки, заказы

Электронные торги в системе размещения государственных и муниципальных заказов в последние годы является вопросом актуальным и злободневным. Цифровизация экономики затронуло и область госзакупки и прежде всего направлена на повышение конкуренции, устранение сговоров между поставщиками и заказчиками. Именно цифровизация закупок позволяет широко распространить информацию о закупках, что способствует увеличению потенциальных подрядчиков, увеличивает конкуренцию между ними, наблюдается прозрачный процесс взаимодействия между заказчиком и подрядчиками, что снижает коррупционные риски, как следствие, уменьшает риски и издержки государственных заказчиков, снижаются транзакционные издержки взаимодействия государственного заказчика и потенциальных подрядчиков благодаря переводу документации в электронный формат и частичной автоматизации процесса. Электронный формат закупок является исполнением международных обязательств РФ, которые предусмотренные документом о регламенте координирование закупок в рамках договора ЕЭС.

Исконно нужно переключиться на электронные ирригации которые призваны пополнить пробел «бумажных процедур» среди которых:

- большие трудовые издержки на сбор бумажной документации;
- персональное присутствие при подачи заявок;
- трудность осуществление контроля за расходованием бюджетных средств заказчиками;

- большие коррупционные риски, связанные вероятностью искажения, а также манипуляции заказчиками при оценке заявок, которые дают возможность одержать победу «своему поставщику».

В 2017 г. внесены изменения в 44 – ФЗ указано, что в электронной форме могут проводиться открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, электронный аукцион, запрос котировок, запрос предложений. Закрытые закупки тоже могут проводиться в электронной форме по решению Правительства РФ. До 1 января 2019 г. осуществление электронных процедур право заказчика, с 01 января 2019 г. уже обязанность. Поправками также предусмотрен единый регламент заключения контракта по результатам электронной процедуры; введено понятие «специализированная электронная площадка» для закрытых процедур закупок.

В нашей стране электронные аукционы не до такой степени распространены из-за слабо развитого электронного и информационного пространства, отсутствия у большинства заказчиков электронно – цифровой подписи. Однако уже признается эффективным инструментом противодействия коррупции.

Рост количества электронных аукционов сдерживается рамками бюджетного финансирования. Большинство электронных торговых площадок находятся в частной собственности, за каждый проведенный аукцион нужно выделение и расходование бюджетных денег. Ограниченное финансирование на сегодняшний день сдерживает количество проводимых процедур и не разрешает осуществлять их в массовом порядке.

В свою очередь, можно выделить преимущества электронных аукционов. Заключаются они в том, что сокращаются сроки проведения закупки, появляется возможность закупить конкретный товар и снижаются трудозатраты участников торгов, значительно уменьшается вероятность сговора между участниками, появляется возможность автоматического адресного оповещения зарегистрированных участников о проведении аукциона, круглосуточная подача заявок на участие торгов, простота, открытость, удобство подачи заявок, анонимность рассмотрения заявок .

Конечно есть и определенные проблемы, связанные с несовершенством законодательства, так и с нерешенностью некоторых организационных вопросов.

1. Следует ввести жесткий квалификационный отбор участников, допускать к торгам только тех, кто имеет необходимые для исполнения заказов материальные и кадровые ресурсы, исключив из участия посредников. Порядок проведения электронных аукционов менялся уже не менее трех раз с момента входы. Это приводит к необходимости постоянно уточнять законодательство на местах и перерабатывать автоматизированные системы. Все это, естественно, ведет к дополнительным, часто неоправданным, расходов бюджетов.

2. Не все субъекты Федерации и тем более муниципальные образования готовы рисковать и вкладывать немалые деньги в разработку и приобретения в собственность систем, позволяющих эти торги проводить.

3. Коррупционный сговор между участниками торгов и между участниками и заказчиком. Насчитывается большое число различных коррупционных схем в области госзакупок, основными из которых являются: искусственное дробление лота, ошибки, умышленно допущенные в названии и категории закупки, раздел рынка, раздел закупок, мнимая конкуренция, пассивное участие в торгах и т. д. Коррупционная киберпреступность.

4. Дублируемый материал в Единой информационной системе и на электронных площадках информации, жесткое регулирование сроков, повышение рисков срыва закупок по техническим причинам.

5. Факультативные трудности и издержки для членов закупок, так как участники обязаны снова приобретать электронную подпись и регистрировать ее в ЕИС;

6. Недостаток интеграции между Единой информационной системой и электронной торговой площадкой при передаче документов и прочих документов, необходимых для реализации действий по направлению проекта контракта победителю;

7. Систематически технические сложности при работе с каталогом товаров, работ и услуг;

8. Функционал единой информационной системы порой «не успевает» за реформированием Закона № 44-ФЗ.

Для решения данных проблем необходимо увеличивать на уровне субъектов Федерации количество электронных аукционов и проводить анализ их эффективности, повсеместно внедрять у получателей бюджетных средств ЭЦП, осуществлять подготовку специалистов по вопросам электронных аукционов и совершенствовать запас знаний в этой сфере, производить обмен опытом с другими регионами.

До сих пор на практике, возникают случаи, когда заказчики при проведении закупок, устанавливают требование о необходимости предоставления заявок участниками закупок на бумажном носителе. Позиция судебных инстанций и антимонопольной службы заключается в том что процедура должна проходить с использованием только электронного документооборота. Однако все-таки, по запросу котировок остаются закупки в неэлектронной форме: предварительный отбор, закупки в части оказания гуманитарной помощи, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций природного, техногенного характера, а также закупки по ст.77 Закона №44-ФЗ, С другой стороны переход на электронные закупки не приводит к полному отказу от закупки «на бумаге». Необходимо утвердить план, планы – графики закупки, аукционную (конкурсную) документацию. Также по результатам проведения процедуры заказчики распечатывают заключенные на площадке контракты, в целях документального подтверждения закупки и предъявления бумажных экземпляров проверяющим, могут возникать технические сбои, в результате которых заказчику трудно определить победителя, так как несколько участников озвучивали минимальное предложение о цене контракта в одно и то же время. В Законе №44-ФЗ отсутствуют действия заказчика в сложившейся ситуации.

При проведении двухэтапного конкурса в электронной и неэлектронной формах предусмотрена подача первоначальной и окончательной заявки, но состав этих заявок законом не регламентирован. Такая неопределенность приводит к различным трактовкам со стороны заказчика.

В случае если осуществляется закупка в целях оказания гуманитарной помощи и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и подана одна заявка (или нет заявок), то в п.7 ст.82 Закона №44-ФЗ предусмотрено заключение контракта с единственным поставщиком на основании ст.93 Закона о контрактной системе. Однако не конкретизировано, по какому пункту ч.1 ст.93 Закона и на каких условиях необходимо заключать контракт.

Указанные пробелы 44-ФЗ в части недостаточной регламентации и определенности понятия «закупки в электронной форме» обусловили необходимость внесения изменений в Закон.

Отсутствует единая цифровая цепочка закупок, связывающая заказчика и исполнителя, т.е. заказчик и исполнитель уходит от цифровой модели взаимодействия в пользу традиционной модели сотрудничества, не используется организационный потенциал цифровизации, отсутствует платформенная модель взаимодействия, отсутствует готовность специалистов к работе по правилам закупочных процедур и отсутствие ресурсов на их переподготовку, опасение совершения ошибок при работе по новым правилам. В этой связи необходимо:

- выстроить полноценные электронные цепочки государственных закупок, в которых происходило бы формирование запроса на поставку, передача его на электронную площадку и контроль выполнения заказа;

- операторам цифровых платформ необходимо взять на себя предоставление поставщикам инфраструктуры для функционирования таких цепочек. Необходимо разработать основы функционирования цифровых платформ для взаимодействия государственных заказчиков и частных исполнителей и внести соответствующие изменения в действующее законодательство;

- нарастить использование цифровых инструментов, в свою очередь это позволит повысить эффективность взаимодействия государственного заказчика и коммерческого исполнителя;

Если сравнивать с другими современными электронными системами, то работа единого сайта госзакупок в целом эффективна.

Последствия цифровизации процесса государственных закупок можно систематизировать так:

1. Увеличиваются требования к уровню компетентности специалистов контрактных служб государственных и муниципальных Заказчиков, а также работников частных, коммерческих структур – участников Исполнителей. Уже сегодня существуют новые вызовы и соответственно в том числе обучение в высших учебных заведениях уже на сегодняшний день должно в полном объеме отвечать возрастающим требованиям к квалификации в части технической, юридической и др. подготовки. В этой связи каждая образовательная государственная площадка должна разрабатывать онлайн-

программы профессиональной подготовки студентов, которые позволят выпускать специалистов с актуальными знаниями и умениями в области организации и проведении торговых процедур.

2. Регулирование государственных закупок постепенно станет всеобъемлющим: это будет касаться как процесса допуска участников к торговым процедурам, так и автоматизации определения победителей, мониторинга выполнения госконтрактов, систематизации информации об опыте их выполнения в базе данных участников. В этой связи особенно важно ужесточить требования к участникам на всех этапах – например, на этапе подачи заявок обеспечить доказательную базу по факту отсутствия задолженности в бюджет по налогам и сборам, автоматически возвращать поданные заявки по причине наличия признаков неблагонадежности компаний – массовых адресов, участников, руководителей, т.е. комплексно использовать базы данных в достижениях мониторинга ФНС России.

3. Переход системы госзакупок в электронную форму оправдан, в первую очередь это позволяет экономить средства и снижать трудозатраты и ускорять сам процесс закупок, делать его более мобильным и быстрым.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 18.09.2018) // «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 31.12.2017 № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»» // «КонсультантПлюс».
3. Вызовы цифровой экономики: условия, ключевые институты, инфраструктура: сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 21-22 марта 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т., 2018. – 288 с./Родина С.Е., Козлова А.И., Михальченко И.Н. Механизм государственных и муниципальных закупок в условиях цифровой экономики
4. Вызовы цифровой экономики: итоги и новые тренды: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции (г. Брянск, 07 июня 2019 г.) [Электронный ресурс]. – Брянск: Брян. гос. инженерно-технол. ун-т., 2019. – 696 с.
5. Доронин С. Н. Госзакупки: законодательная основа, механизмы реализации, риск-ориентированная технология управления // Москва: Инфра-М, 2013. 232 с.

УДК 159.925.8

Кучерук А.Ю.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им В.И.Вернадского»

КИНЕСИКА В ПРАКТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА

Автор исследует значимость кинесики в практической деятельности адвоката-защитника. В статье рассмотрены возможные жесты и позы собеседника. Разобрана система

для классификации выражений лица человека «FAST». Изучены правила, которым нужно четко следовать при применении своих навыков в области кинесики на индивиде.

Ключевые слова: кинесика, адвокат, невербальное общение, мимика, жест.

Кинесика—это язык нашего тела (жесты, мимика, поза), используемый при коммуникации людей.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что издавна у людей возникали следующие вопросы: может ли человек прочесть по телодвижению мысли другого человека, можно ли, указанным способом, заранее выявить ложь и таким способом избежать множество проблем? Ученые различных наук (психология, физиология, медицина, риторика и др.), изучая кинесику, попытались ответить на эти вопросы.

Важно отметить, что согласно исследованиям через лингвистику передается всего 7% информации, 38% занимает интонация, а 55% - невербальное общение [1, с.13].

Надо признаться, русские ученые мало заинтересованы проблемой применения кинесики в деятельности адвоката, что обуславливает небольшое количество отечественных трудов, однако, следует выделить монографию Л.А. Скабелиной «Психологические аспекты адвокатской деятельности», в которой также затрагивается практическое значение кинесики в деятельности адвоката [2, с.39].

Адвокат – это защитник своего клиента, т.е. задача адвоката заключается в том, чтобы убедить людей, в невиновности его подзащитного и одновременно быть внимательным к показаниям свидетелей, чтобы «сыграть» на этом. Адвокат должен обладать подсознательным пониманием кинесики, чтобы его слушатель неосознанно реагировал и верил благодаря жестам, мимике, темпу голоса. Для того чтобы понять язык тела других, необходимо усердно работать над своими знаниями.

Возникает вопрос, так как же адвокат сможет уверить людей в том, что его подзащитный невиновен? От созданной адвокатом эмоциональной обстановки, зависит то, как будет воспринята его информация, именно через это он сможет показать свое влияние [3, с. 112]. Следовательно, адвокату следует делать акцент на своей мимике, чтобы достичь необходимого восприятия информации человеком, с которым происходит беседа, также необходимо учитывать направление взгляда, изображение складок лба и носогубных морщин.

В деятельности адвоката мимика и жестикуляция могут быть использованы для:

1. усиления речевого высказывания;
2. налаживания психологической связи;
3. воздействия на оппонента;
4. маскировки личного психического состояния и расположенность к происходящему;
5. создания нужного впечатления о себе и собственного воззрения [3, с. 250].

Также важны жесты открытости, то есть –раскрытые руки, которые «говорят» о желании вести честный, искренний диалог. Важно, чтобы вербальный контакт одновременно передавался с невербальным способом общения, а также не противоречил речи, иначе он может быть изобличен во лжи. Немаловажную роль также играет поза адвоката. Через нее можно показать свой статус по отношению к остальным людям. Позы доверия называются «открытыми», они настраивают на добрый разговор (стоя – раскрытые руки, ладони вверх; сидя – руки раскинуты на столе, ноги вытянуты). С помощью взгляда можно направить определенный знак и, напротив, принять обратный сигнал от своего собеседника. Когда адвокат смотрит прямо на оппонента, означает, что разговор будет четкий, со сформированной мыслью. Деловое общение ограничивается зрительным контактом 60 – 70% времени. Необходимо смотреть в один глаз другому человеку, не важно, правый или левый. «Третьего глаза», про который говорят некоторые научные деятели, не существует, в данном случае, не желательно смотреть человеку между бровей. Благодаря невербальному общению адвокат может расположить к себе людей, войти к ним в доверие, а это, несомненно, очень важно.

Касаемо кинесики, в профессиональной деятельности адвоката важно отметить, что сам юрист должен быть заинтересован и развиваться в этой области, чтобы применить полученные знания на практике. Умение с помощью невербального общения определить по мимике, жестам, взгляду, позе правдивость в словах собеседника (и не только) является важным моментом в практических знаниях адвоката. Научно доказанно, что у всех людей, независимо от их места рождения, возраста эмоции проявляются одинаково, именно это может стать «точкой соприкосновения» между адвокатом и его собеседником.

Существует система для классификации выражений лица человека «Function Analysis System Technique» (FAST) [3, с.75] Данная методика состоит из трех фотографий по направлениям: брови-лоб, глаза-веки, нижняя часть лица. Мимические движения определенного человека сравниваются с «эталоном» по версии FAST. Большая часть информации передается именно через глаза. Глаза произвольно отображают различные сигналы, так как человек, в принципе, может контролировать все свое тело, но сужение и расширение зрачков – нет. Зрачок может быть расширен когда человек испытывает страх, повышенный интерес, в том числе к противоположному полу; сужен когда человек сердит или находится в негативном настроении, когда он зол, раздражен или испытывает ненависть.

Неотъемлемой частью вербальной коммуникации для юриста, который хочет произвести положительное впечатление, являются жесты. Они помогают выявить:

1. психическое состояние собеседника;
2. его отношение к окружающим и к рассматриваемому вопросу;
3. желания, которые невербально выражает собеседник;
4. то, что осталось на уме, показанное рефлексивно;
5. вывод сказанного.

Важно отметить, что жесты выражают отношение именно к эмоционально значимой информации.

Особое внимание адвокат должен уделить нижеприведённым жестам собеседника:

1. Прикрытие руками лица, частый контакт ладони со лбом, с подбородком и висками – говорит о скрытости, недоверии, сомнении в сказанном или услышанном, о желании утаить правду.
2. Если рука собеседника находится возле щеки или он трогает свою переносицу – это означает, что он находится в раздумьях, оценивает что-то.
3. Почесывание под мочкой уха или боковой части шеи указательным пальцем правой руки, также прикосновение к носу означает, что собеседник не уверен, сомневается в чем-то.
4. Опущенные веки говорят о нежелании слушать, о том, что нужно заканчивать разговор.
5. Собираение ворсинок с одежды, опускание век говорит о несогласии.

Конечно, нельзя забывать о том, что жест может быть всего лишь привычкой. Поэтому адвокату нужно изучить человека, перед тем как делать выводы. Следует отметить правила, которым нужно четко следовать при применении своих навыков в области кинесики на индивиде:

1. Выводы не должны быть построены только на своих личных догадках.
2. Нужно учитывать совокупность эмоций.
3. Непроявленные эмоции не означают отсутствие незаконных деяний.

Подводя итог вышесказанному, необходимо сказать, что адвокат должен самостоятельно тренировать свои способности в области кинесики, чтобы достойно выражать свои эмоции и понимать язык тела других людей, не забывая о том, что его общение происходит в жестких рамках Закона, процессуального Кодекса и в соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката.

Список использованных источников:

1. Альберт Меграбян, Мортон Уинер. Расшифровка неконсистентных коммуникаций // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1960. – 172 с.
2. Скабелина Л.А. Психологические аспекты адвокатской деятельности: Монография. – М.: Федеральная палата адвокатов, 2012. – 229 с.
3. Пол Экман. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2017. – 272 с.

УДК 347.94:342.9

Жукова А.В.

УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена вопросам сравнительного исследования доказывания в административном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации в целях дальнейшего использования в нормотворческой и правоприменительной деятельности. Автор предлагает усовершенствовать механизм доказывания путем имплементации в белорусское законодательство опыта российских законодателей.

Ключевые слова: административный процесс, доказывание, предмет доказывания, субъект доказывания, доказательства.

Главную задачу административного процесса, а именно своевременное, всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств дела решает процессуальное доказывание.

В связи с тем, что событие административного правонарушения для лиц, ведущих административный процесс, всегда находится в прошлом, то установить все его обстоятельства можно только посредством доказывания. Как следствие, принятию решения по делу всегда предшествует сложный познавательный процесс, именуемый доказыванием.

По словам А.А. Ветровой, «задача доказывания - полностью, исчерпывающе утвердить истинность тезиса. В этом состоит отличие доказывания от других мыслительных процедур, которые в состоянии только частично поддержать тезис, придать ему по возможности большую (но не исчерпывающую) убедительность» [1, с. 23].

Исходя из этого, можно определить доказывание как совокупность логических приемов обоснования истинности какого-либо суждения с помощью других истинных и связанных с ним суждений.

Только путём доказывания в предусмотренном законом порядке вступившим в законную силу постановлением по делу об административном правонарушении допускается признание лица виновным в совершении правонарушения и административного взыскания. В связи с этим каждое теоретическое исследование, посвящённое вопросам доказывания, представляет повышенную научную ценность, имеет значение с точки зрения совершенствования действующего законодательства, а также практики его применения.

Административный процесс включает в себя установление фактических обстоятельств дела об административном правонарушении, выбор и анализ норм права, решение дела. Ни установление фактических обстоятельств дела, ни решение дела по существу невозможно представить без доказывания [2, с. 105].

Вследствие чего, можно сказать, что содержание административного процесса во многом можно свести к доказыванию. При этом от того, насколько целостно установлены обстоятельства дела, зависят обоснованность, законность и справедливость принимаемого по нему решения, обеспечение

прав и законных интересов граждан. От эффективности доказывания зависит и эффективность административного процесса в целом.

Законодатель Республики Беларусь дает следующее определение понятию доказывание, содержащееся в части 1 статьи 6.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее - ПИК_оАП Республики Беларусь), и заключается оно в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, которые имеют значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела об административном правонарушении [3].

Существует такое понятие как предмет доказывания – это совокупность обстоятельств, которые необходимо доказать по делу об административном правонарушении. Круг данных обстоятельств, зафиксирован в законодательстве, а именно в статье 6.2 ПИК_оАП Республики Беларусь.

Сопоставляя две вышеупомянутые статьи, а также сравнивая их со статьями 73, 85, аналогичного содержания Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК Российской Федерации), можно прийти к выводу о том, что целесообразно изложить часть 1 статьи 6.1 в следующей редакции: «Доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 6.2 ПИК_оАП Республики Беларусь» (в статье 6.2 содержится перечень обстоятельств, которые подлежат доказыванию).

Связано это с тем, что в конечном итоге все сводится к тому, чтобы доказывать обстоятельства, перечисленные в статье 6.2 ПИК_оАП Республики Беларусь, так как именно они, и являются теми обстоятельствами, которые входят в предмет доказывания и имеют значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения дела об административном правонарушении.

Процесс познания административного правонарушения бесконечен. Соответственно, в рамках административного процесса в каждом деле естественно возникает вопрос: сколько необходимо доказательств, чтобы принять правильное решение по делу?

Невозможно не согласиться с высказыванием А.В. Белкина, которое касается предмета доказывания: «Правоприменитель должен уметь правильно определить предмет доказывания. Так как чрезмерное расширение предмета доказывания ведет к тому, что тратятся большие усилия на установление обстоятельств, которые не влияют на исход дела. А неоправданное сужение предмета доказывания приводит к тому, что наблюдается неполнота и односторонность разбирательства, в результате чего существенные для дела обстоятельства остаются не установленными. И то, и другое оказывает отрицательное воздействие на административный процесс» [4, с. 48].

Однако, ответить на поставленный выше вопрос затруднительно, так как судья, должностное лицо, ведущее административный процесс должны в каждом конкретном случае оценивать собранные по делу доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании всех входящих в предмет доказывания фактов, руководствуясь при этом только законом. При этом, исходя из того, что

собранные доказательства должны сопоставляться друг с другом, а также анализироваться, следует учитывать, что их должно быть несколько.

Немаловажное значение имеет профилактика правонарушений. Необходимо установить причины и условия совершения деликтов. Как следствие, видится логичным дополнить статью 6.2 ПИКоАП Республики Беларусь частью 6, изложив ее следующим образом: «Орган, ведущий административный процесс обязан выявлять причины и условия, способствовавшие совершению административного правонарушения», беря за основу статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Необходимость внесения такого дополнения обусловлена тем, что причины и условия необходимы для того, чтобы правонарушение возникло. Именно благодаря взаимодействию причин и условий порождается следствие в виде совершенного административного правонарушения.

Следовательно, такая задача административного процесса, как предупреждение административных правонарушений достигается путем воздействия на причины и условия, которые способствовали их совершению, и на практике станет проще блокировать действия детерминантов правонарушений, чем устранять причины их совершения.

Статья 6.12 ПИКоАП Республики Беларусь закрепляет обязанность должностных лиц органов, ведущих административный процесс, принимать все необходимые меры по сбору доказательств с использованием таких средств, как опросы, осмотры, экспертизы и другие процессуальные действия, установленные ПИКоАП Республики Беларусь [3].

Таким образом, основным субъектом доказывания является должностное лицо, органа ведущего административный процесс, на которое законодательством возложена обязанность доказывания наличия оснований для применения административной ответственности, вины лица, в отношении которого ведется административный процесс и обстоятельств, которые имеют значение для дела.

Участники, которые защищают свои либо представляемые права и законные интересы, не являются субъектами доказывания. Однако, учитывая их заинтересованность в результатах дела об административном правонарушении, законодатель предусмотрел возможность для их участия в процессе доказывания. Так, лицо, в отношении которого ведется процесс, потерпевший, законный представитель имеют право представлять доказательства и участвовать в их исследовании. Более широким кругом прав обладают защитник и представитель. Однако пределы их участия в доказывании строго ограничены объемом защищаемых или представляемых прав и законных интересов [5, с. 65].

Видится необходимым уточнить, какие именно доказательства может собирать и представлять лицо, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевший и их законные представители. Наиболее полно и однозначно данное обстоятельство изложено в части 2 статьи 86 УПК Российской Федерации. Исходя из этого, следует изложить часть 4 статьи 6.12 ПИКоАП Республики Беларусь в следующей редакции: «Лицо, в

отношении которого ведется административный процесс, потерпевший, любое физическое и юридическое лицо и их представители вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к делу об административном правонарушении в качестве доказательств».

Исходя из вышеизложенного, в целях достижения задач административного процесса необходимо знание правил и принципов собирания, проверки и оценки доказательств, умение правильно их использовать, определять предмет доказывания. Все это позволяет повысить эффективность административного процесса в целом.

Список использованных источников

1 Ветрова А.А. Доказывание и доказательства в административном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.14 / А.А. Ветрова; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ.- Волгоград, 2008.- 185 с.

2 Административное процессуально-исполнительное право: учеб.пособие / Г.А. Василевич [и др.]; под ред. Г.А. Василевича, С.В. Добрияна. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2014. – 320 с.

3 Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 20 декабря 2006 г. № 194-З: принят Палатой представителей 9 ноября 2006 года: одобрен Советом Республики 1 декабря 2006 года: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 декабря 2019 г. // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4 Белкин, А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. – М.: Норма, 2007. – 528 с.

5 Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право. В 2 ч. Ч. 2. Процессуально-исполнительное право : учеб. пособие / Л.М. Рябцев [и др.]; под общ. ред. Л.М. Рябцева, О.И. Чуприс. – Минск: Вышэйшая школа, 2017. – 239 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1

Правовые системы мира: эволюция и соотношение

Наумкина В.В. ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА.....	3
Гарчева Л.П. МОДЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ.....	5
Демидова И. С. МНОГОУРОВНЕВЫЕ ТИПОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ПРАВОВЕДЕНИИ.....	12
Ивашенко Е. С. РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МОРСКОМ СТРАХОВАНИИ В КОНЦЕ XIX - начале XX века.....	17
Денисенко Н.В. СМЕНА ПОЛА ПО ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПРАКТИКЕ СТРАН АНГЛОСАКСОНСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА.....	20
Подзюев А.И. ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО - ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	25
Бальский А. В. СРАВНИТЕЛЬНО - ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКОГО И РИМСКОГО ПРАВА.....	29

Ульянов А.Ю. ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	32
Ларина Н.Д. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СКАНДИНАВСКОЙ И ЛАТИНОАМЕРЕКАНСКОЙ ГРУПП ПРАВОВЫХ СИСТЕМ	36

СЕКЦИЯ 2

Актуальные исследования правовой и исторической науки: сравнительно-правовой аспект

Финогентова О.Е., Белая О.В. СПЕЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РАЙОН КАК ЗОНА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ: РОССИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ОПЫТ.....	40
Змерзлый Б. В., Таран П.Е. ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОРТА Г. КОТКА В КОНЦЕ XIX В.....	46
Чеботарева Г.В. СУЩНОСТЬ И ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ.....	49
Халецкая Т.М. О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ.....	54
Дадаян Е.В., Сторожева А.Н. ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА САМОЗАЩИТЫ	57
Пашнева В.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....	61
Сорокин Р.А. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (18 МАРТА 2014 – 01 ЯНВАРЯ 2015 ГГ.).....	64
Казанцева Е. В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕТЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	67
Забаренко Ю. А. ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ КАК ИНСТРУМЕНТ НАЛОГОВОГО ПРАВА.....	72
Струнский А.Д. ВЗВЕШИВАНИЕ ИНТЕРЕСОВ И ОБЪЕКТИВНО-ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ: АНАЛИЗ НЕМЕЦКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ КОНЦА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.....	76
Кошкин А.С. ПРАВОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЮРО КООРДИНАЦИИ ФРАХТОВАНИЯ СУДОВ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ (СЭВ).....	81

Бегунович Р.В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ГЕРМАНИИ ОТ 1945 ГОДА ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ.....	84
Гаук А. М. О СОДЕРЖАНИИ УСТАВА О СУДОХОДСТВЕ ДЛЯ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО 1839 Г.....	89
Овчарова Ю. А. ГЕНЕЗИС НОРМ ТРУДОВОГО ПРАВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ РАБОТУ СОВМЕСТИТЕЛЕЙ.....	92
Чикиева Х.Р. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И ГЕРМАНИИ.....	97
Трошина Д.А. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ.....	100
Ткаченко Л.В. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И КИТАЯ.....	103
Полищук А. В., Олейниченко В. А. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ТЕОРЕТИКО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОЗЗРЕНИЙ С. А. МУРОМЦЕВА И Н. М. КОРКУНОВА.....	108
Османова Н.Р. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ ПРИ ИЗБРАНИИ ГЛАВ ГОСУДАРСТВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	113
Обринская Е.К., Красий М.М. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	116
Фисли А. Л. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ГАРАНТИЙНЫХ И КОМПЕНСАЦИОННЫХ ВЫПЛАТ РАБОТНИКУ В СВЯЗИ С УТРАТОЙ ТРУДОСПОСОБНОСТИ.....	120
Лузик А.А. СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И РОССИИ В ПЕРИОД XIX - НАЧАЛА XX ВЕКОВ.....	124
Малхасян А. А. ЭФФЕКТИВНЫЙ КОНТРАКТ.....	129
Александрова Л. В. УЧЕНИЧЕСКИЙ ДОГОВОР.....	133
Зарубин Д.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФРАХТОВАНИЯ СУДОВ ПО МОРСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ШВЕЦИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	137
Бичун В.М. ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КОРОЛЕВСТВА ПОЛЬСКОГО В X-XIV ВЕКАХ.....	141
Баталова Л. П. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	145

**Кносе О. СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ КАК ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ В
СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ.....148**

**Скорик А.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСА ВЫПЛАТ ПОСОБИЙ
ПО БЕЗРАБОТИЦЕ В ФРГ И РФ.....151**

СЕКЦИЯ 3

**Институты государства и права:
современные проблемы и тенденции развития в условиях трансформации
правовых систем**

**Ерёмина И.С. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ И
ПОДДЕРЖКИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ И
ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ.....155**

**Дадаян Е.В., Сторожева А.Н., Наследникова К.М. РЕАЛИЗАЦИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА НАСЛЕДСТВО ПОСРЕДСТВОМ
ВЫДАЧИ НОТАРИУСОМ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРАВЕ НА НАСЛЕДСТВО.....160**

Тишаков М.П. ЦИФРОВЫЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.....164

**Адельсеитова А.Б. К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ
ДЕБАТОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....167**

**Вершок И.Л. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ОБЩЕГО И
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ.....174**

**Ботнару С.А., Шапорда Е.А. ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....178**

**Васильев С.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В АВСТРАЛИИ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ...182**

**Антонова О.А. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В
РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ..... 186**

**Кисс С.В. ПРАВОВО Й МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....191**

**Станишевская Л.П. СЕМЕЙНАЯ МЕДИАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ 195**

**Черткова Ю.В., Дмитриенко А.Я.К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
ИНСТИТУТА НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ.....200**

Куницкая О.М. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ИНТЕРНЕТ-ПЛАТФОРМ.....	202
Вичева А.А. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ПО СОЗДАНИЮ УСЛОВИЙ ДЛЯ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ.....	207
Мариева А.А. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО СТАТУСА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.....	210
Острроверхий Ю.А. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА (сравнительный анализ).....	213
Кузьмина А.Ю. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ГАРАНТ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА.....	216
Тенюта Е.С., К ВОПРОСУ О ПЕНСИОННЫХ РИСКАХ ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	219
Черная С.Е. ПРЕДЕЛЫ ВМЕШАТЕЛЬСТВА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	223
Корогод А.В., Хожаева В.М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ.....	227
Фоняков Р.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФАКТИЧЕСКОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	231
Сильванович Ю.Н. ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ.....	233
Романенко И.И. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РФ.....	238
Окороков Э.С. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ.....	241
Муртазаева А.А. ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....	245
Митров А.В. ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАН НА ДОСТУП К ПУБЛИЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ».....	249
Маилов Т.М., Никитина К.С. АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ.....	253

Ларукова Е.И. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ КАК ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА.....257

Кудренко Е.А. ПУБЛИЧНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В УПРАВЛЕНИИ ДЕЛАМИ ГОСУДАРСТВА.....260

Исаков Д.А.ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИИ... 265

Гуцко П.А. ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАЖА КАК СУБИНСТИТУТА ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....267

Городулина К. О. МЕСТО ПРОКУРАТУРЫ В МЕХАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА.....272

Моцная Ю.Н. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГЕНОМНОЙ МЕДИЦИНЫ.....275

СЕКЦИЯ 4 -5

**Глобалистика и национальные интересы государства. Региональные интеграционные процессы и их влияние на право
Проблемы сосуществования национального и международного права в глобальном мире: формирование, развитие, обеспечение**

Клименко Е. П., Клименко П. М. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ПО БОРЬБЕ С КОРОНАВИРУСОМ.....279

Скворцова О.В., Мухина М.С. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ.....285

Регушевский Э.Е. ОСНОВНОЙ ЗАКОН ГОСУДАРСТВА И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....289

Заброда Д.Г. ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЮ КОРРУПЦИИ.....291

Шармоянц А.Н. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 294

Гуменюк Е.В. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....299

Зоз В.А., Чехун А.Ф. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....303

Баранов Д.А. ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПЕРСПЕКТИВНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ ИНТЕГРАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛНОВ ЕАЭС.....307

Амбарцумян Г.А. ПРИНЦИП НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ..... 312

Шустова Ю.В. РЕАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 317

Осташ А.В. КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ.....320

Лагун Д.А. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА И ИХ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....324

Шевко Н.М. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ.....329

Хаустов И.О. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ: СУЩНОСТЬ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ.....333

Коновалов Р.А. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА.....338

Скляр Е.М. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ВРЕДА ВСЛЕДСТВИЕ ПЕРЕКРЫТИЯ СЕВЕРО-КРЫМСКОГО КАНАЛА.....342

Абисова К.С. ДЕТЕРМИНАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В ИНТЕРВАЛЕ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ.....347

Кошман В.А., Паламарчук А.В. ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМУ НАЦИОНАЛЬНОГО.....350

Головенчик М.Г. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОЙ БАЗЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ.....354

СЕКЦИЯ 6

Юридическая практика и правовые технологии в юридической науке в условиях современного государства

Березина Е.А. ПРАВОВАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК МЕХАНИЗМ КООРДИНАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ.....	361
Мокрушин В.И. ПОЛОЖЕНИЯ СТАТЕЙ 145, 148 УПК РФ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН.....	366
Зырянов И.В.к.ю.н, доцент, Амолинш Р.М. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, КАК ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ.....	369
Цындра В.Н. ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ ПРОЕКТА КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ	372
Зырянов И.В., к.ю.н., доцент, Боглаев Д.Ю. СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	375
Шукурова Э.Н. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ЯЗЫКА АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В ШВЕЙЦАРИИ И В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.....	378
Сердюк Р. Д. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: МЕХАНИЗМ, ПРЕИМУЩЕСТВА, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ.....	381
Кучерук А.Ю. КИНЕСИКА В ПРАКТИКЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА- ЗАЩИТНИКА.....	386
Жукова А.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	389